

ЖАН РАСИН

ТРАГЕДИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

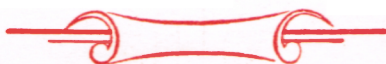
JEAN RACINE

TRAGÉDIES

ЖАН РАСИН

ТРАГЕДИИ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Н. А. ЖИРМУНСКАЯ, Ю. Б. КОРНЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД . 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров,
Д. С. Лизачев (председатель), А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя), М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов*

Ответственный редактор
Ю. Б. КОРНЕЕВ

АНДРОМАХА (ANDROMAQUE)

ЕЕ КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГЕРЦОГИНЕ ОРЛЕАНСКОЙ ¹

Ваше высочество! Совсем не случайно то обстоятельство, что именно ваше блистательное имя я ставлю перед этим сочинением. В самом деле, чьим именем мог бы я более украсить печатное издание моей пьесы, нежели тем, которое столь счастливо для нее осенило ее представление на театральной сцене?

Ведь всем было известно, что ваше королевское высочество удостоило своим милостивым вниманием мои труды над этой трагедией; известно было также, что вы подали мне несколько весьма тонких советов, благодаря которым она приобрела новые красоты; было известно, наконец, и то, что вы оказали ей высокую честь, обронив слезу при первом ее чтении.

Не судите меня строго, ваше высочество, за то, что я смею хвалиться удачей, выпавшей на долю «Андромахи» при появлении ее на свет. Удача эта с избытком вознаграждает меня за огорчения, доставляемые злобой тех, кто не пожелал быть тронутым моей трагедией. Пусть их проклянут «Андромаху» сколько хотят: лишь бы мне было дозволено обратиться за защитой от ухищрений их разума к сердцу вашего королевского высочества.

Но вы, ваше высочество, оцениваете достоинства того или иного сочинения не только сердцем, но и утонченным умом, который не обманется никаким фальшивым блеском. Можем ли мы, авторы, представить на театре сюжет, который вы не постигли бы столь же полно, как сам автор? Способны ли мы соорудить интригу, пружины которой не были бы совершенно ясны для вас, и в состоянии ли кто-нибудь из сочинителей, стремясь изобразить благородные и изысканные чувства, подняться до недосягаемой высоты ваших мыслей и чувств?

Известно, — как ни стараетесь вы, ваше высочество, это скрыть, — что высшего рода слава, predeterminedенная для вас природой и избраницеской судьбой, не заставляет вас пренебрегать скромной славой литератора. И кажется, будто вы пожелали настолько же превзойти наш, мужеский, пол знаниями и силой ума, насколько вы выделяетесь среди представительниц своего пола присущими вам изяществом и грацией. Двор считает вас верховным судьей во всем, что касается творений, призванных утолять потребность в приятном. И нам, кто трудится ради того,

чтобы нравиться публике, нет нужды вопрошать ученых мужей, соответствуют ли правилам плоды наших трудов: единственное непререкаемое правило — нравиться вашему королевскому высочеству.

Из всех ваших достоинств я назвал, несомненно, лишь самое малое. Но только о нем одном я могу говорить с достаточным понятием. Другие слишком возвышенны для меня. И я не мог бы рассуждать о них, не принизив их слабостью своей мысли и не преступив границ глубочайшего к вам почтения, свидетельствуя каковое остаюсь

вашего королевского высочества смиреннейшим, покорнейшим и вернейшим слугой

Жан Расин.

[Первое предисловие]²

Мои персонажи были столь знамениты в древнем мире, что любой, кто мало-мальски с ним знаком, тотчас увидит, что я изобразил их именно такими, какими представили их нам античные поэты; я не считал для себя дозволенным хоть что-нибудь менять в их характерах. Единственная вольность, какую я себе разрешил, состоит в том, что я несколько смягчил жестокость Пирра, которую Сенека в «Троянках» и Вергилий во второй книге «Энеиды» довели до степени гораздо большей, чем это, по-моему, следовало. И все же нашлись люди,³ которые досадовали, что Пирр загорается страстью к Андромахе и во что бы то ни стало хочет жениться на своей пленнице. Да, признаюсь, Пирр в самом деле недостаточно покорен воле своей любимой, и Селадон⁴ лучше него знал, что такое идеальная любовь. Но что поделаешь! Пирр не читал наших романов: он был неистов и груб по своей натуре, да и не все же герои призваны быть Селадонами! Как бы то ни было, публика выказала ко мне такую благосклонность, что мне едва ли стоит принимать близко к сердцу недовольство двух-трех лиц, которые хотели бы перекроить всех героев древности, превратив их в героев идеальных. У этих людей самые добрые намерения: им желательно, чтобы на театре выводили только безупречных мужей. Но я осмелюсь напомнить им о том, что я не вправе менять правила драматургии. Гораций советует изображать Ахилла свирепым,⁵ неумолимым и грубым, каким он и был на самом деле; таким же изображается и его сын. Аристотель отнюдь не требует от нас представлять героев существами совершенными, а, напротив, высказывает пожелание, чтобы трагические герои, то есть те персонажи, чьи несчастья создают катастрофу в трагедии, не были вполне добрыми или вполне злыми.⁶ Он против того, чтобы они были беспредельно добры, ибо наказание, которое терпит очень хороший человек, вызовет у зрителя скорее негодование, нежели жалость, — и против того, чтобы они были чрезмерно злы, ибо негодяя никто жалеть не станет. Таким образом, им надлежит быть средними людьми по своим душевным качествам, иначе говоря, обладать добродетелью, но быть подверженными слабостям, и несчастья должны на них обрушиваться вследствие некоей ошибки, способной вызвать к ним жалость, а не отвращение.

[Второе предисловие] ⁷

Эней в третьей книге «Энеиды» Вергилия говорит:

Litoraue Epiri Legimus, portuque subimus
Chaonio, et celsam Buthroti ascendimus urbem...

Solemnes tum forte dapes, et tristia dona...

Libabat cineri Andromache, manesque vocabat
Hectoreum ad tumulum viridi quem cespite inanem
Et geminas, causam lacrymis, sacraverat aras...

Dejecit vultum, et demissa voce locuta est:

O felix una ante alias Priameia virgo,
Hostilem ad tumulum, Trojae sub moenibus altis,
Jussa mori: quae sortitus non pertulit ullos,
Nec victoris heri tetigit captiva cubile!
Nos, patria incensa, diversa per aequora vectae,
Stirpis Achillaeae fastus, juvenemque superbum
Servitio enixae tulimus, qui deinde secutus
Ledaeam Hermionem, Lacedaemoniosque hymenaeos...

Ast illum, ereptae magno inflammatus amore
Conjugis, et scelerum furiis agitatus, Orestes
Excipit incautum patriasque obtruncat ad aras.*

* Вдоль берегов Эпира свой путь в Хаонийскую гавань
Мы направляем — и вот подплываем к твердыне Бутрота...

Вижу: печальный обряд приношений и гризны надгробной...

Правит, взывая к тням, Андромаха над Гектора прахом
И вознянья творит на кургане пустом, где супругу
Два алтаря посвятила она, чтобы плакать над ними...

Взор опустила она и промолвила, голос повизлив:
«Всех счастливей одна Приамова дева, которой
Жертвою пасть по приказу пришлось на вражьем кургане,
Возле Троянской стены. Никому не досталась по жребью
И не коснулась она победителей ложа в неволе!
Родину нашу спалив, увезли нас по водным равнинам;
Сына Ахиллова спесь, надменность юнца я терпела,
В рабстве рожая детей. Когда же он в Спарту уехал,
Чтобы брак заключить с Гермиейной, внучкою Леды...

В этих немногих стихах изложен весь сюжет моей трагедии; тут и место действия, и происходящие в этом месте события, и все четыре главных действующих лица, и даже их характеры — кроме характера Гермiony, ревность и неистовство которой достаточно отчетливо показаны в «Андромахе» Еврипида.

Характер и поведение Гермiony — почти единственное, что я позаимствовал у этого автора, так как моя трагедия, нося то же название, что и у него, имеет совсем иной сюжет. У Еврипида Андромаха боится за жизнь Молосса — это ее сын от Пирра, боится, что Гермiona уберит его, а вместе с ним и ее самое. В моей трагедии о Молоссе не упоминается: у Андромахи нет другого мужа, кроме Гектора, и другого сына, кроме Астианакса. Мне хотелось, чтобы образ Андромахи соответствовал тому представлению о ней, которое ныне утвердилось у нас. Среди тех, кто слышал когда-либо имя Андромахи, большинство знает ее только как вдову Гектора и мать Астианакса. Никто не подозревает, что она могла иметь другого мужа или другого сына, и я сомневаюсь, что слезы Андромахи произвели бы на моих зрителей то впечатление, которое они действительно произвели, если бы она проливала их из-за сына, рожденного не от Гектора.

Правда, мне пришлось продлить жизнь Астианакса на несколько больший срок, чем он прожил на самом деле; но ведь я пишу в стране, где такая вольность не может быть плохо принята, ибо, — не говоря уже о том, что Ронсар сделал Астианакса главным героем своей «Франсиады»,⁸ — кто же у нас не знает, что род наших древних королей возводится именно к сыну Гектора и что, согласно нашим старинным хроникам,⁹ жизнь юного царевича после разгрома его родной страны была спасена, и он стал основателем нашей монархии!

Насколько смелее, чем я, поступил Еврипид в своей трагедии «Елена»! Он в ней просто опрокидывает верования, общие для всех греков: он исходит из предположения, что Елена вообще не ступала на землю Трои и что после того, как этот город был спален дотла, Менелай нашел свою супругу в Египте, который она за все это время ни разу не покидала. Эта версия основывается на предании, распространенном только среди египтян, о чем можно прочесть у Геродота.¹⁰

Я полагаю, впрочем, что для оправдания допущенной мною небольшой вольности мне нет надобности ссылаться на пример Еврипида, ибо совсем не одно и то же — полностью разрушить самую основу сказания или только изменить в нем некоторые события, которые в каждой новой передаче всегда существенно меняются. Так, если верить большинству поэтов, Ахилл мог быть ранен только в пятку. А у Гомера рана наносится

То, любовью горя к невесте отнятой, мучим
Местью Фурий, Орест застиг внезапно Пелида
И на Ахиллов алтарь его поверг бездыханным.

(Лат. Перевод С. Ошерова)

ему в плечо,¹¹ причем автор «Илиады» не считает неудаваемой никакую часть его тела. У Софокла Иокаста умирает¹² сразу же после того, как узнает Эдипа, тогда как Еврипид продлевает ей жизнь¹³ вплоть до битвы и гибели обоих ее сыновей. Именно по поводу противоречий такого рода один старинный комментатор¹⁴ Софокла * очень удачно замечает, что «отнюдь не следует развлекаться уличением поэтов в изменениях, внесенных ими в старинные предания, лучше постараться вникнуть в то, какое прекрасное употребление они сделали из этих изменений и как изобретательно они сумели приспособить миф к своему сюжету».

---

* Sophoclis Electra «Электра» Софокла (лат.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А н д р о м а х а, вдова Гектора, пленница Пирра.

П и р р, сын Ахилла, царь Эпира.¹⁵

О р е с т, сын Агамемнона.

Г е р м и о н а, дочь Елены, невеста Пирра.

П и л а д, друг Ореста.

К л е о н а, наперсница Гермионы.

С е ф и з а, наперсница Андромахи.

Ф е н и к с, воспитатель Ахилла и его сына Пирра.

С в и т а Ореста.

Действие происходит в Бутроте, столице Эпира, в одной из зал царского дворца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орест, Пилад.

Орест

Безмерно счастлив я, что встретился с тобою!
Быть может, я теперь не так гоним судьбою?
Столь милостиво здесь она столкнула нас,
Что мнится — гнев ее теперь чуть-чуть угас,
Кто б мог предположить, что встречу я Пилада,
Что средь моих скорбей мне суждена отрада
И друг, с которым я полгода разлучен,
На Пирровой земле мне будет возвращен!

Пилад

Я тоже возношу богам благодаренье
За то, что, изменив моих судов движенье
И бурей преградив в Элладу все пути,
Они мне помогли Ореста обрести.
А как я мучился тогда в моем изгнанье!
Как ваши горькие оплакивал страданья!
Как трепетал за вас, мой друг, все эти дни,
Бессильный вам помочь, когда вы там одни!
Я помню, что в своей мучительной печали,
Как избавления, вы гибели искали;
Страшился я, что вы умолите богов
Послать вам смерть в бою, средь полчища врагов...
Но вот вы здесь, живой! И заключить я смею,
Что духом стали вы спокойней и бодрее;
Ваш вид торжественный и праздничный наряд
Не об унынии как будто говорят...

Орест

Мне приговор судьбы пока еще неведом:
Надеюсь я, но все ж готов и к новым бедам.

Любовь меня ведет. И здесь ищу я ту,
У ног которой смерть иль счастье обрету.

П и л а д

Ах, порабощены вы, как и прежде, страстью,
Все так же вас влечет к несбыточному счастью?
Едва оправившись от пережитых мук,
Хотите вновь попасть вы в безысходный круг?
Ужель надежда есть, что злая Гермiona,
Отринув в Спарте вас, тут станет благосклонна?
Вы сами, устыдясь своих безумств былых,
Решались, кажется, совсем забыть о них?
Иль это был обман?

О р е с т

Нет, сам я был обманут!

Но старые друзья меня корить не станут!
Пилад, ведь от тебя я ничего не скрыл.
Ты видел, как во мне зажегся первый пыл,
Каким отчаяньем я был потом снедаем,
Узнав, что Пирру дочь суровым Менелаем¹⁶
За подвиги его в награду отдана,
Как стал я странствовать без отдыха и сна,
Страданья тяжкий груз влача с собой повсюду.
Ты следовал, мой друг, за мной. Я не забуду,
Как ты заботлив был, как, преданно любя,
Спасал меня не раз от самого себя!
Когда же понял я, что все мои мученья
Жестокой нипочем и что благоволенья
Пирр у нее снискал, — тут гнев объял меня,
И я, коварную изменницу кляня,
Решил ее забыть навек, бесповоротно.
Я в это верил сам тем более охотно,
Что, вспышку ревности за ненависть приняв
И осудив в ней все: лицо, осанку, нрав,
Почел, что страсть свою я отдал недостойной,
И отбыл в Грецию печальный, но спокойный.
Там в сборе я нашел весь царственный синклит.
Цари, боясь, что вновь опасность им грозит,
Просили помощи. Я к ним примкнул мгновенно,
Надеясь, что война и слава постепенно
Отвагу, мужество и твердость мне вернут
И сердце от былых безумств уберегут.
Увы, Пилад, судьба превратна и сурова:
Чуть вырвавшись из пут, я затянул их снова...
Я слышал, как вокруг роптал ахейский мир...

Твердили стар и млад, что вероломен Пирр,
 Что воинским своим он поступился словом, —
 Семейство Гектора укрыл под царским кровом,
 Оставив пленным жизнь, хотя обречены
 Они давно на смерть как недруги страны;
 Что Андромаха, скрыв свое дитя умело,
 Другого мальчика отдать врагам успела,
 И этой хитростью обманут был Улисс,
 А Гектора вдова и сын ее — спаслись;
 Что Пирр безмолвствует и, к гневу Гермियोны,
 Не предлагает ей ни сердца, ни короны,
 И помыслы его устремлены к другой,
 А бедный Менелай от горя сам не свой...
 Хоть сообщались мне нерадостные вести,
 Я втайне ликовал. Восторг свой — жажде мести
 И ярости я сам приписывал сперва...
 Но скоро понял я, что страсть во мне жива,
 И стоило блеснуть хоть маленькой надежде,
 Как пламя вспыхнуло еще сильнее, чем прежде.
 Я дал согласие отправиться сюда
 И к Пирровой земле привел мои суда.
 Эллада ждет, что я раздор улажу миром
 С изменчивым, крутым и своевольным Пирром
 И сына Гектора смогу забрать с собой,
 Среди греческих царей восстановив покой.
 А если не отдаст он Гекторова сына —
 Пусть! Мне нужна она, всех бед моих причина!
 Надеждой окрылен, исполнен новых сил,
 Сейчас бы я в бою Геракла победил!
 Я понял, что любви сопротивляться тщетно,
 И ныне, ей во власть предавшись беззаветно,
 Мою любимую у Пирра отниму,
 А не удастся — смерть у ног ее приму.
 Ты Пирра знаешь, друг. Скажи мне прямо, честно,
 Мое вмешательство не будет ли невместно?
 Что чувствует она? Как станет поступать?
 И согласится ль Пирр невесту мне отдать?

П и л а д

Боюсь, — хоть это вам услышать будет больно, —
 Что не уступит Пирр невесту добровольно.
 Не потому, что сам любовью к ней горит, —
 Нет, Гектора вдова в душе его царит;
 Но та на все его нежнейшие признанья
 Ответствует — увы! — огнем негодованья,
 И к сердцу пленницы как ни искал дорог,

Пирр ни привлечь ее, ни укротить не смог.
Теперь, отчаявшись, он в ход пустил угрозы:
То вызовет у ней, то вновь осушит слезы;
То повторяет ей, что будет сын убит,
То, требуя любви, ей царский трон сулит.
Но, не услышав «да» и не приняв решенья,
У Гермियोны вновь он ищет утешенья
И, страстью пламенной к троянке распален,
У ног лаконянки ¹⁷ вздыхает тяжело он.
Да, может Пирр сейчас, отчаянем гонимый,
Похоронить любовь, женясь на нелюбимой!

О р е с т

А Гермiona что? Ей, гордой, каково
Безропотно сносить презрение его?

П и л а д

Она, мой государь, не подает и виду,
Что знает свой позор и чувствует обиду:
Надеется, что Пирр опомнится и вновь
Придет ей изъявить почтенье и любовь.
Но мне она свои поведала терзанья
Едва ли для того, чтоб я, храня молчанье,
Таил от вас, что ей пролить немало слез
Пришлось с тех пор, как он в Эпир ее привез.
К блаженству, к гибели она равно готова;
То рвется в Грецию, то остается снова.
Досада, ревность, гнев заставили не раз
Ее и вспоминать и сожалеть о вас.

О р е с т

Могу ль поверить я?

П и л а д

Беритесь же за дело!
И, с Пирром встретившись, ему скажите смело,
Что греки объявить ему хотят войну,
Спасенье мальчика вменив ему в вину.
Разгневан будет Пирр столь дерзкими словами,
И это в нем любви еще раздует пламя.
Он вспылчив и горяч, что выгодно для вас:
Чем вызов дерзостней, тем яростней отказ.
Так действуйте. Вот он.

Орест

Ступай же к ней скорее!
Скажи, что прибыл я и жажду встречи с нею!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пирр, Орест, Феникс.

Орест

Со мною, государь, вам греческий народ
Приветствия, дары и пожеланья шлет.
Доверьем я польщен и рад, что предо мною
Ахилла грозный сын, испепеливший Трою.
Венчает, как отца, вас слава всех времен.
Им Гектор сокрушен, а вами — Илион.
И хоть отец ваш был непобедимый воин,
Вы доказали нам, что сын его достоин.
К вам благодарности вся Греция полна,
Но тем, однако же, встревожена она,
Что вы пренебрегли обычаем военным
И сохранили жизнь весьма опасным пленным.
Мне ль вам напоминать, как вел последний бой
Сам Гектор, государь? У нас в семье любой
Есть безутешные невесты, сестры, вдовы,
Что слезы льют еще и предъявить готовы
Убийце их родных свой неоплатный счет,
А сын ведь за отца ответственность несет!
Что может совершить снедаемый гордыней
Потомок Гектора — кто нам предскажет ныне?
Не примется ль, приплыв из Пирровой земли,
Как Гектор некогда, жечь наши корабли? ¹⁸
И более того, — едва промолвить смею, —
Но, выкормив змею, вы можете быть ею
Укушены за то, что ей продлили дни;
Троянцы, государь, коварны искони.
Все греки просят вас. Молениям их внемлите.
Вы, утолив их месть, себя же сохраните.
Ваш враг еще дитя. Но неминуем час,
Когда он свой клинок испробует на вас.

Пирр

О, трогает меня союзников забота,
Но не могу понять, как им пришла охота

Отправить в дальний путь почетного посла
И поручить ему столь мелкие дела!
Не думал, что пустяк, ничтожная обида
Встревожат отпрыска великого Атрида,¹⁹
Что многочисленный и доблестный народ
До козней мелочных и страхов снизойдет!
Чего хотят цари? Чтоб я, презрев обычай,
Делиться с ними стал военною добычей?
Нет, мальчик — мой трофей, и право лишь за мной
Решать его судьбу и быть ему судьей!
Когда в дыму, в крови, у стен пылавшей Трои
Делили пленников ахейские герои,
Велением судьбы досталась мне она,
Астианакса мать и Гектора жена.
Кассандру в Аргос взял²⁰ преславный сын Атрея,
Гекуба умерла в плену у Одиссея;
Сколь ни был горестен несчастных женщин путь,
На пленников чужих я смел ли посягнуть?
Дитяти малого вся Греция боится:
Твердят, что Илион с ним может возродиться,
Что, возмужав, меня Астианакс убьет...
Зачем так далеко загадывать вперед?
Ведь Троя — помните? — была славна когда-то,
Обширна и пышна, героями богата.
Она владела всем... А что она теперь?
Не сосчитать ее несчастий и потерь.
Сгоревшие дома, разрушенные башни,
Не вспаханы поля, пустыня — сад вчерашний,
В оковах царский сын... Бессильная, она
Уже не сможет быть никем отомщена.
А если мальчика вы умертвить желали,
Зачем же целый год терпели и молчали?
С Приамом вместе пусть растерзан был бы он
И в груде мертвых тел бесславно погребен.
Тогда ведь гибло все: ахейской рати сила
Ни новорожденных, ни старцев не щадила,
Победа, вопли, кровь пьянили нас в ночи;
Не выбирали жертв разящие мечи.
Я сам свирепствовал: все на войне свирепы;
Когда ж стихает гнев — жестокости нелепы.
Я ныне не казнить, но миловать хочу
И рук в младенческой крови не омочу.
Коль греков так томит слепая жажда мести,
Пусть уголенья ей в ином поищут месте.
Победой горд Эпир, во прахе Илион...
Но здесь не губят тех, кто там был пощажен.

Орест

Всем ныне ведомо, как действовала тонко
 Супруга Гектора, спасая жизнь ребенка:
 Ей удалось, введя подменой нас в обман,²¹
 Его ровесника отдать в ахейский стан.
 Для мести Гектору у греков есть причина,
 А ненависть к отцу ложится и на сына:
 На Гекторе их кровь — им кровь его нужна,
 Боюсь, нас снова ждет ужасная война.
 Она придет в Эпир...

Пирр

Но ведь Эпир — не Троя.
 Пусть увеличат рать свою они хоть втрое,
 Чтоб одолеть меня, — не побоюсь угроз:
 Они забыли, кто победу им принес.
 Известно — Греция за подвиги Ахилла
 Неблагодарностью не раз ему платила;²²
 Теперь цари хотят так поступить со мной
 И пали до того, что мне грозят войной?

Орест

Так воле Греции вы не послушны боле?

Пирр

Троянцев я сломил, царевич, для того ли?

Орест

Я, право, поражен! Ведь Гермiona здесь,
 И Менелай для вас уже почти что тесть!

Пирр

Я сохранить могу любовь к моей невесте,
 Не уронив притом достоинства и чести,
 И, после всех побед, мне, право, не к лицу
 Покорно, словно раб, служить ее отцу.
 Но с Гермioniой вы увидите желали?
 Я знаю, вы в родстве.²³ Хотя вас и не ждали,
 Но примут. Занимать не смею больше вас,
 Ахейцам же прошу мой передать отказ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пирр, Феникс.

Феникс

Друг с другом их свести? Весьма неосторожно!

Пирр

Да, говорят, по ней вздыхал он безнадежно.

Феникс

А вдруг к царевне страсть проснется снова в нем,
И он воспламенит ее своим огнем?

Пирр

Что ж, так тому и быть! И если вслед за тем он
Царевну убедит вернуться в Лакедэмон,
С почетом проводить велю я их суда,
И сам свободнее смогу вздохнуть тогда.

Феникс

Как, вы...

Пирр

Со временем я все тебе открою.
Но Андромаха здесь. Потом...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пирр, Андромаха, Феникс.

Пирр

Вы не за мною?
Ах, если б мне блеснул надежды луч один...

Андромаха

Нет, я иду туда, где заточен мой сын, —
Все, что завещано мне Троей и супругом.
Час в день разрешено нам проводить друг с другом.
Мы вместе пролили немало горьких слез.
Сегодня мне обнять его не довелось.

Пирр

И опасаясь я, увы, что греки вскоре
Дадут вам поводы для новых слез и горя:
Страшат их пленники.

А н д р о м а х а

Но пленники в цепях,
А мертвые враги внушать не могут страх.

П и р р

Нет, злость на Гектора утихнуть в них не может;
Их главный враг — ваш сын.

А н д р о м а х а

Так вот что их тревожит!
Дитя, которое не знает ничего —
Ни почему мы здесь, ни кто отец его!

П и р р

Астианакс — дитя, но смерть его нужна им.
За ним ко мне Орест и послан Менелаем.

А н д р о м а х а

И вы поступите, как эллины хотят?
Он дорог мне — вот в чем несчастный виноват!
Но греки ль требуют ребенку приговора?
Нет, сердит вас, что он — последняя опора
Лишившейся всего, беспомощной вдовы,
И смерти для него хотите только вы!

П и р р

О, успокойтесь! Им ответил я отказом.
Теперь войною мне грозят все греки разом.
Но, даже если бы военные суда
Всех греческих племен причалили сюда
И началась война — как та, из-за Елены, —
И моего дворца заколебались стены, —
Ребенка вашего я все равно бы спас
И заслонил его собою — ради вас.
Вы сами видите, сколь многим я рискую,
А чем вознагражден за преданность такую?
Сейчас, когда кругом меня враги теснят,
Мне так необходим ваш дружелюбный взгляд!
Ужели, вам свой трон и руку предлагая,
И в вас, жестокая, увижу лишь врага я,
И, вызывая весь ахейский мир на бой,
Не буду знать, за что я жертвую собой?

А н д р о м а х а

Откуда слабость в вас, великом человеке?
Награда? Но твердить по праву станут греки,
О ваших доблестях охотно позабыв,
Что вами овладел мальчишеский порыв!
Вы домогаетесь любви. Но до того ли
Измученной вдове, томящейся в неволе?
Что вам мои глаза? Ведь вы их обрекли
На то, чтоб реки слез всегда из них текли!
Нет! нет! От вас я жду совсем иных деяний!
Несчастных пленников избавить от страданий,
Безвинное дитя спасти любой ценой,
Не требуя себе за это мзды иной,
Чем радость матери, что сына сохранила, —
Вот подвиг по плечу наследнику Ахилла!

П и р р

Как! Все еще ваш гнев бурливый не иссяк?
Вам ненавистна мысль вступить со мною в брак.
Несчастий причинил я много, в самом деле;
И меч мой, и рука людскою кровью рдели;
Но ваш печальный взор насквозь пронзил меня,
За горечь ваших слез заслуженно казня.
Я был неумолим и яростно, не скрою,
Рубил врагов, круша поверженную Трои,
Свирепости моей никто смирить не мог,
Но и тогда, как вы, я не бывал жесток!
Теперь за всех, кому я причинил мученья,
Мне душу тяжкие терзают угрызенья.
Довольно враждовать нам с вами! С этих пор
У нас есть общий враг. Дадим ему отпор.
Ободрите меня хотя б единым словом,
И сыну вашему отцом я стану новым,
Сам научу его, как грекам отомстить,
Заставлю их сполна за Троию заплатить!
Пусть подарит меня улыбкой Андромаха —
И прежний Илион восстанет вновь из праха,
Быстрее, чем он был разрушен и сожжен,
А отпрыск Гектора займет Приамов трон!

А н д р о м а х а

О нет! Теперь, когда нет Гектора на свете,
Нам больше не нужны ни блеск, ни слава эти!
Места, где он погиб, мою удвоят грусть.
К руинам родины я больше не вернусь.

У вас я, государь, прошу одну лишь малость:
 Мне ради сына жить и слезы лить осталось.
 Так дайте нам приют, где мы могли б одни
 Вдали от всех страстей окончить наши дни
 В воспоминаниях о павшем Илионе. . .
 А сердце, государь, верните Гермione!

П и р р

Вы мучите меня! Ну как я ей верну
 То сердце, что давно уже у вас в плену?
 Я знаю, сам я звал царевну Гермione
 И сам ей обещал и руку, и корону. . .
 Да, обе вы сюда заброшены судьбой,
 Она — чтоб царствовать, а вы — чтоб быть рабой.
 Но вы же видели, что с самого начала
 Царевна нежных чувств мне вовсе не внушала,
 Я равнодушен к ней, и двор мой знает весь,
 Что пленница — она, а вы — царица здесь.
 Вам пылкая любовь внушает отвращенье,
 А ей — один мой вздох принес бы утешенье.

А н д р о м а х а

Вот ваши вздохи ей пусть и ласкают слух!
 У вас пред Грецией есть множество заслуг.
 Что против вас ее восстановить могло бы?
 Ей не к кому питать ни горечи, ни злобы.
 А мой супруг? Увы! Кем он погублен был?
 Победою над ним прославился Ахилл,
 А вы, всех превзойдя затем в резне кровавой,
 Обязаны моим несчастьям вашей славой.

П и р р

Ну, что ж! Я понял все. Пора на этот раз
 О вас забыть — о нет! — возненавидеть вас!
 Довольно жертвовать и честью, и величьем
 Для той, что платит мне холодным безразличьем!
 Но помните: я был в любви на все готов
 И ненависть моя не знает берегов.
 Отныне жалость я с презрением отрину:
 За мать держать ответ теперь придется сыну.
 Не стану мальчика от кары ограждать:
 Он нужен Греции — велю его отдать.

А н д р о м а х а

О боги! Он умрет! И нет ему защиты!
 Мать — пленница. . . Отец и родичи убиты. . .

А может быть, чем жить в бесчестии таком, —
 Пускай погибнет он. Пусть оба мы умрем!
 Придет конец моим несчастиям и бедам.
 Я к Гектору в Аид сойду за сыном следом,
 И, вас благодаря, супруга обниму.
 Мы с сыном, наконец...

П и р р

Идите же к нему.
 Обняв свое дитя, поймете вы, возможно,
 Что гневу доверять судьбу — неосторожно.
 Иного, может быть, поищете пути
 И постараетесь еще его спасти.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Ну что же, будет все по твоему желанью;
 Я приготовилась к нелегкому свиданью.
 Ореста приведет сейчас Пилад сюда,
 Но лучше мне б его не видеть никогда.

Клеона

Чего боитесь вы? Чем может быть опасно
 Для вас свиданье с тем, кто к вам привержен страстно,
 Кто жизнь за вас отдать готов во всякий час?
 Вы ж о его любви жалели столько раз!

Гермиона

Мне тем мучительней его увидеть снова,
 Что прежде я была с ним чересчур сурова.
 Мой нынешний позор — Ореста торжество.
 Сравнялся мой удел со жребием его.
 «Гордячка, — скажет он, — чьи взоры так надменны,
 Сама познала боль презренья и измены!
 Она гнала меня; ее покинул он.
 Она унижена. Теперь я отомщен!»
 О, горе мне!

Клеона

Зачем излишние тревоги?
 К нему, да и к себе вы непомерно строги.

Возможно ль, что б он вас хоть словом оскорбил?
Ведь любит он сейчас сильнее, чем любил!
Здоров ли ваш отец? Какие шлет он вести?

Гермиона

Он мне велит домой отплыть с Орестом вместе,
Коль будет дальше Пирр молчать, как до сих пор,
И о троянце с ним не разрешится спор.

Клеона

Тогда еще нужней вам выслушать Ореста.
Пирр хочет вас усладить, хоть вы его невеста!
Его решение вы упредить должны,
Покинув тотчас же пределы сей страны.
Не говорили ль вы, что он вам ненавистен?

Гермиона

Да, это истина. Горчайшая из истин!
Как был он дорог мне! Теперь — конец всему.
Любила слишком я, чтобы простить ему.

Клеона

Вот и бегите с тем, кто в вас души не чает.

Гермиона

Ах, ненависть в душе не сразу созревает:
Ей надо время дать сильней пустить ростки...
А вдруг в разлуке с ним я сгину от тоски?
Изменник! Для него отъезд мой — избавленья!

Клеона

И мало вам еще такого оскорбленья?
Вы не уверились, что пыл его угас?
Троянке-пленнице он на глазах у вас
Навязывает трон, любовь свою и руку,
А вы согласны впредь терпеть такую муку,
И отвращенья Пирр досель вам не внушил?

Гермиона

Молчи, жестокая! Нет, нет, он мне не мил!
Погибшая любовь — ничтожная потеря.
Должна поверить ты, своим глазам не веря,
Что стал противен мне предатель навсегда.
Хвали меня за то, что духом я тверда,
И я тогда в свою уверую победу.
Ты говоришь — бежать! Ну что же, я уеду.

Бежим! А он пускай становится рабом
Вчерашней пленницы, введенной им в свой дом.
Постой... А если вдруг в нем чувства вновь проснутся?
Вдруг он надумает опять ко мне вернуться,
Забыв о той?.. Ах, нет! Что было — то ушло...
Но я останусь здесь! Останусь им назло!
Разрушить счастье их я буду только рада.
Их горести теперь — мне лучшая награда:
Коль Пирр уклонится от наших брачных уз,
Восстанет на него весь греческий союз.
Беду на юного троянца навлекла я,
Пускай теперь и мать судьба постигнет злая.
Они почувствуют, как греки мстят врагам.
Пирр выдаст пленницу или погибнет сам!

К л е о н а

Вы думаете, взор, наполненный слезами,
Заочет с ясными соперничать глазами?
А сердце матери, усталое от бед,
Завоевателю желанный даст ответ?
Взгляните, стала ли спокойней Андромаха?
Нет, на ее лице — печать тоски и страха,
И с Пирром пленница, как прежде, холодна...

Г е р м и о н а

Ах, мне бы так уметь держаться, как она!
Но чувства я свои скрывать не научилась.
Моя любовь к нему из глаз моих лучилась.
Могла ль я сохранять высокомерный вид,
Не слушая того, что сердце говорит?
Была бы ты мудрей на месте Гермионы?
Желание отца, величие короны,
И победителей-ахеев торжество,
И юной страсти зов — все было за него!
Заставив Илион испытать позора чашу,
Троянским золотом казну наполнив нашу,
Он своего отца отвагою затмил,
А ведь его отец — прославленный Ахилл!
И он меня любил — так мне тогда казалось —
Нежней, чем я его... О боги, что с ним случилось!
Нет, нет, забыть о нем, каков бы ни был он!..
Сегодня здесь Орест, и он в меня влюблен.
Довольно горевать! Освободим же место
Для тех, кто верен нам. Пора! Зови Ореста.
Кто знает, может быть, столь бескорыстный пыл...

Клеона

Он ждет вас...

Гермиона

Значит, он все время рядом был?..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Орест.

Гермиона

Как следует считать: привязанность былая
И чувства добрые иль воля Менелая
И долг пред Грецией, где вас с трофеем ждут,
Вас привели сюда, в печальный мой приют?

Орест

О, к вам меня влекло все то же ослепленье!
Опять решился я на клятвопреступленье.
Я клялся искренне не видеть больше вас, —
И вновь у ваших ног, уже в который раз!
Ваш взор в моей душе — таков мой жребий страшный —
Откроет вновь едва закрывшиеся раны.
Стыжусь, но совладать не в силах я с собой.
С тех самых пор, как мы разлучены судьбой,
Ища от страшных мук спасения, поверьте,
Бросался всюду я навстречу верной смерти.
За ней отправился я к скифским племенам,²⁴
Что кровью пленников свой освящают храм.
Но, хоть их идолы известны лютым нравом,
Порой противятся они дарам кровавым,
И я остался жив, влача свою беду;
Вернулся снова к вам и снова смерти жду.
Чтоб жизнь мою прервать, не требуется яда:
Довольно одного безжалостного взгляда.
Изверившись во всем, я убежден давно,
Что на иное мне надежды не дано.
Решать мою судьбу теперь лишь в вашей воле,
Коль скифы дикие меня не закололи,
И даже варваров на свете не найти,
Что вас в жестокости могли бы превзойти.

Гермиона

Признаться, не ждала от вас речей подобных.
Зачем тут поминать каких-то скифов злобных
И сетовать на то, что к вам я жестока?
Куда крупней дела не решены пока!

То поручение, с которым вас Эллада
Отправила сюда, исполнить честно надо
Без промедления — вот что важнее всего.

Орест

О, Пирр меня уже избавил от него!
Я получил отказ. Как видно, есть причина
Ему вступать в войну за Гектора сына.

Гермиона

Изменник!

Орест

Перед тем как мне обратно плыть,
Я о своей судьбе решаюсь вас спросить,
Хоть неприязнь ко мне, наверно, вам подскажет
Ответ, что на душу мне новым камнем ляжет.

Гермиона

Откуда взяли вы, что вам я лютой враг?
Что погружает вас в столь безысходный мрак?
Обрушив на меня лавину горьких жалоб,
Подумайте, как я отцу перечить стала б,
Когда он мне в Эпир отправиться велел?
Но кто сказал, что мне был сладок мой удел?
Что вашу я тогда печаль не разделяла,
Не плакала тайком, о вас не вспоминала?
Я соблюла свой долг и тем была горда.
Но об Оресте я вздыхала иногда.

Орест

Вздыхали обо мне? Не верю! Повторите!
Да наяву ли вы мне это говорите?
Проснитесь же, молю, и бросьте взгляд окрест:
Пред вами я, давно отвергнутый Орест!

Гермиона

Да, предо мною вы, тот человек, который
Открыл мне, что пленять мои способны взоры;
Вы, чьи достоинства я не могу не чтить,
Вы, тот, кого бы я хотела полюбить.

Орест

Я понял вас. Увы! Удел мой — безнадежность.
Мне — уважение, ему — любовь и нежность!

Гермиона

Меняться с Пирром вам местами — не расчет:
Он ненавистен мне.

Орест

Нет, вас к нему влечет!
Всевластная любовь повелевает нами
И разжигает в нас, и гасит страсти пламя.
Кого хотим любить, тот нам — увь! — не мил;
А тот, кого клянем, нам сердце полонил.
Я безразличен вам. И пусть бы вы хотели
Сейчас вознаградить меня на самом деле,
Мстя Пирру за обман, за множество обид,
По-прежнему лишь он в душе у вас царит.
А он не любит вас и по другой вздыхает.

Гермиона

Что говорите вы? Он мной пренебрегает?
Да как решаетесь вы это утверждать?
По-вашему, — ко мне нельзя любовь питать
И в людях образ мой одно презренье будит?
Другие обо мне великодушней судят.

Орест

Вам оскорблять меня, сударыня, легко,
Но вы от истины безмерно далеко.
Иль я не доказал, что время и пространство
Бессильны чувств моих нарушить постоянство?
Я — презираю вас? Увь, меня коря,
Хотели б вы, чтоб он вас презирал, как я!

Гермиона

Ах, что мне до любви иль ненависти Пирра!
Вернитесь в Грецию. Пусть на царя Эпира
Нагрянут тьмы и тьмы врагов со всех сторон!
Пусть греки здесь второй устроят Илион!
Спешите! Иль еще вы не разубедились,
Что я его люблю?

Орест

Ах, если б вы решились
Отправиться со мной! Тогда бы мы скорей
Подвигли на войну всех греческих царей.
Вот дело, истинно достойное спартанки!

Гермиона

А он здесь женится покамест на троянке.

Орест

Увы!

Гермиона

Какой падет на всех ахейцев стыд,
Коль с Андромахой он судьбу соединит!

Орест

И это — ненависть? Признайтесь лучше сразу.
Страсть, как ее ни прячь, видна чужому глазу.
Все выдает нас: вздох, движенье, слово, взгляд.
Скрываемый огонь сильнее во сто крат.

Гермиона

Предубеждение вам отравляет душу.
Неужто я его вовеки не разрушу?
Нельзя все вкривь и вкось упорно толковать
И, словно мне назло, вражду любовью звать.
Я все вам объясню, а действуйте вы сами.
Меня связал мой долг со здешними местами.
Из края этого закрыты мне пути,
Пока отец — иль Пирр — мне не велят уйти.
Идите ж объявить ему, что царь лаконян
Врага Эллады брат в зятя отнюдь не склонен,
И должен Ахиллид немедленно решать:
Троянца ль выдать вам, меня ли отослать.
Пусть выбор сделает решительно и ясно, —
Тогда за вами я последовать согласна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест.

Орест

Да, вы покинете Эпир, сомненья нет.
Нетрудно угадать изменника ответ.
Вас, Гермiona, Пирр удерживать не станет —
Своей троянкою он безраздельно занят,
Он рвется только к ней, и нужен лишь предлог,
Чтоб от царевны он освободиться мог.
Мы сговоримся с ним. О, нынче я ликую!
Добычу увезти бесценную такую! . .
Прощай, Эпир, и будь убежищем пока

Для пленницы-вдовы и для ее сынка.
 Воспрянул духом я. Уже и то не худо,
 Что милую мою я вызволю отсюда,
 И больше никогда ей не встречаться с ним!
 Вот и соперник мой. Ну что ж, поговорим.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П и р р, Орест, Феникс.

П и р р

Я вас везде искал и вам хочу признаться,
 Что был неправ, решив с Элладой не считаться.
 Обдумав вашу речь, не торопясь, в тиши,
 Сказал себе я: «Нет, с отказом не спеши!»
 И тотчас пожелал продолжить нашу встречу.
 Я убедился в том, что впрямь противоречу
 Тем заверениям, что были мной даны,
 Обычаям отцов и правилам войны.
 Да, страхи Греции имеют оправданье.
 Пусть сына Гектора постигнет наказанье.

Орест

Я рад, что с Грецией в согласии Эпир,
 А кровь несчастного нам обеспечит мир.

П и р р

В намереньях моих не будет перемены.
 Решил сегодня же я с дочерью Елены
 Связать свою судьбу. А вы, великий грек
 И родственник царя, на мой ступили брег
 В счастливый час — затем, чтоб представлять Элладу:
 Ее посол вручит мне высшую награду.
 Итак, торжественно я поручаю вам
 Царевну известить, что завтра ждет нас храм.

Орест

О боги!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П и р р, Феникс.

П и р р

Все еще я раб постыдной страсти,
 Иль нынче ты меня одобришь хоть отчасти?

Феникс

Да, государь, теперь я одобряю вас.
Ваш справедливый гнев мне доказал сейчас,
Что возродились в вас достоинство и сила,
Что вы — воитель, царь и грозный сын Ахилла,
А не дитя, чей ум любовью ослеплен.
Сегодня побежден вторично Илион.

Пирр

Нет, Феникс, этот день — победы лишь начало.
Давно моя душа в плену изнемогала.
Но вот я наконец свободен от оков!
Любовь трудней сломить, чем полчища врагов.
Подумай, сколько бед нависло над Эпиром!
Ведь рисковал я всем: друзьями, долгом, миром;
Корону, жизнь, любовь — все положить был рад,
Как дар, к ее ногам за благодарный взгляд;
Готов был умереть иль потерять свободу,
Со всей Элладю воюя ей в угоду...

Феникс

Благодарю богов: вы свергли эту власть.

Пирр

Не в меру пленница пред Пирром занеслась!
Увидев, что она едва жива от страха,
Решил я, что свой нрав изменит Андромаха:
Боязнь за мальчика вернет рассудок ей
И сделает ее к заступнику добрей.
Но горе чувства в ней лишь пуще подогрело:
В слезах прижав к груди младенческое тело,
Закрыв глаза и впад как будто в забытье,
Она твердила: «Сын! Сокровище мое!
Ты вылитый отец. В тебе мой Гектор милый
С его глазами, ртом и богатырской силой».
Что ж, после этого оставить сына ей,
Чтоб Гектора она любила тем сильнее?

Феникс

Нет, невозможно дать ей попирать пятою
Достоинство царя!

Пирр

Ах, гордость с красотою
Суть близнецы! Она — как я ни гневен — ждег,
Что вскоре Пирр опять к ногам ее падет.

Нет, я у ног своих теперь ее увижу!
 Отцовской славы я пред нею не унижу.
 Ахилл мне был отцом. Ей Гектор мужем был.
 Мы с ней враги навек, как Гектор и Ахилл.

Феникс

Довольно, государь! Скажу вам об Оресте:
 Ошиблись вы, послав соперника к невесте.
 Ступайте сами к ней. Из ваших уст должна
 Она узнать о том, что свадьба решена.

Пирр

Да, церемония сегодня состоится...
 А ревность в пленнице не может пробудиться?

Феникс

О боги, вновь она! Но до каких же пор
 Сводиться будет к ней любой ваш разговор?
 Какими чарами она вас покорила?

Пирр

Постой, я ей сказал не все, что надо было.
 Она не слышала еще, что я женюсь,
 Не знает, что пред ней я больше не склонюсь,
 Не выпила до дна всю чашу униженья,
 Я ей не отплатил за все мои мученья,
 Не показал, как Пирр суров к своим врагам!

Феникс

Идите, падайте опять к ее ногам!
 Наденьте заново любовные оковы.
 Нет, к рабству прежнему, я вижу, вы готовы.

Пирр

Ты думаешь, мой гнев улегся и остыл,
 И я ей дам понять, что снова все простил?

Феникс

Любовь слепа...

Пирр

К кому? К неблагодарной пленной,
 Что на мою любовь лишь дерзостью надменной
 Посмела отвечать, судьбу свою кляня?
 Кто б сохранил ей жизнь, коль не было б меня, —
 Ей, чужестранке здесь... нет, более — рабыне!

Ведь я ей слово дал заботиться о сыне,
 Ей руку и любовь и царство предложил,
 И что в ответ? — одни упреки заслужил!
 Нет, я поклялся мстить горячке беспощадно,
 Чтоб впредь упорствовать ей было неповадно,
 И выдам мальчика... О, сколько будет слез!
 Мне будет сказано, что я ей смерть принес.
 Да, Андромаха жить без мальчика не будет.
 Она умрет. И кто на казнь ее осудит?
 Я сам. Как будто в грудь я ей всажу кинжал!

Феникс

Но кто ей отомстить недавно обещал?
 Иль слабости своей не знали вы дотоле?

Пирр

Ты прав. Но извини мне этот приступ боли.
 Сегодня я даю любви последний бой,
 И мне достанет сил, чтоб совладать с собой.
 Отныне все решать тебе я доверяю.
 Как с Гермионой быть и с мальчиком — не знаю...

Феникс

Идите тотчас к ней. Вас ждут уже давно.

Пирр

Я буду действовать, как было решено.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пилад, Орест.

Пилад

Ну, успокойтесь, друг! Нельзя же так, поверьте!
 Очнитесь и порыв безумия умерьте.
 Вас не узнать.

Орест

Увы, Пилад, ты опоздал:
 Советов разума я слушаться устал.
 Но горестям моим уже недолго длиться...
 Уехать вместе с ней — иль с жизнью распрощаться!
 Решенье принято. Так я и поступлю.
 Не отговаривай.

П и л а д

Согласен, но, молю,
 Придите вы в себя, Орест, на вас лица нет!
 Заметит это всяк, кто даже мельком глянет.
 Чтоб вашим замыслам сопутствовал успех,
 Намеренья свои должны вы скрыть от всех.
 Здесь Пирру и его невесте все подвластны;
 И челядь царская, и стража вам опасны.
 Нельзя выказывать волнение свое.
 Ну, вот сейчас — зачем искали вы ее?

О р е с т

Не знаю... Я собой и вправду не владею.
 Слепой от ярости, я ринулся за нею
 И чуть было не стал грозить обоим им.

П и л а д

Чего ж достигли вы неистовством своим?

О р е с т

Вскипела кровь во мне, и занялось дыханье...
 Как было сохранить тут самообладанье?
 С царевной вскоре Пирр идти намерен в храм,
 И я вручить ему невесту должен сам!
 Да лучше б обагрил в крови я эти руки!

П и л а д

О да, вам нелегко. Но те же терпит муки
 Вам ненавистный Пирр: с женитьбою и он
 Теряет женщину, в которую влюблен.

О р е с т

Неправда, Пирру льстят мучения Ореста!
 Здесь долго до меня жила его невеста,
 К ней становился он что день, то холодней.
 Нет, только мне назло он женится на ней!
 Все шло так хорошо! В ней пробудилась жалость,
 К тому, чтоб стать моей, она совсем склонялась,
 А к Пирру ненависть росла в ней каждый час.
 О, если б от него я получил отказ —
 Со мною в Спарту плыть она бы согласилась
 И словом бы одним моя судьба решилась!

П и л а д

Вы в это верите?

О р е с т

Она была полна

Негодования...

П и л а д

А значит — влюблена.

А если б Ахиллид и произнес то слово,
Любого повода, хоть самого пустого,
Довольно было б ей, чтоб вновь вам отказать.
Не с нею надо вам, а от нее бежать.
Я не пойму, зачем вы так стремитесь сами
Со злой обидчицей сковать себя цепями.
Она бы до конца печальных ваших дней
Вас ненавидела жестоко...

О р е с т

Тем нужней

Их разлучить. Мечты ее близки к свершенью,
Я ж обречен опять скитаться грустной тенью...
Нет, не хочу один нести страданий гнет!
Пусть делит их со мной! Пусть тоже слезы льет!
Довольно потакать безудержной гордыне!
Внушать не жалость ей, а страх хочу я ныне.
Пускай же мне теперь ее печальный взор —
Как ей доселе мой — жестокий шлет укор!

П и л а д

Сомнительный итог высокого посольства:
Стать похитителем!

О р е с т

Чьего же недовольства

Страшиться мне, Пилад? К чему иной итог,
Коль буду я, как был, несчастен, одинок?
Меня вознаградят за труд мой славой греки.
Но здесь — посмешищем останусь я навеки!
И надоело мне — скажу начистоту —
Терпеть из честности такую маету!
Пилад, какую ты мне объяснишь причиной,
Что зло всегда в чести, страдает же — невинный,
И тот, кто жертвует собою для других,
Лишь неприязнь и злость в ответ находит в них?
Сколь добродетельной я ни держусь дороги,
Меня преследуют безжалостные боги.
А коли так — теперь, пред ними страх презрев,
Я стану делать все, чтоб заслужить их гнев.

Но ты не должен, нет, делить со мною вместе
 Опасность гнева их и беспощадной мести,
 Не должен, как и я, к погибели идти.
 Оставь меня! Сверни с неверного пути.
 Троянца отвези и не перечь закону.
 Прощай!

П и л а д

Нет, мы вдвоем похитим Гермияну!
 Себя в опасности являет стойкий дух.
 К невзгодам брата брат не остается глух.
 Пусть греки паруса поднимут на рассвете.
 Готовы корабли. Благоприятен ветер.
 Я знаю весь дворец. Есть некий тайный ход,
 Который к пристани невидимо ведет.
 Я под покровом тьмы погони не накличу
 И в руки вам отдам желанную добычу.

О р е с т

Пилад, мой друг, твоя безмерна доброта!
 Но ты простишь тому, чья рухнула мечта,
 Кто обеспамятел от нестершимой боли,
 Кто опротивел всем, а сам себе — тем боле.
 Когда-нибудь и я, быть может, отплачу...

П и л а д

Прибодритесь же! Вот я чего хочу!
 Вы не должны ни в ком посеять подозренье.
 Забудьте о любви. Забудьте об измене.
 Держитесь веселей. Она идет сюда.

О р е с т

Я понял все и тверд сейчас, как никогда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Орест, Клеона.

О р е с т

Царевна, с Пирром мы закончили беседу.
 Ваш брак решен. Для вас я одержал победу.

Г е р м и о н а

Уже сказали мне. И даже говорят,
 Что совершите вы вручения обряд.

Орест

А ваше сердце вновь любить его готово?

Гермиона

Могла ль я ждать, что вдруг нарушенное слово
Надумает сдержать непостоянный Пирр
В тот час, когда решусь покинуть я Эпир?
Но обольщаться мне надеждами не надо:
Им движет не любовь — его страшит Эллада.
Вы горячей, Орест, мне преданы, чем он.

Орест

Нет, нет, он любит вас, я в этом убежден.
Ликуйте! Ваших глаз магическая сила
Лишь то, к чему давно стремились вы, свершила.

Гермиона

Стремилась? Ах, к чему могла стремиться я?
Всегда в чужих руках была судьба моя.
И вы ко мне свой взор не обращайтесь гневный:
Повиновение — высокий долг царевны.
И все же я для вас — известно вам о том —
Чуть не нарушила мой долг перед отцом.

Орест

Толкали вас на то обида, гордость, разум,
Но сердце глухо к их внушеньям и приказам.
Вас снова повлекло к тому, кто сердцу мил,
И жалобой я вас напрасно утомил.
В чем вас винить? Судьба наносит мне удары,
Хоть я не заслужил ничем суровой кары.
Ваш долг — царицей стать, а мой — избавить вас
От неприятных слов в столь долгожданный час.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Как кроток гнев его! Спокоен он на диво.

Клеона

Сильней страдают те, чье горе молчаливо.
Ореста очень жаль еще мне потому,
Что сам способствовал он горю своему —

Ведь столько времени молчанье Пирра длилось!
Едва явился он — и сразу все решилось.

Гермиона

Не думаешь ли ты, что Пирра страх объял?
Что тех, кто в ужасе от Гектора бежал,
Кого троянцев рать десятки раз крушила,
Кто, перепуганный отсутствием Ахилла,
Спасался от врагов в горящих кораблях²⁵
И, если бы не Пирр, разгромлен был в боях, —
Воитель доблестный, Ахилла сын, боится?
Нет, я любима им, раз он решил жениться.
Орест меня вишит в несчастьи своем.
Но что мне до него? Все мысли — о другом!
Вернулся Пирр ко мне. О, милая Клеона,
Подумай, как сейчас ликует Гермиона!
Что знаешь ты о нем? Ты слышала, какой
Он храбрый, доблестный, прославленный герой?
Победы гром ему сопутствует повсюду.
Он верен мне, и я его супругой буду!
Ведь он...

Клеона

Да, ликовать сегодня ваш черед.
Но тише! Пленница, в слезах, сюда идет.

Гермиона

Нет, не дадут вкусить мне долгожданной славы!
Ну что я ей скажу?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андромаха, Гермиона, Клеона.

Андромаха

Царевна, ах, куда вы?

Наверно, видеть вам приятно наяву
У ваших ног, с мольбой, несчастную вдову.
Не думайте, что я явилась перед вами
Триумф ваш омрачить ревнивыми слезами.
Один лишь Гектор был мной горячо любим,
Любовь моя ушла в могилу вместе с ним.
Когда он был пронзен безжалостной рукою,
Я потеряла все: родных, супруга, Трою.
Но мне остался сын. Как любит сына мать,
Придет и ваш черед когда-нибудь узнать.

Но не желаю вам изведать столько боли:
Знать, что свое дитя спасти не в вашей воле,
Когда его отнять и погубить хотят.
Ведь сын мой жизни мне дороже во сто крат!
Вы знаете, когда, уставши от лишений,
Троянцы начали в сердцах грозить Елене,
Мне стало жаль ее — и Гектор жизнь ей спас.²⁶
Так попросите же теперь и вы за нас!
Молю вас, дайте мне возможность вместе с сыном
Укрыться от людей на острове пустынном.
Невинное дитя — чем он опасен вам?
Я научу его не битвам, а слезам.

Гермиона

Вам всячески помочь от всей души желая,
Могу ль противостать намереньям отца я?
А к Пирру отряжен Орест отцом моим.
Но Пирр, поскольку власть ваш взор имел над ним,
Наверно, рад служить вам будет безотказно.
Пусть скажет слово он — я соглашусь заглазно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андромаха, Сефиза.

Андромаха

Каким презрением звучал ее ответ!

Сефиза

Не отвергайте же вам поданный совет:
Поговорите с ним, но кротко и безгневно.
Смотрите, вот он сам!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирр, Андромаха, Феникс, Сефиза.

Пирр

(Фениксу)

Скажи мне, где царевна?

Она прошла сюда с подругою своей.

Феникс

Не знаю, право, но...

А н д р о м а х а
(*Сефизе*)
Вот власть моих очей!

П и р р
(*Фениксу*)

Что говорит она?

А н д р о м а х а
Покинута я всеми.

Ф е н и к с

Царевна где-то здесь.

С е ф и з а
(*Андромахе*)

Пока еще есть время,
Не медлите! Пора молчание прервать.

А н д р о м а х а

Он сына отдает...

С е ф и з а

Но может не отдать!

А н д р о м а х а

Спасенья нет! И мать напрасно слезы точит.

П и р р

Она и в сторону мою смотреть не хочет.
Вот гордость!

А н д р о м а х а
(*Сефизе*)

Гнев его мы только возбудим.
Уйдем скорей!

П и р р
(*Фениксу*)

Ну что ж, ребенка отдадим.

А н д р о м а х а

(*бросаясь на колени перед Пирром*)

О, сжальтесь, государь! Приказ свой отмените
Иль вместе с мальчиком и мать его казните!
Вы в чувствах дружеских клялись мне столько раз.

Неужто жалости ни капли нет у вас?
Сын обречен, и нет надежды на спасенье?

П и р р

Я слово дал — и путь отрезан к отступленью.

А н д р о м а х а

Ведь раньше не пугал вас целый сонм врагов!

П и р р

О, я тогда был слеп. Но спал с очей покров.
Меня враждебностью встречали вы открытой,
Пренебрегали вам предложенной защитой,
Теперь же — поздно.

А н д р о м а х а

Ах, при виде слез моих
Могли вы, государь, понять без просьб иных,
Что Гектора вдове, хоть век его был краток,
Простительно хранить достоинства остаток,
Что, кроме вас, никто и никогда б не мог
Склоненной у своих меня увидеть ног.

П и р р

Нет, ваша ненависть была всему началом.
Боялись вы мне быть обязанной хоть в малом,
И — будь он мной спасен — ваш сын любимый сам
И тот бы, мне назло, стал меньше дорог вам.
Всегда презрение читал я в вашем взгляде,
И в вас вражда ко мне сильнее, чем к Элладе.
Пусть благородный гнев и впредь вам дух бодрит!

(Фениксу)

Пойдем.

А н д р о м а х а

Пойду и я — за Гектором, в Аид.

С е ф и з а

О госпожа...

А н д р о м а х а

Ну, вот, ты видишь — все напрасно.
Винovníк бед моих, он знает их прекрасно.

(Пирру)

Смотрите, до чего меня вы довели!
Я видела разгром отеческой земли
И гибель всех родных — в отчаянье и страхе,

И тело Гектора, влекомое во прахе...
 Да, я жива... Но мне остался только сын,
 И принуждает жить меня лишь он один.
 Порой пыталась в том найти я утешенье,
 Что с ним попала я под ваше попеченье;
 Коль он утратил трон, свободу, свой народ,
 Пусть покровителя он в Пирре обретет —
 Ведь ласков был Ахилл со стариком Приамом, —
 Пусть он служенье вам не почитает срамом
 И, взыскав милостью даря, не помнит зла...
 Прости, супруг, что я доверчива была
 И думала, что Пирр, хоть он в бою и злобен,
 Но благороден, смел, к коварству неспособен.
 Да, лучше бы в тот час, когда ты в битве пал,
 И нам сраженными быть тоже наповал,
 Чем после Пирровы увидеть злодеянья
 И жизнь из рук его принять, как подаянье!

П и р р
 (Фениксу)

Ступай и жди меня.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П и р р, А н д р о м а х а, С е ф и з а.

П и р р

Решайте же! Сейчас

К спасенью сына путь еще открыт для вас.
 Да, смертью мальчика жестоко вас пугая,
 В вас создавал себе не друга, а врага я,
 Мне это горестно и больно сознавать.
 Пока еще могу все повернуть я вспять.
 Взгляните на меня, не бойтесь! Неужели
 Так на мучителя похож я в самом деле?
 Толкнули вы меня к поступкам столь крутым,
 Ожесточив мой дух презрением своим.
 Я вас в последний раз прошу, во имя сына:
 Пусть наши помыслы сольются воедино.
 Ужель униженно я должен умолять
 Ребенку жизнь спасти его родную мать?
 Известно: сеешь зло — так жди кровавой жатвы.
 Но ради вас я вновь свои нарушу клятвы.
 И, чтобы повести мне вас с собой к венцу,
 Я Менелая дочь верну ее отцу,
 Хоть знаю, что, отдав вам руку и корону,

Смертельно оскорблю царевну Гермиону.
Все судьбы в этот час должны быть решены.
Корона — или смерть: вы выбирать вольны.
Пора уже и мне на что-нибудь решиться!
Я больше не могу пустой надеждой льститься,
Устал я умолять, грозить и убеждать.
Мне вас утратить — смерть, но смерть и дольше ждать.
Итак, я уйду. Но я вернусь за вами.
Нас будет ожидать ваш сын сегодня в храме.
Надеюсь стать отцом ему и мужем вам.
А если нет — на казнь при вас его отдам.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Андромаха, Сефиза.

Сефиза

Я говорила вам, что вы своею властью
Еще успеете не дать страстись несчастью.

Андромаха

Увы, как горек мне твоих речей итог!
Да, сына потерять пришел, как видно, срок.

Сефиза

Но верность Гектору храня столь безусловно,
В сыновней гибели вы будете виновны.
Наверно, Гектор сам того бы не желал!

Андромаха

Ты хочешь, чтобы Пирр моим супругом стал?

Сефиза

Но материнский долг всех прочих чувств превыше.
А вы упрямитесь, загробный голос слыша...
За что так презирать воителя, царя,
Который любит вас, почти боготворя,
Кто ради вас пойдет на битву с целым миром,
Отцовской славою пожертвует, Эпиром
И отречется сам от всех своих заслуг?

Андромаха

Ах, то, что Пирр забыл, — как я забуду вдруг?
Что милый Гектор мой, лишенный погребенья,
Стал жертвой низкого, постыдного глумленья?
Что бедный мой отец, почтенный старец, царь,

Заколот был, когда он обнимал алтарь?
 О, эта ночь резни! О, ужас этой ночи!
 Застлал он вечной тьмой моих любимых очи.
 Ты помнишь? Пирр идет. Алеет кровь на нем.
 Он освещен дворцов пылающих огнем,
 Проходит Трою он от края и до края,
 Тела моих родных ногами попирая,
 Под стоны гибнущих, под звон и лязг мечей,
 Под клики грабящих жилища палачей, —
 И в страхе перед ним склоняются живые...
 Таким передо мной явился Пирр впервые.
 Свиршал он подвиги ценой моих потерь.
 И вот кого в мужья ты прочишь мне теперь!
 Нет, мне вознаграждать злодейство не пристало.
 Пусть лучше нас убьет обоих, если мало
 Ему тогдашних жертв, и наш пришел черед.

С е ф и з а

Но на глазах у вас ребенок ваш умрет!
 Вы вздрогнули? Пока вы власти не лишились...

А н д р о м а х а

Мне в грудь твои слова, как дротики, вонзились!
 Мой ненаглядный сын, любви живой залог,
 Единственное, что мне муж оставить смог
 На память о себе, идя на бой с Ахиллом!
 О, как печально он прощался с сыном милым! ²⁷
 Взяв на руки его, он слезы мне отер
 И молвил: «Нам судьбы неведом приговор.
 Кто знает, что нас ждет? Но если не вернется
 Его отец — тогда, жена, тебе придется
 Быть в жизни мальчику опорой до конца
 И заменить ему погибшего отца.
 Во имя прошлого, что столь счастливым было,
 Люби мое дитя, как ты меня любила!»
 Как! Свет очей моих, сын Гектора умрет,
 И прекратится с ним царей троянских род?
 Ужель жестокости у Ахиллида хватит,
 Чтоб за отказ мой мстить невинному дитяти?
 Пирр ненавистен мне. Но сына в чем вина?
 И почему я им пожертвовать должна?
 Тебя убьют, коль я вмешаться не успею!
 Мой мальчик, поднят меч над головой твоею,
 Какой ценой могу его я отвести?
 Ты будешь жить! И я должна тебя спасти.

Пойдем за Пирром! Нет. Сефиза, дорогая,
Ступай за ним.

Сефиза

Но что сказать ему должна я?

Андромаха

Скажи, что я... что сын всего дороже мне...
Но к делу черному готов ли Пирр вполне?
Толкнет ли страсть его на шаг столь беззаконный?..

Сефиза

Сейчас он сам сюда вернется, разъяренный...

Андромаха

Скажи ему...

Сефиза

Что вы решились? Ну, а вдруг?..

Андромаха

Ах, если б я могла решиться... О, супруг!
О, Троя. Ах, отец! Кто дух мой успокоит?
Да, сын мой, жизнь твоя недешево мне стоит.
Идем, бежим...

Сефиза

Куда? Ответьте мне, прошу!..

Андромаха

Спрошу я Гектора и сразу все решу.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андромаха, Сефиза.

Сефиза

Какие чудеса за этот час свершились?
Я вижу, наконец на жертву вы решились.
То Гектор вам внушил, что путь закрыт иной,
А сына вы должны спасти любой ценой.
Теперь он будет жить! Ведь слышали вы сами,
Что Пирр с надеждою вас ожидает в храме.
Согласье ваше в нем удвоит страсти жар:
Богатства, славу, трон вам принесет он в дар

И сам у ваших ног, покорный и влюбленный,
 Вас будет звать своей владычицей законной,
 Хоть знает, что, идя с троянкой под венец,
 Союзу с Грецией положит он конец
 И греки на Эпир обрушатся войною.
 Да, ради вас он сам рискует головою,
 Но вам обоим он защиту обещал...

А н д р о м а х а

Пойдем же к мальчику, Сефиза, час настал.

С е ф и з а

Вам незачем спешить! Ведь, будучи царицей,
 Себя вы сможете вознаградить сторицей.
 Теперь свободны вы и, как любая мать,
 Ребенка будете и нежить и ласкать;
 Вам предстоит растить его не для неволи,
 А для великих дел и для высокой доли.
 Он Троя возродит и тем прославит вас.

А н д р о м а х а

Хочу я на него взглянуть в последний раз.

С е ф и з а

Что слышу я? Увы!

А н д р о м а х а

Сефиза, дорогая,
 Тебе я все могу поведать, не скрывая.
 В несчастье ты всегда мне предана была,
 Но все же до конца меня не поняла.
 И ты поверила, что в обет священный
 Способна осквернить кощунственной изменой
 И, благоденствие купив ценой такой,
 Встревожу родичей погубленных покой?
 Но, как душа моя в тоске ни изнывает,
 Спасти наследника мне долг повелевает,
 А Пирр усыновить ребенка будет рад,
 Лишь только жрец свершит венчания обряд.
 Себя унижить Пирр не может клятвой ложной,
 И принятое им решение непреложно,
 А греков ненависть лишь подогреет в нем
 Стремленье настоять в их распре на своем.
 Итак, решилась я пожертвовать собою.
 Согласье я даю стать Пирровой женою;
 Пусть обещания царя услышит храм,

Пред алтарем ему я сына передам,
И жизнь, которую ценить я перестала,
Мгновенно оборву при помощи кинжала.
Так долгу своему останусь я верна,
И будет вдовья честь моя сохранена.
Теперь мой замысел ты знаешь немудреный.
То — воля Гектора. И умиротворенной
Одна я завершу печальной жизни круг,
А ты — ты мне глаза закроешь, милый друг.

Сефиза

Ах, вам закрыв глаза, и я сойду в могилу!

Андромаха

Нет, должен сохранить надолго дух твой силу!
Как прежде для меня — для сына ты живи.
Тебе вручаю я дитя моей любви,
Мое сокровище. Он восстановит Трою.
Будь нянькою ему и матерью второю,
Следи за тем, чтоб царь, пока мой мальчик мал,
Как истинный отец, его оберегал.
Напоминай ему, что клятвою он связан
И пасынка любить и пестовать обязан
И что законный наш, хоть и недолгий, брак —
Доверья моего к нему беспорный знак.
Ты сыну расскажи о предках знаменитых;
Пусть подражает им, пусть славою затмит их.
Не дай ему забыть, что Гектор был герой,
Да и о матери напоминай порой.
Пусть знает мальчик мой свое предназначенье
И к подвигам родных питает уваженье,
Но пусть не думает за нас Эпиру мстить:
Наставник Пирр ему — его он должен чтить.
Пусть скромным он растет, хоть род его и знатен,
Не мнит, что долг пред ним Эллады неоплатен, —
Последний он в роду, и, чтобы жил он впредь,
Мне всем пожертвовать пришлось и умереть.

Сефиза

О, горе!

Андромаха

Не иди за мной. Коль ты не сможешь
С собою совладать — несчастья ты умножишь.
Сдержись, сюда идут. Утри же слезы с глаз.
Зависит от тебя судьба моя сейчас.

Царевну вижу я. Нам встречи с ней опасны.
Уйдем скорей!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Клеона.

Клеона

Как вы загадочно безгласны!
Вам в сердце нанесен безжалостный удар,
И не разжег он в вас бушующий пожар?
Троянку помянуть без дрожи не могли вы,
А в этот страшный час — спокойны, молчаливы...
Ужель еще вчера в отчаянье ввергал
Вас каждый взгляд, что Пирр на пленницу бросал?
Теперь он с нею в брак вступает беззаконно,
Обещанные вам любовь, страна, корона —
Все отдается ей, а вы... Нет, неспроста
Зловеще сомкнуты бескровные уста!
Ни слова? Жутко мне... Несчастьями чреват
Затишья пред грозой...

Гермиона

Ореста позвала ты?

Клеона

Да, он сейчас придет. Вы убедитесь вновь,
Что бескорыстная владеет им любовь,
Что жертвовать собой для вас ему привычно,
Что ваша власть над ним, как прежде, безгранична.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ ²⁸

Орест, Гермиона, Клеона.

Орест

Могу ль поверить я живительным словам?
Возможно ль, что Орест понадобился вам?
Измученной души надежда не дерзка ли?
На самом деле вы за мною посылали?
Неужто наконец и мне забрезжил свет?

Гермиона

Ответьте — любите меня вы или нет.

Орест

Люблю ли? Но тогда откуда эти муки
И бегство, и возврат, неистовство в разлуке,
Глаза, которые всегда от слез влажны?
Какие вам еще свидетельства нужны?

Гермиона

Отмстите за меня — и мне других не надо.

Орест

Нам стоит лишь воззвать — и встанет вся Эллада!
Так будем действовать! Вы — именем своим,
А я — моим мечом. Эпир мы разгромим.
Троянскую войну в Эпире мы устроим,
Но Трои бедствия удвоим и утроим!
И радость мщенья, и почести нас ждут.
Скорей же к кораблям!

Гермиона

Мы остаемся тут.

Я не намерена трусливою оттяжкой
Помочь моим врагам избежать кары тяжкой.
Не ждать, когда придут победы времена,
А мстить немедленно, сейчас же я должна
И не уеду прочь, не услышав стонаний
И скрежета зубов! Здесь нынче поле брани.
Так поспешите в храм. Уходит время зря!
Пусть там настигнет смерть...

Орест

Смерть? Но — кого?

Гермиона

Царя!

Орест

Как, Пирра?

Гермиона

Вижу я, остыло ваше рвенье!
Хотите — я свое перемену решенье,
Признаю, что как царь он неприкосновен,
Но вам уж ничего не предложу взамен.

Орест

Не мне его падать! Снискавши милость вашу,
Страданья моего он переполнил чашу.

Сам жажду мести я, но мести не такой.
 Нет, в спину нож всадить предательской рукой —
 Поступок для посла всей Греции неместный.
 Достойней победить в войне прямой и честной.
 На то ль народ меня доверием облек,
 Чтоб в Пирровой крови я обагрил клинок?
 Пусть Греция на смерть отступника осудит —
 Тогда и умирать ему тяжеле будет.
 Пока ж еще он — царь, а с царского чела...

Гермиона

Да, но ведь я его на гибель обрекла!
 Вам недостаточно, что честь моя задета,
 Что кровью заплатить он должен мне за это,
 Что вам себя дарю я за расправу с ним,
 Что он — мой лютей враг, что был он мной любим?
 Да, брака этого вся Греция желала,
 Но Пирр был дорог мне — я не такую нимало,
 И, если тотчас же злодея не казнить,
 Боюсь, что я еще могу его простить.
 От слова царского он отступил позорно,
 Пред вами, предо мной его вина беспорна,
 Но если будет Пирр сегодня пощажен,
 То завтра может стать мне снова дорог он!

Орест

Что ж, надо погубить безжалостно злодея.
 Служить я вам готов, но вот когда и где я
 Обрушу на него карающий свой меч?
 И тотчас должен ли я жизнь его пресечь?
 Ведь я едва ступил ногою в это царство,
 А должен сокрушить устои государства,
 Монарха умертвить! И этот ваш приказ
 Мне не за месяц дан, не за день, а за час
 До вождя и страшного мгновенья,
 Когда, по-вашему, должно свершиться мщенье.
 Нет, прежде чем придет со мною смерть к царю,
 Его сопровожу я чинно к алтарю,
 А ночью поглощен он будет вечным мраком...

Гермиона

Но днем успеет он с ней сочетаться браком!
 Для них уже престол во храме водружен,
 И мой позор всему народу разглашен.
 Но беззащитен Пирр: он повелел конвою
 Троянца охранять. Себя он с головою

Вам предает, — а вы пойдете молча в храм
 Покорно наблюдать, как торжествует срам!
 Убейте же того, кто столь самонадеян;
 Вооружите всех вам преданных ахеян,
 Им в помощь можете вы взять моих людей,
 Чья ненависть к нему сравнится лишь с моей.
 Вступая с пленною троянкой в брак бесстыдно,
 Элладу предал он — всем это очевидно,
 И мести жаждут все: лишь нужно бросить клич
 Иль просто не мешать клинкам врага настичь.
 Возглавить эллинов, идти ль за ними следом —
 Решайте сами вы. Мой приговор вам ведом:
 Хочу я Пирра кровь увидеть. И тогда —
 Я ваша.

О р е с т

Ах, но я...

Г е р м и о н а

Довольно! Я горда.

Мне оскорбительны одни слова, без дела.
 Путь к сердцу своему я вам открыть хотела
 И обнадежить вас... Но и любви моей
 Привычка сетовать, как видно, вам милей.
 Так возвращайтесь же, по-прежнему стеная,
 Обратю в Грецию, а мстить могу одна я.
 И от Ореста я услышала отказ!
 Не много ли обид досталось мне зараз?
 Иду я в храм, туда, где месть должна свершиться,
 Где не решаетесь вы за меня сразиться,
 И сердце, что броней надежной прикрывал
 Он от моей любви, пронзит насквозь кинжал.
 Затем убью себя своею же рукою,
 Свою соединю судьбу с его судьбою.
 Ведь, как он ни жесток, — он воин и герой.
 Погибнуть лучше с ним, чем с вами быть живой!

О р е с т

Уймите ваш порыв: он противоестествен;
 Я дал вам слово мстить — я за него ответствен.
 Сам вашего врага я гибели предаю
 И стану, может быть, небезразличен вам.

Г е р м и о н а

Спешите! Тем скорей и якорь будет поднят:
 Покинем вместе мы Эпир еще сегодня.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гермиона, Клеона.

Клеона

Вы губите себя! Быть надо холодней...

Гермиона

Гублю себя иль нет — мне месть всего важней.
 Хоть говорит Орест, что он на все решится,
 Вполне ли на него могу я положиться?
 Мне больше, чем ему, принес изменник зла,
 И я сама удар верней бы нанесла.
 Самой убить его! Какое ликованье —
 Увидеть свой кинжал в кровоточащей ране
 И, довершив своей победы торжество,
 Троянку в смертный час укрыть от глаз его!
 Ах, если б мне была дана хоть та отрада,
 Чтоб перед смертью он узнал, что не Эллада,
 А я, я мщу ему за гнусные дела!
 Ступай, покуда кровь еще не потекла,
 Пока он жив — беги, — пусть он из уст Ореста
 Узнает, что ему мстит прежняя невеста.

Клеона

Иду. О, близится ужасная беда!
 Но что это? Сам царь пожаловал сюда.

Гермиона

Остановись! О нет, беги скорей, Клеона,
 Вели Оресту ждать, что скажет Гермиона.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирр, Гермиона, Клеона.

Пирр

Меня не ждали вы... Прервав ваш разговор,
 Я знаю, что от вас я заслужил укор.
 Но я пришел не с тем, чтоб толкованьем лживым
 Попытаться всем моим делам несправедливым
 Благопристойное обличье придать;
 Я не могу себя пред вами оправдать,
 И горделивой мне не сохранить осанки, —
 Но выбор сделан мной: женюсь я на троянке
 И отдаю ей все, обещанное вам.

Другой бы тут прибег к чувствительным словам,
Сказал бы, что отцы распорядились нами
Не как хотели мы, а как решили сами,
Двоих нелюбящих друг к другу привязав.
Но не оспорил я тогда отцовских прав
И тем уж виноват. Впоследствии отправил
За вами я послов, и вас корабль доставил
Сюда, в Эпир, где вам оказан был почет.
Хотя уже давно к другой меня влечет,
Я дал себе зарок во что бы то ни стало
Остаться верным вам. И все же, видно, мало
Желанья следовать по избранной стезе:
Препятствовать страстям напрасно, как грозе;
И верх взяла любовь; троянкой полоненной
Я сам захвачен в плен — безвольный и влюбленный.
И вот сегодня с ней идем мы под венец.
Рассудку вопреки я жажду, чтобы жрец
Назвал моей женой ту, кем я ненавижим.
Наперекор себе в священный храм мы внидем.
Да, мне вины своей пред вами не избыть:
Клятвоступник я, но я хочу им быть!
Так пусть скорее гнев ваш справедливый грянет:
Быть может, вам и мне на сердце легче станет.
Кляните же творца содеянного зла!
Любая мной от вас заслужена хула.

Гермiona

Я ваше, государь, ценю чистосердечье:
Вы доказали мне своей пространной речью,
Что, совершая зло, его вы звали злом
И знали, что хула вам будет поделом.
Ну что ж, бывают ведь на солнце тоже пятна;
Сегодня слово дать, а завтра взять обратно —
Для славного царя естественно вполне.
Рабом быть клятвы? Нет!.. Вы и пришли ко мне,
Лишь чтоб нечестностью своей покрасоваться.
Вам, видно, в низостях приятно признаваться.
Прекрасно! Честь и долг пограть и отместь,
Любить одну, в Эпир другую привезти,
Бросать меня, опять вздыхать передо мною
И тут же пленницу назвать своей женою!
Царевну оскорбить, рабу возвесть на трон,
Сперва для эллинов разрушить Илион,
Для сына Гектора потом предать Элладу...
Кто столько славных дел свершить способен кряду,
Не даст себя связать ни клятвам, ни словам,

И произвол его себе довлеет сам.
 Чтоб усладился слух супруги нежной вашей,
 Как вас назвать — лжецом или еще покраше?
 Желаете вы с ней глумиться надо мной,
 Хотите выставить меня с моей бедой
 Всем на посмешище? Не много ль будет, впрочем,
 Вам радостей зараз? Нет, кое-что отсрочим...
 Другие вас потом как должно наградят.
 Не стоит удлинять прозваний длинный ряд,
 Который вы давно по праву заслужили:
 Кем зверски был убит старик Приам? Не вы ли
 И всю его семью сразили наповал?
 Кто, как не вы, детей и жепщин убивал?
 А Поликсену кто, к негодованью греков,
 Постыдно удушил? ²⁹ Кто кровью человек
 Залил несчастный град, как вешнею водой?
 Вы! В чем вам отказать, о доблестный герой?

П и р р

Я за Елену мстил — ведь это вам не внове,
 Но знаю — пролил я немало лишней крови:
 Увлечшись битвою, вслепую стал рубить.
 Однако лучше вам о прошлом позабыть.
 Я рад, что слушали меня вы равнодушно:
 Коль излияниям моим внимать вам скучно,
 То, значит, нет на мне такой большой вины.
 Ах, вашей я не знал души до глубины!
 Не понимал того, что, каюсь в преступленье,
 Я тем смертельное нанес вам оскорбленье:
 Неверным может ли быть тот, кто не любим?
 Я возомнил, что я для вас незаменим,
 А что лишь долг велит вам стать моей супругой,
 Что обернется вдруг предательство услугой, —
 Я не подозревал... Но ведь и впрямь никто
 Не мог вам приказать любить меня...

Г е р м и о н а

Как! Что?

Я не любила? Я? Ты смеешь молвить это?
 К тебе я приплыла с другого края света,
 Где не один герой искал моей руки,
 И все еще я здесь, рассудку вопреки!
 Меня уехать прочь упрашивает свита,
 Я ж остаюсь, прося, чтоб ими было скрыто
 То унижение, что я давно терплю,
 Надеюсь вновь привлечь того, кого люблю.

Я изнывала здесь и плакала подолгу,
Ждала, что к своему ты возвратишься долгу.
Тебя любила я, хоть ты мне изменил,
Но если б ты меня лишь пальцем поманил,
Я б отдала тебе все сердце без остатка.
Ведь даже и сейчас, когда так низко, гадко
Ты поступил со мной, я — та же, что была:
В моей душе любовь, увы, не умерла!
Что ж, государь, когда так небесам угодно,
Женитесь на другой, но будьте благородны
Хотя б в одном: меня избавьте от стыда
Самой присутствовать при свадьбе; вам вреда
Не может принести отсрочка небольшая.
Я буду далеко, вам больше не мешая,
Уж завтра, может быть... Согласны? Да иль нет?
Ну что ж молчите вы? Ни слова мне в ответ?
Предатель! Ты своей троянкою лишь бредишь,
С ней сердцем говоришь и все минуты метишь,
Что попусту идут на разговор со мной.
Иди! Я не держу. Беги принести другой
Те клятвы, что ты мне здесь расточал когда-то.
Но, святотатец, знай, что ждет тебя расплата!
Тобою оскорблен благих богов синклит;
Он ложных клятв тебе, изменник, не простит.
Спешь же к алтарю. Отпали все препоны.
Но бойся там узреть лик гневной Гермiony!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирр, Феникс.

Феникс

Тем, что вы слышали, пренебрегать нельзя.
У Гермiony есть союзники, друзья;
На гнев отвергнутой нельзя смотреть без страха.
Орест в нее влюблен...

Пирр

Меня ждет Андромаха.

Феникс

Но, государь, у вас здесь сильные враги!

Пирр

Ступай и бдительно ребенка стереги.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гермiona.

Гермiona

Где я? Что делаю? Что совершить должна я?
Взметнула бурю чувств во мне обида злая!
Брожу я по дворцу в отчаянье немом.
Любовь иль ненависть мне душу жжет огнем?
Как он жесток! Он был исполнен безразличья.
Не дал себе труда хоть соблюсти приличья:
Изобразить печаль, хоть раз вздохнуть с тоской.
Нет, безмятежен был души его покой!
Его не тронуло ничуть мое несчастье;
Он и к слезам моим не выказал участия.
И в довершение страданья моего
Я, малодушная, тревожусь за него?
Страшусь грозящего изменнику удара?
Прощаю, хоть еще не совершилась кара?
Нет, нет! Мой приговор не будет отменен!
Я не нужна ему — так пусть погибнет он!
Над яростью моей он попросту смеется, —
Считает, что гроза слезами изольется,
Что, вознамерясь мстить, я в страхе задрожу,
И коли замахнусь, то руку удержу.
Он, помня о моем к нему расположенье,
Имеет обо мне превратнейшее мнение.
А впрочем, у него иное в голове:
Все мысли об одном — о новом торжестве;
А жизни, смерти ли ему желают где-то —
Что до того ему, презрителю обета?
Меня бросает он, как бесполезный груз?
Ну нет! Рази, Орест, рази, коль ты не трус!
Он знал, в конце концов, что он меня принудит...
Меня? Так смерть его моим деяньем будет?
Моя любовь к нему убить его должна,
Хотя ему была я столько лет верна,
Хоть суженым своим его в душе назвала
До обручения задолго... Я не знала,
Что в путь к нему пушусь за тридевять земель,
Лишь чтоб убить его и с тем отплыть отсель.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Ах, что я сделала, Клеона! Что за вести
Ты принесла? Где Пирр?

Клеона

Он при своей невесте.

Собой безмерно горд, и счастлив, и влюблен,
Теперь он всем, чего он жаждал, наделен.
Ко храму вел сейчас с особым торжеством он
Ту, чей строптивый дух им наконец-то сломан;
В его глазах сверкал нетерпеливый пыл;
Привыкший побеждать, он снова победил,
Но, верно, заждался желанного исхода.
Она ж, потупя взор, шла с ним среди народа,
Который чествовал ее, рукоплещая,
Шла безучастная, однако — не ропща.

Гермиона

И эту низость он свершит без колебанья?
В нем не заметно ли душевного метанья?
Всмотреться удалось тебе в его черты?
Не разглядела ль в них хоть беспокойства ты?
Он в сторону дворца не обращал ли взора?
Не покраснел ли хоть от гневного укора,
Который мог послать твой взор ему в толпе?
Иль твердо он идет по гибельной тропе?

Клеона

Он глянул на меня, как мог взглянуть незрячий;
Забыв о вас, забыл о прочих он тем паче.
От века не в ладу со здравым смыслом страсть:
С его беспечностью легко в беду попасть!
Кто верноподданный, кто враг — ему нет дела.
Он стражу отослал, чтобы она радела
О сыне Гектора, как будто вражий меч
Великого царя не может подстеречь!
Сам Феникс перед ним за мальчика в ответе.

Гермиона

О, вероломный Пирр, не жить тебе на свете!
Но что сказал Орест?

Клеона

С людьми своими в храм

Вошел он.

Гермиона

Что же он намерен делать там?

Он отомстит?

Клеона

Как знать...

Гермиона

О, нет скончанья бедам!

И он меня предаст?

Клеона

Вас? Что вы! Он вам предан!

Но добродетель в нем ведет с любовью спор.

Ему не усмирить в душе своей раздор,

И он колеблется, сомненьем тяжким мучим:

Пирр, всеми признанный воителем могучим,

Герой, Ахиллов сын, великий государь,

Почтение ему внушает, как и встарь.

Страшится Греции Орест, душой смятенный,

Страшится ярости и гнева всей вселенной,

А более всего страшится сам себя.

Он голову царя на острие копья

Принес бы, но претит ему убийцы имя.

Вошел он все же в храм сейчас с людьми своими,

Но обнажит ли меч иль нет — не знает сам.

Гермиона

Он трус! Он зрителем — и только — будет там.

Почтение к царю, Эллады гнев — пусто!

Лишь смерть его страшит — смерть, и ничто иное.

Все греки десять лет дрались за мать мою,

И многие цари жизнь отдали в бою,

Хотя Елена их дотоле не видала.

А я прошу его, и нужно мне так мало:

Клятвопреступного злодея умертвить, —

Такой ценою он меня бы мог добыть.

Награда — я сама, а отомстить — бессильна?

Нет! Нынче все-таки польется кровь обильно.

Я собственной рукой изменнику воздам.

От воплей ужаса пусть содрогнется храм!

Убийство завершит их бракосочетанье.
Потом пусть узрят все мое самозакланье.
Мне даже все равно — умрет Орест иль Пирр,
Но кто-нибудь со мной сойдет в загробный мир!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест, Гермiona, Клеона.

Орест

Сударыня, я к вам с известием счастливым:
Настал конец его деяньям нечестивым.

Гермиона

Он мертв?

Орест

Кончается сейчас у алтаря:
Настигла наша месть предателя-царя.
Хоть я бы предпочел открытый бой на равных,
Во мне и в эллинах вы слуг нашли исправных.
Я устремился в храм.³⁰ Там греческий отряд,
Покуда жрец свершал венчания обряд,
Прокрался к алтарю и грозно встал с ним рядом.
Но Пирр, окинув всех высокомерным взглядом,
Остался и тогда, как был, невозмутим,
Как будто греческий посол и те, кто с ним,
Возвысить призваны торжественность обряда,
Тем более, что им оскорблена Эллада.
Невесте на чело корону возложив,
Ее царицею при сем провозгласив,
Пирр молвил: «Надо мной и над страной моею
Теперь вы — госпожа. Клянусь вам, что сумею
Я сыну вашему достойным быть отцом,
И, с матерью его соединен венцом,
Я признаю, что он наследует по праву
Приамов трон, а с ним — и прежней Трои славу».
Тут весь собравшийся народ возликовал,
Но греческий отряд, хоть был он очень мал,
С отвагой яростной накинулся на Пирра:
Самонадеянный враг эллинского мира
Был сжат кольцом людей, спешащих отомстить,
И меч свой некуда мне было опустить,
Как я отчаянно к царю ни прорывался.
Он, окровавленный, упорно отбивался,
Но, ранами покрыт, на плиты храма пал.

Я вздоха ждать его последнего не стал
 И бросился сюда, дабы немедля с вами
 К ахейским берегам уйти под парусами.
 Нам в гавань путь лежит, а там нагонят нас
 Те, кем был выполнен суровый ваш приказ.

Гермиона

Что сделали они!

Орест

Горячность им простите;
 Конечно, не моей вооруженной свите,
 А мне пристало бы с эфирцем счеты свести,
 И должен был он знать, что это ваша месть,
 Но пусть вам радости не омрачит досада:
 Ведь я душою был отважного отряда;
 Я в храм послал его. Гордиться вы должны:
 Теперь вы наконец сполна отомщены.
 Не кто иной, как вы. . .

Гермиона

Довольно слов, предатель!
 Виновен ты один, коварный зложелатель!
 Пусть греков радует поступок низкий твой;
 Убийца гнусен мне. Сокройся с глаз долой!
 Я видеть не могу того, кем так жестоко
 Прекраснейшая жизнь оборвана до срока.
 Как ты дерзнул, злодей, вершить его судьбой?
 Кто право дал тебе на мерзостный разбой?
 Как ты осмелился, как мог без отвращенья
 Убийство подлое свершить под видом мщенья?
 Кто приказал тебе?

Орест

О небо, горе мне!
 Ужели ваш приказ услышан мной во сне?

Гермиона

Поверил ты словам, что женщине влюбленной
 Подсказывал ее рассудок помраченный?
 Не должен ли ты был в душе ее прочесть,
 Что, мучась от любви, она твердит про честь,
 Что сердце и уста между собой в разладе?
 Твой долг повелевал, меня самой же ради,
 От злого умысла, чуть только он возник,
 Отговорить меня с укором в тот же миг,

Дать мне одуматься, помедлить с подлым мщеньем,
А не идти сюда за новым подтверждением.
Твоя любовь ко мне дала достойный плод.
Несчастье от тебя, как тень, не отстает;
Ты появился здесь, и всем принес несчастье.
Могла еще вернуть себе над Пирром власть я,
И стал бы он моим, — любя или не любя.
Он в брак с соперницей вступил из-за тебя!
Прощай, живи один в своем ахейском мире.
Мне там постыло все. Я остаюсь в Эпире.
Страна, способная чудовищ породить
Таких, как ты, злодей, — мне более не мать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орест.

Орест

То Гермиона ли была передо мною?
Кровопролития, выходит, я виною?
Предатель гнусный я, убийца и злодей?
Да впрямь Орестом ли зовусь я среди людей?
Как! Подавляю я все доводы рассудка
И совершаю то, о чем помыслить жутко:
Напав исподтишка, я расправляюсь с ним, —
С царем, который был мной по заслугам чтим;
Все попираю я своим насильем грубым,
Чтоб святотатцем стать, убийцей, душегубом.
А для кого? Для той, чей нрав изменчив, крут,
Для той, что, навязав мне недостойный труд,
Неблагодарностью сейчас мне отплатила?
Да ведь она сама мне строго воспретила
Показываться ей, пока он будет жив!
Теперь она ушла, за все вознаградив
Меня презрением и гневною хулою. . .
Ну, что ж, усердный раб, я большего не стою!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пилад, Орест.

Пилад

Скорей отсюда прочь! Нам всем грозит беда.
И мы должны бежать. Сейчас или никогда!
Нас мало для войны с толпою разъяренной,
И не сдержать ее упорной обороной.

Лишь Андромаха здесь имеет нынче власть,
 Эпирцы за нее готовы жизни класть,
 Уничтожая нас, ее врагов исконных.
 Она же, хоть вчера ей был противен трон их,
 За мужа нового их побуждает мстить,
 Да и за прежнего попутно, может быть.
 Бежим, пока нам путь последний не отрезан,
 Чтоб не пришлось его прокладывать железом;
 Теснится все еще вокруг Гермионы люд,
 Но чуть промедлим мы — вокруг нас кольцо замкнут.

Орест

Нет, нет, мне долг велит быть подле Гермионы:
 Не в состоянии жить я, ею не прощенный.
 Я должен Пирра кровь свою искупить.

Пилад

О Гермионе вам, Орест, пора забыть.
 Вы, ярости ее и жертва и орудье,
 Себе и мертвую ее берете в судьи?
 В угоду ей должны вы умереть? За что?

Орест

Что? Так она мертва?

Пилад

Вам не сказал никто
 О том, что в этот час, столь горестный, случилось?
 Когда мы шли сюда, царица появилась
 Простоволосая, с безумием в глазах,
 И к храму ринулась, откуда скорбный прах
 Всесильного царя наружу выносили.
 И, словно некоей слепой подвластна силе,
 Свой извлекла кинжал, не разжимая губ,
 Пронзила грудь себе и рухнула на труп.

Орест

Примерно наказать меня решили боги.
 Хвала бессмертным вам за то, что вы столь строги,
 Столь непреклонны к тем, кто возбудил ваш гнев!
 Вы, в замысле своем жестоком преуспев,
 Добились длительным и неотступным мщеньем
 Того, что стал я сам несчастья воплощеньем.
 Для этой цели я и был на свет рожден,
 И цель достигнута. Я удовлетворен.
 Теперь, чтоб до конца исполнились все судьбы,

В их и в своей крови мне надо утонуть бы,
И смерть желанная положит пусть конец
Непримиримому раздору трех сердец.

П и л а д

Орест, мой друг!

О р е с т

Как! Пирр, тебя я снова вижу,
Мой враг, которого так страстно ненавижу?
Ведь мною ты убит. Кто ж мог тебя спасти?
Еще один удар я должен нанести?
Но что это? Его целует Гермiona,
Смотря на милого умильно и влюбленно
И гневно — на меня. Бессилен я пред ней...
А что там позади? Я вижу клубы змей...³¹
Там злые демоны! О, преисподней дщери!
Пришли меня терзать вы, как добычу — звери?
Те змеи, что шипят на ваших головах,
И те бичи, что вы сжимаете в руках,
Не для меня ль они? Что ж, мучьте и влеките
Меня во мрак... Но нет! Ей право уступите
Замучить до смерти того, кто изнемог.
Она хищнее вас. Вот лакомый кусок:
Я сердце ей свое бросаю на съеденье!

П и л а д

Смотрите, он без чувств! Утихло исступленье.
Нам мешкать — смерть. Скорей страдальца унесем,
Покуда ярость вновь не пробудилась в нем.

БРИТАНИК

(BRITANNICUS)

ЕГО СВЕЛОСТИ ГЕРЦОГУ ДЕ ШЕВРЕЗ¹

Ваша светлости!

Вы, быть может, с удивлением увидите свое имя на первом листе этой книги; испроси я вашего согласия на то, чтобы посвятить ее вам, вы скорее всего отказали бы мне в моей просьбе. Но меня можно было бы обвинить в неблагодарности, если бы я и доле утаивал от света доброе отношение, которым вы всегда меня удостоивали. Какое зрелище являл бы собою тот, кто трудился бы только во имя славы и при этом умалчивал о покровительстве столь высоком, как ваше!

Нет, ваша светлость, я не откажусь от почетного права оповестить всех о том, что даже мои друзья вам не безразличны, что вы проявляете участие ко всем моим замыслам, что благодаря вам я имел честь читать это творение человеку, чья каждая минута драгоценна.² Вы были свидетелем тому, с какой пронизательностью судил он о построении моей пьесы и насколько его понятия о трагедии истинно безупречной превышают все, что я в силах создать.

Не опасайтесь, ваша светлость, что я не ограничусь этим и, остерегаясь восхвалять его в глаза, буду и далее обращаться к вам, дабы возносить ему хвалу с большей непринужденностью. Мне ведомо — утомлять его внимание хвалою небезопасно, и, смею сказать, как раз эта скромность, присущая вам обоим, особенно крепко связывает вас друг с другом.

У человека с заурыдными свойствами умеренность — добродетель весьма заурыдная. Но когда вы, наделенный всеми достоинствами сердца и ума, глубиною суждений, дающейя обычно лишь многолетним опытом, блестящими и обширными познаниями, которых вам не скрыть от ваших близких друзей, когда этой, вызывающей всеобщее восхищение, мудрой сдержанностью обладаете вы, тогда она становится добродетелью поистине редчайшей, особенно в наш век мелочных тщеславий. Но, сам того не замечая, я не устоял перед искушением говорить о вас: как же оно должно быть сильно, если я поддался ему в послании, в котором собирался лишь почтительно засвидетельствовать, что я всегда

*покорнейший и смиренный слуга
вашей светлости.
Расин*

Первое предисловие

Ни одно творение, отданное мною на суд публики, не принесло мне таких похвал и не навлекло такой хулы, как эта трагедия. Я трудился над ней с особым тщанием, но, казалось, чем больше сил я в нее вкладывал, тем ожесточеннее рвали ее на части иные критики: каких только козней они не строили, каких только недостатков не находили! Кое-кто даже соизволил взять под защиту Нерона, утверждая, будто я изобразил его слишком жестоким. А я-то полагал, что самое имя Нерона уже означает нечто превосходящее обыкновенную жестокость! Впрочем, возможно, они хотели этим сказать, блеснув осведомленностью, что в первые годы правления Нерон еще ничем себя не запятнал. Но довольно прочитать Тацита, дабы убедиться: пусть вначале он был хорошим императором, но человеком он всегда был очень дурным. В этой трагедии я вовсе не касаюсь дел политических: Нерон представлен мною в кругу своей семьи, в частной жизни, и, право, нет надобности приводить все цитаты, подтверждающие, что я не нанес оскорбления его чести.

Другие, напротив, пеняли на то, что я приукрасил Нерона. Должен признаться, я отнюдь не считаю его образцом прекрасного человека; он мне всегда казался чудовищем. Но у меня это чудовище только в зачатке — Нерон еще не поджег Рим, не убил свою мать, жену, своих наставников. За вычетом этого, он совершил достаточно злодеяний, чтобы истинная его натура всем была ясна.

Нашлись защитники и у Нарцисса: они поносили меня за то, что я изобразил его столь дурным человеком и к тому же наперсником Нерона. В качестве ответа этим людям удовольствуюсь единственной цитатой. «Нерон, — говорит Тацит, — был весьма разгневан смертью Нарцисса, ибо пороки этого вольноотпущенника были на редкость схожи с его собственными, пока еще скрытыми: „сujus abditis adhuc vitiis mire conguebat“».*³

Иные возмущались тем, что героем трагедии я избрал столь юного го-дами Британика. В предисловии к «Андромахе» я уже приводил им суждение Аристотеля касательно героя трагедии: герой этот не должен быть

* Переводом этой и нескольких следующих цитат из Тацита являются предшествующие слова Расина. — *Ред.*

совершенен, более того, пусть он будет отмечен какими-нибудь несовершенствами. Здесь я еще добавлю, что семнадцатилетний юноша, отпрыск императорского дома, наделенный великой отвагой, способностью к великой любви, прямодушием и доверчивостью — свойствами, вообще присущими юности, — безусловно может, на мой взгляд, вызвать к себе сочувствие. А большего мне и не надобно.

«Но Британик погиб, когда ему только исполнилось пятнадцать, — твердят эти критики, — меж тем как в трагедии ему, равно как и Нарциссу, подарено два лишних года жизни». Я не стал бы отвечать на подобное возражение, не выскази его, да еще с таким жаром, человек, который позволил себе восьмилетнее царствование некоего императора превратить в двадцатилетнее,⁴ а такая погрешность в хронологии куда серьезнее, ибо счет времени мы ведем по годам царствований.

Не обошли хулители и Юнию: они говорят, что старую кокетку по имени Юния Силана я превратил в молодую и добродетельную девушку. Каков был бы их ответ, скажи я им, что Юния — столь же вымышленное лицо, как Эмилия в «Цинне» и Сабина в «Горациях»?⁵ Но я скажу другое: будь они начитаннее в истории, им встретилось бы имя Юнии Кальвины из дома Августа, сестры Силана, которому Клавдий обещал в жены Октавию.⁶ Эта Юния была молода, красива и, как говорит Сенека, «festivissima omnium puellarum».*⁷ Она нежно любила брата, и враги, утверждает Тацит, обвиняли их в кровосмесительстве, хотя повинны они были лишь в некоторой неосмотрительности.⁸ Да, я изобразил ее более скромной, нежели она была в действительности, но с каких пор нам воспрещено исправлять нравы действующего лица, тем паче никому не известного!

Многие находят странным, что Юния появляется на сцене после смерти Британика. Как уточнены эти люди — им режут слух четыре строки,⁹ к тому же не лишённые трогательности, в которых она только и говорит, что идет к Октавии! «Но ради этого не стоило возвращать ее на сцену», — настаивают они. Им неведомо одно из правил, обязательных для театральных пьес: передавать в рассказе лишь то, что не может быть показано.¹⁰ Древние авторы нередко заставляют актеров выходить на сцену только для того, чтобы сообщить, откуда они пришли и куда направляются.

«Все это лишнее, — не унимаются мои критики. — Трагедия приходит к концу вместе с рассказом о смерти Британика, остальное уже не к чему и слушать». Однако все слушают — и с не меньшим напряжением, чем обычно в конце трагедии. А я меж тем всегда понимал, что посколькю трагедия воссоздает событие, уже полностью свершившееся и в котором приняло участие несколько действующих лиц, ее можно считать оконченной, лишь когда разъяснена судьба всех участников. Так чаще всего и поступает Софокл: например, в «Антигоне» он тратит столько же стихотворных строк¹¹ на описание ярости Гемона и наказания, постигшего Креонта после смерти Антигоны, сколько я — на проклятия Агрип-

* «приятнейшая среди юных дев» (лат.).

пины после смерти Британика, возвращение Юнии, кару, которую понес Нарцисс, и отчаяние Нерона.

Возможно ли угодить столь щекотливым судьям? Ну еще бы, и без особого труда, но для этого пришлось бы пожертвовать здравым смыслом, уклониться от правды и удариться в неправдоподобное.¹² Действие, простое по своей сути, не перегруженное событиями, каковым ему и следует быть, ибо оно ограничено пределами одного дня, действие, шаг за шагом продвигающееся к своему завершению и основанное лишь на желаниях, чувствах, страстях участников, надо было бы обременить множеством случайностей, которые не уложить и в целый месяц, бессчетными хитросплетениями, тем более поразительными, чем менее они вероятны, нескончаемыми тирадами, где актеры говорят как раз обратное тому, что им пристало бы говорить. Надо было бы, к примеру, вывести на подмостки героя, который пьян и шутки ради старается вселить ненависть к себе¹³ в свою любовницу, спартанца сделать болтуном,¹⁴ заставить завоевателя разглагольствовать лишь о любви,¹⁵ а женщину — давать завоевателям уроки непреклонной гордости.¹⁶ Вот бы возрадовались эти господа! Но каков был бы приговор тех немногочисленных разумных людей, чье одобрение я стараюсь заслужить? И как посмел бы я, так сказать, явиться на глаза великим мужам древности, которых взял себе за образец? Ибо, как говорит один из этих древних авторов,¹⁷ вот те истинные зрители, которые неизменно должны быть перед нашим мысленным взором, и мы без устали должны спрашивать себя, что сказали бы Гомер и Вергилий, прочитай они эти стихи? Или Софокл, если бы увидел на театре эту сцену? Так или иначе, я никому не препятствовал бранить мои произведения — все равно это было бы бесполезно; «*Quid de te alii loquantur ipsi vident, sed loquentur tamen*»,* — говорит Цицерон.¹⁸

Да простит мне читатель это маленькое предисловие, где я объясняю ему соображения, которыми руководствовался, когда писал трагедию. Что может быть естественнее желания защититься, если на тебя нападают и, по твоему разумению, несправедливо? Я вижу, даже Теренций¹⁹ писал прологи только, чтобы оборониться от хулы старого злокозненного поэта^{19a} (*malevoli veteris poetae*), который ретиво собирал голоса против него и занимался этим до самого начала представления его комедий.²⁰

... *Occupta est agi:*

Exclamat, etc.**

Одного вполне основательного замечания мне все же не сделали. Однако, что ускользнуло от зрителей, то, быть может, заметят читатели: Юния у меня становится весталкой, меж тем Авл Геллий²² сообщает, что в весталки принимали девочек не моложе шести лет и не старше десяти. Но в моей трагедии народ берет Юнию под свое покровитель-

* «Пусть другие решают, что им говорить о тебе, но говорить они, несомненно, будут» (лат.).

** ... Не успели начать, Он закричал, и т. д.²¹ (лат.).

ство, и, как мне кажется, приняв в расчет ее происхождение, добродетель и несчастную участь, он может пренебречь возрастом, предписанным по закону, как много раз пренебрегал узаконенным возрастом, когда избирал в консулы знаменитых людей, достойных этой почетной должности.

Короче говоря, я ничуть не сомневаюсь, что можно было бы сделать еще немало замечаний, притом такого рода, что я принужден был бы их принять и воспользоваться ими в будущих моих сочинениях. Но я от души жалею людей, пишущих только в угоду публике. Яснее всего видят наши недостатки как раз те люди, что охотнее всего закрывают на них глаза: они прощают нам то, что им не по душе, ради того, что доставило удовольствие. Напротив, всего несправедливее невежда: он уверен, что восхищаться способен только человек ничего не смыслящий; объявляет всю пиесу негодной, если ему хоть что-то в ней не понравилось; более того, обрушивается на самые удачные места, стараясь этим доказать свое остроумие, а если мы пытаемся его оспорить, обвиняет нас в зависти, в нежелании считаться с кем бы то ни было, и ему невдомек, что порою он больше тщеславится дрянным критическим разбором, нежели мы — недурной театральной пиесой.

Homine imperito nunquam quidquam injustus.*

[Второе предисловие]²⁴

Я предлагаю сейчас публике ту из моих трагедий, в которую поистине вложил больше всего труда. Но, признаюсь, поначалу она обманула мои упования на успех: появление ее на театре было встречено такой хулою, что, казалось, пиеса обречена на полный провал. Я и сам начал думать, что судьба ее сложится куда менее счастливо, чем судьба прочих моих творений. Однако в конце концов произошло то, что всегда происходит с произведениями не вовсе дурными: хулителей как не бывало, трагедия не сходит со сцены. Именно ее охотнее всего смотрят ныне и двор, и публика. И если из всех написанных мною пиес хоть одна сколько-нибудь долговечна и заслуживает похвалы, то, по единодушному признанию знатоков, такой пиесой является «Британик».

Должен сказать, что, живописуя двор Агриппины и Нерона, я находил подтверждение верности своего замысла в тех образцовых трудах, на которые опирался. Мои действующие лица скопированы с полотен величайшего живописца древности, то есть Тацита: я так много читал тогда этого несравненного автора, что обязан ему почти всеми живыми чертами своей пиесы. У меня даже было намерение приложить к этому сборнику выдержки из самых замечательных глав, которым я пытался подражать, но оказалось, что они займут немногим меньше места, нежели целая тра-

* Нет ничего несправедливее невежды²³ (лат.).

гедия. Поэтому пусть не посетует на меня читатель за то, что я отошлю его к автору, чьи книги к тому же у всех под руками, и ограничусь цитатами, касающимися лиц, выведенных мною в пиесе.

Начну с Нерона, напомнив предварительно, что он представлен у меня в первые и, как известно, безоблачные годы своего правления. Следовательно, я был не вправе изобразить его таким дурным человеком, каким он стал потом. Но я не изобразил его и человеком добродетельным, ибо таковым он никогда не был. Нерон еще не убил свою мать, жену, наставников, но в нем зреют семена всех этих злодейств, он уже хочет освободиться от запретов, ненавидит своих близких, но прикрывает ненависть притворными ласками, «*factus natura velare odium fallacibus blanditiis*». *²⁵ Короче говоря, это чудовище в зачатке, которое, еще не смея открыто проявиться, старается приукрасить свои дурные деяния: «*Nactenus Nero flagitiis et sceleribus velamenta quaesivit*». ²⁶ Он не терпел Октавию, отличавшуюся редкой сердечностью и добронравием, «*fato quodam, an quia praevalet illicita; metuebaturque ne in supra feminarum illustrium progumperet*». **

Его наперсником я делаю Нарцисса, опираясь на Тацита, который говорит, что Нерон был весьма разгневан смертью Нарцисса, ибо пороки этого вольноотпущенника были на редкость схожи с его собственными: «*cujus adbitis adhuc vitiis mire congruebat*». Из приведенной цитаты следует, во-первых, что Нерон был уже порочен, а во-вторых, что Нарцисс потакал его дурным наклонностям.

Этому гнусному двору я противопоставляю истинно порядочного человека в лице Бурра, отдав ему предпочтение перед Сенекой, и вот по какой причине: оба они были наставниками юного Нерона, Бурр — в военном деле, Сенека — в науках, оба приобрели широкую известность, один — своим военным опытом и строгостью нравов, «*militaribus curis et severitate morum*», ²⁸ другой — красноречием и приятным складом ума, «*Seneca praeseptis eloquentiae et comitate honesta*». *** Кончину Бурра горько оплакали, памятью о его добродетели: «*Civitati grande desiderium ejus mansit per memoriam virtutis*». ³⁰

Все их силы уходили на борьбу с заносчивостью и свирепостью Агриппины, «*quae, cunctis malae dominationis cupidinibus flagrans, babebat in partibus Pallantem*». ³¹ Больше я ничего не скажу о ней, ибо можно было бы сказать слишком много. Ее характер я старался обрисовать с особенной тщательностью, и трагедия моя в той же мере трагедия опалы Агриппины, как и смерти Британика. Эта смерть потрясла ее, и Тацит говорит, что, судя по ее ужасу и смятению, она так же не виновата в ней, как и Окта-

* «созданный природою, чтобы таить в себе ненависть, прикрывая притворными ласками» (лат.).

** «то ли по воле рока или, может быть, потому, что все запретное слаще, и они опасались, как бы Нерон не обратился к прелюбодеянным связям с женщинами именитых родов» ²⁷ (лат.).

*** «Сенека — наставлениями в красноречии и свободной от подобиюстрастия обходительностью» ²⁹ (лат.).

вия. В Британике она видела свою последнюю надежду, и злодейская его гибель рождала в ней предчувствие еще большего злодеяния: «Sibi supremum auxilium ereptum, et parricidii exemplum intelligebat». *

Возраст Британика так хорошо всем известен, что я не мог изобразить его иначе, нежели юным отпрыском императорского дома, наделенным великой отвагой, способностью к великой любви и прямотушем — свойствами, вообще отличающими юность. Ему было пятнадцать лет, и говорили, что он одарен живым умом — так ли это, или людям, тронутым его несчастной судьбой, хотелось этому верить, но умер он раньше, чем успел доказать свои способности: «Neque segnem ei fuisse indolem ferunt; sive verum, seu, periculis commendatus, retinuit famam sine experimento». **

Не следует удивляться, что при нем находится такой дурной человек, как Нарцисс: давно уже было решено, что Британика должны окружать люди без чести и совести: «Nam, ut proximus quisque Britannico, neque fas neque fidem pensi haberet, olim provisum erat». ³⁴

Мне остается сказать несколько слов о Юнии. Не следует путать ее со старой кокеткой по имени Юния Силана. У меня речь идет о другой Юнии, которую Тацит называет Юнией Кальвиной из дома Августа; она приходилась сестрой Силану, которому Клавдий обещал в жены Октавию. Эта Юния была молода, красива и, как говорит Сенека, «festivissima omnium puellarum». Они с братом нежно любили друг друга, и «их враги, — говорит Тацит, — обвинили их в кровосмесительстве, хотя повинны они были лишь в некоторой неосмотрительности». Она дожила до правления Веспасиана. ³⁵

Юния у меня становится весталкой, хотя Авл Геллий сообщает, что в весталки принимали девочек не моложе шести лет и не старше десяти. Но в моей трагедии народ берет Юнию под свое покровительство и, как мне кажется, приняв в расчет ее происхождение, добродетель и несчастную участь, он может пренебречь возрастом, предписанным по закону, как много раз пренебрегал узаконенным возрастом, когда выбирал в консулы знаменитых людей, достойных этой почетной должности.

* «Агриппина отчетливо понимала, что лишается последней опоры и что это братоубийство — прообраз ожидающей ее участи» ³² (лат.).

** «Говорят, что он обладал природными дарованиями; то ли это соответствует истине, то ли такая слава удержалась за ним из-за сочувствия к постигшим его несчастьям, хотя он и не успел доказать на деле ее справедливость» ³³ (лат.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Н е р о н, император, сын Агриппины.

Б р и т а н и к,³⁶ сын императора Клавдия.

А г р и п п и н а,³⁷ вдова Домиция Энобарба, отца Нерона,
и, по второму браку, вдова императора Клавдия.

Ю н и я, возлюбленная Британика.

Б у р р, наставник Нерона.

Н а р ц и с с, наставник Британика.

А л ь б и н а, наперсница Агриппины.

С т р а ж а.

Место действия — Рим, один из покоев во дворце Нерона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Агриппина, Альбина.

Альбина

Негоже, госпожа, тебе у двери ждать,
Когда твой сын Нерон изволит почивать.
Мать императора в покой к нему не входит,
Без свиты по дворцу беспшумной тенью бродит...
Прошу, вернись к себе, там сына подождешь.

Агриппина

Нет, мне уйти нельзя. Как беспощадный нож,
Мой сын в меня вонзил тревогу и страданье:
Я думой горестной заполню ожиданье.
Все, все сбывается, чего боялась я:
Нерон нетерпелив и, больше не тая
Вражды к Британику, весь нынче обнаружась,
Устав вселять любовь, вселить желает ужас.
Едва Британика с пути он уберет,
Как вслед за ним, поверь, приспеет мой черед.

Альбина

К чему такая речь? Нерон к тебе привязан,
Рожденьем, титулом — всем матери обязан.
Сын Клавдия тобой наследия лишен
И римским цезарем не он провозглашен,
А сын Домиция.³⁸ Тебя любить безмерно
Он должен, госпожа.

Агриппина

Он должен, это верно,
И щедро мне воздаст, когда в нем честь жива,
Но тяжко отомстит, когда она мертва.

Альбина

В Нероне честь мертва? Он долгу так послушен,
 Выскателен к себе, к другим великодушен!
 Три года властвует,³⁹ и цезарем таким —
 Тебе ль того не знать? — гордиться может Рим.
 Стал императором Нерон тому три года,
 И время консулов вернулось для народа:
 Он подданным отец и в юности своей
 Подобен Августу на склоне поздних дней.⁴⁰

Агриппина

При всем пристрастии насквозь я вижу сына:
 Чем Август завершил, тем начал он, Альбина,
 Но как бы прошлого грядущим не пограл
 И тем не завершил, чем Август начинал!
 Личину носит он, но сквозь личину явен
 В нем сын Домиция, жесток и своенравен.
 Гордыни родовой лежит на нем печать:⁴¹
 Гордыней он в отца, гордыней он и в мать.
 Тиран медоточив, пока не в полной силе.
 Как был приветлив Гай,⁴² и как его любили!
 Но речь медовую сменяет лютый гнет,
 И в страхе ледяном покорствует народ.
 А впрочем, прям Нерон иль низмен и двуличен —
 Потомков приговор мне, право, безразличен!
 Поставлен был мой сын к кормилу власти мной
 Затем ли, чтоб сенат водил его рукой?
 Пусть римлянам отцом он будет впредь и ныне,
 Но не перестает быть сыном Агриппине!
 А как, скажи, постичь и как именовать
 Деянье, что в ночи свершил он, словно тать?
 Нерону ведомо, — не новость то для Рима, —
 Что страстно Юния Британиком любима,
 Так как же, если впрямь Нерон душой высок,
 Как он под кровом тьмы ее похитить мог?
 Скажи, что движет им? Любовный пыл? Едва ли!
 Скорей желание, чтобы они страдали.
 А, может, злобою ко мне он одержим
 И хочет покарать меня за помощь им?

Альбина

За помощь им?

Агриппина

Молчи, не возражай, Альбина!
 Я знаю, в их судьбе одна лишь я повинна.

Да, мной, одной лишь мной Британик отстранен,
 Чтоб императором назвал себя Нерон.
 Силана,⁴³ Юнии возлюбленного брата,
 Я убрала за то, что Клавдием когда-то
 Ему Октавия обещана была,
 А в нем, я помнила, кровь Августа текла.⁴⁴
 Все получил Нерон, и что же? От Нерона
 Британику теперь я — щит и оборона,
 Дабы в грядущий день, равенство сил храня,
 Британик от него оборонил меня.

А л ь б и н а

Далеко смотришь ты.

А г р и п п и н а

Что делать мне прикажешь?
 Он вырвется из рук — потом его не свяжешь.

А л ь б и н а

Остерегаешься ты сына своего?

А г р и п п и н а

Пока боится он, я не боюсь его.

А л ь б и н а

Должно быть, у тебя для страха есть причина,
 Но если цезаря страшится Агриппина,
 Об этом знаете вы двое: он и ты —
 От прочих скрыто все завесой темноты.
 С тобой почет и власть наш цезарь разделяет,
 Тебя возносит он, себя же умаляет.
 Сыновней нежностью всегда окружена,
 Ты цезарю одна величием равна.
 Октавию давно никто не замечает,
 Меж тем тебя Нерон так чтит и величает,
 Что носят фасции и лавры пред тобой:⁴⁵
 Так Ливию⁴⁶ не чтил и Август, предок твой.
 Чего же хочешь ты? Ужель мала награда?

А г р и п п и н а

Когда доверья нет, и почестей не надо.
 Они, Альбина, знак паденья моего:
 Я, вознесенная, не значу ничего.
 Те времена прошли, когда, любимый всеми,
 Слагал на плечи мне забот и власти бремя
 Мой юный сын Нерон, и этому был рад.

Тогда я во дворец могла призвать сенат,
Тогда, незримая,⁴⁷ всем правила умело,
Всевластная душа послушливого тела,
Как Риму угодить, еще не знал Нерон,
Еще могуществом он не был опьянен.
Тот день, тот черный день не перестану клясть я,
Когда постиг мой сын, как сладостно всевластье,
Когда послы владык со всех концов земли
Ему покорства дань смиренно принесли.
Я к сыну подошла, с ним рядом сесть хотела,
Взглянула на него и вся похолодела —
Так яростно сверкнул по мне скользнувший взор.
Кто научил его — не знаю до сих пор,
Но сразу поняла печальное предвестье,
И не замедлило ко мне прийти бесчестье:
Он оскорбление почтительностью скрыл,
За плечи обнял и — от трона отстранил.⁴⁸
К закату катится с тех пор мое светило,
И все быстрее, быстрее идет на убыль сила.
Я — тень, всего лишь тень. Никто ко мне не льнет:
Бурр — вот опора всем, Сенека — вот оплот.

А л ь б и н а

Но подозрение — отравленный напиток.
Чем тайно изнывать во власти этих пыток,
Не лучше ль цезарю прямой вопрос задать?

А г р и п п и н а

Лишь при свидетелях он принимает мать,
В урочный час, когда заране все готово:
Молчанье, взгляд, кивок, не говорю уж, слово —
Все, все обдуманно. И соглядатай тут,
Один из двух,⁴⁹ что нас так зорко стерегут.
Но пусть он прячется — напрасное старанье!
Сейчас мне на руку ночное злодеянье.
Дверь открывается. Пойдем, настал мой час,
Я прямо приступлю к нему на этот раз
И выведу все, что утаить желает...
Но это Бурр!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агриппина, Бурр, Альбина.

Бурр

Меня наш цезарь посылает
Подробно госпожу в то дело посвятить,

Которое могло ей душу возмутить.
Я должен подтвердить бесхитростным рассказом,
Что императором руководит лишь разум.

Агриппина

Тогда войдем к нему. Он сам все объяснит.

Бурр

Но доступ к цезарю сейчас для всех закрыт,
Затем что консулы, дверь потайную зная
И нечто важное с ним обсудить желая,
Уже к нему вошли. Но я спрошу...

Агриппина

Нет, нет!

К лицу ли, бедной, мне нарушить сей запрет?
А вот с тобою, Бурр, уловки все оставя,
Поговорить бы мне хотелось, не лукавя.

Бурр

Я презираю ложь и правды верный друг.

Агриппина

Вы долго ль будете, не покладая рук,
Искусно возводить все новые преграды
Меж мной и цезарем? Как были бы вы рады
Нас вовсе разлучить! Ответь мне на вопрос:
Сенеку и тебя кто, как не я, вознес?
И вот ведете вы теперь соревнованье,
Как обратить в ничто мой вес, мое влиянье.
Чуждаться стал меня Нерон не потому ль,
Что вам не терпится схватить державный руль?
Чем больше думаю, тем меньше разумею:
Неужто мните вы, пред вами я робею,
Я, императоров жена, и дочь, и мать?⁵⁰
Служить — вот ваш удел, а мой — повелевать!
Да если бы не я, вы оба в легионе
Остались бы вовек! В каком же вы уроне?
Куда вы метите? Я одному, не трем
Сан цезаря дала, пеклась лишь об одном.
Уже он не дитя, пусть самовластно правит.
Оглядкою на вас Нерон себя бесславит,
А помощь надобна — найдет поводырей
Меж пращуров своих,⁵¹ обоих вас мудрей!
Тиберий, Август ли — чем плох такой учитель?
Чем не пример ему Германик, мой родитель?

Мне причислять себя к великим сим не след,
Но цезарю и я могу подать совет,
Как подданных своих держать на расстоянье,
Дабы положенной не преступали грани.

Б у р р

Поступок цезаря я объяснить хотел,
И в мыслях не было касаться прочих дел.
Но объяснения ты слушать не желаешь,
А между тем вину на Бурра возлагаешь.
Что ж, выложу тебе всю правду напрямик:
Я воин, госпожа, к прикрасам не привык.
За то, что ты моей доверила опеке
Нерона юного, признателен вовеки,
Но разве клялся я, что бережно взращу
Одно покорство в нем? Владыку превращу
В послушного слугу? Ты видишь в нем лишь сына,
Я — императора и мира властелина.
За совесть, не за страх отчизне я служу
И перед ней ответ бестрепетно держу.
Ты нас приставила к Нерону для того ли,
Чтоб сделать цезаря игрушкой чуждой воли?
Ужель растлителей среди ближних не нашлось
И меж изгнанников ⁵² отыскивать пришлось?
Был Клавдий окружен угодливой толпою,
Льстецов не перечеть, а нас, ты знаешь, двое.
Им было б на руку, чтоб твой державный сын
Беспомощным юнцом остался до седин.
Чем недовольна ты? Везде и всюду в Риме,
Как имя цезаря, чтут Агриппины имя.
Ты тем уязвлена, что он к твоим ногам
Державу не кладет и управляет сам?
Он к матери своей питает уваженье,
Но уважение не значит униженье!
Нет, нерешительный, робеющий Нерон
Не станет Цезарем, хотя и цезарь он.
Рим счастлив, что теперь отпущенник в опале:
Те трое ⁵³ столько лет его поработали,
Но император наш ему права вернул,
И, спину распрямив, всей грудью Рим вздохнул.
Жестокая пята народ не попирает;
На поле Марсовом собравшись, избирает
Он магистратов сам; в нем ожил вольный дух;
Склоняет цезарь наш к легионеру слух —
Он знает, быть вождем один лишь тот достоин,
Кому и честь, и жизнь вручает слепо воин;

Тразев доблестный в сенате вознесен;
 Ведет когорты в бой отважный Корбулон;⁵⁴
 Не оклеветанный, а клеветник в пустыне...
 Что ж, если к нам двоим Нерон не глух и ныне,
 Какая в том беда! Мы не жалеем сил,
 Чтоб цезарь был могуч, а Рим свободен был.
 Но Римом управлять Нерон и сам умеет —
 Ему покорен Бурр и наставлять не смеет.
 Пусть будут пращурсы примером для него,
 Пусть внемлет голосу лишь сердца своего!
 В нем добродетели — как звенья цепи длинной:
 Им крепнуть день за днем, година за годиною.

А г р и п п и н а

Хотя доверия в тебе к Нерону нет,
 Ты чаешь, что спасешь его и Рим от бед,
 И радует пока тебя твое творенье.
 Нерон во всех делах достоин одобренья!
 Но если цезарь благ и разумом высок,
 Ужели Юнию похитить бы он мог?
 Я — значит, и мой сын — единого с ней рода.⁵⁵
 Его деянием оскорблена природа!
 Скажи мне, объясни, в чем Юпии вина?
 Чем императора прогневала она?
 Она воспитана в тиши для скромной доли
 И нынче в первый раз — и не по доброй воле —
 Того увидела, кого б хотелось ей
 Не видеть во плоти до окончанья дней.

Б у р р

Никто за Юнией недобрых дел не числит.
 Наказывать ее наш цезарь и не мыслит.
 Пусть во дворце живет, никем не стеснена,
 Тенями пращуров всегда осенена.
 Но нужен ей супруг покладистого нрава,
 Не то жены своей наследственное право
 Употребит во зло. И, госпожа моя,
 Решать лишь цезарю, кого ей дать в мужья.
 Он волен отказать, он волен согласиться:
 В Нероне, как и в ней, кровь Августа струится.

А г р и п п и н а

Уразумела я: Нерон понять дает,
 Что помощи моей Британик пусть не ждет.
 Я брак с возлюбленной ему сулила тщетно,
 Мятажные мечты смиряя неприметно.

Мои посулы — вздор, пустая болтовня!
Всем на смех выставить решил Нерон меня.
Я слишком высоко стояла в общем мненье —
Так пусть увидят все мое уничиженье,
Пусть, трепеща, поймут: их добрый властелин
Отрекся от меня и мне уже не сын.
Все в воле цезаря. Но Агриппина хочет
Его предостеречь: сначала пусть упрочит
Над римлянами власть. С ним не тягаться мне,
Но все же, если он прижмет меня к стене
И больше у меня терпения не станет —
Посмотрим, кто сильней, чье имя перетянет.

Б у р р

Как подозрительность твоя воспалена!
Мнит оскорблением любой пустяк она!
Ни разу не бросал тебе твой сын укора,
Что ты — Британику и Юнии опора,
А ты торопишься к его врагам примкнуть,
Чтоб с горечью потом его же упрекнуть,
Из-за людской молвы, досужих разговоров
Спешешь раздуть огонь губительных раздоров.
Обоих страх завел в тупик, но на простор
Вас приведет прямой и добрый разговор.
Зачем над цезарем ты суд чинишь суровый?
Будь кроткой матерью, к прощению готовой.
К чему о ссорах с ним весь Рим оповещать
И этим от себя придворных отвращать?

А г р и п п и н а

Молчать? Но для чего? Кому теперь нужна я?
Нерон, заносчиво пристойность попирая,
Все разглашает сам. К нему не вхожа мать,
И волен даже Бурр ее не пропускать!

Б у р р

Я вижу, госпожа, мне удалиться надо.
Я был излишне прям. Ревнивая досада
Не внемлет разуму. Ей ненавистен тот,
Кто масла ярости в ее костер не льет.
Но вот уже идет Британик. Он в смятенье,
И ты разделишь с ним и скорбь, и возмущенье
И тех начнешь винить, и клясть, и унижать,
С кем цезарь, может быть, не стал совет держать.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Британик, Агриппина, Нарцисс, Альбина.

Агриппина

Куда ты так спешишь, Британик? Знать бы надо —
Повсюду здесь враги, повсюду здесь засада.
Что ищешь во дворце?

Британик

Все, госпожа моя,

Все, что похитил он и что утратил я.
Насильно Юнию сюда легионеры
Среди ночи привели. О скорбь, о боль без меры!
Она, что так всегда пуглива и нежна,
Должно быть, ужасом она поражена!
Нет Юнии со мной! Мы друг для друга были
Оплотом в горести, но нас разъединили,
Разрознили сердца, затем что их союз
Обоим помогал нести печалей груз.

Агриппина

Довольно. Да, ты прав, и я с тобой согласна.
Все высказала я сегодня громогласно,
Тебя опередив. Но это гнев пустой,
И я по-прежнему в долгу перед тобой.
К Палласу я спешу. И ты внемли совету:
Иди за мной. Мы там беседу кончим эту.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Британик, Нарцисс.

Британик

Могу ли я, Нарцисс, поверить ей вполне?
Она — Нерона мать и, стало быть, ко мне
Питает ненависть. Когда на Агриппине
Женился мой отец, к безвременной кончине
Шагами быстрыми пошел: ты мне внушал,
Что Клавдий замыслам своей жены мешал.

Нарцисс

Все так, но сын вонзил в нее обиды жало.
Подумай, не она ль так твердо обещала,
Что будет Юния твоей? У вас, поверь,
И помыслы, и цель — все общее теперь.

Запомни, что дворец к стенам безучастен,
 Зато он силу чтит и страх над ним всевластен.
 А если жалобы начнешь ты расточать,
 Придется весь свой век без отзыва кричать.

Б р и т а н и к

Нарцисс, ты знаешь всё, все тайные стремленья
 И сам не думаешь, что без сопротивленья
 Империю отдам и, усташась борьбы,
 Как раб, склонюсь к ногам злокозненной судьбы.
 Но я совсем один. Боясь моей педоли,
 Меня друзья отца не окружают боле,
 А те немногие, что верны до конца,
 Вождем не изберут незрелого юнца.
 Я начал понимать немногим больше года,
 Что в Риме для меня вседневно — непогода.
 Кто прежде другом был, тот нынче стал врагом.
 Куда ни погляжу — предатели кругом.
 Я взят в кольцо толпой продажной и бесчестной.
 Что ни задумаю — Нерону все известно.
 Он слышит каждый вздох, предвидит каждый шаг,
 И замыслы мои не хуже знает враг,
 Чем ты, мой лучший друг. Везде глаза и уши.
 Не ведаю, как быть.

Н а р ц и с с

О низменные души!..

Болтливых языков, мой господин, беги,
 Будь осмотрителем и тайны береги.

Б р и т а н и к

Дается не легко наука недоверья:
 Как прямодушному постигнуть лицемерья?
 Но ты мне друг, Нарцисс. Все думы, все мечты —
 Клянусь, их будешь знать отныне только ты.
 Недаром мой отец хвалил тебя: не ты ли,
 Вольноотпущенник, когда все изменили,
 И охранял меня, и предостерегал,
 И путь прокладывал среди подводных скал.
 Поди к друзьям, узнай, сердца долит ли дрема
 Или ее страхнул удар такого грома?
 Прислушайся к речам, в глаза им загляни —
 Поддержат ли меня в моей борьбе они?
 И, главное, узнай, где Юния томится?
 Какой невзгоды ждет? Какой беды боится?
 Стоит ли день и ночь охрана у дверей?

Удастся ли, Нарцисс, мне повидаться с ней?
 К Палласу я иду. Отцом моим он тоже,
 Как ты, отпущен был и, знаю, мне поможет.
 Там с Агриппиною я стакнусь, а потом,
 Как бы идя за ней, пойду своим путем.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нерон, Бурр, Нарцисс, стража.

Нерон

Да, да, мой добрый Бурр, она мне мать, я знаю,
 И своеправие безмолвно ей спускаю,⁵⁶
 Но наглеца-слугу я в порошок сотру!
 Давно против меня Паллас ведет игру.
 Он Агриппине лжет и душу ей смущает,
 Британика восстать на брата наущает
 И в этом преуспел: они — мой брат и мать —
 Готовы день и ночь презренному внимать.
 Их должно разлучить. Терпенью есть граница —
 Он перешел ее. Пусть тотчас удалится,
 Покинет Рим и двор, исчезнет, сгинет с глаз.
 Незамедлительно исполнить мой приказ,
 Не то империя не будет знать покоя.
 Ступайте. Ты, Нарцисс, останешься со мною.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нерон, Нарцисс.

Нарцисс

Ну вот, и Юния теперь в твоих руках,
 А с ней и Рим, весь Рим. Врагов терзает страх:
 Паллас подстегивал пустые упованья,
 Теперь он слушает бесплодные стенанья.
 Но как это понять? Мой цезарь удручен,
 Его высокий дух смятен и омрачен,
 Как у Британика, блуждает взгляд тоскливый...
 О чем печалится Фортуны друг счастливый?
 За все ее дары богиню славославь!

Нерон

Свершилось наконец: Нерон узнал любовь.

Н а р ц и с с

Ты?

Н е р о н

Я. В единый миг, Нарцисс, и до могилы.
Люблю, боготворю, вся жизнь на службу милой,
На службу Юнии!

Н а р ц и с с

Ты Юнию назвал?

Н е р о н

Чтоб на нее взглянуть, я среди ночи встал.
В мерцанье факелов, в холодном блеске стали
Слезинки на глазах у Юнии сверкали.
Был прерван сон ее в глухой полночный час,
И как она была красива без прикрас!
Шум в тишине ночной, во мраке пятна света,
Меж грубых воинов она, полуодета,
Прелестное лицо в кругу свирепых лиц,
И трепетание увлажненных ресниц —
Все, все слилось в одно, и я, как бы прикован,
Стоял, едва дыша, пронзен и очарован.
Хотел заговорить — мне голос изменил.
И увели ее, и молча проводил
Я взглядом Юнию. Потом в своем покое
Тот образ неземной я видел пред собою,
И сколько произнес восторженных речей!
Скажу ли? По душе мне даже слез ручей,
Что льет из-за меня. Хотел просить прощенья,
Но робко умолкал, и за свои мученья
Ей наказанием грозил и, полонен
Порывом новых чувств, забыл, что значит сон.
Но, может быть, Нарцисс, все это заблужденье
И днем покажется прекрасное виденье
Не столь пленительным для сердца и для глаз?

Н а р ц и с с

Неужто, господин, ты нынче в первый раз
Увидел Юнию?

Н е р о н

Ты будто бы ответа

Не знаешь наперед! Она бежала света.
Должно быть, мнилось ей, на мне лежит вина
За смерть внезапную Силана, и она,

Утратой ранена, строга и горделива,
 Хотела скрыть от всех красы весенней диво.
 Здесь, при дворе, хранить такую чистоту!
 Возможно ли, Нарцисс, не полюбить мне ту,
 Что в беспорочности своей неповторимой,
 Ни в чем не схожая с красавицами Рима,
 Не только не спешит привлечь к себе мой взор
 И страсть во мне зажечь, но видит в том позор!
 Жила затворницей, в забавах не нуждаясь,
 Успеха шумного и льстивых слов чуждаясь,
 Не снисходя спросить, любезен ли Нерон
 И склонен ли к любви... А правда, что влюблен
 Британик в Юнию?

Н а р ц и с с

Но, господин мой, право,
 Мне странен твой вопрос.

Н е р о н

Бездонных глаз отрава
 Не проникает в кровь таких юнцов, как он.

Н а р ц и с с

Любовь сама себе причина и закон.
 Он любит Юнию. Очарованья данник,
 Умеет и вздыхать, и слезы лить Британик,
 И рьяно угождать, и ревностно служить,
 Умеет, может быть, и нежность заслужить.

Н е р о н

Как! Он ей нравится? Он в сердце к ней прокрался?

Н а р ц и с с

Не знаю, господин, хотя узнать старался,
 Но вот что видел сам: он из дворца порой
 Шатаясь выходил, от злобы сам не свой;
 Твое величие, свое уничиженье
 Еще раз ощутив, бессильно жаждал мщенья,
 Мешались гнев и страх — он к Юнии спешил,
 А, выйдя от нее, был полон новых сил.

Н е р о н

Не о ее любви — о ненависти надо
 Британику мечтать. Не ждать тому пощады,
 Кто жалом ревности Нерона уязвит.

Нарцисс

О чем ты, господин? Его унылый вид,
 И вздохи тяжкие, и скорбные рыданья
 Невольно в Юнии рождали состраданье.
 Что в жизни ведала, что видела она?
 Но быстро с глаз спадет незнанья пелена:
 Когда предстанешь ты, блистательный, великий,
 И будут вокруг тебя могучие владыки
 Смиренною толпой стоять без диадем,
 И в отдалении — Британик, сир и нем;
 Когда ты скажешь ей, что в плен попал властитель,
 Что ею побежден вселенной победитель,
 Тогда — не побоюсь поклясться всем святым! —
 Лишь повели любить и будешь ты любим!

Нерон

А сколько впереди доуки, и тревоги,
 И неприятностей!

Нарцисс

Кто поперек дороги
 Нерону встанет?

Нерон

Кто? Октавия и мать,
 Сенека, Бурр, весь Рим, я сам, что управлять
 Столь добродетельно три года был обязан!
 Постыла мне жена, я с ней ничем не связан,
 Претит ее любовь, не трогает печаль.
 Нет, мне давным-давно Октавии не жаль!
 Когда же наконец я получу свободу?
 Благоприятствует сама судьба разводу:
 Октавия богов молить не устает,
 Но боги глухи к ней. Уже четвертый год,
 Как добродетелью расстрогать их не может,
 И все по-прежнему ее бесплодно ложе,
 И у державы нет наследника, Нарцисс.⁵⁷

Нарцисс

Так что же, господин, ты медлишь? Разведись!
 Против Октавии и ты, и Рим державный.
 Пленился Ливией твой предок, Август славный,
 И оба развелись, дабы вступить в союз,
 И ты, владыка наш, потомок этих уз.⁵⁸
 Тиберий Юлию, дочь Августа, оставил,

Хотя ее отец был жив и Римом правил.
Зачем же мешкаешь, себе наперекор?
Ушли Октавию и вырвись на простор.

Н е р о н

Любовь предчувствием грядущих бед томима:
Мою ты знаешь мать — она неумолима.
Что, ежели ко мне с Октавией придет
И станет предъявлять моих проступков счет,
Вопя, что восстаю на святость Гименея,
Что рвать не смею уз, благословенных ею?
Как это выдержать? Я все-таки ей сын.

Н а р ц и с с

Над ней и над собой всевластный господин,
Ты правишь для себя, а не для Агриппины,
И, цезарь, знаешь сам — ты не из мягкой глины,
Ты тверд, а этот страх лишь для отвода глаз:
Ее любимцем был заносчивый Паллас,
А ты его сейчас изгнал без колебанья.

Н е р о н

Я с радостью иду, куда влекут желанья,
Склоняю слух к тебе, приемлю твой совет,
Грожу и требую — когда ее здесь нет.
Я весь перед тобой, Нарцисс, как на ладони:
При ней ни мужества, ни воли нет в Нероне.
Быть может, дело в том, что столько лет подряд
Меня по жизни вел ее суровый взгляд,
А, может, приношу признательности дань я
За все ее труды, за все благодеянья.
Так или иначе, бессильный и немой,
Пред гением ее сникает гений мой.⁵⁹
Чтоб сбросить этот гнет, в себе я замыкаюсь
И от нее бегу, а иногда стараюсь
Больнее оскорбить, дабы, судьбу кляня,
Теперь уже она бежала от меня...
Заговорился я. Пора нам и расстаться,
Не то начнет тебя Британик опасаться.

Н а р ц и с с

Ну нет! Мне полностью доверился простак
И сам меня послал разведать, что и как,
Искусно вытянуть у цезаря признанья,
Понять все замыслы, постичь все начинанья

И встрече с Юнией здесь во дворце помочь:
Не видеть милою ему уже невмочь.

Н е р о н

Что ж, пусть увидятся. Неси ему скорее
Столь радостную весть.

Н а р ц и с с

Не будет ли мудрее,
Мой добрый господин, их навсегда развестись?

Н е р о н

Я с этим не спешу — на то причины есть.
Потом Британику за все воздам сторицей.
Ступай, иди к нему, не уставай хвалиться,
Что обманул меня... Шаги... Она идет!
Скажи, что Юния его сюда зовет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н е р о н, Ю н и я.

Н е р о н

Бледнеешь и дрожишь и голову склонила?
Меж тем в моих глазах суровость не сквозила.

Ю н и я

Я правду, господин, сказать тебе должна:
Не цезарь нужен мне, Октавия нужна.

Н е р о н

Ты к ней, счастливнице, добра и благосклонна,
И горькой завистью полна душа Нерона.

Ю н и я

Как мне тебя понять?

Н е р о н

Могу сказать ясней:
Ценить достоинства дано не только ей.

Ю н и я

А от кого еще мне ждать благоволенья?
Что совершила я? Какие преступления?
Ты покарал меня, но в чем, скажи, она,
Моя ужасная перед тобой вина?

Н е р о н

Вина немалая. Ты хочешь знать — какая?
 Зачем таилась ты, Нерона избегая?
 Зачем свою красу, усладу наших глаз,
 Бесценный дар богов, ты прятала от нас?
 Меж тем Британику, я знаю, нет запрета
 Влюбленно созерцать бутон в часы расцвета.
 В твоё святилище ему открытый вход,
 А цезарь при дворе, как изгнанный, живет!
 Его признаниям ты, говорят, внимаешь,
 Молчишь, но дерзкого за них не изгоняешь,
 Хотя сомненья нет, что Юния горда
 И безрассудных чувств не примет никогда,
 Надежды не подаст, не поощрит желаний,
 Согласья моего не испросив заране.

Ю н и я

Не стану отрицать, он оказал мне честь,
 И я в его глазах порой могла прочесть —
 Британику любовь печальница внушает,
 Что род прославленный так скорбно завершает.
 В счастливые года его отец мечтал,
 Чтоб жизнь свою с моей Британик сочетал.
 Слились любовь и долг. Дерзну сказать я боле:
 Не только Клавдия — то Агриппины воля,
 А, значит, и твоя. Ты с ней всегда един.

Н е р о н

Ты заблуждаешься. Здесь цезарь — властелин.
 Желанье Клавдия, желанье Агриппины
 Не значат ничего. Есть у меня причины,
 Есть замыслы свои. Тебе супруга дам,
 Но изберу его я сам. Ты слышишь — сам.

Ю н и я

Кровь цезарей во мне! Не смею, не должна я
 В неравный брак вступить, их и себя пятная.

Н е р о н

Неравного тебе Нерон не изберет,
 И будущий супруг не посрамит твой род:
 Ты вправе увенчать его восторг влюбленный.

Ю н и я

Кого же прочишь ты в супруги мне?

Н е р о н

Нерона.

Ю н и я

Себя?

Н е р о н

Другого бы назвал, когда бы он
 Меня превосходил, был выше вознесен.
 Дабы достоин был супруг такой супруги,
 Я многих перебрал в необозримом круге
 Моей империи, ищу и до сих пор,
 Но только цезаря находит строгий взор —
 Лишь с ним одним тебя возможно соизмерить.
 Ты клад, сокровище, и этот клад доверить
 Возможно лишь тому, кого державный Рим
 Признал своей главой, властителем своим.
 Пора взглянуть в глаза неприкровенной правде:
 Да, прочил Юнию в супруги сыну Клавдий,
 Затем что полагал — держава перейдет
 К Британику в тот день, когда он сам умрет.
 Решил иное рок. Твой долг пред ним склониться,
 Принять мою любовь и стать императрицей.
 Богами взыскан я, всевластье мне дано,
 Но тяжким бременем покажется оно,
 Когда за рой работ не будет воздаянья —
 Прекрасных этих глаз небесного сиянья,
 Когда у милых ног награды не найду
 За жизнь, что отдана тревогам и труду,
 За то, что горько мне, но я лишь зависть сею.
 Рим признаёт тебя владычицей своею,
 А не Октавию. Ее ты не жалея:
 Отвергли небеса союз Нерона с ней.
 Все взвесь в своей душе разумно и спокойно
 И страсть мою прими: она тебя достойна,
 Достоин Рим тебя и блеска твоего.
 Так властвуй же над ним и осчастливь его!

Ю н и я

Меня ты поразил, как громом, речью странной.
 Я, как преступница, под строгою охраной
 Сегодня во дворец приведена была.
 Увидев цезаря, от страха не могла
 Понять, где я, что я, невинна иль виновна,
 А цезарь, чуть взглянув, подносит хладнокровно
 Мне трон Октавии! Нежданный приговор!
 За что такая честь, за что такой позор?

Ты знаешь, господин, я одинока с детства:
Сиротство мне семья оставила в наследство,
Мой род угас, и я старалась воспитать
В душе достоинства, ее скорбям под стать.
Мне, свыкшейся давно с безвестной темной ночью,
Как миру целому явиться вдруг воочью?
Блеск ослепит меня и, что важней всего,
Другая все права имеет на него.

Н е р о н

Решенье принято. Она развод получит.
Страх — робость, может быть? — тебя напрасно мучит.
Не слепо выбрал я и знаю наперед:
Высоко ты взнесешь возвышенный свой род.
Не отстраняйся же от славы величавой,
Не отвергай ее, пленившись жалкой славой
Отказа от всего, чем так прекрасен свет!
Ты будешь каяться, сказав надменно «Нет!»

Ю н и я

Нет тайн в моей душе от неба всеблагого:
Клянусь, она чужда тщеславия пустого.
Твой драгоценен дар, нет равного ему,
Но если этот дар из рук твоих приму,
В его сиянии далеко станет видно,
Что я Октавию ограбила бесстыдно.

Н е р о н

Каких горячих ты полна о ней забот!
Подобные друзья у нас наперечет!
Отбросим хитрости, они сейчас некстати:
Все помыслы твои не о сестре — о брате,
И для Британика. . .

Ю н и я

Британик дорог мне —
С тобою, господин, правдива я вполне.
Признания мои, быть может, и опасны,
Но чувства и слова у Юнии согласны:
Вдали от суеты, живя не при дворе,
Я не приучена к притворству и игре.
Да, мне Британик мил. Ему я назначалась
В супруги с малых лет, но так и не досталась,
Как не достался Рим. И с этих самых пор
Он, словно перст, один. Его покинул двор,
Нет больше почестей, да и друзей не стало,

Но это, господин, лишь крепче нас связало.
Ты наслажденьями свой каждый полнишь час,
Неведом цезарю запрет или отказ,
И вся империя к услугам властелина,
А ляжет на чело угрюмая морщина —
Не только Рим, весь мир покоя не найдет,
Пока унынья след не сдует, не сотрет.
Британик одинок. Начнут теснить несчастья —
К нему лишь я одна исполнена участия,
И, кроме слов скупых и слез, пролитых мной,
У сына Клавдия нет радости иной.

Н е р о в

За каждую слезу, за ласковое слово
Я смерти предал бы соперника другого,
Но кару легкую Британику припас:
Он на свидание к тебе придет сейчас.

Ю н и я

Кто в доброте твоей посмеет сомневаться?

Н е р о в

Я мог бы воспретить ему сюда являться,
Но в гневе может он наделать много бед
И понесет тогда заслуженный ответ.
Не погублю его. Пусть на свободе дышит,
Но прежде от тебя свой приговор услышит:
Пренебрежительно его прогонишь с глаз,
Не намекнув на то, что это — мой приказ,
Что цезарь ревностью к Британику измучен.
Нет, дай ему понять, что он тебе докучен,
Молчаньем каменным и холодом речей
Надежды уничтожь, мечтания развей.

Ю н и я

Мне на Британика такой удар обрушить?
Обеты растоптать и веру в нем разрушить?
Но даже если я заставлю лгать свой рот,
Он правду все равно в моих глазах прочтет!

Н е р о в

Я буду здесь стоять, всевидящий, но скрытый.
Свою любовь к нему поглубже схорони ты:
Для наблюдения удобен мой тайник,
И сразу уловлю я ваш немой язык.

Чуть бросишь нежный взгляд — украдкой, осторожно —
Британику конец. И это непреложно.

Ю н и я

И ты не сжалишься? Уж лучше бы тогда
Мне не встречаться с ним при жизни никогда!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Н е р о н, Ю н и я, Н а р ц и с с.

Н а р ц и с с

Британик к госпоже идет. Твое веленье,
Мой цезарь?

Н е р о н

Пусть войдет.

Ю н и я

Молю...

Н е р о н

К чему моления?

Судьба Британика в твоих руках сейчас:
Увидишь ты его, а я увижу вас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ю н и я, Н а р ц и с с.

Ю н и я

Нарцисс, скорей, беги, предупреди... О боги!
Конец, всему конец! Британик на пороге!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ю н и я, Б р и т а н и к, Н а р ц и с с.

Б р и т а н и к

Мы снова свиделись! Награда из наград —
Глядеть в твои глаза! Я рад, безмерно рад,
Я счастлив, Юния, но на душе тревожно:
Встречаться во дворце нам будет ли возможно?
Ты счастье этих встреч дарила день за днем,
И вот я вынужден ловить его тайком...
А эта ночь! Твой страх, когда ты пробудилась!
О как ты плакала, но стража не смягчилась!

Но где же, где был я? Чья сумрачная власть
 Мне не позволила, сразившись, мертвым пасть?
 Поведай, Юния, меня ты вспоминала?
 А как терзаюсь я, как мучаюсь, ты знала?
 Жалела ли? Позволь мне верить в эту честь!
 Что я почувствовал, когда услышал весть!..
 Но ты безмолвствуешь, ни слова, ни движенья...
 Ты холоднее льда, глаза без выраженья...
 Не бойся, мы одни, я обманул врага,
 Пойми, нам каждая минута дорога,
 Утешь Британика, не будь так безучастна!

Ю н и я

Британик, во дворце все цезарю подвластно
 И у безгласных стен есть зрение и слух.
 Пойми же, цезарь здесь — как вездесущий дух.

Б р и т а н и к

Давно ли Юния такой пугливой стала?
 День плена — и уже любовь твоя устала.
 А помнишь, ты клялась — любовь сильней невзгод,
 Нам даже и Нерон завидовать начнет...
 Мужайся, Юния! Не век он будет в силе.
 Не все нас предали, не все нам изменили —
 Их много, что меня согласны поддержать!
 На нашей стороне его родная мать.
 Им каждый оскорблен, и если римлян спросишь...

Ю н и я

Ты сам не веришь в то, что в гневе произносишь!
 Нерон — и сколько раз ты это признавал! —
 Везде снискал любовь, сердца завоевал.
 Исполнен был и ты к Нерону уваженья,
 А нынче говоришь в порыве раздраженья.

Б р и т а н и к

Признаюсь, удивлен! Я здесь не для того,
 Чтоб возносила ты его, как божество!
 Минуту улучил, — легко ли это было? —
 Хотел поведать все, что сердце истомило,
 А драгоценный миг пожертвован — чему?
 Возвышенной хвале злодею мосму!
 Все изменилось вдруг, все чуждо, непривычно,
 Так сухо говоришь, глядишь так безразлично...
 Отводишь взгляд... Так что ж, былой огонь остыл?
 Британик надоед? Нерон тебя пленил?

Меня не любишь ты? Как мне поверить в это?
Я должен правду знать, я требую ответа!
Молчишь? Забыто все, и прошлое не в счет?

Ю н и я

Британик, уходи! Сюда Нерон идет!

Б р и т а н и к

Снести такой удар и с жизнью не расстаться!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нерон, Юния, Нарцисс.

Н е р о н

Ты...

Ю н и я

Нет, я ухожу, должна одна остаться:
Ему, как ты велел, я причинила боль,
Теперь скорбеть о нем и плакать мне позволь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нерон, Нарцисс.

Н е р о н

Ты видишь сам, Нарцисс, как любят эти двое!
Ее молчание, навязанное мною,
Красноречивей слов. Любим соперник мой,
Но истомлю его и развлекусь игрой.
Сомнения вселил я в Клавдиева сына,
И он горит в огне. Приятная картина!
Я к Юнии пойду, а ты к нему беги,
Неверием в нее пытай, язвы и жги:
Он должен заплатить, пусть сам того не знает,
За то, что Юния при мне о нем рыдает.

Н а р ц и с с

(один)

Нарцисс, ты слышишь вновь Фортуны сладкий зов.
Прикинуться глухим? Нет, я всегда готов
Навстречу ей бежать. Тут неуместна робость.
Чтоб на гору взойти, столкнем неловких в пропасть.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Н е р о н, Б у р р.

Б у р р

Покорствуя тебе, собрался в путь Паллас.

Н е р о н

А как столь тягостный для гордости приказ
Моя стерпела мать?

Б у р р

Недолго ждать придется,

И горечь сразу же в попреках изольется.
Негодованием она полна давно,
И пусть бы изошло в пустых словах оно.

Н е р о н

Считаешь, замысел в ней зреет потаенный?

Б у р р

Опасен нрав ее, суровый, непреклонный.
В войсках до наших дней Германик не забыт,
И каждый римлянин ее отца в ней чтит.⁶⁰
Ей ведом сей почет и как он повсеместен,
Тебе же ведомо, что страх ей неизвестен.
Всего ж опаснее, что смертоносный нож
Ты в руки матери своей рукой даешь.

Н е р о н

Я?

Б у р р

Да. Твоя любовь — что может быть опасней?

Н е р о н

Но с нею в бой вступать — что может быть напрасней?
Все понимаю сам, но никаким врачам
Ее не исцелить.

Б у р р

Все понимаешь сам,

Но к этой немочи, хотя она в зачатке,
Ты на поклон пошел, хитро избегнув схватки,
А если б, долг избрав поводырем в пути,
Ты сердцу воспретил в союз с врагом войти

И если б, доблести исполнен изначально,
 Взор обратил к жене, к Октавии печальной,
 Чья неизменная, чья кроткая любовь
 Пренебрежение прощает вновь и вновь,
 И если б Юнию дня три или четыре
 Встречать не пожелал, — тогда, с собою в мире,
 Сумел бы без труда свою любовь избыть:
 Мы любим лишь тогда, когда хотим любить.

Н е р о н

Уместен твой совет, как в битве уничтожить
 Врагов отечества и славу приумножить,
 Или когда враги уже разбиты в прах
 И мирно речь ведем в сенате о делах.
 Тебе доверюсь я в таких вопросах смело,
 Но о любви судить — твое ли это дело?
 Нет, нет, мой добрый Бурр, ты слишком прям и строг,
 И мне в науке сей не нужен твой урок.
 Я к Юнии пойду — в разлуке истомился.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б у р р.

Б у р р

Любуйся, Бурр, гляди: Нерон как есть явился!
 Натуру лютую ты цепью мнил сковать,
 Но цепь непрочную уже он начал рвать
 И много бед, боюсь, свершит на воле... Боги!
 Кто мне совет подаст? С кем разделю тревоги?
 Сенека мог бы снять с меня хоть часть забот,
 Но он в чужом краю в неведение живет.
 Не к Агриппине ли воззвать? Так будет лучше
 И для нее... Она! Благословенный случай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агриппина, Бурр, Альбина.

Агриппина

Итак, я не права! Бурр, чести образец,
 Мне сына воспитал как истинный мудрец!
 Палласа жребий злой как объяснить изволишь?
 Нерону он помог стать цезарем — всего лишь!
 Искусно Клавдию сумел Паллас внушить,
 Что надо пасынка скорей усыновить, —

И вот изгнанник он. Но, Бурр, тебе все мало:
 Теперь Октавии соперница предстала.
 А ты, ты, враг льстецов, чей долг — держать в узде
 Нерона юный пыл, ты всюду и везде
 Низкопоклонно льстишь и славешь, как заслугу,
 Что он отринул мать и оскорбил супругу!

Б у р р

Напрасен, госпожа, твоих упреков град,
 И цезарь, может быть, не так уж виноват.
 Был изгнан им Паллас, но это справедливо:
 Не в меру стал спесив, держался так кичливо,
 Что императору пришлось пойти на то,
 О чем мечтали все, сказать не смел никто.
 Беда Октавии пока не безнадежна,
 И осушить исток ее скорбей возможно,
 Но не угрозами вернешь супруга ей,
 А здравомыслием и кротостью речей:
 От криков яростных вдвойне он свирепеет.

А г р и п п и н а

Ах так! Зажать мне рот? Пусть кто-нибудь посмеет!
 Чем больше я молчу, тем меньше в вас стыда,
 Но пусть разрушу все, что строила года,
 Вам даром не пройдет мое уничижение:
 И без Палласа есть пособники для мщенья!
 Сын Клавдия уже постиг преступность дел,
 В которых каяться — отныне мой удел.
 Его явлю войскам, и повестью печальной
 О жизни молодой, унылой и опальной,
 Разжалобив сердца, сказать не премину,
 Что перед ним должны мы искупить вину,
 И встанут об руку сын Клавдия Британик
 И — в образе моем — родитель мой Германик.
 А кто соперник наш? Лишь Энобарба сын!
 Бурр и Сенека с ним? Нет, он совсем один:
 Все знают — это я вас, изгнанных, призвала,
 С тех пор моя судьба судьбою вашей стала.
 Услышит Рим о том, как вы мне помогли
 И к преступлению от преступления шли,
 И за собой вели воспитанника к цели.
 А чтоб особенно вы Риму омерзели,
 О злодеяниях все толки подтвержу —
 Убийства, даже яд...⁶¹

Б у р р

Но слушать госпожу

Не станут и сочтут такие заявленья
 Поклепом на себя в минуту ослепленья.
 Да, общим был у нас к единой цели путь,
 И это я войска заставил присягнуть
 И не корю себя: все было по закону
 В тот славный день, когда досталась власть Нерону.
 Его, усыновив, сам Клавдий уравниал
 С Британиком в правах и этим Риму дал
 Свободу выбора. Коль есть нужда в примере —
 Народной волею стал цезарем Тиберий,
 А отпрыск Августа, его побег прямой,
 Отвергнут Римом был Агриппа молодой.
 Власть сына твоего тверда, неколебима:
 Ты нанесешь удар, но он придется мимо.
 К тому же, если мне захочет цезарь внять,
 Он добротой смягчит разгневанную мать.
 Я до конца пойду по избранной дороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агриппина, Альбина.

Альбина

Себя не помнишь ты от горя и тревоги.
 А вдруг до цезаря твои слова дойдут?

Агриппина

Жалею об одном: что он сейчас не тут.

Альбина

Молю, умерь свой гнев! Неужто брат с сестрою ⁶²
 Так дороги тебе, чтоб жертвовать собою?
 Во имя всех богов, сдержи себя, сдержи,
 Правь цезарем в делах, но сердца не вяжи.

Агриппина

Не понимаешь ты, но я-то разумею,
 Что станет Юния соперницей моею
 И, если не убить немедля эту страсть,
 Ей — править и сиять, мне — в униженье впасть.
 Я при Октавии не ведала печали,
 О ней не помнили, ее не замечали,
 Все ждали милостей лишь от меня одной,

Теснились вокруг меня просительной толпой.
 Но нынче властвует другая в сердце сына.
 Любимая с женой сольются воедино —
 За взгляд, за нежный взгляд он ей отдать готов
 Величие и власть, плоды моих трудов.
 Пустеет мой дворец, лесть больше не курится. . .
 Нет, нет, я не могу, я не хочу смириться!
 Как ты жесток, Нерон! Вываю к небесам —
 Пусть гибель! . . . Но идет его соперник к нам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Британик, Агриппина, Нарцисс, Альбина.

Б р и т а н и к

Я, госпожа, к тебе с отрадными вестями.
 Есть и у нас друзья! Негодованья пламя
 Не тлеет, а горит в их преданных сердцах,
 И не смыкает уст доселе властный страх.
 Покуда в жалобах мы время расточали,
 С Нарциссом встретившись, они не умолчали,
 Что и неправедным деяньям есть предел.
 Так вот, пока Нерон еще не завладел
 Соперницей сестры, — как в женщинах все ложно! —
 Клятвопреступного нам обуздать возможно.
 В сенате многие за нас. Сама суди:
 Плавт, Сулла и Пизон. . .⁶³

А г р и п п и н а

Патрициев вожди?
 Плавт, Сулла и Пизон? Да ты в своем уме ли?

Б р и т а н и к

Я вижу, что тебя мои слова задели
 И возмущение сникает и дрожит
 И, к цели подойдя, стремглав назад бежит.
 Чего страшишься ты? Вы своротили горы,
 Чтоб не было ни в ком Британику опоры.
 Где все мои друзья? Подкуплены одни,
 А неподкупные влачат в изгнание дни.

А г р и п п и н а

Единодушие — ручательство успеха,
 А мнительность твоя — опасная помеха.
 Я не бросаю слов на ветер никогда.
 Что мне твои друзья? Я, как скала, тверда.

Нерон скрывается, он матери боится,
 Но рано ль, поздно ли — ему не уклониться.
 Угрозы и мольбы я в ход равно пущу,
 А не помогут — что ж! Весь Рим оповещу,
 С твоей сестрой явлюсь и жалость к ней посею,
 Воспламеню сердца и к нам склонить сумею.
 Осадой обложу Нерона, а меж тем
 Ты затаись в тени, будь и незрим, и нем.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Британик, Нарцисс.

Британик

Не тешишь ли меня надеждами пустыми?
 Всю правду знать хочу: я обольщаюсь ими
 Напрасно?

Нарцисс

Нет, но здесь мы наживем беду.
 Пойдем, чего ты ждешь?

Британик

Чего, Нарцисс, я жду?
 Когда б ты только знал, как трудно мне ответить!
 Нет слов...

Нарцисс

Все ж объясни.

Британик

Хотел бы тайно встретить
 С твоею помощью...

Нарцисс

Кого?

Британик

Скрепясь душой,
 Я вновь узнать хочу печальный жребий свой.

Нарцисс

Ты веришь Юнии? Но мой рассказ припомни!

Британик

Я знаю все, Нарцисс. Черней и вероломней
 Нет в мире женщины, но — беспримерный стыд! —

Мне шепчет разум «да!», а сердце «нет!» твердит.
Оно, упрямое, забыв свои страданья,
Все рвется ей простить, все ищет оправданья.
Сомнений и надежд пускай растает мгла,
Чтобы хоть ненависть покой мне принесла.
Высоких чувств пример и олицетворенье,
Та, что была к дворцу исполнена презренья,
Едва порог дворца в ночи переступив,
Свершает низости, всех низменных затмив!

Н а р ц и с с

Как знать! Она в тиши плела, быть может, сети,
И цезарь у нее давно уж на примете.
Узнала с детских лет власть огненных очей
И сторонилась всех, чтобы гнались за ней,
Чтобы мечтал узреть Нерон замороженный
Непобедимую твердыню побежденной.

Б р и т а н и к

Итак, все кончено?

Н а р ц и с с

Я видел, как спешил
Избранник новый к ней, стремясь излить свой пыл.

Б р и т а н и к

Уйдем... Пстой! Она! Не сон, не наважденье!..

Н а р ц и с с

(в сторону)

Скорее к цезарю. Проявим наше рвенье.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Б р и т а н и к, Ю н и я.

Ю н и я

Британик, уходи! Беда тебе грозит
За то, что я храню достоинство и стыд,
Нерон в неистовстве. Сюда на миг единый
Пришла, меж тем как он задержан Агриппиной.
Прощай. Теперь иди и верь любви моей,
И мы еще с тобой дождемся лучших дней.
Из сердца моего вовек судьбе превратной
Твой образ не изгнать.

Б р и т а н и к

Так, так! Мне все понятно:
 Желаниям иным ты нынче предалась
 И жаждешь, чтобы я скорее сгинул с глаз.
 Мой взгляд, взгляд совести, бессонной и пытливой,
 Он нестерпим тебе, мешая быть счастливой.
 Ну что ж, расстанемся.

Ю н и я

Но в чем меня винишь?

Б р и т а н и к

О как искусно ты приличия хранишь!
 Поверь, я не ропщу, хотя душе и больно,
 Что к баловням судьбы все ластятся неволью,
 Что блеск империи и роскоши дары
 Тебе дороже прав и слез моей сестры.
 Но о величии, как прочие, мечтаю,
 Зачем ты мне лгала, как будто сострадая
 Скорбям и горестям? Я молча их сносил,
 Но лживость Юнии — нет, это выше сил!
 Неправедность в меня вонзает злобно жало,
 Моих говителей и небо поддержало,
 Но мало этого: чтобы совсем добыть,
 Британика должна и Юния забыть!

Ю н и я

Придет счастливый день и, от стыда сгорая,
 Поймешь, как ты неправ, меня подозревая.
 Ты здесь в опасности, и до того ли мне,
 Чтоб обелять себя в неведомой вине
 И укорять тебя? Довольно жалоб вздорных!
 Нерон потребовал, чтоб я в словах притворных...

Б р и т а н и к

Злодей!

Ю н и я

...дала понять, что пламень мой остыл.
 Он нас подслушивал, за лицами следил:
 Тебя постигло бы безжалостное мщенье,
 Вложи я в речь свою сокрытое значенье.

Б р и т а н и к

Пусть так! Подслушивал Нерон наш разговор,
 Но незаметный знак, красноречивый взор —

Есть у любви язык особый, бессловесный —
И я виновника такой игры бесчестной
Легко бы угадал. Меня от лишних мук
Спасла бы...

Ю н и я

Я тебя спасла от смерти, друг.
Ты хочешь правду знать? Казалось мне порою —
Нет больше сил молчать, всю правду я открою,
Взгляну тебе в глаза, пускай в последний раз,
Но подавляла стон, не поднимала глаз.
Как тяжело, затаясь в молчании жестоком,
Любя, скрывать любовь и быть глухой к упрекам,
Ни разу не скрестить с молящим взглядом взгляд —
Он для любимого расплатою чреват!
Об этом позабыть хотя на миг могла ли?
Смятение мое, казалось, выдавали
И все движенья, и трепет, и глаза,
И набежавшая невольная слеза.
Я помнила: Нерон ревнует и ирится,
И за мою любовь заплатишь ты сторицей,
И страшно было мне, и каялась, скорбя,
Что смела полюбить я, горькая, тебя!
Для нас и для него и на беду, и к счастью,
Все знает он теперь. Что стоит самовластью
Сгубить соперника? Беги подальше с глаз!
Пространней объяснять не в силах я сейчас:
Ни мыслей нет, ни слов; в душе одна тревога.

Б р и т а н и к

К чему еще слова? Сказала ты так много,
И я, себя стыдясь, бичуя и кляня,
Я счастлив! Жертвуешь ты стольким для меня!
Прощенье вымолю, паду, виновный, в ноги...

Ю н и я

Что делаешь? Он здесь, соперник твой!.. О, боги!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Н е р о н. Б р и т а н и к, Ю н и я.

Н е р о н

Ты, Юния, добра, обдрил, окрылив,
Любовь Британика и страстный сей порыв.
Недаром он припал к твоим ногам столь жарко!

Но как же и себе не сделать мне подарка?
Вы здесь останетесь: поверьте, мой дворец
Укромнейший приют для любящих сердец.

Б р и т а н и к

Где скажет Юния, где даст соизволение,
Там я к ее стопам сложу свои моления,
И радость, и печаль. А стен дворцовых вид,
Привычный с детских лет, меня не удивит.

Н е р о н

И, значит, ты давно привык не удивляться,
Что должно чтить меня и мне повиноваться.

Б р и т а н и к

Нет, мы не для того меж этих стен росли,
Чтоб ты топтал меня, а я лежал в пыли,
Чтобы покорствовал и чтил как властелина
Наследник Клавдия Домициева сына!

Н е р о н

Пора уразуметь небес благой указ:
Покорствовал Нерон, теперь пришел твой час.
А если смысл судеб тобою не усвоен,
Ты молод, и тебя научат, будь спокоен.

Б р и т а н и к

Кто ж преподаст урок?

Н е р о н

Империя, весь Рим —

Чем не наставники?

Б р и т а н и к

Они к правам твоим
Добавили тебе и право на глумленья,
Развод, насилия, убийства, отравленья?

Н е р о н

Не любопытен Рим, и дела нет ему
До тайн властителя, что канули во тьму.
Бери с него пример.

Б р и т а н и к

Ты мысли Рима сведай.

Н е р о н

Зачем? Ведь он молчит! Его примеру следуй.

Б р и т а н и к

Итак, Нерон себя неволить перестал.

Н е р о н

Внимать твоим речам Нерон уже устал.

Б р и т а н и к

Возможно ль римлянам тобой не восхищаться!

Н е р о н

А это как хотят — довольно, что страшатся.

Б р и т а н и к

Я знаю Юнию и думаю, что ей
Ты, маску сбросивший, не сделался милей!

Н е р о н

Искусством нравиться, быть может, не владею,
Зато искусно мстить сопернику умею.

Б р и т а н и к

Любой опасности пойду спокойно встречу.
Я одного боюсь: ее вражду навлечь.

Н е р о н

А лучше было бы навлечь без промедленья.

Б р и т а н и к

Нет, быть ей по сердцу — другого нет стремленья!

Н е р о н

Она клялась тебе — ты мил ей навсегда.

Б р и т а н и к

Я, слава небесам, не потерял стыда
И всем ее словам почтительно внимаю,
И слезкой изменной ей уст не замыкаю.

Н е р о н

Теперь я понял все. Эй, стража!

Ю н и я

Он твой брат!

Не будь безжалостен! И в чем он виноват?
 В незрячей ревности? Но, господин, подумай
 О горестях его, о юности угрюмой.
 Я для него умру, с твоих исчезну глаз,
 И пусть соединит приязнь обоих вас!
 Не будет ни вражды, ни дум о черной мести.
 Я посвящу себя навек богине Весте,
 Ничье спокойствие не буду возмущать...
 Дозволь мне лишь богам отныне докучать!

Н е р о в

Давно ль ты приняла решение такое?
 Ведите госпожу назад, в ее покои.
 Британика к сестре немедленно отвести.

Б р и т а н и к

Как способом таким любви не обрести!

Ю н и я

Дай буре пронестись, не спорь, Британик, с нею.

Н е р о в

Обоих увести. Я приказал. Быстрее!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Н е р о в, Б у р р.

Б у р р

Что это?

Н е р о в

(не видя Бурра)

Их любовь я лишь сильнее разжег,
 Но знаю, знаю, кто свиданию помог!
 Вот объяснение приходу Агриппины:
 Лился поток речей, запутанный и длинный,
 И не было ему предела и конца...
 Где Агриппина, Бурр? Из этого дворца
 Ее не выпускать, приставить к ней охрану.
 Ступай же. Я сказал и повторять не стану.

Б у р р

Но, мать не выслушав, как...

Н е р о н

Прикуси язык.

В твой тайный замысел еще я не проник,
Но, смея в спор вступать с желаньями Нерона,
Ты на его пути докучная препона.
Моею матерью займись, дабы другой
Не занялся сейчас и ею, и тобой.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А гр и п п и н а, Б у р р.

Б у р р

Сам цезарь, госпожа, с тобою хочет встречи.
Все объясни ему в прямой, сердечной речи.
Должно быть, здесь тебя он держит до сих пор,
Чтоб неспеша вести спокойный разговор.
Но, как бы ни было, совет дерзну подать я:
Обиды позабуди, открой ему объятья,
Пусть гневные слова не льются через край.
Оправдывай себя, его не обвиняй.
Я знаю, он — твой сын, во всем — твоё творенье,
Но лишь его приказ и благоусмотренье
Двор примет, как закон. Он — цезарь наш и твой,
Пусть даже власть дана ему твоей рукой.
С тобою он суров — вокруг тебя пустыня;
Он нежен, милостив — и ты для всех святыня:
Они тебе кадят, но думают о нем.
А вот и цезарь.

А гр и п п и н а

Нас оставь теперь вдвоем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н е р о н, А гр и п п и н а.

А гр и п п и н а

(садится)

Поближе сядь, Нерон. Все говорят, что надо
Мне оправдать себя. Вот только в чем? Я рада
Развить перед тобой моих злодейств клубок,

Чтоб с основанием меня судить ты мог.
Да, император ты. Но нет числа препонам,
Стоявшим некогда между тобой и троном.
Мой род, моих отцов и чтил, и помнил Рим —
Что из того, Нерон? Ты не наследник им.
Но мать Британика нашла конец кровавый.
На ложе брачное властителя державы
Рвались красавицы любой ценой взойти
И к сердцу Клавдия старались путь найти
Через былых рабов. Я тоже домогалась,
Чтоб сыну моему в грядущем власть досталась.
Гордыню растоптав — сильна гордыня в нас! —
К Палласу я пошла, и мне помог Паллас.
Мы с Клавдием в родстве, он дядя мне по крови:
Я ластилась к нему, точила яд любви
В спокойную приязнь, но медлил, медлил он,
Кровосмесительным союзом уstraшен.
Подкупленный сенат смягчил закон старинный ⁶⁴
И Клавдия привел на ложе Агриппины.
Колени преклонил передо мной весь Рим,
Но был тот выигрыш моим, а не твоим.
Готова трон тебе, я рук не покладала,
И вот Октавия твоей женою стала.
Силян ее любил. Он смерть к себе призвал —
На свадебный твой пир кровавый отблеск пал.
Путь к цели я прошла всего наполовину:
Кто зятя предпочтет единственному сыну?
Паллас и тут помог: улещивал, молил,
И Клавдий наконец тебя усыновил,
И ты — хвала богам! — стал с этих пор Нероном
И, волей цезаря, наследником законным.
Припомнив прошлое, все поняли тогда
Заветный замысел, что зрел во мне года.
Судьбу Британика немедля угадали
Друзья его отца и гневались, роптали,
Но я посулами закрыла рот одним,
А тем, кто был строптив, пришлось покинуть Рим:
Пеняла Клавдию на них и ночь, и день я,
И удалил он всех, кто, преисполнен рвения,
Свой жребий навсегда с Британиком связав,
Мог на защиту встать его законных прав.
Но мало этого: к нему мои клеветы
В доверие вошли, он слушал их советы;
Тебе ж в наставники, напротив, я дала
Людей, которых Рим хвалил за их дела.
Пронырство льстивое меня не обольщало,

Из ссылки, из когорт я лучших возвращала,
И Бурр с Сенекою, что, не жалея сил,
Чернят меня... Но Рим высоко их ценил.
Под именем твоим я всех благодворила,
Богатства Клавдия в ту пору рассорила,
Подаркам, празднествам я потеряла счет,
Но были куплены и войско, и народ.
Они Германика к тому же не забыли
И моего отца в тебе, Нерон, любили.
Дни Клавдия меж тем шли быстро под уклон,
Смерть близилась, и тут прозрел внезапно он,
И понял наконец, что сына обездолил,
Наследия лишил и трон отнять позволил,
И стал взывать к друзьям, но предали друзья:
Любимцев, стражу, двор — всех подкупила я.
Он звал Британика в тревоге запоздалой,
Но ложе смертное от всех я ограждала
В заботе будто бы великой... Он угас,
Но не был сын к отцу допущен в этот час.
Шла обо мне молва, позорила, корила.
Смерть императора от города я скрыла,
Казалось, все идет, как прежде, и пока
Нерону присягнуть Бурр призывал войска
И я тебя тайком вела к подножью трона,
Обманутый народ молился умиленно
О здравии того, кто был остылый прах,
И жертвенная кровь лилась на алтарях.⁶⁵
Когда же наконец все войско присягнуло
И после стольких бурь спокойно я вздохнула,
Двойною вестью Рим был сразу оглушен:
Нет больше Клавдия, а цезарь ты, Нерон.
Вот преступления, в которых виновата.
Других за мною нет. И вот твоя отплата!
Сперва ты нежен был, вкушая сладкий плод
Моих бессонных дум, усилий и забот;
Полгода не прошло — и где же благодарность?
Ты отстранил меня. Кругом — одна коварность.
Твои паставники, признательность презрев,
Усиливают рознь и распаляют гнев,
И топчут, топчут все, чему учили сами.
Ты окружил себя беспутными юнцами:
Отон,⁶⁶ Сенецион⁶⁷ и мало ли других
Твоим порокам льстят и возвращают их.
В любви уязвлена и в гордости задета,
Я объяснения просила и ответа,
Но мне ответом был град ранящих обид:

Так благодетелю неблагодарный мстит.
 Женить Британика на Юнии хотела —
 Довольны были все, и сладилось бы дело,
 Но, силою в ночи к тебе приведена,
 Вдруг вожделенную становится она.
 Октавии развод, Октавия постыла,
 А я своей рукой вам ложе постелила!
 Стал узником твой брат, изгнанником — Паллас,
 Теперь угодник Бурр, исполнив твой приказ,
 Меня — меня! — лишил свободы дерзновенно!
 Тебе пристало бы униженно, смиренно
 Просить прощения у матери своей,
 А ты, Нерон, велишь оправдываться ей!

Н е р о н

Я знаю паизусть и без напоминанья
 И все твои труды, и все благодеянья.
 Ты жить могла б сейчас в покое, в тишине,
 Сыновней нежности доверившись вполне,
 Но пеням нет конца, и нет конца упрекам,
 И кто хоть раз внимал их буйственным потокам,
 Невольно думал тот, — я буду прям с тобой, —
 Что так старалась ты лишь для себя одной.
 Он думал: «Небеса! На пятерых достало б
 Подобных почестей! Так в чем причина жалоб?
 Что сделал этот сын? В чем провинился он?
 Неужто привела она его на трон,
 Чтоб управлять потом и сыном, и державой?»
 Ты не сыта была почетом, властью, славой,
 И жажда первой быть палила как огнем.
 Я уступал тебе охотно и во всем.
 Но не владычица — владыка Риму нужен,
 И ропот поднялся, единодушен, дружен,
 И за сенатом вслед выкрикивал народ,
 Что лишь твои слова мой повторяет рот,
 Что Клавдий передал Нерону во владенье
 И Рим, и заодно — тебе повиновенье.
 Когорты гневались, когда их грозный строй
 Прославленных орлов склонял перед тобой,
 Бессильной женщиной. Какое унижение
 Для тех, кто уцелел, для тех, кто пал в сраженьях!
 Другая бы сдалась, свою смирила б страсть,
 Но в жизни для тебя всего дороже власть!
 Ты к Юнии вошла в доверие, с ней спелась,
 Британика к себе привлечь имела смелость,
 И сети плел Паллас, тобой руководим.

Пришлось заняться мне спасением своим...
О да, я знаю все: меня ты свергнуть хочешь,
Мутить мой войска, без устали хлопчешь
О сыне Клавдия... Я лучше помолчу!

Агриппина

Да ты сошел с ума! Я заменить хочу
Тебя Британиком? Зачем? Какую силу
Я при дворе его могу иметь? Помилуй,
Ведь если и сейчас за матерью твоей
Следят во все глаза, и клевета, как змей,
В нее вонзает зуб, и злоба строит ковы,
Что станется со мной среди двора чужого?
Не в горьких жалобах, в которых смысла нет,
Не в замыслах пустых, что мертвыми на свет
Уже рождаются, меня бы обвинили,
А в том, что для тебя я прибегаю к силе,
Что я изменница... Не проведешь меня!
Неблагодарен ты, и с первого же дня,
Как мною был рожден, бездушен, лицемерен,
Ты лишь себя любил и лишь себе был верен.
Все нежности твои — притворство и игра.
Зачем, зачем к тебе была я так добра?
Несчастнейшая мать! За что мне эта мука?
Что я ни сделаю — все тягость, все докука.
Сын у меня один... О небо, для кого ж
Мои старания, и выдумки, и ложь?
Я страх превозмогла и совесть растоптала,
О будущем своем раздумывать не стала,
Хотя грозил бедой свирепый нрав его...
И ныне дезарь он. Какое торжество!
Ты отнял у меня предательски свободу —
Возьми вдобавок жизнь, но берегись народу
Сей подвиг свой открыть, чтоб в правом гневе он
Не отнял у тебя добытый мною трон!

Нерон

Что сделать должен я, и требуешь чего ты?

Агриппина

Пусть кару понесут мои недоброхоты,
Пусть вступит Юния с кем пожелает в брак,
Смягчи Британика, будь кроток с ним и благ,
Обоих отпусти и возврати Палласа,
И пусть не будет дня, и пусть не будет часа,

Когда бы предо мной посмел захлопнуть дверь
Твой Бурр, что слушает наш разговор теперь!

Н е р о н

Всем ныне повелю к твоим ногам склониться,
И римляне поймут — нет меры, нет границы
Моей любви к тебе. Размолвки этой лед
Нам дружбу укрепит, огонь в сердца вольет.
Пусть виноват Паллас — вину ему прощаю,
С Британиком, как брат, приятельствовать чаю:
Любовь нас развела, посеяла вражду,
Но твоему теперь мы вверимся суду.
Обрадуй же его, не мешкая. А страже
Покорно исполнять, что госпожа прикажет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н е р о н, Б у р р.

Б у р р

Ты в мире с матерью! Мой цезарь, как я рад!
Меж вас согласие, меж вас, как прежде, лад!
Вовек не разжигал я вашего раздора
И, знаешь это сам, не заслужил укора,
Что сына клеветой натравливал на мать.

Н е р о н

Тебе не верил я, не стану отрицать,
Не раз казалось мне, что в сговоре вы оба,
Но вижу — в ней к тебе нелicenseм злота.
Могла б к Британику она и не спешить:
Я обниму его — чтоб насмерть задушить.

Б у р р

Как!..

Н е р о н

Больше не хочу нападок, воплей, споров.
У матери моей неукротимый нор,ов,
Но справлюсь я и с ней, к земле ее пригну.
Когда исчезнет он, я наконец вздохну:
Враг будет стерт с земли, а бестелесной тени
Не сможет обещать она моих владений.

Б у р р

И скоро ль час придет оплакать эту тень?

Н е р о н

Еще в вечерний мрак не канет этот день.

Б у р р

Кто подсказал тебе деяние такое?

Н е р о н

Кто подсказал? Мой сан, любовь и жизнь — все трое.

Б у р р

Нет, нет, не может быть, чтоб в голове твоей
Созрела эта мысль, чернее всех ночей!

Н е р о н

Бурр!

Б у р р

И твои уста произнесли без дрожи
Ужасные слова? Нет, быть того не может!
Чьей кровью ты себя задумал обогреть?
Тебе наскучило во всех сердцах царить
И ненависть милей? Отрадной отвращенье?

Н е р о н

Так что же, быть всегда в плену, в порабощенье
У плебса римского? Он утром любит нас,
А вечером, глядишь, его восторг угас...
Зависеть от того, что волн морских неверней?
Быть императором и подчиняться черни?

Б у р р

Но быть источником бесчисленных щедрот,
Чтоб в изобилии и в мире жил народ —
Счастливейший удел! Остаешься благороден,
Не изменяй себе. Ты в выборе свободен,
На всем пути добра нет для тебя преград,
Ты на него вступил, так не гляди назад!
Но если, вняв льстецам с их мудростью придворной,
Решишься перейти на путь злодейства торный —
Отметишь зверствами за каждой пядью пядь
И кровью будешь кровь с преступных рук смывать.
Друзья Британика, дав волю возмущенью,
Молчание прервут, начнут взывать к отмщенью,
И пусть до одного в борьбе с тобой падут —
Живые мстители на смену им придут.
Такой зажжешь пожар, что Рим пропахнет гарью,

Заставив мир дрожать, дрожащей станешь тварью,
 Начнешь сылать, казнить, с пристрастьем дознавать
 И в каждом подданном врага подозревать!
 Неужто первых лет незамутненный опыт
 Теперь в твоей душе рождает только ропот?
 О вспомни, как они безбурною рекой
 Текли, даруя всем и радость, и покой!
 Ты мог сказать себе в счастливом умиленье:
 «Повсюду в этот час мне шлют благословенье.
 Я — не причина бед, я — не исток невзгод!
 Никто, тая вражду, Нерона не клянет,
 При имени его не хмурится зловеще:
 К нему во всех сердцах лишь преданность трепещет».
 Недавно было так. Не только не казнил —
 Ничтожнейшую жизнь ты драгоценной мнил.
 Был к смерти присужден в те дни преступник тяжкий;
 Сенат настаивал, чтоб цезарь без оттяжки
 Тот приговор скрепил, но ты твердил в ответ,
 Что милосердие — твой путеводный свет,
 Что черствы их сердца, что власть тебе постыла,
 Что лучше б письма твоя рука забыла.
 Я умолю тебя, к ногам твоим паду,
 А оттолкнешь меня — из жизни сам уйду:
 Когда способен ты на это злодеянье,
 Не стану, не смогу влачить существованье.

(Падает на колени.)

Пронзи же сердце мне за то, что никогда
 Убийству черпому оно не скажет «да!».
 Зови своих друзей: для их трусливых дланей
 Нет жертвы сладостней и цели нет желанней.
 Но тронут цезарь мой потоком этих слез,
 И от него бежит недобрый дух, как пес!..
 Ты поименно мне злодеев перечисли,
 Что вероломные тебе внушали мысли,
 Раскрой Британику объятия, как брат...

Н е р о н

Нет, это слишком!

Б у р р

Он ни в чем не виноват
 И долга верности, клянусь, не нарушает!
 Не верь, не верь тому, что клевета внушает.
 Скорей бы встретиться и объясниться вам!

Н е р о н

Веди его ко мне, и оба ждите там.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Н е р о н, Н а р ц и с с.

Н а р ц и с с

Готово, господин! Нет, похвалы не пусты
Отравам пагубным искусницы Локусты: ⁶⁸
При мне дала рабу таинственный состав —
На месте умер он, и стопа не издав.
Такого снадобья у нас еще не знали:
Уносит жизнь быстрее, да и надежней стали.

Н е р о н

Ценю твои труды, Нарцисс, но замолчи:
Ты сделал все, что мог, и впредь не хлопочи.

Н а р ц и с с

Ты, значит, думаешь — Британик не опасен?
И запрещаешь?..

Н е р о н

Да. Я с ним на мир согласен.

Н а р ц и с с

Повиновения не преступлю черты,
Но он под стражу взят — об этом помнишь ты?
Обида к мщению Британика принудит,
К тому же тайное недолго тайным будет:
Узнает, что Нарцисс по слову твоему
Уже готовился отраву дать ему
И — страшно вымолвить! — легко на то решится,
Чего гнушается мой цезарь и страшится.

Н е р о н

Ручались за него, сломлю и я себя.

Н а р ц и с с

Собой пожертвуешь, так пламенно любя?
Уступишь Юнию другому добровольно?

Н е р о н

Не время говорить об этом. И довольно:
Его считать врагом нет у меня причин.

Н а р ц и с с

Вновь матери своей подвластен властелин.
Мне похвальба ее теперь понятна стала.

Н е р о н

Какая похвальба? Где? Что она сказала?

Н а р ц и с с

Не я один слышал надменные слова.

Н е р о н

Какие?

Н а р ц и с с

Будто с ней поговоришь едва —
И стихнут грозные громовые раскаты,
И сразу замолчишь, смущенный, виноватый,
Отступишь с радостью на прежний свой рубеж,
Смирненно вымолив прощенье за мятеж.

Н е р о н

Где ж выход, объясни? Как сбить бы мне хотелось
С нее заносчивость и поубавить смелости!
Я знаю, если ей хоть раз еще смолчу —
Немой покорностью за это заплачу.
Но в общем мнении, Нарцисс, боюсь упасть я:
Подумай, мне ль идти дорогой самовластья,
Из памяти людской признательность стереть
И отравителем именоваться впредь,
Средь подданных моих прослыть братоубийцей?

Н а р ц и с с

А кротостью своей ты думаешь добиться,
Чтоб грязью римский плебс тебя не поливал?
Но что тебе, скажи, до брани и похвал?
Не будь на поводе у черни бесноватой.
Ты — цезарь, ты — Нерон и сам себе вожатый!
Прости, мой господин, не знаешь ты народ:
Он любит лишь кулак, лишь силу признает.
Безмерной добротой себя ты ослабляешь,
Дух своеволия в толпу рабов вселяешь.
Они, привыкшие весь век ходить в цепях,
Боготворят того, кто им внушает страх.

А как угодливы, как полны суеверий!
Низкопоклонством их был утомлен Тиберий.⁶⁹
Мне с волей заодно и власть твой отчим дал —
Заемную, но власть! — и, правя, я гадал,
Какой постыдный гнет, какие оскорбления
Не вынесут они и выйдут из терпенья.
Покорно все снесли. По горло будь в крови,
С сестрою разведись и брата отрави, —
Прославит Рим тебя и гимн хвалебный грянет,
А их он обвинять и ненавидеть станет,
И день, когда пришли они на этот свет,
Считаться будет днем несчастливых примет.

Н е р о н

Ты прав, но как теперь мне вырваться из плена?
Бурр умолял меня коленопреклоненно,
И обещанием я сам себя связал
И не хочу, чтоб он передо мной дерзал
Кичиться честностью Притом его моления,
Не скрою, тронули меня до умиления.

Н а р ц и с с

Бурр говорит красно, но знаю наперед,
Что выгоду свою ревниво соблюдет.
Вся клика такова и как огня боится,
Что, сделав этот шаг, ты можешь распрявиться
И, с нами уравнив, у них отнимешь власть
И этих гордецов во прах принудишь пасть.
Не знаешь разве ты, что в сокрушение мнимом
Кричат: «Не по плечу Нерону править Римом!
Не смеет ни решать, ни сделать ничего.
Бурр — сердце цезаря, Сенека — ум его.
Чем император наш, сограждане, кичится?
Что управляет он умело колесницею!»⁷⁰
Стяжавши жалкий приз, в восторг приходит он
И развлекает чернь, как низкий гистрион,
И на театре ей поет свои творенья,
И ждет потом похвал и кликов одобренья.
Он получает их — охрана зорко бдит,
Не одобровать тому, кто, дерзкий, засвистит».
Пора бы рты заткнуть, мой цезарь, этим людям.

Н е р о н

Пойдем, Нарцисс. Как быть, мы по пути обсудим.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Брита в и к, Ю н и я.

Брита в и к

Да, Юния, все так: Неров меня зовет —
 Мириться хочет он. Нежданный поворот!
 Велел собрать на пир всех молодых придворных,
 Чтоб этим торжеством, рекою вин отборных
 Скрепить наш дружеский, нет, братский наш союз.
 Он сбрасывает с плеч, как бесполезный груз,
 Свою любовь к тебе и, не противясь боле,
 Мой жребий, Юния, твоей вручает воле.
 Пусть он меня лишил наследия отцов,
 Пусть мой присвоил трон — я все отдать готов,
 Уже не гневаюсь, почти не сожалею
 И в тайниках души обиды не лелею,
 За счастье высшее твою любовь стяжать,
 Дышать и жить тобой, тебе принадлежать.
 Подумай, видеться свободно, не скрываясь!
 Подумай, каждый день глядеть, не отрываясь,
 На ту, что в соблазн, в страх превозмогла
 И дезарю меня отважно предпочла!
 Как мне. . . Но что с тобой? Зачем со мною вместе
 Не радуешься ты? Скажи, каких предвестий
 Душа твоя полна? Туманит взор слеза,
 Ввысь подняты с мольбой печальные глаза. . .
 О чем ты?

Ю н и я

Я боюсь, я чую — близки сроки
 Беды. . .

Брита в и к

Но я любим?

Ю н и я

К чему вопрос жестокий?

Брита в и к

Нерон, раскаявшись, мешать не станет нам.

Ю н и я

И доверяешь ты вполне его словам?

Б р и т а н и к

Так что же, он мне враг? И лицемер лукавый?

Ю н и я

Мне о любви твердил, тебе грозил расправой,
Теперь меня бежит, к тебе, напротив, льнет...
Та прихоть вмиг прошла и эта вмиг пройдет.

Б р и т а н и к

Ты заблуждаешься, не в прихоти причина.
За самое себя боится Агриппина:
Предвидя свой конец в погибели моей,
Заставила врагов, как ревностных друзей,
Спасать меня с тобой во время этой бури.
Не сомневаюсь в ней, не сомневаюсь в Бурре.
Я верю и ему, Нерону: он, как я,
Не предложил бы мир, вражду в душе тая.

Ю н и я

Ты судишь по себе, Британик, забывая:
Твой путь всегда прямой, его стезя — кривая.
За день, за этот день я поняла, мой друг,
Как лицемерен он, и двор, и все вокруг.
Тут на уме одно, на языке другое,
Тут у злодейских дел обличье благое,
Тут дорогих друзей с восторгом предают,
Тут нас с тобою ждет ловушка — не приют.

Б р и т а н и к

Ну хорошо, пусть так, пусть он хитрей лисицы.
Его боишься ты? Но он и сам боится!
Нет, никогда Нерон на гнусность не пойдет,
Не раздражит сенат, не возмутит народ.
Прочь мысли черные! Нерон признал смиренно
Неправоту свою. Он даже откровенно
С Нарциссом говорил о ней и, согласись...

Ю н и я

Британик, а тебя не предает Нарцисс?

Б р и т а н и к

Ты ль это, Юния? Вообразить такое!

Ю н и я

Я за тебя боюсь, не нахожу покоя.
 Везде одна корысть, продажность и порок.
 Меня страшит Нерон, меня страшит мой рок,
 Томлюсь предчувствием, напрасным, может статься,
 Но горько мне с тобой хотя б на миг расстаться.
 Ты доверяешь им, а я... Прости меня,
 Что если этот пир — всего лишь западня?
 Что если ревностью к сопернику источен,
 Нерон готовит месть под кровом темной ночи
 И обреченного злорадно ждет сейчас?
 Что если на тебя гляжу в последний раз?
 Британик!..

Б р и т а н и к

Ты в слезах? И я тому виною?
 Так трогает тебя, что станется со мною?
 Вот здесь стоял Нерон — дня не прошло с тех пор,
 Он ослепить хотел величием твой взор,
 Но к власти, к роскоши полна пренебреженья,
 Ты предпочла меня в моем уничиженье.
 Ему, властителю, лишь холод, лишь отказ,
 А мне, гонимому, мне слезы этих глаз,
 Алмазы дивные! Не трать же их бесплодно:
 К тебе вернется друг, веселый и свободный.
 Но медлить мне нельзя, не то все погублю.
 Простимся, Юния. Как я тебя люблю!
 На пире юности, безумной и кипучей,
 Мечтою улечу к прекраснейшей и лучшей.
 Простимся же.

Ю н и я

Постой...

Б р и т а н и к

Меня давно там ждут.

Ю н и я

Британик, не спеши, пусть за тобой придут.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агриппина. Британик, Юния.

А г р и п п и н а

Британик, что же ты? Все гости в ожиданье.
 Нерон досадует на это опозданье:

Он хочет мир с тобой объятием скрепить,
 Горит желанием за вашу дружбу пить,
 Среди кликов радости сойтись с тобой поближе.
 Мы у Октавии побудем. Ну, иди же.

Б р и т а н и к

Бегу, бегу! И ты, любимая, иди,
 Утешь Октавию, прижми ее к груди.
 Вам легче будет ждать, между собой толкуя.
 В немалом, госпожа, перед тобой долгу я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А г р и п п и н а, Ю н и я.

А г р и п п и н а

Пока вы были здесь с Британиком вдвоем,
 Ты, вижу, плакала. Но объясни, о чем?
 Откуда эта грусть? Опять слеза скатилась...
 Они теперь друзья — я этого добилась!

Ю н и я

Так много тяжкого за этот день стряслось,
 Что скорби не уйму, не удержусь от слез.
 Ты чудеса творишь, но как поверить чуду?
 Все кажется — грозит опасность отовсюду.
 Увы! Изменчива погода во дворцах,
 К тому же у любви извечный спутник — страх.

А г р и п п и н а

Ты сомневаешься? И доказательств мало?
 Я слово молвила — грозы как не бывало.
 О чем тревожиться? Всего добилась я,
 Добилась, что Нерон с Британиком — друзья.
 Так мне сказал мой сын, себя связав обетом.
 И как почтителен, как нежен был при этом!
 И к сердцу прижимал, и мне в глаза глядел,
 И больше не скрывал ни замыслов, ни дел,
 Просил не уходить, все длил и длил беседу.
 Да, я могу опять торжествовать победу!
 То, гордость позабыв, смиренно, без затей,
 Все тайны поверял он матери своей,
 То, цезарь истинный, суровостью одетый,
 Молчание храня, выслушивал советы
 И снова говорил, спокойно величав,
 И посвящал в дела, где скрыт удел держав.⁷¹

Я признаю сейчас к его безмерной чести —
 Он непричастен злу и неспособен к мести,
 Уступчив, даже слаб в сердечной доброте,
 И этой слабостью воспользовались те,
 Кто ненавидит нас. Теперь придут с повинной!
 И снова Рим поймет — не сладить с Агриппиной!
 Все, чуя мой триумф, ликуют. . . Что же мы?
 Некстати медлить здесь до наступленья тьмы.
 Нам у Октавии теперь окончить можно
 День призрачных тревог и радости неложной.
 Но что это за шум? Какой-то крик, шаги. . .
 Опять. . .

Ю н и я

Британику, о небо, помоги!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агриппина, Юния, Бурр.

Агриппина

Куда ты, Бурр, бежишь? Постой, скажи на милость. . .

Бурр

Британик при смерти. Ужасное свершилось.

Ю н и я

Британик!

Агриппина

Ты сказал? . .

Бурр

Вернее, умер ов.

Да, умер.

Ю н и я

Госпожа, прости невольный стон.
 Спасу его, а нет — сойду за ним в могилу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Агриппина, Бурр.

Агриппина

Какое страшное злодейство!

Бурр

Не под силу
Мне цезарю служить. Уйду. Мой вышел срок.

Агриппина

Британик — брат ему! И он посмел, он мог...

Бурр

Свой замысел от нас искусно цезарь прятал.
Он с ложа поднялся, едва увидел брата,
И обнял горячо. Настала тишина.
Вдруг цезарь чашу взял. «Нарцисс паллет вина,
Чтоб ты за нас двоих испил лозы первины.
Отныне будем мы на всех путях едины.
Я, глядя на тебя, душой возвеселюсь.
Скрепите ж, небеса, наш дружеский союз!»
И вот своей рукой Нарцисс наполнил чашу.
Британик взял ее. «Я пью за дружбу нашу».
Пригубил — и конец. Стальной клинок — и тот
Существованья нить так быстро не прервет.
Подернулись глаза завесою туманной,
И он на ложе пал, недвижный, бездыханный.
Вообрази сама, что началось потом:
Одни бежали прочь с раскрытым в крике ртом,
Но тот, кто при дворе давно всему обучен,
Глядел на цезаря, спокоен и беззвучен.
А цезарь между тем на ложе возлежал,
Не омрачился взор, и голос не дрожал.
«О чем волнуетесь? Себе и нам на горе,
Британик с детских лет подвержен этой хвори».⁷²
Все силился Нарцисс прискорбный вид принять,
Но гнусной радости была на нем печать.
А я, я растолкал придворный сброд двуличный, —
Пусть жизнью заплачу, ненужной, безразличной —
И поспешил уйти, желанием гоним
Оплакать цезаря, Британика и Рим.

Агриппина

Уже он здесь. Пожди — меня ты оправдаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Нерон, Агриппина. Бурр. Нарцисс.

Нерон

(видя Агриппину)

Она! Как быть?

Агриппина

Куда, Нерон, так поспешаешь?

Британик мертв, убит. Я знаю, кто в персты
Убийце яд вложил.

Нерон

Ты знаешь? Кто же?

Агриппина

Ты.

Нерон

Я? Я? Вот так всегда! Ты в яром исступленье
Приписываешь мне любые преступленья.
Уж заодно и в том Нерона обвини,
Что преждевременно окончил Клавдий дни!
Известно, как любим Британик был тобою,
Но я, к прискорбию, не властен над судьбою.

Агриппина

В вино Британику Нарцисс подсыпал яд,
Но это твой приказ, тобой отравлен брат.

Нерон

Ложь! Кто тебе посмел такие подозренья...

Нарцисс

Нужны ли, цезарь мой, сейчас разуверенья?
И для чего тебе таить от госпожи
Дела Британика? Открыто расскажи,
Чем отплатил он ей за все благодеянья.
Не к Юнии, о нет, рвались его желанья,
А к трону цезаря. Обида вгрызлась в грудь,
Уплывшее из рук пытался он вернуть,
Но цезарь все узнал — так небо повелело! —
И своему слуге доверился всецело.
Британик в гроб сошел. Утрата велика ль?
О госпожа моя, врагам оставь печаль —

Пусть в ужасе дрожат, поражены ударом,
И...

Агриппина

Продолжай, Нерон. Я вижу, ты недаром
Таких пособников избрал. Что ж, продолжай,
Навечно памятник себе сооружай.
Ты брата отравил — начало недурное.
За кем теперь черед? Наверное, за мною.⁷³
Как ненависть ко мне тебя, мой сын, грызет!
Еще бы! Тягостен признательности гнет.
Но смерть моя, Нерон, тебе не даст свободы:
Пусть лягу, мертвая, под гробовые своды —
Рим, небо, жизнь твоя, дарованная мной, —
Все голосом моим заговорит с тобой,⁷⁴
И совесть-фурия в тебя тогда вонзится,
Не даст передохнуть, не даст смежить ресницы.
Ты станешь убивать, чтоб обрести покой,
И кровь затопит Рим багряною рекой,
Но небо утомишь и — о венец желаний! —
Ты жертвою падешь своих же злодеяний.
Опустошишь весь Рим и, сам опустошен,
Рукою собственной себя убьешь, Нерон,⁷⁵
И будут принимать с тобой сопоставленья
Тираны злейшие как злое оскорбленье.
Я знаю, будет так. Иди ж своим путем.
Я не держу тебя. Прощай.

Нерон

Нарцисс, уйдем.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агриппина, Бурр.

Агриппина

Нет справедливости — увы! — в людской природе.
Нарциссу доверять и сомневаться в Бурре!..
А ты заметил, Бурр, какой зловещий взор
Он бросил на меня? То — смертный приговор.
В Нероне лютый зверь уже ничем не связан,
Обрушится удар, что мне давно предсказан.⁷⁶
Смерть и к тебе близка, она ползет во мгле.

Бурр

Сегодня лишний день я прожил на земле.
Пускай в моей крови Нерон свой гнев остудит —

Мне смерть тягчайшая благословенной будет.
 Првижу грозных лет кровавую зарю —
 В судьбе Британика я судьбы Рима зрю.
 Но страшно для меня не это злодеянье —
 Нашел бы в ревности Нерону оправданье;
 Другое, госпожа, страшнее во сто крат:
 Бесстрастно он глядел, как умирает брат.
 Не увлажнился взор, лицо не побелело...
 Так холоден тиран, в убийствах зачерствелый!
 С былым наставником пусть кончит поскорей:
 Ему докучен я, он для меня — злодей.
 Зачем мне жить? Пойду насилью навстречу
 И смерть, благую смерть улыбкою привечу.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Агриппина, Бурр, Альбина.

Альбина

На помощь, госпожа! Предотврати беду.
 Узнав о Юнии, наш цезарь как в бреду —
 Неистовствует он, что с ней навек в разлуке.

Агриппина

Навек? Я не пойму... Как? Наложила руки?

Альбина

Чтобы еще больней обида эта жгла,
 Жива, но для него как будто умерла.
 Она к Октавии, ты помнишь, убежала.
 К скорбящей скорбная, казалось, путь держала.
 Я следом шла. Гляжу — шаги быстрее, быстрее,
 И вдруг бросается на площадь из дверей,
 И прямо к Августу, к его изображенью,
 И, к мраморным стопам припав в изнеможенье,
 Кричит — а вокруг нее собирается народ:
 «Со мной кончается твой знаменитый род,
 И да не будет он поруган и ославлен!
 В твоём дворце сейчас предательски отравлен
 Потомок славный твой, а только он один
 Равнялся доблестью с тобою, властелин.
 И вот хотят, чтоб я клятвопреступной стала.
 Молю тебя, молю, склонясь у пьедестала —
 Ты, что бессмертие с богами делишь сам,
 Позволь остаток дней мне посвятить богам».
 На голос горестный и за душу берущий

Бегут со всех сторон. Толпа все гуще, гуще,
Ей все сочувствуют и, встав по сторонам,
Торжественно ведут в тот величавый храм,
Где в одеянии, как снег нагорный, белом,
Душой возвышенны и непорочны телом,
Весталки наши бдят над жертвенным огнем,
Что испокон веков горит в ночи и днем.
И цезарь видит все, остановить не смея,
Но опрометчивей, а может быть, смелее
Угодливый Нарцисс бросается вперед,
Чтоб Юнию отбить, но смерть безумца ждет:
Он падает, сражен, и брызги черной крови
Пятнают Юнию. Тогда, насупив брови,
Нарциссу павшему не думая помочь,
Весь погружен в себя, уходит цезарь прочь.
Лишь имя Юнии слетает с уст владыки,
Все жмутся по углам, заслышав эти крики.
По гулкому дворцу бесцельно бродит он,
И мутен взор его, и в землю устремлен,
Как будто на небо и посмотреть не смеет.
О госпожа моя, он страшное содеет,
Когда с отчаяньем соединится мрак!
Так помешай ему безумный сделать шаг,
Пока горячку чувств рассудок не остудит.
Себя погубит он. . .

А г р и п п и н а

Нет, праведно осудит.
И все ж посмотрим, Бурр, что происходит с ним.
Быть может, он теперь пойдет путем иным
И переменится под бременем страданий?

Б у р р

О если б не вершил он новых злодеяний!

БЕРЕНИКА

(BERÉNICÉ)

МОНСЕНЬЕРУ КОЛЬБЕРУ,¹

государственному секретарю, генеральному контролеру финансов, главному инспектору государственных построек, верховному казначею королевских орденов, маркизу де Сеньелз и пр.

Монсеньер!

Как бы низко я с полным на то основанием ни ставил себя самого и свои труды, дерзаю надеяться, что вы не осудите смелость, которую я проявил, посвятив вам эту трагедию. Вы сочли ее не вовсе недостойной вашего одобрения, однако главная заслуга ее заключается для вас в том, что ей посчастливилось не навлечь на себя порицаний его величества,² чему вы сами были свидетелем.

Всем известно, что даже незначительные предметы приобретают в ваших глазах важность, коль скоро они могут приумножить славу государя или же доставить ему удовольствие. Именно поэтому, среди стольких многотрудных забот, коим вы посвящаете свое трудолюбие и усердие, служа монарху и общественному благу, вы иногда благоволите снизойти до нас, сочинителей, и потребовать у нас отчета, на что же мы тратим свой досуг.

Здесь — дозвольте вы мне это — я обрел бы весьма удобный случай осыпать вас похвалами. Чего бы я ни сказал о ваших разнообразных и редких достоинствах, восхищающих Францию, — о пронизательности, от которой ничто не ускользает; о всеобъемлющем уме и кругозоре, которые позволяют вам охватывать и осуществлять столько великих начинаний одновременно; о духе, который ничто не может поколебать и утомить!

Однако, монсеньер, говоря вам о вас, следует проявлять пристойную сдержанность, и я опасаясь, как бы вы, услышав неуместные, по моему мнению, похвалы, не пожалели о благоволении, коим меня почтили. Мне больше подобает думать об ином — о том, как и впредь сохранить это благоволение новыми своими трудами. Это к тому же было бы для меня наиболее приятным способом выразить вам свою признательность.

Остаюсь, монсеньер, с глубоким почтением вашим смиреннейшим и покорнейшим слугою.

Расин.

Предисловие

«Titus, reginam Berenicem... cui etiam nuptias pollicitus ferebatur... statim ab urbe dimisit invitam invitam». То есть «Тит, страстно влюбленный в Беренику и даже, как говорят, обещавший жениться на ней, услал ее из Рима против своего и ее желанья, с первых же дней прихода своего к власти».³ В истории это деяние прочно запомнилось, и я счел его весьма подходящим для театра, где оно может глубоко взволновать зрителя. В самом деле, ни у одного поэта не найдем мы ничего трогательнее, чем разлука Энея и Дидоны у Вергилия. И кто усомнится в том, что событие, дающее вполне достаточно материала для целой песни героической поэмы,⁴ где действие развивается на протяжении многих дней, окажется достаточным и для сюжета трагедии, действие которой длится лишь несколько часов? Правда, у меня Береника не доходит до самоубийства, как Дидона, ибо она не связала себя с Титом так тесно, как Дидона с Энеем, и потому отнюдь не вынуждена по ее примеру отказаться от жизни. В остальном же прощальные слова, с которыми она обращается к Титу, и усилие, которое она делает над собой, решаясь на разлуку, составляют, быть может, один из самых трагических эпизодов пьесы, и я надеюсь, что он с немалой силой вновь возбудит в сердцах зрителей чувства, вызванные у них предшествующими перипетиями пьесы. Совсем не обязательно, чтобы в трагедии были кровь и мертвые тела:⁵ достаточно, если действие в ней свидетельствует о величии душ персонажей, если актеры выступают в ролях героических, если она изображает сильные страсти и если все в ней проникнуто торжественной печалью, в которой и таится наслаждение, получаемое нами от трагедии.

Я полагал, что избранный мною сюжет дает все возможности для этого, но больше всего полюбилась мне его чрезвычайная простота. Давно уже хотел я попытаться написать трагедию с той простотой действия, которую так ценили древние: этому ведь они нас главным образом и учат. «Пусть в том, что вы творите, — говорит Гораций, всегда будут простота и единство».⁶ Они восхищались «Аяксом» Софокла, а ведь там все содержание — это Аякс, убивающий себя с отчаяния: он впал в неистовство, когда ему не присудили доспехов Ахилла. Они восхищались «Филоклетом», где весь сюжет сводится к появлению Улисса, который

хочет завладеть стрелами Геракла. Даже «Эдип»,⁷ в котором полно рассказов о прошлых событиях, меньше перегружен действием, чем самая простая из трагедий нашего времени. Наконец, мы видим, что даже поклонники Теренция,⁸ с полным основанием предпочитающие его всем авторам комедий за изящество стиля и правдоподобие изображаемых нравов, тем не менее признают, что Плавт имеет над ним существенное преимущество, ибо плавтовские сюжеты почти всегда необычайно просты. И нет сомнения, что именно чудесной своей простоте обязан Плавт теми похвалами, которые ему всегда расточали древние. А насколько еще более прост был Менандр,⁹ раз Теренций вынужден воспользоваться двумя комедиями этого поэта, чтобы создать одну свою!¹⁰

И не следует думать, что правило это основано лишь на произволе тех, кто его установил: в трагедии волнует только правдоподобное;¹¹ а можно ли говорить о правдоподобии, если за один день происходит множество событий,¹² которые на самом деле могли совершиться самое малое в течение нескольких недель? Некоторые считают, что эта простота означает лишь недостаток выдумки. Им не приходит в голову, что вся-то выдумка и состоит в том, чтобы сделать нечто из ничего, и что большое количество событий всегда является удобным выходом для поэтов, ощущающих, что их дарованию не хватает ни щедрости, ни силы для того, чтобы на протяжении пяти действий держать зрителя в напряжении сюжетом простым, но в то же время богатым бурностью страстей, красотой чувств, изяществом выражения. Я далек от мысли, что все это имеется в моем произведении, но и не думаю также, что зрители сетуют на меня за то, что я предложил им трагедию, которую они почтили, пролив столько слез, и на тридцатом представлении которой народу было ничуть не меньше, чем на первом.

Не обошлось и без того, чтобы некоторые не попрекнули меня этой самой простотой, коей я так упорно домогался. Они полагали, что трагедия, почти лишенная интриги, не соответствует правилам театра. Я узнавал, жалуются ли они при этом на скуку. Мне сказали, что, по их признаниям, они нисколько не скучали, что многие места пьесы их весьма растрогали и что они с удовольствием еще раз посмотрели бы ее. Чего же им в таком случае нужно? Умоляю их быть о самих себе достаточно высокого мнения и не думать, что пьеса, трогаящая их и доставляющая им радость, могла быть написана с полным пренебрежением к правилам. Главное правило — нравиться и трогать; все прочие выработаны лишь затем, чтобы выполнять его. Но все эти правила чрезвычайно сложны и мелочны, и я не советую никому разбираться в них: есть ведь дела и поважнее. Пусть уж на нас лежит забота прояснять трудности аристотелевой поэтики, зрителям же да будет уготовано наслаждение сочувствовать героям трагедии и проливать слезы. И да разрешат они мне сказать им то, что некий музыкант говорил македонскому царю Филиппу,¹³ утверждавшему, что какая-то из его песен не отвечает правилам: «Да не попустят боги тебя, государь, впаять в такую беду, что тебе пришлось бы разбираться в этих вещах лучше, чем мне».

Вот все, что я могу сказать этим людям, услаждать которых я всегда считал бы славным для себя делом, ибо что до составленного против меня пасквиля,¹⁴ я полагаю, что читатели охотно избавят меня от необходимости отвечать на него. Да и что отвечу я человеку, который и не мыслит вовсе и не способен членораздельно высказать какую-нибудь мысль? Он говорит о протасисе¹⁵ так, словно понимает это слово, и требует, чтобы эта первая из четырех частей трагедии всегда непосредственно примыкала к последней, то есть катастрофе. Он жалуется на то, что слишком хорошее знание правил не дает наслаждаться пиесой. Но если судить по его статье, никогда не бывало жалобы менее обоснованной. По-видимому, он никогда не читал Софокла, которого весьма неоправданно хвалит за «многообразие событий» в его трагедиях, а о поэтике читал только в предисловиях к трагедиям. Но я прощаю ему незнание правил драматургии, поскольку, на счастье читателей и зрителей, он не пытается подвизаться в этом жанре. Я не могу ему простить другого — полного неразумения правил доброй шутки, в то время как каждое свое слово он старается сдобрить шуточкой. Уж не рассчитывает ли он позабавить порядочных людей всяческими «карманными увы», «господами правилами» и невесть каким количеством других низменных ужимок, которые осуждены всеми стоящими писателями, как он сможет убедиться, если когда-либо попытается их читать? Подобная критика — удел нескольких несчастных щелкоперов, которым никогда не удавалось привлечь к себе внимание публики. Они постоянно ждут выхода в свет какого-нибудь произведения, стяжавшего успех, и тогда набрасываются на него — не из зависти, ибо какие у них могут быть основания для зависти, но в надежде, что их удостоят ответа и тем самым извлекут из неизвестности, в которой они так и пребывали бы со своими собственными сочинениями.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тит,¹⁶ римский император.

Береника,¹⁷ царица Палестины.

Антиох, царь Комагены.¹⁸

Паулин, наперсник Тита.

Аршак, наперсник Антиоха.

Фойника, наперсница Береники.

Рутилий, римлянин.

Свита императора.

Действие происходит в Риме, в дворцовом покое между половиной
Тита и половиной Береники.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Антиох, Аршак.

Антиох

Помедлим здесь, Аршак. Ну, что? Тебя дивит
Покоя этого великолепный вид?
В уединенности и пышности красивой
Он тайны цезаря порой хранит ревниво.
С царницей юною, на миг забыв весь свет,
Сюда приходит Тит для сладостных бесед.
Покои цезаря вон тут, за этой дверью,
За той — царицыны. Тебе как другу веря,
Прошу: принять меня уговори ее,
Как ни докучно ей присутствие мое.

Аршак

Что слышу я? Мой царь ей докучать боится?
Ты — бескорыстнейший, вернейший друг царицы,
Востока нашего славнейший из царей,
Ее былой жених? Неужто можно ей
В надежде, что она супругой станет Тита,
Спесивой быть, мой царь, с тобою так открыто?

Антиох

Иди скорей! Одно необходимо мне —
С ней побеседовать сейчас наедине.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антиох.

Антиох

Ах, обрету ли я уверенность былую?
Решусь ли вымолвить опять: «Тебя люблю я»?

Сдается мне, что нет. Свиданья я страшусь
 Не меньше, может быть, чем на него стремлюсь.
 Когда она во мне надежду умертвила
 И даже речь вести о страсти воспретила,
 Я промолчал пять лет и, сколько было сил,
 В личину дружества любовь свою рядил.
 Невеста цезаря прислушается ль ныне
 К тому, кому молчать велела в Палестине?
 Он в брак вступает с ней. Разумно ль в этот час
 Напоминать о том, что связывало нас?
 Что выиграю я от дерзкого признанья?
 Оно лишь омрачит минуту расставанья.
 Не лучше ли уйти, не домогаясь встреч,
 Чтоб о любви забыть иль с горя мертвым лечь?
 Нет! В одиночестве терпеть такую муку,
 Рыданья подавлять и проклинать разлуку?
 Прощаясь навсегда, страшиться гневных слов?
 Но разве должен быть ответ ее суров?
 Ведь я просить любви, прекрасная, не стану,
 Не призову тебя вернуться в наши страны
 И лишь одно скажу: я тешился мечтой,
 Что между цезарем великим и тобой
 Велением судьбы воздвигнется преграда.
 Но раз он может все — мне удалиться надо.
 Надежде на любовь я верен был пять лет
 И верность сохраню, хотя надежды нет.
 Я буду говорить — хоть это мне осталось.
 Быть может, в ней теперь возобладает жалость?
 Да и чего же впрямь бояться может тот,
 Кого с любимой навек прощанье ждет?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Антиох, Аршак.

Антиох

Ну, что? Могу ль войти?

Аршак

С царицей я видался,
 Но для того, чтоб ей я на глаза попался,
 Пришлось пробиться мне через толпу льстецов,
 Что к новой госпоже спешат со всех концов.
 Неделю Тит провел в уединенье строгом:
 Он плакал об отце,¹⁹ глухой ко всем тревогам,
 Но вновь любовь над ним взяла свои права,

И при дворе идет, мой государь, молва,
Что до ночи еще назначено царице
Свой титул изменить и стать императрицей.

А н т и о х

Увы!

А р ш а к

Ты удручен известьем, господин?

А н т и о х

Да. Значит, к ней войти я не могу один.

А р ш а к

Известно ей твое заветное желанье.
Она сама придет на тайное свиданье.
Смирненно уловив царицы беглый взгляд,
Я понял, что тебе терпеть и ждать велят,
Пока она сюда, в покой для всех закрытый,
Не сможет ускользнуть от надоевшей свиты.

А н т и о х

Отлично. Но скажи, ты не забросил дел,
Которые тебе устроить я велел?

А р ш а к

Послушному слуге довольно только слова.
Да, корабли твои к отплытию готовы.
Достаточно, мой царь, тебе отдать приказ,
И Остию они оставят сей же час.
Но кто отправится по этому приказу?

А н т и о х

С царицей встречусь я, и надо ехать сразу.

А р ш а к

Кто едет?

А н т и о х

Я.

А р ш а к

Ты?

А н т и о х

Да. Дворец покину я,
Покину Рим — и прочь, в родимые края

А р ш а к

Я, право, удивлен: тут есть чему дивиться.
 От родины тебя прекрасная царица
 Отторгла, увлекла в далекий чуждый Рим.
 Три года ты при ней со всем двором своим.
 И вот теперь, когда, столь дружный с Береникой,
 Ты стал свидетелем судьбы ее великой,
 И отблеск торжества, что ей готовит Тит,
 Тебя, властитель мой, по праву озарит. . .

А н т и о х

Пусть празднует, Аршак, она свою победу,
 А мы с тобой прервем докучную беседу.

А р ш а к

Я понял, государь. За дружбу и совет
 Неблагодарность — вот каков ее ответ,
 И за измену ты презреньем платишь тоже.

А н т и о х

Нет, никогда она мне не была дороже.

А р ш а к

Ужель решился Тит, воссев на отчий трон
 И императорским величьем ослеплен,
 Тобою пренебречь, и, чуя перемену,
 Предпочитаешь ты вернуться в Комагену?

А н т и о х

Немилость мне отнюдь не может угрожать,
 И жаловаться грех.

А р ш а к

Тогда зачем бежать?

Тебе же повредит пустое своеобразие.
 На трон взошел твой друг, с которым в бранной славе
 Опасности делил ты преданней, чем брат,
 В чем убедиться мог на деле он стократ.
 С ним, о величии империи радея,
 Сломали вы хребет мятежной Иудее.
 Он помнит день, когда благодаря тебе
 Победа в длительной означилась борьбе.
 Врагам в тройном кольце их неприступных башен
 Наш натиск яростный нисколько был не страшен:
 Напрасно и таран ворота их крушил,
 И первый с лестницей под стены поспешил

На штурм отчаянный ты, наш герой державный,
Едва не заплатив за подвиг смертью славной.
Весь лагерь наш уже оплакивал тебя,
Тит к полумертвому тебе припал, скорбя,
Но исцелился ты, и по заслугам надо
За пролитую кровь тебе стяжать награду.
А если, тяготясь страной, где ты не царь,
На родину решил ты ехать, государь,
Пусть к императорским вернувшийся заботам
Тит на Евфрат тебя отпустит с тем почетом,
Какой оказывать привык победный Рим
Друзьям испытанным — царям, союзным с ним.
Что может изменить, мой царь, твое решенье?
Но ты безмолвствуешь, увы!

А н т и о х

Аршак, терпенье!

Ты видишь: у дверей царицы я стою.

А р ш а к

Так что ж?

А н т и о х

Ее судьба решит судьбу мою.

А р ш а к

Как так?

А н т и о х

Я от нее узнаю все о браке.

И если правда то, что говорит здесь всякий,
Что в Риме новый трон ей цезарь Тит воздвиг,
Что это решено, — я еду в тот же миг.

А р ш а к

Но разве этот брак — причина для тревоги?

А н т и о х

Открою все тебе я после, по дороге.

А р ш а к

Скорбь о тебе, мой царь, мне разрывает грудь.

А н т и о х

Царица здесь. Ступай, скорей готовься в путь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Береника, Антиох, Фойника.

Береника

Вот я избавилась от излиятий лъстивых
 Ликующей толпы друзей велеречивых.
 Что мне от их забот, что мне от их услуг,
 Когда меня тут ждет мой старый верный друг?
 Так долго ты себя заставил дожидаться,
 Что показалось мне — ты стал меня чуждаться.
 Как может Антиох, в чьей преданности мне
 И Запад, и Восток убеждены вполне,
 Во всех превратностях оплот мой неизменный,
 И в счастье, и в беде товарищ несравненный,
 В тот самый день, когда судьба мне счастье шлет,
 Чтобы со мной вкусил он от ее щедрот,
 Как может он меня в толпе докучной этой
 Оставить вдруг одну и затаиться где-то?

Антиох

Так, значит, правда то, о чем молва трубит,
 И долгую любовь сегодня брак скрепит?

Береника

По чести признаюсь, нисколько не скрывая,
 Что здесь немало слез недавно пролила я:
 Покуда по отцу он траура не снял,
 Тит мысли о любви сурово отгонял.
 Когда-то от меня не мог отвести он взора,
 Теперь же избегал со мною разговора.
 В слезах, от скорби нем, тоскою удручен,
 Лишь горестным кивком со мной прощался он.
 Тебе легко понять, как тяжело это было.
 Его и лишь его всегда я в нем любила,
 А власти и венца — ты это знаешь, друг, —
 Дороже сердце мне и благородный дух.

Антиох

Тебя он вновь дарит привязанностью страстной?

Береника

Ты это видел сам: когда единогласно
 И не щадя в своем усердьи громких слов,
 Сенат отца его включил в число богов,
 Тит, свой сыновний долг исполнив образцово,

Душой к возлюбленной смог устремиться снова
И в тот же самый миг, — так все кругом твердят, —
Не известив меня, отправился в сенат,
Чтоб к Береникиным владеньям в Палестине
Прибавить Сирию с Аравией отныне.
А если верить в то, что говорят друзья,
Что от него всегда сама слыхала я,
То вскоре с этими тремя соединится
Четвертый мой венец — венец императрицы.
Сказать об этом мне он сам придет сюда.

Антиох

А я тебе скажу: простимся навсегда.

Береника

Как! Почему ты речь заводишь о прощанье?
Я вижу: ты смущен и на лице — страданье!

Антиох

Уехать должен я.

Береника

Изволь сказать ясней:

В чем дело?

Антиох

(в сторону)

Мне нельзя встречаться было с ней.

Береника

Довольно же молчать! Какие опасенья
Причиной сделались внезапного решенья?

Антиох

Что ж, выслужай, но знай: я говорю сейчас
По воле царственной твоей в последний раз.
Наделена судьбой блестящей и высокой,
Ты вспомнишь, может быть, о родине далекой,
Где в некий день любовь зажгла меня всего
Стрелюю, пущенной из ока твоего.
Я к брату твоему Агриппе обратился,
И он бы от тебя согласия добился
Принять ту дань, что я принес тебе, любя,
Но появился Тит и покорил тебя.
Он пред тобой тогда предстал неотразимо
В блистанье грозном разгневанного Рима.

Восставший край сознал, что ныне обречен,
 Но скорбный Антиох был первым побежден,
 И, волю злой судьбы осуществив на деле,
 Твой уста моим умолкнуть повелели.
 Когда же, вместо них, взор неотступный мой
 И вздохи горькие смутили твой покой,
 Ты приказала мне, жестокая царица,
 И чувство подавить — не то с тобой проститься.
 Я сдался, обещал, но знай: сейчас смирить
 Не властна ты меня. Я буду говорить,
 И я скажу, что, дав обет бесчеловечный,
 Поклялся про себя любить любовью вечной.

Б е р е н и к а

Как! Что ты говоришь?

А н т и о х

Да, я молчал пять лет
 И больше никогда не преступлю обет.
 С соперником своим я шел на поле славы,
 Надеясь там себе найти конец кровавый,
 Чтоб до тебя, чей слух отверг мои слова,
 Хоть имя гордое мое несла молва.
 Казалось, что судьба мне это даровала —
 О том, что друг твой пал, ты слезы проливала,
 Но тщетно я искал опасностей в бою:
 Тит доблестью затмил неистовость мою.
 Я должное ему воздать обязан честно:
 Наследник цезарей, любимый повсеместно,
 Тобою избранный, он первым на себя
 Удары принимал, разя, коля, рубя.
 А я, отверженный, безвольный и усталый,
 Лишь подражал ему с отвагой запоздалой,
 Я вижу, что теперь довольна ты вполне,
 Что, укротив свой гнев, с улыбкой внемлешь мне,
 Что нарушение запрета позабыто —
 Как не простить того, кто восхваляет Тита!
 Осада кончилась. Он, грозный, раздавил
 Остатки жалкие былых мятежных сил.
 Доделали свое огонь, раздоры, голод,
 И стены древние разрушил римский молот.
 Вы с Титом собрались, ликующие, в Рим,
 И мне предстал Восток постылым и пустым.
 Блуждал я без конца по Кесарее милой,
 Где некогда любил тебя с такою силой.
 Я звал тебя в стране поверженной твоей,

Следов твоих искал немало долгих дней...
Но нет! Моей тоски не описать словами.
Затем в Италию я ринулся за вами,
И там горчайший час настал в моей судьбе:
Тит, встрече нашей рад, привел меня к тебе.
Личину дружбы к вам надел я без усилий,
И вы моей любви любовь свою открыли.
Но все ж я тешился надеждою подчас:
Веспасиан и Рим разъединяют вас;
Тит, уступая им, оставит Беренику...
Но мертв Веспасиан, и сын его — владыка.
Бежать бы мне тогда! Но я решился ждать,
Чтоб друга прежнего на троне увидеть.
Теперь мне ясно все. Вам брачный пир готовят.
Довольно здесь людей, что каждый случай ловят,
Чтоб лестью усладить Гимена торжество.
Я ж, кроме слез, вам дать не властен ничего,
И, мученик любви упорной и напрасной,
Я рад, что все сказал об этой скорби страстной
Под взором дивных глаз, что виноваты в ней.
Я ухожу, но знай: люблю еще сильнее.

Б е р е н и к а

Мне даже мысль — и та, о царь, казалась дикой,
Что в день и час, когда со мною, Береникой,
Себя готов навек связать всемогущий Тит,
Другой мне страсть свою так смело изъяснит.
Я речи дерзостной твоей не прерывала:
Пусть дружба на нее набросит покрывало.
И более того: я признаюсь, друг мой,
Мне горестно сейчас прощание с тобой.
Ведь так хотелось мне, чтоб принял ты участие
И в торжестве моем, и в беспредельном счастье.
За подвиги свои ты мной, как всеми, чтим.
Тит полюбил тебя, ты восхищался им.
Сроднились тесно вы, и часто мне казалось,
Что, говоря с тобой, я снова с ним общалась...

А н т и о х

Я больше не хочу мучительных бесед,
Где одновременно участвую и нет.
В унынье горькое теперь меня приводит
Одно лишь имя Тит, что с уст твоих не сходит.
От равнодушных глаз я скроюсь навсегда,
Что смотрят на меня, не видя никогда.
Прощай! Я сохраню в душе твой образ милый,

Пока меня от мук не исцелит могила.
 Не бойся, что, томясь в мучениях моих,
 На весь я белый свет пойду кричать о них.
 Нет, госпожа, одно услышишь обо мне ты —
 Что смерть желанная меня настигла где-то.
 Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Береника, Фойника.

Фойника

Как жаль его. Так верен, так влюблен!
 Удела лучшего заслуживает он.
 Не правда ль, госпожа?

Береника

Внезапное прощанье
 Оставит горькое во мне воспоминанье.

Фойника

Я удержала бы его...

Береника

Безумна ты.
 Мне долг велит навек забыть его черты.
 Могу ль я потакать надежде безрассудной?

Фойника

Но Тит еще молчит, и будет очень трудно
 Вам римский обойти обычай и закон.
 Суровостью своей меня пугает он:
 Сын Рима вправе лишь на римлянке жениться,
 И Рим не признает царей, а ты — царица.

Береника

Я не боюсь: меня всем сердцем любит Тит.
 Сейчас он может все, и он заговорит.
 Приветствовать меня придет сенат надменный,
 И статуи того, кто сел на трон вселенной,
 Увьет гирляндами ликующий народ.
 Ты видела сама, какой нас вечер ждет.
 Ты видела костры и факельное пламя,
 Толпу, и фасции, и воинов с орлами,
 Сенат и консулов, союзников-царей,
 Которых озарил огонь его лучей —

Венца лаврового и мантии багряной,
Свидетельства побед и славы несказанной.
Недаром на него теперь со всех сторон
Так жадно каждый взор с восторгом устремлен.
Он всех пленил своей осанкой величавой,
Сердечной кротостью, открытой, нелукавой.
К нему безудержно стремятся все сердца.
Клянусь я, будь он сын безвестного отца,
Он был бы и тогда всех смертных властелином,
На троне утвержден порывом их единым.
Но будет!.. Нет конца мечтаниям моим!
Приносит в этот час весь необъятный Рим
Богам за цезаря и жертвы, и моления,
Чтоб светел для него был первый день правленья.
Что ж медлим мы с тобой, Фойника? Время нам
О том же вознести молитву небесам.
А вслед за этим я, не ожидая Тита,
Сама к нему пойду сказать о том открыто,
Что жаждет вырваться из любящих сердец,
Когда снимаются запреты наконец.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тит, Паулин, свита.

Тит

Царь Комагены был уведомлен, конечно,
Что нужен мне?

Паулин

Пошел к царице я поспешно, —
Как сообщили мне, он находился там, —
И не застал его, но слугам и друзьям
Велел просить царя сюда к тебе явиться.

Тит

Отлично. Но скажи, что делает царица?

Паулин

Она в тот самый миг, когда я к ней входил,
Шла, цезарь, для тебя молить у вышних сил
Удач и здравия.

Т и т

Друг преданный и милый!..

Увы!

Паулин

Но, государь, к чему твой вздох унылый?
Почти что весь Восток огненные попадет
Под власть ее...

Т и т

Пускай весь этот люд уйдет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т и т, Паулин.

Т и т

Весь город разузнать стремится поскорее,
Какая ждет судьба царицу Иудей,
И беззастенчиво сейчас судачит Рим
О том, что с нею мы в сердцах своих таим.
Пора мне все решить, и я готов к ответу.
Какая же молва о нас идет по свету?
Ответь мне, Паулин.

Паулин

Твердят повсюду все
О доблестях твоих и о ее красе.

Т и т

Чего же от меня народ мой хочет верный?
Могу ли я на шаг решиться беспримерный?

Паулин

Люби иль отврати от милой нежный взор —
С тобой всегда во всем согласен будет двор.

Т и т

Прекрасно помню я, как он низкопоклонно
Терпел и одобрял все низости Нерона
И, угождать любым готовый господам,
Злодея прославлял, припав к его стопам.
Я знаю этот двор и не нуждаюсь в лести.
Мне нужно мнение людей ума и чести,
И я хочу слова бесхитростные их
Услышать, Паулин, сейчас из уст твоих.

Ты клялся мне не лгать! Из страха и почтенья
Не выскажет никто другой неодобренья.
Чтоб поскорей узнать всю правду без прикрас,
Просил я помощи твоих ушей и глаз.
За дружбу цезаря пусть это платой будет:
Ты должен мне сказать, как Рим рядит и судит,
И искренность твоя да станет навсегда
Мне вольным голосом всеобщего суда.
Ты должен мне сказать, что город наш великий
Взаправду думает о нежной Беренике.
Ужель, назвав ее супругой, цезарь Тит
Народ нечаянной ошибкой оскорбит?

Паулин

Да, государь! Увы, никто в твоей столице
Назвать бы не хотел ее императрицей.
Пусть гордый стан ее и красота лица
Достойны и твоей порфиры, и венца,
И есть в ней римский дух, у чужеземцев редкий,
Но, государь, цари — ее отцы и предки.
Ты знаешь, есть у нас незыблемый закон:
Брак с чужеземцами нам запрещает он.
Законным отпрыском и гражданином Рима
Дитя такой любви считать недопустимо.
К тому же, некогда изгнав своих царей,
Мы имя царское, что было всех святей,
Возненавидели так яростно, что ныне,
Как память о былой свободе и гордыне,
Рим, верный цезарям, непобедимый Тит,
Ту ненависть в сердцах своих сынов хранит.
Сам Юлий, даже он, кто подчинил впервые
Своим велениям обычаи родные,
Своей женой назвать египтянку не смог,²⁰
Как яростно огонь любви его ни жег.
Антонию она была милее жизни.²¹
Он стал изменником и славе и отчизне,
Но браком все-таки не сделал эту связь.
Он млел у ног ее, покуда, разъярясь,
Рим не настиг его в их царственных покоях
И смертью праведной не покарал обоих.
Прошли еще года. Калігула, Нерон, —²²
Увы, не обойти столь мерзостных имен! —
Имевшие один лишь облик человека,
Поправшие все то, что люди чтут от века,
И те единственный уважили запрет:
И брака гнусного при них не видел свет.

Как требовал ты сам, тебе напомию честно,
 Что Феликс, бывший раб, Палласа брат безвестный,
 Став мужем двух царяц,²³ почти достиг венца;
 И раз уж быть правдив я должен до конца,
 Скажу тебе о том, что знают все на свете:
 С твоей возлюбленной в родстве царицы эти.
 Ужели родине понравится твоей,
 Что ложе цезаря разделит дочь царей,
 Когда в краю, где рок назначил ей родиться,
 Вчерашнего раба в мужья берут царицы?
 Так, благородный Тит, в столице говорят,
 И очень может быть, что нынче же сенат,
 Опору обрета в тревоге всенародной,
 Все это выскажет открыто и свободно
 И что у ног твоих, мой цезарь, вместе с ним
 О лучшем выборе тебя попросит Рим.
 Готовься, господин, к достойному ответу.

Т и т

Увы! Моей любви невыносимо это!

П а у л и н

Да, вижу, сильная тобой владеет страсть.

Т и т

Сильней, чем думаешь, ее над Титом власть.
 Мне каждодневное с царицею общенье —
 Потребность первая, мой друг, и наслажденье.
 Признаться и в другом охотно я готов:
 Я лишь из-за нее благодарил богов,
 Что моего отца избрали благосклонно
 И отдали ему Восток и легионы,
 Чтоб Рим истерзанный вручил себя всего
 Миротлюбивости и разуму его.
 Мне даже, — от тебя и этого не скрою, —
 На троне самому хотелось быть порою,
 Хоть я, — поверь мне, друг, — костыми б с восторгом лег,
 Чтоб дольше мой отец и жить и править мог.
 Такое я таил безумное желанье
 Затем лишь, что искал для милой воздаянья
 За верность и любовь, что жаждал ей служить
 И мир к ее ногам покорно положить.
 И все же, несмотря на весь мой пыл великий,
 На клятвы, что давал я щедро Беренике,
 Теперь, когда ее возможно торжество,
 Теперь, когда я сам люблю сильней всего,

Теперь, когда нам брак сулит вознагражденье
За пятилетнее жестокое томленье, —
Я обречен сказать... О, как душа болит!

Паулин

Что? Что сказать?

Тит

Что долг расстаться нам велит.

Не ты на верный путь сейчас меня направил.
Я лишь затем тебя заговорить заставил,
Чтоб речи, Паулин, суровые твои
Последний нанесли удар моей любви.
Да, колебался я: любовь не уступала,
И хоть в конце концов все перед честью пало,
Так много сердцу ран в бою нанесено,
Что нелегко теперь излечится оно.
Пока другой вершил и правил судьбы мира,
Ничто моей любви не нарушало мира.
По Беренике я вадыхал пять долгих лет
И лишь перед собой во всем давал ответ.
Но вот пришло отцу мгновенье роковое.
Глаза ему закрыл я скорбною рукою
И повял, как в мечтах от жизни был далек
И как безмерен груз, что на плечи мне лег.
Не то что существу любимому отдаться —
От самого себя я должен отказаться:
Богам отданы мне в руки мир и Рим,
Но должен я себя отдать за это им.
Народ следит за мной с тревогой и вниманьем.
Каким бы для него явилось предвещаньем,
А для меня — стыдом, когда б, поправ закон,
Блаженству предался я с той, в кого влюблен!
Решенье привял я, не зная, как же с нею
О жертве тягостной заговорить посмею.
Дней семь тому назад — и сколько раз с тех пор! —
Пытался я начать жестокий разговор,
Но с самых первых слов — о, пытка роковая! —
Язык мой путался, немея, застывая.
Я мог надеяться, что мой смятенный вид
О нашей участи ее предупредит;
Она же, подлинной не чувствуя угрозы,
То утереть сама мои хотела слезы,
То, увидав, как я безмолвно хмурю бровь,
Решала, что мою утратила любовь.

Нет, ложной мягкости суровость благородней.
 С парией свижусь я и все скажу сегодня.
 Здесь друг мой Антиох. Пускай весь груз забот
 О той, с кем расстаюсь, он на себя возьмет
 И с нею на Восток далекий возвратится.
 Да, завтра вместе с ним покинет Рим царица.
 Мы встретиться должны — увы! — в последний раз,
 И от меня она узнает все сейчас.

Паулин

Я меньшего не ждал. Тому, кто любит славу,
 Победа верная сопутствует по праву.
 Поручкою, что ты и тут непобедим,
 Мне был поверженный во прах Иерусалим.²⁴
 Я верил: мужество, не знавшее предела,
 Тебе не даст, о Тит, пограть свое же дело,
 И покоритель стран, народов и царей
 Не подпадет под власть слепых своих страстей.

Тит

Тем слава горше мне, чем похвалы пышнее.
 Насколько б для меня стал блеск ее ценнее,
 Когда бы только жизнь была ее ценой!
 Во мне стремленье к ней зажег не кто иной,
 Как та, с кем должен я теперь навек проститься.
 Ты знаешь, что еще не так давно гордиться
 Я именем своим пожалуй бы не стал:
 Неронов двор меня в те годы воспитал,²⁵
 И, соблазнительным подвластный впечатленьям,
 Я необузданным отдался наслажденьям.
 Но вот пришла любовь. Чье сердце не горит
 Желаньем угодить тому, кто в нем царит?
 Я жизни не щадил: все предо мною пало.
 Но крови, жертв и слез казалось слишком мало,
 Чтоб ласков стал ко мне моей царицы взор,
 И начал помогать несчастным я с тех пор.
 Я всюду изливал свои благодеянья,
 Лишь одного ища за это воздаянья:
 Любимой принести, довольной наконец,
 Богатый урожай мне преданных сердец.
 Я всем обязан ей. А какова награда?
 Весь долг мой возложить мне на нее же надо.
 Вот доброты ее, любви ее цена —
 Слова жестокие: «Уехать ты должна».

Паулин

Помилуй, государь! До самого Евфрата
Ты, к удивлению смущенного сената,
Расширил власть ее. Безумец лишь корит
Неблагодарностью того, кто так дарит.
Нет, рассчитался ты сверх меры с Береникой.

Тит

Утеха жалкая в печали столь великой!
Открыто сердце мне возлюбленной моей:
Лишь я, один лишь я всегда был нужен ей.
Со дня — счастливый он, тот день, или несчастный? —
Как стали оба мы такой любви подвластны,
Томясь и думая лишь обо мне одном,
Чужая в городе и во дворце моем,
Она проводит в день едва ли час со мною
И кротко ждет меня все время остальное.
И если мне теперь случается порой
Попозже, Паулин, зайти в ее покой,
Она уже в слезах, и с нею я вздыхаю,
И слезы на ее ресницах осушаю.
Все то, что придает любви такую власть:
Упреки нежные, немеркнущую страсть,
Стремленье правиться, бесхитростность прямую,
Блеск, прелесть, смелость — все всегда в ней нахожу я.
Пять лет я каждый день²⁶ в покои к ней вхожу
И словно в первый раз на милую гляжу.
Закончим разговор. Признаюсь, друг, тебе я:
Чем больше думаю, тем становлюсь слабее.
О боги, что сказать я должен ей сейчас?
Довольно! Пусть удар скорей падет на нас.
Есть долг, и я пойду стезей его отважно,
А выживу или нет — не так уж это важно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тит, Паулин, Рутилий.

Рутилий

Царица жалует, мой господин, к тебе.

Тит

Ах, Паулин!

Паулин

Так что ж? Слабеешь ты в борьбе?
Что решено тобой — должно осуществиться.
Пора!

Тит

Да, да, ты прав. Пускай войдет царица.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тит, Береника, Паулин, Фойника.

Береника

Надеюсь, ты простишь меня, властитель мой,
За то, что мне пришлось нарушить твой покой.
Но коль дивится двор, какой мне жребий выпал,
Какими ты меня щедротами осыпал,
Могу ли, от всего и всех отчуждена,
В такой счастливый час молчать лишь я одна?
Позволь же мне сказать здесь, перед другом Тита
(Я знаю, от него о нас ничто не скрыто):
Окончен траур твой, и снят любой запрет,
А все-таки тебя со мною рядом нет.
Слышала я, что мне венец сулишь ты новый,
Но за день от тебя не слышала ни слова.
Иль цезарь думает, что лишь сенату он
Обязан изъяснять, в кого и как влюблен?
Ах, Тит, мой Тит, любви не нужны выраженья,
В которых слышатся лишь страх и уваженья!
Зачем твоя любовь о царствах говорит
И только их — увы! — возлюбленной дарит?
Величья, пышности мне разве больше надо,
Чем слова твоего, чем ласкового взгляда?
Лишь их и только их я алчу всей душой.
Возьми дары назад и больше будь со мной!
Неделя протекла, но ты, как прежде, занят.
Когда ж любовь твоя безмолвствовать устанет?
Хоть слово от тебя, хотя б единый взор!..
Не обо мне ль сейчас вели вы разговор?
Касались ли меня неведомые речи,
Которые прервал ты ради нашей встречи?

Тит

Беру в свидетели всевышних и благих:
И день, и ночь царишь ты в помыслах моих.

Пусть разделяют нас дела, заботы, стены,
Но сердце верное не ведает измены.

Береника

С какой холодностью клянешься ты сейчас,
Что пламень твой былой доселе не угас!
Зачем в свидетели ты призываешь вышних?
Чтоб убедить меня, не надо клясть излишних,
А для того, чтоб вновь покой обрел мой дух,
И вздоха твоего достаточно, мой друг.

Тит

Царица...

Береника

Ты, едва начав, теряешь силы
И, как в смущении, отводишь взор унылый.
Неужто ясного не видеть мне лица?
Ужель тебя гнетет доныне смерть отца,
И мрак души твоей смятенной не оставил?

Тит

О, если б до сих пор отец мой нами правил,
Как счастлив был бы я!

Береника

Стенания твои —
Сыновней, истинной свидетельство любви.
Но должное воздал ты памяти отцовой,
И от тебя твой Рим сегодня ждет иного.
Не смею говорить я о себе самой,
Хоть утешал тебя когда-то голос мой,
Хотя и мне, когда меня жестоко била
Судьба из-за тебя, всегда довольно было
Лишь слова твоего, чтоб слезы осушить.
Ты об отце скорбишь: с ним легче было жить;
Меня же (вспоминать об этом нестерпимо!)
Стремятся разлучить со всем, что мной любимо,
Меня, которая томится и скорбит,
Пробыв с тобой хоть час в разлуке, милый Тит!
Ведь я умру, узнав, что выросла преграда
Меж нами...

Тит

Пощади, владычица, не надо!..
В такой недобрый час так много доброты!
К неблагоприятному щедро напрасно ты.

Б е р е н и к а

К неблагодарному? Недосказал ты что-то.
Не в тягость ли тебе любви моей щедроты?

Т и т

Нет! Раз нельзя молчать, скажу: всего сильней
Сейчас любовью я испепелен своей,
Но...

Б е р е н и к а

Говори же!

Т и т

Рим... Народ...

Б е р е н и к а

Чем ты взволнован?

Т и т

Нет, Паулин, уйдем: язык мой словно скован.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Б е р е н и к а, Ф о й н и к а.

Б е р е н и к а

Как! Он уже ушел, и снова я одна?
Фойника милая, но в чем моя вина?
Что значит, что — увы! — таит молчанье Тита?

Ф о й н и к а

Ума не приложу. Но вдруг тобой забыта
Размолвка некая? Припомни: может быть,
Его тебе в сердцах случилось оскорбить,
Прогневать?

Б е р е н и к а

Помню все: поступки, взгляды, речи
От самых первых дней и до последней встречи
И знаю, — о, поверь! — что можно лишь одну
Любовь чрезмерную поставить мне в вину.
Скажи по совести, не бойся сделать больно —
Неужто я могла задеть его неволью
Упреком за его сыновнюю любовь,
За то, что царства мне дарит он вновь и вновь?
Возможно, Рима он и впрямь сейчас боится,
И впрямь его женой не может быть царица?
О, горе!.. Но ведь сам твердил он сотни раз,

Что разлучить закон уже не в силах нас.
Да, сотни раз... Узнать должна я и сумею,
Зачем он все стоял, заговорить не смея.
Нет, нет, не в силах жить я с мыслью роковой,
Что он презрел меня или обижен мной.
Пойдем же вслед за ним. Мне кажется, Фойника,
Я разгадала все, что странно в нем и дико.
То ревность чуткая: проведал, верно, он,
Что Антиох в меня безудержно влюблен.
Сейчас царя он ждет к себе, мне говорили.
Не будем ни гадать, ни расточать усилий,
И то, что ранило меня так глубоко,
Развеется теперь мгновенно и легко.
Мой Тит, успех твой мал, и в нем не много славы.
О, если бы иной соперник величавый
Явился искушать любовь мою к тебе,
Повлек бы к более блистательной судьбе
Твою любимую, дарил ей царства, троны,
А ты — один лишь пыл своей души влюбленной,
Я и тогда б тебе не предпочла его,
И ты бы знал, что ты дороже мне всего.
Одним любимого я успокою словом.
Не бойся же, любовь, лети к победам новым.
Нет, зря несчастною считала я себя:
Пускай ревнует Тит — ревнуют, лишь любя.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тит, Антиох, Аршак.

Тит

Как! Уезжаешь ты? И так притом поспешно,
Что бегством твой отъезд покажется, конечно?
И попрощаться ты не захотел со мной,
И от меня, как враг, отъезд скрываешь свой.
Все — Рим и двор — решат, что поступил ты плохо,
А что же думать мне как другу Антиоха?
Ведь разве — ты признай — я дружбою своей
Не выделил тебя в толпе других царей?
Пока отец мой жил, тебе всегда открыто
Могло быть, Антиох, одно лишь сердце Тита.
Теперь, когда моя рука полна щедрот,
Ужели от меня достойнейший уйдет?

Ты, может, думаешь, что, позабыв бывшее,
Лишь о величии я одержим мечтою,
А прежние друзья отныне в стороне,
Уже ненужные, уже чужие мне?
Пренебрегающий щедротами моими,
Ты мне сейчас, мой друг, всего необходимей!

А н т и о х

Я?

Т и т

Ты.

А н т и о х

Что ж даст тебе, властителю царей,
Тот, кто один из них — лишь милостью твоей?

Т и т

Нет, царь, я не забыл, что делишь ты по праву
Со мною пополам моей победы славу;
Что между пленников, которых видел Рим, —
Все знают, — не один был пленником твоим;
Что в Капитолии развешаны трофеи,
Тобою взятые в сраженной Иудее.
Я не прошу тебя идти на смертный бой
И сокрушать врагов — мне нужен голос твой.
Ты Беренике друг, вернейший друг, который
Всегда готов ей быть защитой и опорой,
И в целом Риме нет ей ближе никого,
И отдал с давних пор ты нам себя всего.
Во имя близости, которой нет теснее,
Употреби, прошу, всю власть свою над нею,
Пойди к ней от меня.

А н т и о х

Явиться к ней? Сейчас?
Я был ведь у нее — и был в последний раз.

Т и т

Нет, нет, мне нужно, друг, чтоб ты пошел к ней снова!

А н т и о х

Ей надо лишь тебя и никого другого.
Мой цезарь, почему не хочешь ты принести
Избраннице своей столь радостную весть?
Ведь ныне вся она — надежда, нетерпенье.
Ручаюсь я тебе в ее повиновенье.

Сказала мне она, что скорый твой приход
О браке вашем весть ее ныне принесет.

Т и т

О, как бы я желал, чтоб совершилось это,
Как счастлив был бы ждать блаженного ответа!
Да, все ей высказать сегодня я хотел,
Но вот — увы! — теперь разлука наш удел.

А н т и о х

Как? Расстаетесь вы?

Т и т

Так хочет рок злосчастный.
Не увенчает брак любви такой прекрасной.
Я тщетно тешился надеждой золотой:
Царица завтра же отправится с тобой.

А н т и о х

О боги! Правда ли?

Т и т

Виной — моя порфира.
Я властью цезаря решаю судьбы мира,
Могу и низлагать царей, и создавать,
Но сердца никому не волен отдавать.
Рим, давний враг царей, не примет благосклонно
Прелестнейшей из жен, воспитанных для трона.
Тиара царская, венчанных предков ряд
Страсть императора позорят и сквернят.
Я мог бы, не боясь молвы и осужденья,
Пылать к избраннице незнатного рожденья,
Рим согласился бы признать женой моей
Любую, жалкую — но лишь его кровей.
Сам Юлий не посмел презреть веленье рока.
И если не прощусь я с дочерью Востока,
То на глазах у ней разгневанный народ
Ее изгнания потребовать придет.
Чтоб избежать стыда, наигорчайшей боли,
Раз надо уступить — уступим высшей воле.
Молчанье уст моих и взора моего
Не подсказали ей, к несчастью, ничего.
И требует она тревожно и упрямо,
Чтоб я на этот раз с ней объяснился прямо.
Так вот, прошу тебя, избавь меня, мой друг,
От объясненья с ней — ужаснейшей из мук;

Скажи ей, почему я соблюдал молчанье,
 И умоли ее не требовать свиданья.
 Ей от меня и мне от милой передашь
 Слова прощальные, посредник верный наш.
 Нам свидеться нельзя: мы в грусти безнадежной
 Остатков мужества лишимся неизбежно.
 Но если б скорбный день стал для нее светлей
 От веры в то, что я навеки предан ей,
 Ах, друг мой, поклянись царице, что, тоскуя,
 Спокойно царствовать вовеки не смогу я,
 Что всюду и всегда, влюбленному в нее,
 Изгнанием станет мне правление мое!
 И если, отобрав все лучшее на свете,
 Мне рок безжалостный навяжет долготье,
 Ты, с нею связанный лишь дружбою одной,
 Не оставляй, прошу, ее в беде такой.
 Хочу, чтоб на Восток вы с ней вернулись вместе,
 Чтоб это славный был триумф, а не бесчестье;
 Чтоб ваше дружество не меркло никогда,
 Но вспоминали вы и обо мне всегда;
 Чтоб ты в стране своей соседом стал царице.
 Теперь один Евфрат да будет вам границей.
 Так в Риме славен ты, и чтим, и знаменит,
 Что этот дар сенат, конечно, утвердит.
 Владения твои умножит Киликия.²⁷
 А ты с царицей будь все эти дни лихие,
 С той, что была всегда мне жизнь, надежда, свет
 И будет дорога мне до скончанья лет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антиох, Аршак.

Аршак

Да, счастье от тебя не отвратило лика:
 Тебе вручается, властитель, Береника.
 Вам ныне предстоит совместный долгий путь.

Антиох

Дай мне сейчас, Аршак, опомниться, вздохнуть.
 Как удивительно все это и неожиданно:
 Тит отдает мне то, что так ему желанно.
 Не знаю: верить ли, что это не во сне,
 А если это явь — то радоваться ль мне?

Аршак

Как, господин мой царь, слова твои пойму я?
Каким сомненьям вновь поддался ты, тоскуя?
Иль ты обманывал меня, когда сейчас,
С царицей свидевшись — увы! — в последний раз
И трепеща еще от смелого признанья,
Мне о любви своей сказал и о страданье?
Расстроился теперь злосчастный этот брак.
Но чем же ты смущен? Я не пойму никак.
Любовь тебя зовет: иди, лети за нею.

Антиох

Царицу должен я доставить в Иудею,
В пути нам частые беседы предстоят,
Привыкнет взор ее встречать мой долгий взгляд,
Потом сравнит она без горестного вздоха
Холодность цезаря с заботой Антиоха.
Его победный блеск здесь затопляет Рим.
Он подавил меня величием своим.
Пусть в Азии оно, как в Риме, не затмится,
Но там и обо мне наслышится царица.

Аршак

Да, близок он, конец твоих любовных мук!

Антиох

Как жалко мы себя обманываем, друг!

Аршак

Обманываем?

Антиох

Да. Ты думаешь, что ею
Обласкан буду я, и нежностью своею
Она вознаградит меня в свой час и срок?
Ты, может, думаешь, что, предназначь ей рок
Быть вдруг отвергнутой, презренной целым светом,
Она начнет внимать моим слезам, советам;
Что за груди мои принять она должна
Любовь, которая ей вовсе не нужна?

Аршак

А кто верней тебя ее утешит в горе?
Ведь все изменится для Береники вскоре.
Ее оставил Тит.

Антиох

Узнаю лишь одно

Я по ее слезам — в ней все еще полно
 Любовью к цезарю, и горькие рыдания
 Во мне самом, увы, пробудят состраданье.
 Да, незавидная мне участь предстоит —
 Те слезы утирать, причина коих Тит.

Аршак

Ты духом так силен, и, право, царь мой, странно,
 Что ты же сам себя терзаешь беспрестанно.
 Открой глаза свои: увидишь, как и я,
 Что именно сейчас она — уже твоя.
 Когда простился с ней навек владыка Рима,
 Ей стать супругою твоей необходимо.

Антиох

Необходимо?

Аршак

Дай сперва поплакать ей.
 Поверь: в слезах пройдет не так уж много дней.
 Все будет за тебя: досада, жажда мести,
 И то, что Тит далек, и то, что вы с ней вместе.
 Три скипетра нельзя держать в руке одной,
 А рядом — ты, оплот, дарованный судьбой.
 Все связывает вас: расчет, рассудок, дружба.

Антиох

Ах, я опять дышу: ты сослужил мне службу.
 Такие доводы я, друг мой, слышать рад.
 Так совершим же то, что сделать мне велят.
 Услышать от меня должна сейчас царица,
 Что с Береникой Тит намерен разлучиться...
 Нет, нет, я не могу. Не в силах я войти
 И ей такой удар жестокий нанести.
 Любовь, достоинство — все, все во мне восстало!
 Как! Чтоб из уст моих царица услышала,
 Что брошена она? И можно ли дерзать
 Слова подобные владычице сказать?

Аршак

На цезаря падут весь гнев и возмущенье.
 Ты сделаешь одно: исполнишь порученье.

Антиох

Нет, нет, я не пойду. И без меня любой
Охотно явится к ней с новостью такой.
Но не достаточно ль жестокого известья,
Что Тит ее отверг? Не лишнее ль бесчестье
К ней горьким вестником от Тита слать того,
Кто был — известно ей — соперником его?
Нет, надо мне бежать, чтоб я, бесчеловечный,
Не заслужил вражды и ненависти вечной.

Аршак

Мой царь, она идет. Теперь ты опоздал.

Антиох

О боги!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Береника, Антиох, Аршак, Фойника.

Береника

Как, мой друг! Ты нас не покидал?

Антиох

Я докучать тебе не стану разговором:
Ты ищешь цезаря нетерпеливым взором.
Но только он один сейчас тому виной,
Что я, владычица, стою перед тобой.
До Остии уже успел бы я добраться,
Когда б он не велел мне при дворе остаться.

Береника

Зато от всех других сегодня он бежит.

Антиох

Со мною о тебе завел беседу Тит.

Береника

Как!

Антиох

Да.

Береника

Что ж он тебе сказал? Я жду ответа.

Антиох

Другие лучше бы поведали все это.

Б е р е н и к а

Как можешь ты!..

А н т и о х

Умерь, владычица, свой гнев.

Другие, пред тобой молчать не захотев,
 Не тратя времени сейчас на ожиданье,
 Твое бы радостно исполнили желанье.
 Но я, кто за тебя отдаст себя всего,
 Кто ценит твой покой дороже своего,
 Я лучше вытерплю твой гнев и возмущенье,
 Чем причинить тебе посмею огорченье.
 И очень скоро ты поймешь мои слова.
 Прощай!

Б е р е н и к а

Не уходи! О, я едва жива,
 И незачем, мой друг, мне от тебя таиться:
 В смятенье тягостном перед тобой царица,
 Молящая тебя сказать ей все как есть.
 Ты говорил — удар боишься мне нанести.
 Увы! От твоего зловещего молчанья
 Во мне еще сильнее и ярость, и страданье.
 А если вправду ты так ценишь мой покой
 И я была тебе когда-то дорогой,
 Сними жестокий гнет с души моей унылой!
 Что Тит сказал тебе?

А н т и о х

Ах, госпожа, нет силы...

Б е р е н и к а

Ах, так! Ты и сейчас осмелишься молчать?

А н т и о х

Прости, боюсь тебе я ненавистным стать.

Б е р е н и к а

Я требую!

А н т и о х

Коль я исполню приказанье,
 Ты первая меня похвалишь за молчанье.

Б е р е н и к а

Ты скажешь, а не то, — я клятву в том даю, —
 Заслужишь ненависть бескрайнюю мою.

Антиох

Что ж, после этого молчать уж невозможно.
Пусть так — я все скажу открыто и неложно.
Я вестник, может быть, таких жестоких бед,
Которых у тебя пока и в мыслях нет,
И тяжкий мой удар падет необоримо
Туда, где сердцем ты особо уязвима.
Тит объявить велел. . .

Береника

Что?

Антиох

Суждено судьбой,
Что растается он, владычица, с тобой.

Береника

Расстаться? Навсегда? Нам? Титу с Береникой?

Антиох

Я должное воздам душе его великой:
Любовь с отчаяньем перемешались в ней
Так страшно — ничего не видел я страшней.
Он плачет, госпожа, и любит он, как прежде.
Но что его любовь? Ведь места нет надежде!
Ты — рода царского, тебя его женой
Не хочет видеть Рим, и едешь ты со мной.

Береника

Фойника, слышишь ли?

Фойника

Владычица, должна ты
Всем ныне показать, как мужеством богата,
Как духом ты сильна. Увы! Удар жесток.

Береника

Расстаться нам? Сейчас? О как он только мог!
И после стольких клятв! Не верю я известью:
Ведь это было бы и для него бесчестье.
Неведомо ему, какая западня
Должна против него восстановить меня.
Он любит, он желать моей не может смерти.
Пойду к нему, и все раскроется, поверьте.

Антиох

Что ж, я, по-твоему, виновник гнусных дел?

Б е р е н и к а

Не знаю! Слишком ты уж этого хотел.
 Виновен ты иль нет — клянись любой святыней! —
 Но не дерзай ко мне приблизиться отныне!

(Фойнике.)

Мне слишком тяжело, и ты со мной побудь.
 Как страстно я себя пытаюсь обмануть!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

А н т и о х, А р ш а к.

А н т и о х

Я не ослышался, Аршак? Предстать пред нею
 И приближаться к ней отныне я не смею?
 Я не приближусь, нет. Да я ведь уезжал,
 И только Тит меня насильно удержал.
 Что ж, ехать нам пора, и надо торопиться.
 Совсем меня сразить надеялась царица,
 А легче стало мне. Я сердцем был смятен,
 Я ревновал, я был неистово влюблен,
 Теперь, словам ее безжалостным послушный,
 Я, может быть, Аршак, уеду равнодушно.

А р ш а к

Нет, уезжать тебе не следует сейчас.

А н т и о х

Чтоб выносить ее презренье каждый раз?
 Тит к ней остыл, а мне в ответе быть за это?
 Он виноват, а мне обиды и запреты?
 И как же горький гнев ее несправедлив:
 Я — гнусный лицемер, я недостойно лжив;
 Тит верен ей, а я, мол, выдумщик коварный!
 Как можно быть такой слепой, неблагодарной!
 И это в миг, когда я, не жалея сил,
 За постоянство чувств его превозносил;
 Когда со рвением, быть может и чрезмерным,
 Страдающим его изображал и верным!

А р ш а к

Зачем ты, господин, терзаешься? Дай срок —
 И в берега войдет разлившийся поток.

Неделя, месяц ли — он схлынет неизбежно.
Останься.

А н т и о х

Нет: порвать я должен безнадежно,
Не то, боюсь, начну ей снова сострадать.
Все мне теперь велит не медлить и не ждать —
Честь и покой души. Хочу быть там, далёко,
Где мне напоминать не станут о жестокой.
Мы завтра отплывем, и время есть у нас,
Жду во дворце тебя. А ты узнай сейчас,
Не слишком ли, Аршак, ей непосильно горе,
Чтоб хоть за жизнь ее мне быть спокойным в море.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Б е р е н и к а.

Б е р е н и к а

Фойника не идет. Терпенье истекло,
А время медленно течет и тяжело!
В тревоге я мечусь, как раненая птица, —
Хоть силы нет в ногах, на месте не сидится.
Фойника не идет! А ведь давно пора,
И это — чувствую — мне не сулит добра!
Но, разумеется, я тщетно жду ответа:
Неблагодарный Тит — способен он на это —
Решил не говорить, не слушать ничего.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б е р е н и к а, Ф о й н и к а.

Б е р е н и к а

Фойника, милая, ты видела его?
И что же, он придет?

Ф о й н и к а

О том, как ты несчастна,
Ему сказала я, и предо мной напрасно
Он слезы сдерживал, волнуясь и дрожа.

Б е р е н и к а

Но он придет?

Ф о й н и к а

Придет — поверь мне, госпожа.
 Но плакать перестань и овладей собою.
 Позволь мне, грудь твою и плечи я прикрою,
 И волосы тебе поправлю, подниму.
 Неужто хочешь так явиться ты ему?
 Дай слез твоих следы я удалю, царица.

Б е р е н и к а

Оставь! Вина его — так пусть же насладится
 Он этим зрелищем. Не нужно мне прикрас,
 Когда мои мольбы и слезы этих глаз.
 Что слезы? Если он, и чувствуя, и зная,
 Что для меня — конец разлука наша злая,
 Мне не вернет себя, так что ему до них,
 До этих слабых чар, до прелестей моих?

Ф о й н и к а

К чему, владычица, неправые укоры?
 Но вот за дверью шум шагов и разговора.
 То — цезарь. Госпожа, вернись к себе скорей,
 Чтоб с Титом встретиться не на глазах людей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т и т, Паулин, свита.

Т и т

(Паулину)

Пойди и успокой царицыну тревогу:
 Я к ней сейчас иду. Но мне побыть немного
 Здесь надо одному.

П а у л и н

(в сторону)

Молюсь, чтоб в этот час
 Высокий суд богов и честь отчизны спас,
 И славу римскую.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т и т

Г и т

Так что же, Гит злосчастный?
Ведь Береника ждет. А ты придумал ясный
Безжалостный ответ? Чтоб устоять в борьбе,
Найдешь достаточно жестокости в себе?
Здесь слишком мало быть и стойким, и суровым —
К слепому варварству отныне будь готовым!
Смогу ли выдержать сегодня томный взор,
Что проникать умел мне в сердце до сих пор?
Когда ее глаза, горящие слезами,
С моими встретятся смущенными глазами,
Скажу ли этому печальному лучу,
Что видеть я его отныне не хочу?
Я должен поразить то сердце, что любимо
И любит. Почему? Зачем? Во имя Рима?
Но разве высказал свое решение Рим,
И слышен гул его перед дворцом моим?
И разве он сейчас попал в беду такую,
Что этой лишь ценой его спасти могу я?
Все тихо. Только я в отчаянье мечусь
И без нужды беду приблизить горюплюсь.
А если, зная ум и сердце Береники,
Ее за римлянку признает Рим великий
И выбором своим мой выбор освятит?
Нет, нет, не торопи своих решений. Гит!
А вдруг великий Рим найдет, что совместима
Высокая любовь с законом строгим Рима?
Но что я? Где живу? Откуда этот бред?
Ведь ненависть к царям у римлян с детских лет,
Она у них в крови, все никнет перед нею,
И страха, и любви она для них сильнее.
Твою царицу, Гит, изгнав царей своих,
Отвергли римляне. Ты слышал голос их:
Когда возлюбленной и, может быть, невесте
Ты в Рим явиться дал почти с собою вместе,
Тебя корил народ и, что важней всего,
Поддержку находил у войска твоего.
Что ж! Зову разума упорно непослушный,
Отдай себя любви! Ты можешь, малодушный,
С царицей нежиться в чужом тебе краю,
Вручив достойнейшим империкю свою!
Но разве это то, что совершить пристало,

Чтоб память обо мне в веках не угасала?
 Семь дней на троне я, а помыслы свои
 По-прежнему стремлю не к славе, а к любви.
 Да, Тит, какой отчет давать мы нынче будем?
 Где благоденствие, что посулил я людям?
 Чьи слезы осушил? И в чьих глазах узрел
 Признательность за все, что совершить успел?
 Где новые решил я проложить дороги?
 Кто знает, сколько жить ему судили боги?
 А я из дней, что мне отмерили они,
 Быть может, лучшие потратил даром дни! ²⁸
 Пора же дать ответ на чести голос властный —
 Порвать решительно. . .

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тит, Береника.

Береника

(выходя из своих покоев)

Нет, доводы напрасны,
 Советов не хочу, и надо мне самой
 Скорей бежать к нему. Ах, здесь ты, цезарь мой!
 Так что же? Правда ли, что Тит меня бросает,
 Что нас разлука ждет, и сам он так решает?

Тит

Несчастен цезарь твой, не добивай его.
 Нам закалить сердца сейчас нужней всего.
 Терзают душу мне и жгут такие грозы,
 Что не достанет сил твои увидеть слезы.
 Но пусть воспрянет дух, что помогал тебе
 Меня поддерживать в сомненье и борьбе.
 Заставь любовь молчать, чтоб взором просветленным
 Увидеть, под каким безжалостным законом
 По долгу тяжкому живет такой, как я.
 И одолей себя, чтоб укрепить меня.
 Слабею, несмотря на все мои старанья —
 Будь сильной, помоги мне удержать рыдания.
 А если с горем мы не можем совладать,
 Высокий наш удел нам так велел страдать,
 Чтоб весь увидел свет, сказала вся столица:
 «Они и слезы льют, как цезарь и царица».
 Да, нам с тобой — увы! — разлука суждена.

Б е р е н и к а

И это от тебя услышать я должна,
Я, так привыкшая считать себя любимой?
Моя душа к тебе влеклась неодолимо
И лишь тобой живет. Зачем закон отцов
Ты позабыл, когда мой первый нежный зов
Разжег в слепую страсть? Зачем твоим ответом
Мне не были слова: «По дедовским заветам
Тебя, несчастная, нельзя мне полюбить.
Так не стремись к тому, чего не может быть».
Тогда ты все забыл, а нынче стал мудрее.
Ты возвращаешь мне то сердце, что тебе я,
Лишь одному тебе вручила навсегда.
Расстаться легче, друг, нам было бы тогда.
Во многом я найти могла бы облегченье:
Пускай согласья нет на наше обрученье,
Пусть против нас сенат, народ, родитель твой,
Пусть нанесен удар — но не твоей рукой.
Их нелюбовь ко мне давнишняя недаром
Тогда меня к любым готовила ударам,
И я бы все снесла тогда, но не теперь,
Когда к блаженству мне открылась настезь дверь;
Когда способен ты, носитель высшей власти,
Расчистить от преград дорогу нашей страсти;
Когда у ног твоих весь мир, и Рим молчат,
И мне лишь от тебя сейчас беда грозит. . .

Т и т

И ждать лишь от себя могу суда и казни.
В те дни я мог не знать заботы и боязни,
Не помышлять о том в счастливый миг и час,
Что станет роковым когда-нибудь для нас.
Я жил, сочтя судьбу во всем себе покорной,
На невозможное надеждой смехотворной,
Да, наконец, на то, что, рать ведя на бой,
Погибну до того, как разлучусь с тобой.
И все препятствия, и суд молвы лукавой
Мой пламень разожгли. Но гордый голос славы
Еще мне не звучал, не говорил тогда,
Как сердцу цезаря он говорит всегда.
Я знаю: выбор мой обрек меня на муки,
И долго не смогу я жить с тобой в разлуке.
Все кончилось, чем мог я в жизни дорожить,
Но царствовать теперь мне должно, а не жить.

Б е р е н и к а

Что ж, царствуй, побеждай, своей покорный славе.
 Я прекращаю спор — я говорить не вправе.
 Я одного ждала: чтоб здесь уста твои,
 Всегда твердившие, что нет конца любви,
 Что не придет для нас минута расставанья,
 Мне вечное теперь назначили изгнание!
 Я все услышала, жестокий человек,
 Не надо больше слов. Итак, прощай навек.
 Навек! Подумай же, как страшно, как сурово
 Для любящих сердец немислимое слово!
 Да сможем ли терпеть неделю, месяц, год,
 Что между нами ширь необозримых вод,
 Что народится день и снова в вечность канет,
 Но встречи нашей днем он никогда не станет
 И нас соединить не сможет никогда?
 Ах, сколько трачу я напрасного труда!
 Ведь ты меня, простясь, так быстро позабудешь,
 Что проходящих дней отсчитывать не будешь!
 Лишь для меня они окажутся длинней. . .

Т и т

И не придется мне считать так много дней.
 Известье скорбное дойдет к тебе из Рима,
 И ты поймешь тогда, что ты была любима,
 Что Тит не перенес, тоскуя и любя. . .

Б е р е н и к а

Но если так — зачем мне покидать тебя?
 Пусть ты не властен дать мне брачного обета,
 Но видеться, мой друг, — на это ж нет запрета?
 Хоть воздухом одним дышать бы нам с тобой!

Т и т

Пусть так. Ты можешь все. Увы! Я не герой.
 Но знаю, что сулит мне слабость роковая:
 Борьбу с самим собой, с тобою, дорогая,
 Старанья жалкие не рваться каждый миг
 К тебе, к твоим рукам, по следу ног твоих.
 Да что там? И сейчас я сердцем не владею,
 И в нем — одна любовь, все крепче, все сильнее.

Б е р е н и к а

Чего же, цезарь мой, страшиться мы должны?
 Восстанья в городе? Восстанья всей страны?

Т и т

Когда обычаев отцовских оскорбленье,
Быть может, вызовет опасные волнения,
Придется силой мне свой выбор утвердить,
А за молчание народное платить.
Кто знает, что с меня потребуют за это?
Какой лихой цены? Нарушив все заветы,
От предков данные, смогу ль сказать стране,
Что их защитника она найдет во мне?

Б е р е н и к а

Ах, что тебе до слез подруги несчастливой!

Т и т

О, как ты можешь быть такой несправедливой!

Б е р е н и к а

Ты властен изменить неправедный закон,
Из-за которого в унынье погружен.
Высокие права имеет Рим державный,
Но мы поспорим с ним: мы тоже не бесправны!
Ну, что же ты молчишь?

Т и т

О, худшая из мук!

Б е р е н и к а

Ты — цезарь, властелин, и плачешь ты, мой друг? ²⁹

Т и т

Да, плачу, госпожа, клянусь своею злосчастиею,
Терзаюсь без конца, но, облеченный властью,
Я Риму клятву дал закон его блюсти.
Мой это первый долг: иного нет пути,
И надо по нему идти непоколебимо.
Примеров стойкости полны преданья Рима:
Как позабыть того, что, словом горд своим,
На смерть вернулся в плен, ³⁰ покинув милый Рим?
Того, кто приговор суровый вынес сыну, ³¹
Который, победив, нарушил дисциплину?
Того, кто, не пролив слезы, спокоен, прям,
Велел идти на казнь обоим сыновьям ³²
И сам при этом был? О да, они несчастны,
Зато у нас и честь, и родина — всевластны.
Я знаю, что, с тобой расставшись, бедный Тит

Все их свершения высокие затмит,
 Что с этой жертвою немногое сравнится.
 Но не дано ли мне теперь, моя царица,
 Деянье сотворить, какое никогда
 Никто не повторит без тяжкого труда?

Б е р е н и к а

Твоей жестокости — я верю — все под силу:
 Твой высший подвиг в том, чтоб вырыть мне могилу.
 Ты сердцу моему уже открылся весь,
 И речи нет о том, чтоб я осталась здесь,
 В презренье жалостном, в забвенье безотрадном,
 Потехой римлянам враждебным и злорадным.
 Я все тебя сказать заставила сейчас.
 Не бойся встреч со мной: я здесь в последний раз.
 Ни проклинать тебя, обманщик, я не стану,
 Ни призывать небес в свидетели обмана,
 И если тронутся они моей судьбой,
 Я обращаюсь к ним с предсмертною мольбой —
 Забыть, забыть о ней. И ныне, умирая,
 Хочу я, чтоб тебя настигла месть иная,
 Взываю к мстителю и страстно жду его,
 Но пусть он явится из сердца твоего.
 Да, горечь этих слез, последнее страданье,
 О прежней нежности моей воспоминанье,
 А также кровь моя, что я сейчас пролью, —
 Вот кто воздаст за скорбь великую мою,
 Вот мстители мои, и пусть за дело злое
 Не знать тебе от них ни света, ни покоя.
 Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т и т, Паулин.

Паулин

Что, цезарь мой, задумала она?
 Уедет ли, поняв: разлука решена?

Т и т

Я гибну, Паулин, но надо торопиться,
 Бежать за ней, не то умрет моя царица.
 Она пойдет на все.

Паулин

Все знают твой приказ,
 Мой цезарь, и с нее теперь не спустят глаз.

Прислужницы ее оставить не посмеют
И от безумия всегда отвлечь сумеют.
Не бойся. Тяжкое осталось позади.
Ты одолел себя. Вперед теперь гляди.
И сам не мог ее я слушать, не жалея,
А жалость к ней тебя язвит еще сильнее.
Был горьким этот миг. Но думай, цезарь мой,
Что славу вышнюю купил его ценой,
Что будет ликовать весь мир, тебе послушный,
Что вознесет тебя. . .

Т и т

Нет, я злодей бездушный.
Я мерзок сам себе. Был извергом Нерон,
Но до подобных дел не доходил я он.
Нет, я не соглашусь на гибель Береники,
И думает пускай, что хочет, Рим великий.

П а у л и я

О, что ты говоришь!

Т и т

Я сам не знаю, друг.
От муки яростной мутится скорбный дух.

П а у л и я

Не обесславь себя, мой цезарь. По столице
Уже летит молва про твой разрыв с царицей.
Ликует Рим, открыт народу каждый храм,
И курят в честь твою повсюду фимиам,
И люди, цезаря приветствуя решенье,
Венчают лаврами твои изображения.

Т и т

Моя царица! Рим! Зачем я обречен
Любить и променять свою любовь на трон?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т и т, А н т и о х, П а у л и я, А р ш а к.

А н т и о х

Мой цезарь! На руках своей Фойники верной
Царица мечется и в горести безмерной
В ответ на все, что ей с любовью говорят,
Упорно требует подать кинжал и яд.

Пойди к ней, и от мук ее избавишь разом:
 При имени твоём в ней оживает разум,
 Она глядит на дверь и словно жадно ждёт,
 Что в этот самый миг возлюбленный войдёт.
 Не медли же, иди. Нет сил смотреть на это!
 Спаси от смерти ту, в которой столько света,
 И нежной прелести, и дивной красоты,
 Чтоб не подумать нам — да человек ли ты?
 Хоть слово ей скажи.

Т и т

Увы! Что ей скажу я?
 И сам едва живу, и сам едва дышу я!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т и т, Антиох, Паулин Аршак Рутилий.

Р у т и л и й

Властитель! Консулы, трибуны и сенат
 Увидеть цезаря немедленно хотят.
 Они идут к тебе, а позади, у входа,
 Нетерпеливо ждёт тебя толпа народа.

Т и т

Вот знаменье богов! Да укрепит оно
 То сердце, что сейчас так тяжко смущено!

П а у л и н

Да, ты от этого не можешь уклониться.
 Ступай, прими сенат.

А н т и о х

Но ждёт тебя царица!

П а у л и н

А здесь империи величие и честь!
 Им оскорбление не можешь ты нанести.

Т и т

Не надо лишних слов: свой долг я вижу ясно.

(Антиоху.)

Увы, он цезарю повелевает властно.
 Пойди к царице, друг. Потом я свижусь с ней,
 Чтоб снова убедить ее в любви своей.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аршак.

Аршак

О боги, не найти мне моего владыки!
Так истомился он любовью к Беренике,
Что весть отрадную теперь уже не ждет,
Которую ему слуга его несет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антиох. Аршак.

Аршак

Какой счастливый рок меня с тобою сводит,
Мой царь!

Антиох

Увы! Во мне тоска бесплодно бродит,
И лишь отчаянье влекло меня сюда.

Аршак

Царица собралась в дорогу.

Антиох

Что ты?

Аршак

Да.

Сегодня вечером. Ей вдруг обидно стало,
Что Тит к ее слезам свисходит слишком мало.
Досада гордая в ней победила гнев.
Она спешит, чтоб Рим, проведать не успев
Об участи ее, не мог и насладиться
Злосчастьем и стыдом отвергнутой царицы,
А Титу шлет письмо.

Антиох

Кто бы подумать мог!

А Тит?

Аршак

В час выбора он ею пренебрег.
Он окружен толпой. В порыве ликованья

Народ приветствует все наименованья,
 Которыми сенат властителя почтил.
 Отныне у любви не остается сил
 Порвать столь мощные и славные тенета,
 И власть народного доверья и почета
 Удержит цезаря на доблестном пути,
 А к ней, пожалуй, он не сможет и зайти.

Антиох

Да, кажется, Аршак, мне брезжит луч востока.
 Но ведь со мной судьба играет так жестоко,
 И так надеждами обманут я бывал,
 Что, слушая тебя, опять затосковал:
 Ведь, волю дав мечтам хотя бы на мгновенье,
 Судьбы-завистницы могу я вызвать мщенье.
 Но кто там? Это Тит с придворною толпой!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тит, Антиох, Аршак.

Тит

(к свите)

Останьтесь. Пусть никто не следует за мной.

(Антиоху.)

Мой друг, пора кончать. Увы, неумолимо
 Преследует меня тревога о любимой.
 Хотя мне в этот миг и горше, и больней,
 Готов я совершить все, что угодно ей.
 Пойдем же, Антиох, ты должен сам увидеть,
 Смогу ли я свою владычицу обидеть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Антиох, Аршак.

Антиох

Вот счастье, что сейчас ты мне, Аршак, принес,
 Вот исполнение моих любовных грез!
 Распался ли союз, для римлян незаконный?
 Решился ли отъезд царицы оскорбленной?
 Что я свершил? Зачем богами и судьбой
 Назначен мне удел мучительный такой?
 Покоя — ни на миг: сменяет страх тоскливый
 Надежда кроткая, надежду — гнев ревнивый.

О Береника! Тит! Безжалостным богам
Отныне над собой смеяться я не дам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тит, Береника, Фойника.

Береника

Зачем ты здесь опять? Излишняя досада.
Я еду все равно, и новых встреч не надо.
Ни слова. Ран моих, прошу, не бери.
Ты этого хотел. Довольно. Уходи.

Тит

Но все же выслушай!

Береника

Нет. Поздно.

Тит

Но, царица,
Дозволь хоть слово...

Береника

Нет.

Тит

О, как душа томится!
Зачем внезапно так отъезд назначен твой?

Береника

Ты на день отложил прощание со мной,
Но незачем мне ждать до завтра и терзаться.
Я еду тотчас же.

Тит

Останься.

Береника

Что? Остаться?

И слушать, как народ все громче, все смелей
Глумится надо мной и над бедой моей?
Твой Рим алорадствует, — ты слышишь эти клики? —
Что слезы — вот удел несчастной Береники.
Но что я сделала? Чем досадила им?
Лишь тем, увы, что ты без меры мной любим.

Т и т

Считаться ли тебе с толпою безрассудной?

Б е р е н и к а

Здесь все меня язвит. Смотри: дышать мне трудно.
Моя любовь цвела среди этих гордых зал.
Роскошный наш покой, который ты убрал
Внимательно, с такой заботою влюбленной,
Узор орнамента, из двух имен сплетенный, —
Все — мука горькая и соль для свежих ран,
Невыносимый мне, безжалостный обман.
Фойника, нам пора.

Т и т

Как ты несправедлива!

Б е р е н и к а

Иди же, выступай в сенате горделиво.
Твою жестокость он приветствовал сейчас.
Обрадовал тебя старейшин римских глас?
Вполне доволен ты своею славой новой?
Забуть меня навек даешь обет суровый?
Но мало этого твоей родной стране:
Ты, верно, обещал и ненависть ко мне?

Т и т

Проклясть любимую, не помнить о любимой —
Такого обещать не стал бы я и Риму.
Твой гнев поистине в неподходящий миг
Мне в сердце помыслом отравленным проник!
Ты пять последних лет могла ль предать забвенью?
Припомни все часы, припомни все мгновенья
Признаний пламенных, взволнованных речей —
И знай, у нас с тобой сегодня день из дней.
Ведь никогда еще, клянусь душою верной,
Я не любил тебя так нежно, так безмерно.
И никогда. . .

Б е р е н и к а

Твердишь ты это в сотый раз,
Однако еду я — и это твой приказ! ³³
Ужель в отчаянье тебе милей я стала?
Иль ты считал, что слез лила я слишком мало?
К чему теперь, скажи, признания твои?
Жестокий, лучше б был ты сдержанней в любви

И памяти моей не пробуждал влюбленной,
 И дал бы мне уйти, навеки убежденной,
 Что в мыслях ты меня изгнал уже давно,
 И здесь я или нет — отныне все равно.

Т и т читает какое-то письмо.

До срока ты нашел написанное мною,
 Читай же, я хочу лишь одного покоя,
 Читай, по мне к дверям не преграждай пути.

Т и т

Нет, нет, теперь-то я не дам тебе уйти!
 Отъездом ты меня вводила в заблужденье.
 Ты хочешь умереть, и станет скорбной тенью
 Все то прекрасное, что я любил всегда!
 Но где же Антиох? Скорей его сюда!

Б е р е н и к а падает в кресло.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т и т, Б е р е н и к а.

Т и т

Услышь, владычица, одно мое признание.
 Когда увидел я, что близко расставанье,
 Что долга волею придется мне, скорбя,
 Бороться и страдать и потерять тебя;
 Когда предстали мне все близкие угрозы:
 Мое отчаянье, твои укоры, слезы, —
 Готовил душу я, приняв судьбы запрет,
 К последней горечи, которой горше нет.
 Но все предчувствия, все страхи побледнели
 Пред тем, что вытерпеть пришлось на самом деле.
 Я так надеялся, что тверже будет Тит,
 И стыдно думать мне, что он, увы, дрожит.
 Я только что, лицом к лицу с надменным Римом,
 Внимал приветствиям в смятенье нестерпимом
 И слов не понимал. Хвалителям моим
 Ответил я, увы, молчаньем ледяным.
 Для них судьба твоя осталась неизвестна,
 И сам я спрашивал себя, — признаюсь честно, —
 Да впрямь ли римлянин, да впрямь ли цезарь я?
 Я шел к тебе, в душе сомнения тая.
 Любовь меня влекла. Я уповал, быть может,
 Что здесь мне свет ее найти себя поможет,

Но смерть в очах твоих — вот что явилось мне,
 И смерти ищешь ты в далекой стороне.
 Довольно. Ничего душа не одолела,
 И ныне боль ее — у самого предела.
 Да, пережито все. Но здесь мой дух найдет
 В последней крайности спасительный исход.
 Не жди, чтоб я, устав от стольких испытаний,
 Счел наш с тобой союз спасеньем от страданий:
 И в этой крайности по-прежнему жесток
 Путиами доблести меня ведущий рок.
 По-прежнему он мне твердит неумолимо,
 Что власть и брак с тобой — увы! — несовместимы,
 Что именно теперь все сделанное мной
 Не позволяет мне тебя назвать женой.
 Я также не смогу сказать тебе, что сброшу³⁴
 С себя державную торжественную ношу
 И следом за тобой, счастливый раб любви,
 Отправлюсь в дальние владения твои.
 Ты, верно, стала бы тогда сама стыдиться,
 Что приведен тобой, прекрасная царица,
 Воитель без полков и цезарь без венца,
 Достойный своего бесславного конца.
 Но ведомо тебе: есть способы иные
 Достойно прекратить терзанья роковые.
 Есть эти выходы — мне подсказали их
 Немало доблестных сородичей моих.
 В самом избытке бед, в безмерности страданья
 Могли они найти прямое указанье,
 Что если злобный рок отрезал все пути,
 Есть право перед ним склониться и уйти.
 И если должен я всего страшиться, зная,
 Что смерти ищешь ты всечасно, дорогая,
 И если мой удел твоей кончины ждать,
 И если клятву жить мне ты не хочешь дать,
 То знай: теперь тебя иная ждет утрата,
 Решимостью на все душа моя объята,
 И, может быть, я кровь постылую свою
 В прощанья горький миг у ног твоих пролью.

Б е р е н и к а

О горе!

Т и т

Верь, не зря веду я речи эти.
 За жизнь мою и смерть теперь лишь ты в ответе.
 И если все-таки я дорог был тебе. .

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тит, Береника, Антиох.

Тит

Входи и будь мне, друг, помощником в борьбе.
Входи и убедись, что слаб я безнадежно,
Что вправду я люблю так преданно, так нежно,
И стань судьей.

Антиох

Зачем? Я знаю вас вполне.
Но кое-что узнай теперь и обо мне.
Ты оказал мне честь своим расположеньем.
Клянусь, ни для кого не будет под сомненьем,
Что преданнее всех тебе я быть хотел
И крови для тебя своей не пожалел.
Мне о любви к тебе царица все сказала;
Не стал скрывать и ты, как страсть тебя связала.
Пусть, если лгу, меня царица уличит:
Я ей всегда тебя хвалил и славил, Тит,
Любовью верною платя тебе за дружбу.
Ты тоже оценил и преданность и службу.
Так вот, поверишь ли, когда признаюсь вдруг:
Соперником твоим был этот лучший друг?

Тит

Соперником?

Антиох

Увы! Пора во всем открыться.
Я страстно обожал прекрасную царицу,
И победить любовь мне не хватило сил.
Она была твоей, и я молчать решил.
Когда казалось всем, что вы должны расстаться,
Надежда слабая мне стала загораться,
Но слезы хлынули из омраченных глаз,
Сказали правду мне — и этот свет погас.
Я за тобой пошел и сам привел к любимой.
Вы вместе. А моя беда непоправима.
Я знал: уступишь ты, тоскуя и любя.
И вот в последний раз проверил я себя,
Все мужество свое и разум призывая,
И понял до конца: горит, не угасая,
Во мне любовь. Увы! Еще сильней она.
Чтоб узел разрубить, иная мощь нужна —
Непререкаемой неборимой смерти.

Все сказано теперь. Все решено, поверьте.
 Да, я, владычица, к тебе привел его.
 И рад, что сделал так. Не жаль мне ничего.
 Пусть боги вышние благой своею властью
 И мир даруют вам, и всяческое счастье!
 А если гнев богов еще не утолен,
 Бессмертных я молю: пускай настигнет он
 Меня, идущего к своей бесславной тризне,
 И да минует вас в цветущей вашей жизни.

Б е р е н и к а

(вставая)

Нет, нет! Умолкните! О Антиох! О Тит!
 Величье ваших душ меня повергло в стыд.
 На вас ли погляжу, себя ли вопрошаю —
 Везде отчаянья угрюмый лик встречаю.
 Отречься от себя любой из нас готов.
 Смятенье, кровь и смерть — других не слышу слов.

(Титу.)

Ты знаешь, я могу поклясться, не лукавя,
 Что и не грезила о цезарской державе,
 Что пурпур твой, венец и весь великий Рим
 Соблазном не были желаниям моим.
 Но я любила, друг, хотела быть любимой,
 И думать было мне сегодня нестерпимо,
 Что ради славы ты забыл свою любовь.
 Но нет, любовь жива, в нее я верю вновь.
 Ты горько мучился, ты плакал предо мною.
 Не надо так страдать — я этого не стою,
 Не стоит наша страсть взаимная того,
 Чтоб мир, который чтит тебя как божество
 И ждет от цезаря великого свершенья,
 Из-за нее, увы, лишился утешенья.
 Препятствий не страшась, презрев молву и свет,
 Тебя неистово любила я пять лет.
 Пусть этот миг, что нас, злосчастных, разлучает,
 Мое последнее усилье увенчает:
 Я соглашаюсь жить, исполнив твой приказ.
 Прощай и царствуй, друг. Не будет встреч у нас.

(Антиоху.)

Царь Антиох, разрыв со всем, что мной любимо,
 Приму я не затем, чтоб далеко от Рима
 Внимать словам другой, ненужной мне любви.
 Возьми же с нас пример достойный и живи.

Тит, сохранив любовь, расстался с Береникой,
Я от него бегу в любви своей великой.
Прощай. Нам не идти с тобой одним путем,
Но в летописях мы останемся втроем
Печальной памятью о страсти самой нежной,
И самой пламенной, и самой безнадежной.
Пора. Иду к своим. Меня заждались там.

(Титу.)

В последний раз прощай, мой цезарь.

А н т и о х

Горе нам!

ИФИГЕНИЯ

(IFIGENIE)

Предисловие

Едва ли есть сюжет, более любезный поэтам, чем принесение в жертву Ифигении. Но по поводу отдельных весьма существенных обстоятельств этого жертвоприношения поэты расходятся во взглядах. Одни, как например Эсхил в «Агамемноне»,¹ Софокл в «Электре»,² а вслед за ними Лукреций,³ Гораций и многие другие, настаивают,⁴ что кровь дочери Агамемнона Ифигении пролилась на самом деле и что она умерла в Авлиде. В этом легко убедиться — достаточно прочесть в начале первой книги Лукреция:

Aulide quo pacto Triviai virginis aram
Iphianassai turparunt sanguine foede
Ductores Danaum, etc.*

И у Эсхила Клитемнестра говорит,⁶ что ее муж Агамемнон, недавно умерший, встретит в преисподней дочь свою Ифигению, которую некогда принес в жертву.

Другие поэты, напротив, уверяют, что Диана, пожалев юную царевну, похитила ее в ту самую минуту, когда жертвоприношение должно было совершиться, и перенесла в Тавриду, а на месте Ифигении оставила лань или какое-то другое животное. Такой версии придерживались и Еврипид, и Овидий, включивший этот сюжет в свои «Метаморфозы»⁷

Существует и третья версия предания об Ифигении, не менее древняя, чем обе предыдущие. Многие авторы и среди них Стесихор,⁸ один из древнейших и наиболее известных лирических поэтов, вполне допускали, что некая царевна, носившая имя Ифигении, действительно была принесена в жертву, но считали, что это была другая Ифигения, дочь Елены и Тесея. Елена — утверждают они — не осмеливалась признать ее своей дочерью, так как боялась сознаться Менелаю в том, что до него состояла в тайном браке с Тесеем.⁹ Павсаний **¹⁰ приводит слова поэтов, придержи-

---

* Было в Авлиде ведь так, что жертвенник Тривии девы Ифианассиной⁶ был осквернен неповинною кровью Пролитой греков вождями...

(Лат. Перевод Ф. Петровского)

** «Коринф», с. 125.

живавшихся такого мнения, и называет их имена, а сверх того добавляет, что в Аргосе так думали все.

И, наконец, отец поэтов Гомер был настолько далек от мысли, что Ифигения, дочь Агамемнона, была принесена в жертву в Авлиде или перенесена в Скифию, что в девятой книге «Илиады»,¹¹ где описываются события, происходившие через десять лет после появления греков у стен Трои, повествует, как Агамемнон выражает Ахиллу желание выдать за него дочь свою Ифигению и сообщает ему, что она осталась дома, в Микенах.

Я привел здесь все эти столь разноречивые мнения и, в частности, эпизод, рассказанный Павсанием, потому, что именно ему я обязан удачной находкой — образом Эрифилы:¹² без него я никогда бы не взялся за мою трагедию. Можно ли даже помыслить, чтобы я осквернил сцену чудовищным убийством столь добродетельной и прелестной юной особы, какой следовало изобразить Ифигению. И можно ли предположить, чтобы я довел пьесу до развязки лишь с помощью «богини из машины»,¹³ посредством чудесного превращения, которому, пожалуй, поверили бы во времена Еврипида, но которое в наше время показалось бы совершенно бессмысленным и неправдоподобным.¹⁴

Во всяком случае, могу прямо сказать: я был очень доволен, когда нашел у древних авторов вторую Ифигению, которую я волен был изобразить такой, как мне хотелось: попав сама в беду, к коей она стремилась толкнуть соперницу, она безусловно заслуживает наказания, но при этом все же вызывает известное сочувствие. Таким образом, развитие действия пьесы заложено уже в самой ее завязке, и достаточно было первого представления, чтобы понять, какое удовольствие я доставил зрителям, спасая в конце пьесы добродетельную царевну, судьба которой волновала их на всем ее протяжении, — и спасая ее не с помощью чуда, в которое они никогда бы не поверили, а совсем иным путем.

Имеет свое основание и мотив похода Ахилла на остров Лесбос, который он завоевал и с которого привозит Эрифилу перед тем, как появиться в Авлиде. Эвфорион Халкидский,¹⁵ поэт, хорошо известный древним и с почтением упоминаемый Вергилием* и Квинтилианом,** рассказывает об этом походе Ахилла. В одной из своих поэм, как указывает Парфений,¹⁶ он говорит, что Ахилл осуществил завоевание острова Лесбос¹⁷ до того, как присоединился к греческому войску, и что там он даже встретил некую царевну, которая вспылала к нему любовью.

Вот те главные отклонения от скупого рассказа Еврипида, которые я себе позволил. Что же касается страстей, то здесь я старался следовать ему самым строгим образом. Я признаю, что обязан Еврипиду многим местами в моей трагедии, заслужившими одобрение публики, и признаю это тем охотнее, что ее похвалы лишь укрепили меня в почтительном вос-

* Эклога X.

** «Об образовании оратора», кн. X.

хищении древними авторами. По тому, какое впечатление производило на нашем театре все, что я позаимствовал у Гомера или у Еврипида, я с удовольствием убедился, что здравый смысл и разум одни и те же во все времена. Вкус Парижа оказался схож со вкусом Афин: моих зрителей волновало то же самое, что некогда вызывало слезы у самых ученых греков и заставляло их говорить, что среди всех поэтов Еврипид — самый трагический, «*τραγικώτατος*» то есть что он удивительно умеет вызывать страх и сострадание — главные эффекты, на которых зиждится трагедия.

После всего этого меня весьма удивляет, что с недавних пор мои современники выказывают такое отвращение к столь великому поэту по поводу его «Алкесты»¹⁸ Здесь идет речь отнюдь не об «Алкесте», но я в самом деле слишком многим обязан Еврипиду, чтобы не проявить хоть некоторую заботу о его памяти и чтобы упустить случай примирить его с этими господами.¹⁹ Я убежден, что поэт представляется им таким безправственным лишь потому, что они плохо прочли произведение, за которое строго его осуждают. Чтобы доказать, что у меня есть основание так говорить, я выбрал самое важное из их возражений. Я говорю «самое важное», ибо они повторяют его на каждой странице, даже не подозревая, что и оно может быть оспорено в свою очередь.

В «Алкесте» Еврипида есть одна чудесная сцена, где умирающая Алкеста, чувствуя, что жизнь из нее уходит, обращает к мужу прощальные слова. Адмет, в слезах, умоляет ее собрать все силы и не сдаваться. Алкеста, перед глазами которой уже стоит смерть, говорит так:

Харонову ладью я вижу пред собою
И взмах его весла над черною рекою;
Я слышу кормчего. «Не медли! — он кричит. —
Тебя здесь ждут Иди! Спускайся к нам в Аид!»

Мне бы хотелось лучше выразить в этих стихах прелесть, которую они полны в оригинале, но смысл их все же передан точно. И вот как наши господа поняли это место. К несчастью, им в руки попало одно злополучное издание Еврипида, где издатель в латинском тексте забыл проставить сбоку «Al.», означающее, что здесь начинается речь Алкесты. Рядом со следующей строчкой стоит «Ad.», показывающее, что далее ей отвечает Адмет. Именно из-за этого недоразумения нашим критикам и пришла в голову более чем странная идея — они вложили в уста Адмета и те слова, которые Алкеста обращает к мужу, и те, которые она слышит из уст Харона, и на этом основании предположили, что Адмет, хотя он находится в полном здравии, «уже видит Харона, явившегося за ним»; таким образом, в то время, как на самом деле в этом пассаже Еврипида Харон нетерпеливо торопит Алкесту и требует, чтобы она не медлила и шла к нему, эти господа поняли текст так, будто там испуганный Адмет уговаривает Алкесту умереть поскорее, боясь, что в противном случае Харон вместо его жены схватит его самого. По их словам, «... он увещевает ее быть мужественной, не проявлять трусости и умереть добровольно и прерывает прощальную речь жены, чтобы поторопить ее умереть». Их по-

слушать, так Адмет недалеко от того, чтобы самому ей в этом помочь! А такие чувства им кажутся чрезвычайно грубыми и низменными; это и естественно — нет человека, который в подобном случае не возмутился бы! Непонятно только, как они могли приписать такое Еврипиду! В действительности, даже если бы другие издания, где это злополучное «Al.» стоит на своем месте, не обличали злостного издателя, введшего публику в заблуждение, уже следующих стихов и речей, которые произносит Адмет в этой сцене, более чем достаточно, чтобы не дать читателям впасть в столь нелепую ошибку, ибо там Адмет, и в мыслях не держа ускорить смерть Алкесты, восклицает, что «все смерти вместе были бы для него менее мучительны, чем видеть жену в таком состоянии». Он умоляет Алкесту взять его с собой, ибо не сможет жить, если она умрет: вся жизнь его в ней, и он существует лишь для нее.

Не более удачливы наши критики и в других своих возражениях. Так, например, они говорят, что Еврипид изобразил двух престарелых супругов, что Адмет — старый муж, а Алкеста — царица уже в возрасте. Но Еврипид позаботился о том, чтобы опровергнуть их предположения, — для этого довольно одного стиха, где хор говорит, что Алкеста совсем молодой, в расцвете сил, умирает за своего молодого супруга.

Критики ставят в упрек Алкесте еще и то, что у нее двое детей брачного возраста. Непонятно, как они умудрились не прочесть нечто совершенно противоположное в сотне разных мест пьесы, особенно в том прекрасном пассаже, где автор описывает умирающую Алкесту и рядом с ней двоих маленьких детей, «с плачем цепляющихся за ее платье», — детей, которых она поочередно берет на руки и целует?

Все остальные замечания критиков столь же основательны. Но я думаю, что и приведенных мною достаточно для того, чтобы защитить Еврипида от их нападков. Я советую господам критикам с меньшей легкостью осуждать произведения древних авторов: такой человек, как Еврипид, право, заслуживает, чтобы его хотя бы изучили, прежде чем предавать проклятию. Не мешало бы им вспомнить мудрые слова Квинтилиана: «Следует быть чрезвычайно осмотрительным и сдержанным в оценке произведений великих людей из боязни, как бы нам не случилось, что нередко бывает, осудить то, чего мы просто не поняли; а если уж доведется впасть в какую-то крайность, то меньший грех — восхищаться в их писаниях всем подряд, чем хулить в них многое»,²⁰ — «*Modeste tamen et circumspecto iudicio de tantis viris pronuntiandum est, ne, quod plerisque accidit, damnent quae non intellagunt. Ac si necesse est in alteram errare partem, omnia eorum legentibus placere quam multa displicere maluerim*».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агамемнон.

Ахилл.

Улисс.

Клитемнестра, жена Агамемнона.

Ифигения, дочь Агамемнона.

Эрифила, дочь Елены и Тесея.

Аркас

Эврибат } слуги Агамемнона.

Эгина, служанка Клитемнестры.

Дорида, наперсница Эрифилы.

Стража.

Действие происходит в Авлиде. в лагере Агамемнона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Агамемнон, Аркас.

Агамемнон

Аркас, Аркас, проснись! К тебе в ночи бессонной
Пришел властитель твой, несчастьем потрясенный.

Аркас

Как! Это вы, мой царь? Но что вас привело
Сюда в столь ранний час? Еще не рассвело,
И, скованная сном, безмолвствует Авлида.
Что потревожило великого Атрида?
Нарушил ваш покой во тьме неясный гул,
Иль вам почудилось, что ветер вдруг подул?
Но нет! Спят воины, спит ветер, море дремлет...

Агамемнон

Блажен, кто радостно судьбу свою приемлет
И, скромным жребием довольствуясь, живет,
Ни царских почестей не зная, ни забот!

Аркас

Такую речь от вас услышал я впервые.
Уж не случились ли события роковые,
Что вы подымлете горé печальный взор?
Благоволила к вам удача до сих пор.
Счастливым муж, отец, владыка всемогущий,
Вы правите страной богатой и цветущей;
Течет в вас кровь богов,²¹ и браком Гименей
С Олимпом вашу связь²² скрепил еще сильней;
И, в довершение, среди героев главный,
Бестрепетный Ахилл, воитель достославный,
Желает вашу дочь супругою назвать

И, Трою покорив, там свадьбу пировать.
 Флот двадцати царей у вас в повиновенье,
 И стоит первому Борей дуновенью
 Наполнить кораблей могучие крыла,
 Чтобы победа вновь вам лавры принесла.
 У всех встречаются препятствия порою.
 Да, небывалый штиль мешает нам, не скрою;
 Три долгих месяца нас сковывает он
 И преграждает путь судам на Илион.
 Но все мы — смертные, и нами боги правят;
 Надеюсь, что и здесь они нас не оставят.
 Однако... Государь, вы плачете? О чем?
 В руках у вас письмо. Что сообщают в нем?
 Печального оно уж не таит ли смысла?
 Над вашими детьми опасность вдруг нависла
 Иль над супругою? Что с ней? Я трепещу...

Агамемнон

Нет, нет, ты не умрешь! Нет, я не допущу!

Аркас

О боги!

Агамемнон

Получив известие такое,
 Любой отец, мой друг, лишился бы покоя!
 Аркас, ты помнишь день, когда мои суда
 Все вместе собрались, чтоб дружно плыть сюда,
 И ветер, паруса на мачтах надувая,
 Гнал корабли вперед, к победе призывая?
 Уже мы видели противников своих,
 Мы в бой рвались. Но вдруг попутный ветер стих,
 И стали корабли. Отваги гневной полны,
 Гребцы хоть веслами пытались вздыбить волны —
 Увы, напрасный труд! Среди недвижных вод
 Стоял беспомощный и неподвижный флот!
 Пытаясь объяснить, что значит чудо это,
 Мы с братом у богов пришли просить совета,
 Но то пророчество, что жрец нам произнес,
 Не в силах и сейчас я повторить без слез.

«Знай, коль стремишься ты к победе вожделенной:
 Лишь ювой девы смерть, в чьих жилах кровь Елены,
 Откроет, славный царь,
 На Трою путь судам прямой и невозбранный.
 Кровь Ифигении да обагрит Дианы
 Божественный алтарь!»

Аркас

Кровь вашей дочери?

Агамемнон

Сколь был я потрясен,
Ты понимаешь сам. Как будто жуткий сон
Меня оледенил. В отчаянье бездонном
Предался я слезам, проклятиям и стонам.
Свет для меня померк. Я был уже готов,
Рискуя головой, послушаться богов,
Вступить в борьбу с судьбой, коварной и превратной,
И войско тотчас же отправить в путь обратный.
Но тут Улисс явил свой осторожный нрав:
Он говорил сперва, что я бесспорно прав,
Дал мне излить в словах пыл первого порыва,
А после речь повел хитро и терпеливо
О том, что греческий подвластный мне народ,
Избрав меня царем, себе награды ждет.
Дочь тяжко отдавать, — сказал он, — но и всюю
Элладой для нее я жертвовать не смею,
И мне ли, позабыв победы и бои,
Бесславно стариться в кругу своей семьи!
Тут, — признаюсь, Аркас, — решил я, что не вправе
О долге забывать, о чести и о славе.
Бездействующий флот на зеркале морей,
И судьбы Греции, и сан царя царей,
И гордость — странно все в моей душе смешалось
И пересилило родительскую жалость.
Я уступил и, хоть мучительно страдал,
На жертву страшную свое согласие дал.
Но и приняв — увы! — столь тяжкое решенье,
Осуществить его нельзя без ухищренья:
Дочь вырвать надо нам из материнских рук
Так, чтоб не вызвать в ней сомненье иль испуг.
Тут мысль одна меня внезапно осенила —
Ей написать письмо от имени Ахилла.
И вот тогда я дочь в Авлиду пригласил,
Ей изложив в письме, что ждет ее Ахилл,
Чтоб с нею в брак вступить перед осадой Трои.

Аркас

Ужели вам навлечь не страшно гнев героя?
Иль мните вы, что он, славнейший из людей,
Смолчит, увидев смерть возлюбленной своей,
И ваш обман с письмом не примет за бесчестье?

Агамемнон

Нет, но к его отцу пришло тогда известье,
Что на него идет соседей дерзких рать,
И первенца Пелей послал врагов прогнать.
Я думал, что, пока поход Ахилла длится,
В Авлиде без него успеет все свершиться,
Но уж таков Пелид, что, на мою беду,
Он недругов, как вихрь, сметает на ходу.
Он их разбил шутя, и не успели вести
О том дойти до нас, как сам он — здесь, на месте!
Но даже не Ахилл сейчас меня страшит,
А то, что дочь моя к погибели спешит.
Она, в неведение счастливом пребывая,
Летит к своей любви; в Авлиду прибывая,
Ждет встречи с женихом и брачного венца
И, может быть, за все благодарит отца!
Я ж, зная, что жену и дочь увижу вскоре,
Дрожу от ужаса, от боли и от горя;
Любимое дитя мне бесконечно жаль,
И нестерпимая гнетет меня печаль.
Но нет, не верю я, что боги в самом деле
К убийству дочери меня склонить хотели,
И если на нее я руку подниму,
То кара страшная грозит мне самому.
Слова оракула — всего лишь испытанье:
Не могут небеса принять ее закланье!
Ты предан мне, Аркас. Теперь нас всех спасти
Способен ты один. Скорее к ним лети.
Есть опыт у тебя, и хитрость, и терпенье.
Вручая им письмо, не пожалей уменья,
Чтоб их остановить и воротить назад.
О том, какие им опасности грозят,
Не говори, но сам не упускай из виду,
Что стоит дочери ступить ногой в Авлиду —
Она обречена: здесь бдительный Калхас²³
Бедняжку оторвет безжалостно от нас.
Ахейцы за жрецом всегда идут послушно,
И эту казнь они допустят равнодушно,
А видя, что я дочь жрецу не отдаю,
Они взбунтуются и свергнут власть мою.
Пойми, что ты меня от многих бед избавишь,
Коль осторожность, ум и рвение проявишь.
Итак, немедля в путь! И помни об одном:
Про нашу тайну знать должны лишь мы вдвоем.
У Ифигении пусть мысль не возникает,

Что тут коварный враг ее подстерегает,
Да и царицу-мать в неведение оставь.
От ярости ее, Аркас, меня избавь!
Письмо гласит, что я обижен и встревожен:
Мне сообщил Ахилл, что будет брак отложен
До времени, пока он сам не даст мне знать,
И потому велю я им вернуться вспять.
А на словах добавь, что холодность Ахилла
Не без причин, что в ней виновна Эрифила,
Та пленница, что им была привезена,
Когда на Лесбосе закончилась война.
Об остальном молчи. Известий ждать я буду,
И пусть тебе успех сопутствует повсюду.
Пора. День близится. Огни зари зажглись.
Но кто там? Сам Ахилл! О, боги! С ним Улисс.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агамемнон, Ахилл, Улисс.

Агамемнон

Ахилл? Так скоро здесь мы вас не ждали, право!
Что для других труды, для вас одна забава!
Вы только начали задуманный поход,
Как враг рассеялся и вас победа ждет.
Пред вашим именем Фессалия склонилась,
И сдаться Лесбосу пришлось на вашу милость.
Сильнейший, вижу я, вам не опасен враг:
Завоевать страну — и то для вас пустяк!

Ахилл

Второстепенные не стоит славить войны,
Коль впереди есть цель, что более достойна
Награды, сладостной для сердца моего
И высшее ему сулящей торжество.
Здесь среди эллинов молва распространилась
О том, к чему давно моя душа стремилась:
Все говорят, что вы решились наконец
Вести со мною дочь под свадебный венец
И вскоре, чтобы стать супругою моею,
Она должна быть здесь. Но верить я не смею.

Агамемнон

Кто вам сказал, что дочь должна сюда прибыть?

А х и л л

А почему должно вас это удивить?

А г а м е м н о н

(Улисс)

Неужто мог ему мой замысел раскрыться?

У л и с с

Что ж, у Атрида есть причина удивиться.
 Как может звать сейчас к утехам Гименей?
 Не помнят греки дня печальней и мрачней:
 Войска в унынии, а воды — без движенья;
 Затишье нам грозит позором пораженья;
 Ждут боги жертв, и жертв, быть может, дорогих;
 И в час, когда наш долг — подумать о других,
 Когда алтарь вот-вот залется чьей-то кровью,
 Один Ахилл среди нас весь поглощен любовью!
 Быть может, ждете вы, чтобы, назло богам,
 Царь Агамемнон здесь устроил праздник вам?
 Ужели страсть вам долг пред родиной затмила?
 Нет, я не узнаю воителя Ахилла!

А х и л л

Предоставляю вам — до некоторых пор! —
 Вести о родине пустой и шумный спор.
 Когда во Фригии ²⁴ на землю кровь прольется,
 Увидим, кто из нас усерднее печется
 О чести родины! Достойные цари,
 Пусть жертвенная кровь омоет алтари;
 На внутренностях жертв о будущем гадайте,
 Смягчайте гнев богов и ветер вызывайте,
 Но не противьтесь мне в намереньях моих:
 Не прогневит богов осуществленье их.
 Напротив, я, гордясь своей супругой милой,
 Троянцев стану бить с учетверенной силой,
 И я не допущу, чтоб самый храбрый грек
 Спустился до меня на илионский брег!

А г а м е м н о н

О, боги, как мне жаль, что вы столь грозной силе
 Своей немилостью дорогу преградили!
 Но чем воинственной блистательный герой,
 Тем с большею смотрю я на него тоской!

У л и с с

Да, очень жаль, — увы! — и мне.

А х и л л

Что вы сказали?

А г а м е м н о н

Придется отступить. Мы слишком долго ждали,
 Чтоб ветер наши вновь наполнил паруса.
 Коль так разгневаны на греков небеса,
 Что не преодолеть стихий сопротивленью,
 Зачем дразнить судьбу, бросаясь в наступленье?

А х и л л

И чем же нам грозит столь явный гнев небес?

А г а м е м н о н

Вы сами знаете, отважный Ахиллес,
 Что вам предсказано. Дано разрушить Трою
 Лишь первому из всех, славнейшему герою;
 Но обольщаться нам надеждами нельзя:
 Хоть вам начертана высокая стезя,
 Хоть славны вы своей отвагою и силой,
 Но должен ваш триумф закончиться могилой,
 И прежде, чем падет надменный Илион,
 Ахилл у стен его сам будет погребен.

А х и л л

Так, значит, все цари, что отомстить стремятся
 За вашу честь, домой с позором возвратятся,
 А вертопрах Парис, признательный судьбе,
 Елену с торжеством оставит при себе?

А г а м е м н о н

На самом деле все не так уж безотраднo.
 Противник пострадал от ваших рук изрядно:
 Повержен Лесбос в прах, уже не встать врагу,
 И слышен стон на всем Эгейском берегу;
 Троянцы видели багровый дым и пламя,
 Десятки мертвых тел к ним принесло волнами;
 В сраженье вами взят еще один трофей,
 И Трое уступить его всего большей —
 Там плачут над судьбой другой, своей, Елены,
 Лесбосской пленницы, отосланной в Микены.
 Молчанье гордое, и благородный вид,

И красота — все в ней бесспорно говорит, —
Хоть не раскрыт досель секрет ее рожденья, —
О том, что царского она происхождения.

А х и л л

Тут слишком все хитро и слишком много слов!
Нам не дано постичь намеренья богов.
Угроза смутная меня не остановит,
И если славу здесь Фортуна мне готовит,
Я смело в бой вступлю. Мне объяснила мать: ²⁵
Сказали Парки ²⁶ ей, что я смогу избрать
Одно из двух — иль жить в неизвестности унылой,
Иль рано умереть, блеснув геройской силой.
Прожив бесславные, хоть долгие года,
Из мира этого уйду я без следа.
Сомненья чужды мне, я рассуждаю здраво.
Мои оракулы — отвага, честь и слава.
Бессмертными нам жизнь отмерена в веках,
Но ключ к бессмертию у нас самих в руках!
Зачем внимать богов двусмысленным приказам,
Коль с ними мы в бою сравняться можем разом?
Так совершим же то, что предназначил рок,
Чтоб не напрасно жить нам отведенный срок!
Итак, на Илион! Я одного на свете
Прошу у вышних сил: послать попутный ветер.
А если вы стоять решите на своем,
С Патроклом ²⁷ ринемся в сраженья мы вдвоем!
Но нет, свои войска вы поведете сами,
А я почту за честь лишь следовать за вами.
И с Ифигенией я вас не тороплю.
Сейчас не до любви? Ну что ж, я потерплю.
Ведь именно теперь, сражаясь с вами вместе,
Тем самым буду я служить моей невесте.
Покинуть вас, мой тесть, мне было б не к лицу,
Не приведя войну к победному концу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агамемнон, Улисс.

У л и с с

Итак, вы слышали? Ахилл любой ценою
Намерен выступить и брать осадой Трою.
Его боялись мы. Благодаря богам
Он нам против себя дает оружие сам.

Агамемнон

Увы!

Улисс

Я удивлен. Что значит это слово?
Ведь все равно для вас исхода нет иного.
Куда б отцовские вас чувства ни влекли,
Вы за ночь изменить решенья не могли!
Все в нетерпении. Вы дали обещанье
Дочь в жертву принести. На этом основанье
Калхас уверенно оповестил царей,
Что милость явит нам сегодня же Борей.
Но коль ахейский стан увидит, что обманут,
Все главного жреца винить за это станут;
Тут ваши замыслы разоблачит Калхас,
И возмущение обрушится на вас.
А если весь народ восстанет, разъяренный, —
Кто знает, что ему окажется препоной,
А что сметет с пути он в ярости слепой?
Остерегайтесь встреч с разгневанной толпой!
Ведь вы, не кто иной, пред свадьбой Менелая,
Когда толпа его соперников, пылая
Любовью к дочери Гиндара, у дворца
Шумела, требуя ответа у отца,
Кому же он отдаст прекрасную Елену, —
Вы, сами вы тогда достойно и степенно
Ахейским женихам сумели дать понять,
Что их священный долг — Елену охранять,²⁸
И кто б из них потом ни стал ее супругом,
Они должны навек поклясться друг пред другом,
Что будут почитать супружеский союз,
Ничем не посягнув на святость этих уз.
С тех пор печемся мы о вашей вящей славе.
Свой домá, детей, любимых жен оставя,
Мы снарядили флот, избрали вас вождем
И, верность вам храня, в Авлиде ветра ждем.
Вся эллинская рать от праздности устала,
И вот теперь, когда надежда заблестала,
Когда любой из нас в решительном бою
Готов и кровь пролить, и жизнь отдать свою,
Когда богами нам обещано прощенье,
Вы перед жертвою отпрянули в смущенье?
Иль наши корабли три месяца стоят
Здесь только для того, чтобы отплыть назад?

Агамемнон

Величие души нам без труда дается,
 Когда чужая кровь, а не родная льется!
 А если бы ваш сын, ваш юный Телемах
 Был обречен принять клинка смертельный взмах,
 Вы, сыном жертвуя цветущим и любимым,
 Могли бы не роптать и быть неколебимым?
 Нет, вы не стали бы покорно ждать конца
 И поспешили бы остановить жреца.
 Не стану отрицать, Улисс, я дал вам слово,
 И если дочь моя — я повторяю снова —
 В Авлиду явится, ей гибель суждена.
 Но если вдруг в пути задержится она
 Иль мать ей в Аргосе прикажет оставаться,
 То вправе я тогда считать, что, может статься,
 Какой-то менее других жестокий бог
 Вступился за нее, продлив ей жизни срок.
 Прислушивался к вам и так, скажу по чести,
 Я слишком...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агамемнон, Улисс, Эврибат.

Эврибат

Государь!

Агамемнон

Ну, что? Какие вести?

Эврибат

Царица прибыла. Сейчас и дочь, и мать
 Спешат сюда, чтоб вас скорее увидеть.
 Они и раньше бы предстали перед вами,
 Но ехали они столь темными лесами,
 Что провожатый их не знал, куда вести,
 И поезд свадебный во мгле свернул с пути.

Агамемнон

О небо!

Эврибат

Прибыла как пленница Ахилла
 В их свите юная рабыня Эрифилла.
 Она печалится, не осушает глаз
 И хочет, чтоб судьбу ей предсказал Калхас.

О том, что здесь они, всем стало вмиг известно,
И лагерь греческий ликует повсеместно.
Все чувствуют семью любимого царя
И громко славят вас, согласно говоря,
Что вам, славнейшему из всех царей Эллады,
Бразды правления вручить ахейцы рады,
Что боги к вам вполне заслуженно щедры
И расточают вам богатые дары,
Что дочь — один из них, и самый драгоценный,
А вы — счастливейший отец во всей вселенной.²⁹

Агамемнон

Да, да, я понял все. Довольно, Эврибат!
Ступай, скажи, что я их появлению рад.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Агамемнон, Улисс.

Агамемнон

О небо, ты меня преследуешь всечасно!
Предотвратить беду старался я напрасно.
Ах, будь я в этот миг хотя бы волеи сам
Дать выход горестным стенапьям и слезам!
Но мы, цари, — рабы! Печальна паша участь:
Терзаясь ужасом, отчаянием мучась,
Чужими лицами всегда окружены,
При них бесстрастный вид мы соблюдать должны.

Улисс

О, царь, я сам — отец, и вашу неудачу
Так больно видеть мне, что я едва не плачу.
Нет, нет, я вас отнюдь не склонен осуждать
И сердцем чувствую, как вы должны страдать.
Но можно ли богам выказывать обиду?
Коль вашу дочь они доставили в Авлиду,
Так, значит, суждено. Верховный жрец Калхас
Немедленно ее потребует у вас.
Пока мы здесь одни, слез от меня не прячьте
И, не стыдясь, дитя любимое оплачьте,
Но помните, какой блистательный исход
Нам ваше мужество из бедствий принесет:
На крыльях парусов ахейские герои,
Как птицы, полетят к стенам надменной Трои,
И город будет взят, и старый царь Приам,
Поверженный, придет просить пощады к вам;

Елена вновь войдет в покои Менелая,
 А Троя, эллинов соперница бывая,
 Сравняется с землей, прославив навсегда
 Царя, который спас ахейские суда!

А г а м е м н о н

Я вижу тщетность всех уловок и усилий.
 Как ни боролся я, но боги победили,
 И смерти дочери моей не избежать.
 Но надо попросить Калхаса подождать,
 Пока не будет мной удалена царица.
 Тогда — берите дочь, и пусть обряд свершится.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Э р и ф и л а, Д о р и д а.

Э р и ф и л а

Не будем им мешать. Уйдем скорее прочь.
 Пусть мужа и отца обнимут мать и дочь,
 Пусть встречей радостной спокойно наслаются
 И предо мной своим довольством не гордятся.

Д о р и д а

Но кто и чем сейчас обиду вам нанес?
 Вы словно ищете причин для новых слез.
 Я понимаю вас: чужбина душу ранит.
 В неволе свет не мил — кто с этим спорить станет!
 Но — смею ли сказать? — в те роковые дни,
 Когда, лишённые защиты и родни,
 В плену, невесть куда, на корабле мы плыли,
 Вы столько горьких слез в отчаянье не лили,
 Хоть на глазах у вас тогда все время был
 Виновник ваших бед, безжалостный Ахилл.
 Так почему же вас не радует нисколько,
 Что наконец судьба вам улыбаться стала?
 Ведь Ифигения безмерно к вам добра.
 Она лелеет вас, как нежная сестра.
 Благодаря ее участью и заботам
 Все окружают вас любовью и почетом.
 Пришло желанье вам в Авлиде побывать —
 И вот уже вы здесь. О чем же горевать?

Эрифила

Ужель ты думаешь, мой друг, что Эрифила
Средь радостей чужих свою печаль забыла,
И невдомек тебе, что их счастливый вид
Мне причиняет боль и душу бередит?
Путь Ифигении безоблачен и светел:
Здесь любящий отец ее с улыбкой встретил,
Царица-мать всегда к ней нежности полна.
А я? Почти с пелен повсюду я одна,
И жизнь моя любым опасностям открыта.
Родители, детей опора и защита,
Еще в младенчестве покинули меня
Под именем чужим; с тех пор судьбу кляня,
Не зная, кто они, скитаюсь я по свету.
Сказали мне, что я проникну в тайну эту
В мой смертный час. . .

Дорида

Слова оракулов темны,
Но все же вы родных разыскивать должны.
И думается мне, что это предсказанье
Иное, может быть, имеет толкованье:
Под именем чужим живете вы давно,
Но будет подлинным оно заменено,
И в этот сладкий миг, простясь с судьбой постылой,
Вы перестанете быть прежней Эрифилей —
Все ваши горести исчезнут без следа!

Эрифила

О нет, меня везде преследует беда.
Ведь твой отец, один на всей земле причастный
К той тайне роковой, увы, погиб, несчастный,
Убит и погребен под грудой мертвых тел.
Он раньше ничего сказать мне не хотел
И лишь обмолвился, что тайну я открою
В назначенный мне час, когда прибуду в Трою,
А в жилах у меня струится кровь царей.
О, как мечтала я попасть туда скорей!
Но злобная судьба иначе рассудила:
На Лесбос грянули воители Ахилла,
И он, неистовый, как валетевший шквал,
Всех на своем пути крушил и убивал.
Все сразу рухнуло, и я с моей гордыней
Вдруг стала пленницей, ничтожною рабыней.

Мне прав моих теперь уж не отвоевать —
Лишь слезы ярости могу я проливать!

Дорида

Да, тот, кто вас лишил надежд, родных, покоя,
Казаться должен вам жестокосердым вдвое!
Но здесь находится премудрый жрец Калхас.
Прибегните к нему. Он не отринет вас.
С ним боги говорят. Доверье их открыло
Калхасу смысл всего, что будет и что было.³⁰
Наверно, знает он, и кем вы рождены.
А от опасностей вы здесь ограждены:
Дочь Агамемнона, едва лишь свадьбу справит,
Свой кров и дружбу вам охотно предоставит.
Давно ль она сама клялась передо мной,
Что не оставит вас, Ахиллу став женой?

Эрифила

Да что мне этот кров! Нет для меня страданья
Невыносимее их бракосочетанья!

Дорида

Как!

Эрифила

Ты удивлена тем, что с теченьем дней
Я становлюсь мрачней, печальней и бледней?
Дорида, милая, мои невзгоды зная,
Дивись скорей тому, что до сих пор жива я.
Томясь среди чужих, без имени, в плену,
Ношу в моей душе я боль еще одну,
Наигорчайшую: отчизны покоритель,
Виновник бед моих, жестокий похититель,
Тот, кто увез меня от царского венца,
Убийца твоего несчастного отца,
Злодей, по чьей вине и ты страдаешь тоже,
Он для меня, увы, всех на земле дорожел!

Дорида

Что вы сказали!

Эрифила

Ах, пыталась я молчать:
Стыд на мои уста накладывал печать.
Но нет, не совладать мне с мукою сердечной!
Я выскажу ее и замолчу навечно.
Мне некого винить: Ахилл меня жалел

И лишь раздул огонь, который в сердце тлел.
Да, боги, у меня отняв почет и славу,
В моем злосчастии нашли себе забаву.
Без дрожи и сейчас я вспомнить не могу,
Как, среди пламени, свирепому врагу
Попалась я. В тот миг я сразу помертвела,
Затмился свет в глазах, оледенело тело,
Я стала, словно труп, недвижимой и немой.
Потом очнулась я, и взор туманный мой
Увидел, что рука кровавого злодея
Мой стан сжимает. Я, очей поднять не смея,
Старалась избегать, как смерти, как огня,
Случайной встречи с тем, кто полонил меня.
Я на корабль взошла, лелея мысль о мщенье.
Ахилл внушал мне страх, а больше — отвращенье,
И долго от него я отводила взор,
Но вдруг столкнулись мы. Тут горестный укор,
Готовый с уст моих, как гневный крик, сорваться,
Застыл. . . Я стала им невольно любоваться.
Он с виду не жесток казался и не дик;
Дышал величием его победный лик.
О том, что он мой враг, в тот миг я позабыла.
Я поняла, увы, что влюблена в Ахилла.
Да, цель моя с тех пор — открыто признаюсь —
Разрушить их любовь, расстроить их союз.

Д о р и да

Нет, лучше прекратить бесплодные попытки!
Здесь огорчения у вас и так в избытке.
Бегите прочь скорей от страсти роковой.
В Микенах, может быть, найдете вы покой.

Э р и ф и л а

Бежать? Нет, пусть мои невзгоды и несчастья
Им лягут на душу хотя бы малой частью
И день вступления в давно желанный брак,
Столь радостный для них, им омрачат хоть так!
Теперь ты поняла? Не гордость, не стремленье
Скорей установить мое происхождение
Меня сюда влекли. И я душой тверда:
Брак состоится? Что ж, уйду я навсегда.
Позор своей любви я унесу с собою
И унижение на дне могилы скрою.
Не стану узнавать, чем славится мой род:
Он обещан мной, и он со мной умрет.

Д о р и да

Да, тяжко вам, и я вас от души жалею!

Э р и ф и л а

Молчи! Вот царь идет с соперницей моею.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Агамемнон, Ифигения, Эрифила, Дорида.

И ф и г е н и я

Зачем, отец, едва настал свиданья час,
Стремитесь вы скорей опять покинуть нас?
Когда увидела вас мать моя, царица,
Я, чтобы дать любви супружеской излиться,
Держалась в стороне, почтительность храня.
Но разве не дошел черед и до меня?

А г а м е м н о н

Да, да, дитя мое, приди в мои объятия.

И ф и г е н и я

Ах, счастья моего не в силах описать я!
Как рада встрече я и как за вас горда:
Великолепия такого никогда
Еще властители земные не знавали!
Мне, правда, многое уже передавали,
Но лишь теперь, когда я, оказавшись тут,
Сама увидела, как вас ахейцы чтут,
Я убедилась, сколь вы взысканы судьбою.
Великого отца, наверно, я не стою.

А г а м е м н о н

Ты стоишь более счастливого отца.

И ф и г е н и я

Но блеску вашему и славе нет конца,
И можно ли, приняв почетное правление,
Не видеть в том к себе богов благоволенья?

А г а м е м н о н

(в сторону)

Не дать ли ей понять, что близится гроза?

Ифигения

Отец, вы от меня отводите глаза,³¹
Я слышу тяжкий вздох, знак затаенной боли...
Я не ослушалась ли в чем-то вашей воли?

Агамемнон

Нет, нет. Но не легка, дитя, моя стезя:
От государственных забот уйти нельзя,
И тяготит меня безмерной власти бремя.

Ифигения

Мы вместе наконец! Но быстро мчится время:
Нам скоро долгая разлука предстоит.
Хоть на мгновение — ну есть ли в этом стыд? —
Свой позабудьте сан. О, не смотрите гневной!
Я просто ваша дочь, а вовсе не царевна.
Дочерней ласкою, наверно б, я смогла
Снять облако забот с отцовского чела.
Мы из Микен скорей прибыть сюда старались.
Вы были так нежны, когда мы расставались,
Но трудно вас узнать на этом берегу.

Агамемнон

Ах, если б...

Ифигения

Что, отец?

Агамемнон

Нет, нет, я не могу.

Ифигения

Да сгинет Илион, причина всей тревоги!

Агамемнон

С нас кровью греческой за Трои взыщут боги.

Ифигения

Но вам Олимп несет столь щедрые дары...

Агамемнон

Олимп ко мне жесток стал с некоей поры.

Ифигения

Я слышала, Калхас, чтобы снискать прощенье,
Готовит жертву...

Агамемнон

О, коль жертвоприношенье

Произойдет...

Ифигения

Когда?

Агамемнон

Скорей, чем я хочу!

Ифигения

А право быть на нем, отец, я получу?
И вы там будете, и я, с царицей вместе?

Агамемнон

Увы!

Ифигения

Итак?

Агамемнон

Да, ты достойна этой чести.

Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ифигения, Эрифила, Дорида.

Ифигения

Что думать мне, что делать надлежит?

Не знаю отчего, но все во мне дрожит,
Мысль обращается невольно к страшным бедам,
А тот, о ком молюсь, — он вам, о боги, ведом!

Эрифила

Чего боитесь вы? Ведь царь обременен
Таким числом забот! И, если принял он
Вас суше, чем всегда, то нет еще причины
Ни для горячих слез, ни для лихой кручины.
А что же делать мне, злосчастной? Каково
Мне жить, коль с детских лет родного пикого
Со мною рядом нет и в горькое мгновенье
Мне не к кому припасть, нуждаясь в утешенье?
Вас приласкает мать, коль к вам отец суров,
Да и жених найдет немало нежных слов.

И ф и г е н и я

Не стану спорить я, о, друг мой Эрифила:
Меня б утешило присутствие Ахилла,
Его любовь ко мне и славы ореол.
Жену примерную во мне бы он обрел.
Но где он? Где он сам? Все, право, непонятно.
Он так нетерпелив, — хоть это мне приятно! —
Что попросил отца призвать меня сюда,
Где наготове ждут ахейские суда, —
А без Ахилла кто ж разрушит Трои стены?
С царицей тотчас мы покинули Микены
И прибыли. Но вот мы здесь уже полдня,
А мой Ахилл еще не навестил меня.
Неволью я ищу его повсюду взглядом.
Подчас мне кажется, что здесь он где-то, рядом,
Но нет! Толпой чужих людей окружена,
Его не вижу я. Быть может, не нужна
Ему я более? То был каприз героя?
Его влечет война? Его заботит Троя?
Но что же делать мне и как себя вести?
Печален мой отец. При мне произнести
Он имя жениха как будто избегает...
Все так загадочно и так меня пугает!
Ужель война могла убить все чувства в них,
И вслед отцу ко мне стал холоден жених?
Нет, даже думать так я права не имею!
Ведь греков поддержал он доблестью своею
Лишь из любви ко мне. Не связан клятвой он,
Как прочие цари, отцу не подчинен,
И если действовать согласен неуклонно,
Чтоб сокрушить валы и стены Илиона,
То хочет для себя награды лишь одной:
Дочь Агамемнона назвать своей женой!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клитемнестра, Ифигения, Эрифила, Дорида.

Клитемнестра

Дитя, какой удар семейной нашей чести!
Нам надо уезжать. Пришли дурные вести.
Понятно, почему отец твой нас встречал
С растерянным лицом, был холоден и вял:
Он не пришел еще в себя от оскорбления.
С Аркасом он послал для нас уведомленья,
Но сбились мы с пути, не встретил нас Аркас,

И в руки мне письмо попало лишь сейчас.
 Крепись, о дочь моя! Письмо нам возвестило,
 Что изменились вдруг намеренья Ахилла,
 И до победы брак отсрочить он решил.
 Не слишком твой жених любовью дорожил!

Эрифила

Что слышу я!

Клитемнестра

Но ты бледна, как мрамор, стала!
 О, слабость женская царевне не пристала!
 Да, прежде, видя, что его к тебе влечет,
 Я приняла его. Оказан был почет
 Ему как жениху. Я от тебя не скрою:
 Мне льстило дочь отдать столь славному герою.
 Но он не должен был и не имел причин
 Забыть свой долг, хоть он самой Фетиды сын.
 Быть может, чувство в нем потом еще воспрянет,
 Но Ифигения ждать милости не станет!
 Не плачь, дитя мое! Уедем поскорей!
 Покинем этот стан воинственных царей.
 Хоть сам Ахилл в бою и знаменит как воин,
 Пойми, что он тебя отныне не достоин.
 Итак, готовься в путь. Послала я гонца
 О происшедшем здесь уведомить отца.

(Эрифиле.)

А вас, притворщица, никто не понуждает
 За нами следовать. Вас ныне ожидает
 Кров, много более приятный, чем у нас,
 И здесь вам нужен был отнюдь не жрец Калхас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ифигения, Эрифила, Дорида.

Ифигения

Как будто все вокруг густым покрылось мраком!
 С Ахиллом я уже не сочетаюсь браком,
 А прочь должна бежать от жгучего стыда,
 И не к Калхасу вы приехали сюда...

Эрифила

Я не могу понять, о чем вы говорите.

И ф и г е н и я

Не можете? О нет, скорее — не хотите!
В пучине горестей и страхов я тону.
Вы не оставите сейчас меня одну?
Без вас покинуть я не мыслила Микены.
В желанье быть со мной вы так же неизменны?

Э р и ф и л а

С Калхасом для меня столь важен разговор...

И ф и г е н и я

Что ж не спешили вы к нему до этих пор?

Э р и ф и л а

О, в Аргос ваш отъезд решен в одно мгновение.

И ф и г е н и я

Но этот миг один рассеял все сомненья.
Теперь я знаю то, что предпочла б не знать:
Ахилл и вы... Смешно мне вас с собою звать.
Вам нужно, чтобы я покинула Авлиду.

Э р и ф и л а

Вы мне наносите глубокую обиду.
Ужели повод я подозревать дала,
Что я неискренна и вам желаю зла?
Ахилл, по чьей вине я плачу и стенаю,
Меня лишил всего...

И ф и г е н и я

Он дорог вам, я знаю!
Он все крушил мечом, он все палил огнем,
Но как любили вы рассказывать о нем,
Живописать войны ужасные картины:
Гора кровавых тел, и пепел, и руины,
И в пламени, в дыму, среди обломков — он!
Тот образ в памяти у вас запечатлен.
Обилье ваших слез и жалоб повторенье
Мне уж давным-давно внушали подозренье,
Но я, жалея вас, сомнения гнала
И лишь добрее к вам и ласковой была,
О вас заботилась, невольный страх скрывая,
Как о родной сестре... Ошибка роковая!
То, что свою любовь вы утаить смогли,
Еще простительно: стыдливость вы блюли.

И даже, может быть, я вам простить могла бы,
 Что вы его любовь похитили: мы слабы.
 Но то, что знали вы прекрасно наперед,
 Какой меня позор и унижение ждет,
 И, не предупредив, позволили пуститься
 Мне в это странствие, чтоб вместе с ним глумиться
 Над тем, как я его, неверного, ищу, —
 Вот этого я вам вовеки не прощу!

Эрифила

Вы на меня взвели такие обвиненья,
 Что, право, слушать их нельзя без удивленья.
 Ведь как меня судьба сурово ни гнала,
 Я к поношению привычна не была.
 Увы, влюбленные почти всегда ревнивы,
 Но, видно, ревностью совсем ослеплены вы!
 Кто ж мог предположить, по правде говоря,
 Что предпочтет Ахилл вам, дочери царя, —
 Пусть даже чувствуя к своей добыче жалость, —
 Рабыню, что ему на Лесбосе досталась?

Ифигения

Что ж, радуйтесь, пришло и ваше торжество.
 Тем глубже и острее боль сердца моего.
 Свое несчастное рисуя положение,
 Стремитесь вы мое удвоить унижение.
 Но не спешите так! Отец мой — царь царей.
 Он любит дочь свою, и он поймет скорей,
 Чем я сама, как честь оборонять мне надо;
 Он для меня — пример, опора и ограда.
 Так вот чем вызван был его печальный вид!
 Он знал заранее, что мне здесь предстоит,
 И мучился — я в том не усомнюсь нимало.
 А я еще его речами донимала!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ахилл, Ифигения, Эрифила, Доридя.

Ахилл

Вот неожиданность! Ужель вы вправду здесь?
 В том уверял меня ахейский лагерь весь,
 Но Агамемнон счел проезд ваш невозможным
 И так настаивал на противоположном...

Ифигения

Отбудем мы домой уже к исходу дня,
Своим присутствием вас, царь, не бременя!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ахилл, Эрифила, Дорида.

Ахилл

Исчезла! Не глядит и словно избегает!
Уж не во сне ли я? Все это повергает
Меня в отчаянье. Скажите, я могу
Просить вас? Или мне, как лютому врагу,
Вы не поможете и в малости ничтожной?
Ведь я вам помогал... Ответьте, если можно,
Уж не случилась ли неожиданная беда?
Зачем царевна вдруг приехала сюда?

Эрифила

А кто, как не Ахилл, скучая по невесте,
Просил ее сюда прибыть с царицей вместе
И свадьбу...

Ахилл

Я просил? Не верю я ушам!
Я только что ступил на эту землю сам.³²

Эрифила

Но сказано в письме, доставленном в Микены,
Что вы желаете царевну непременно
Здесь видеть... Или ваш охладевает пыл?

Ахилл

Я пламенной влюблен, чем до разлуки был,
И если бы я мог, — по правде вам отвечу —
Уже давно бы сам помчался им навстречу.
Но вот мы свиделись — и вдруг бежит она!
Чем вызван гнев ее, и в чем моя вина?
Все смотрят на меня враждебными очами,
А Нестор и Улисс туманными речами
Корят меня за пыл и тщатся мне внушить,
Что брак с царевною я должен отложить.
Здесь сети странные вокруг меня плетутся.
Быть может, за спиной все надо мной смеются?
Нет, я заставлю их ответить напрямик!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Эрифила, Дорьда.

Эрифила

Какой убийственный удар меня постиг!
 Она любима им и все же недовольна.
 О, унижение! Как горько мне, как больно!
 К опасной, может быть, я подхожу стезе,
 Но ясно чувствую, что скоро быть грозе.
 Да, туча темная вдруг небосвод закрыла.
 Здесь все царевне лгут, таятся от Ахилла;
 В большой тревоге царь — боится он за дочь...
 Ах, если б я могла их недругам помочь,
 Мне это было бы хоть малым утешеньем...
 Расстаться с жизнью? Пусть. Но — насладившись мщеньем!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Агамемнон, Клитемнестра.

Клитемнестра

Поспешный наш отъезд был уж совсем решен:
 Рыдала горько дочь; мой дух был возмущен
 Изменой жениха и низменным обманом.
 Но в этот миг, сочтя такое бегство странным,
 Весьма встревоженный, явился к нам Ахилл
 И, в верности клянясь, остаться умолил.
 Он жаждет, чтоб сейчас, немедля, состоялось
 То, с чем он медлил сам, как это нам казалось,
 Грозится раздавить железною пятой
 Тех, кто его чернил столь гнусной клеветой,
 И, если он найдет виновника злословья...

Агамемнон

Ну что ж, его слова на веру взять готов я.
 Меня смутивший слух ошибкой признаю
 И с вашей радостью соединю мою.
 Коль Ифигению его любовь пленила,
 Пусть жрец Калхас введет в мою семью Ахилла.
 Царевну к алтарю я сам препровожу,
 Но нечто важное я раньше вам скажу.
 Прошу вас, о моя супруга и царица,
 Окинуть взором то, что в лагере творится:

Толпятся лучники, гребцы и моряки,
Звенят готовые к сражению клинки,
Все дышит яростью, все ждет кровопролитья...
Желал бы женщин прочь отсюда удалить я.
Мы — воины, мужи. Но недостойно вас
Являться зрелищем для любопытных глаз;
Пусть дочь проследует до алтаря со свитой,
А вы останьтесь здесь, от праздных толп сокрытой.

Клитемнестра

Нет, что-то, кажется, я поняла не так.
Оставить дочь одну перед вступлением в брак?
Пуститься в странствие до берегов Авлиды,
Чтоб материнской тут лишить ее эгиды?
А кто ж, по-вашему, как не царица-мать,
Дочь в руки жениха обязан передать?
Кто тут ей ближе всех, кто даст совет мудрее?

Агамемнон

Поймите же, вы здесь не во дворце Атрея,
А в стане воинов...

Клитемнестра

Где все для вас — рабы,
Где вы — единственный вершитель их судьбы,
Властитель всех земель, а не одной Авлиды,
И где войдем в родство мы с отпрыском Фегиды.
В каком дворце, какой правитель бы обрел
Триумф блистательней и ярче ореол?

Агамемнон

Во имя тех богов, кем был наш род основан,
Я внять моим словам вас призываю снова.
На то причины есть!

Клитемнестра

Послушна я богам,
Но ради дочери и я взываю к вам.
Упорствуете вы в решение слишком скором.

Агамемнон

Царица, вижу я, вы глухи к уговорам:
От мыслей пагубных я вас не смог отвлечь,
Не убедила вас супружеская речь,
В отцовской просьбе мне вы отказали сразу —
Так повинуйтесь же монаршему приказу!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клитемнестра.

Клитемнестра

Что б это значило? И почему царю
 Не хочется, чтоб дочь вела я к алтарю?
 Быть может, новый сан, его вознесший ныне,
 Исполнил дух его невиданной гордыни,
 И пред ахейцами стыдится он меня,
 Затем что ветреной Елене я родня?
 Иль Клитемнестру он считает недостойной?..
 Но все равно должна я с виду быть спокойной.
 Роптать не следует — приказ супруга свят.
 А свадьбе, как и я, он, полагаю, рад.
 О, Ифигения! Ты счастье заслужила,
 И сами небеса дарят тебе Ахилла.
 Но вот он...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клитемнестра, Ахилл.

Ахилл

Мне судьба в стремлении моем
 Благоприятствует. Я встретился с царем.
 Не хочет он вникать в расследованье дела,
 Но к алтарю велел вести царевну смело
 И молвил коротко, что вскоре будет там.
 Царица, до сих пор не рассказали вам,
 Что ваше здесь одно с царевной появленье
 Нам тотчас принесло богов благоволенья?
 Народу объявил ликующий Калхас:
 Смягчились боги к нам, Нептуна гнев угас.
 Он только жертвы ждет, чтоб вздыбить пышной пеной
 Морскую гладь, послав нам ветер вожделенный.
 На Трою корабли повернуты давно,
 Трепещет парусов тугое полотно,
 А я... Ах, если бы Фортуна пожелала
 Помочь моей любви, она бы задержала
 Нептуна милости и ветра легкий бег.
 Как жаль мне покидать счастливый этот брег!
 Но даже в этот миг, от страсти пламенея,
 До битвы погашу я факел Гименея.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ахилл, Клитемнестра, Ифигения, Эрифила,
Эгина, Дорида.

А х и л л

Царевна, наконец настал желанный час.
Нас ждут у алтаря отец ваш и Калхас.
Там в преданности вам я поклянусь пред всеми.

И ф и г е н и я

Ахилл, пока у нас еще осталось время,
Мне разрешила мать давнишний ваш зарок
Просить вас выполнить, как верности залог.
Известно вам, Ахилл: со мной жила в Микенах
Царевна юная. Среди лесбийских пленных
Знак крови царственной несла она одна.
Каким несчастьем жизнь ее омрачена,
Не мне вам объяснять, — ведь вы его причина.
Но боль утрат и плен — лишь только половина
Ее невзгод. Увы, на совести моей
Обида, что в сердцах я причинила ей.
Теперь мой первый долг усилия утроить,
Дабы судьбу ее как следует устроить.
Снимите же с нее позорный рабства гнет.
Пусть наконец и ей луч радости блеснет.
Мне дорог этот день, и я бы так желала,
Чтоб и с ее очей завеса слез упала!
И рядом видеть я хочу у алтаря
Не только война и грозного царя,
Но победителя, средь эллинов по праву
Стяжавшего себе великодушьем славу.
Герой, обязанный рождением богам,
Сумеет снизойти к поверженным врагам.

Э р и ф и л а

Я многое терпеть должна по воле рока:
Я ваша пленница. Но чересчур жестоко
Здесь до сих пор меня насильственно держать:
Хоть этой муки я могла бы избежать.

А х и л л

Я мучил вас?

Э р и ф и л а

О, да! Поймите, как мне больно
Жить в стане вражеском и наблюдать невольню

Противников триумф, веселье и успех,
 Тая свою печаль средь праздничных утех.
 Легко ли мне внимать отчизны поношенью
 И видеть эллинов, стремящихся к сраженью,
 И знать, что, если брак ваш будет заключен,
 Погибнет в пламени мой бедный Илион?
 Дозвольте сироте безродной, безымянной
 Дожить свой краткий век в безвестности желанной,
 Вдали от вас, от битв, от празднеств и побед,
 Оплакивая тех, чей затерялся след!

А х и л л

О, разумеется! Противиться не стану.
 Как это вашему приличествует сану,
 Чтоб искупить свою невольную вину,
 Я перед алтарем свободу вам верну.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ахилл, Клитемнестра, Ифигения, Эрифила, Эгина,
 Аркас, Дорида.

А р к а с

Все к церемонии торжественной готово.
 Отец невесту ждет у алтаря святого
 И мне велел... Но нет, нарушу я приказ!
 Царевну защитить я умоляю вас!

А х и л л

Что ты сказал?

К л и т е м н е с т р а

Меня предчувствие тревожит.

А р к а с

(Ахиллу)

О, кроме вас, никто ее спасти не может.

А х и л л

Но от кого?

А р к а с

Увы! Молчать я дал зарок
 И тайну страшную хранил, куда мог.
 Но жертвенник готов, священный нож сверкает...
 И, пусть меня на смерть признание обрекает,
 Я выдам тайну вам. Пора!

Клитемнестра

Я вся дрожу!

Ахилл

Не бойся, говори. Тебя я огражу.

Аркас

Вы — мать ей. Вы — жених. Но сами вы, поверьте,
Ведя ее к отцу, ведете к верной смерти.

Клитемнестра

Не верю!

Ахилл

Что? К отцу опасно дочь вести?

Аркас

Дочь собирается он в жертву принести.

Ахилл

Как?

Клитемнестра

Собственную дочь?

Ифигения

Отец?

Эрифилла

О что за новость!

Ахилл

В отце немислима подобная суровость.
Невероятная, чудовищная весть!

Аркас

Мне тяжело вам, Ахилл, такой удар нанести.
Возвещено царям через жреца Калхаса,
Что в море мертвый штиль продлится вплоть до часа,
Пока царевны кровь алтарь не обагрят.
Без этого судам на Трою путь закрыт.

Клитемнестра

Кровь дочери моей? Неслыханная плата!

И ф и г е н и я

О, боги, чем же я пред вами виновата?

К л и т е м н е с т р а

Так вот из-за чего не по сердцу царю,
Чтоб вместе с дочерью пошла я к алтарю!

И ф и г е н и я

(Ахиллу)

Для этого нас ждут?

А р к а с

Царь действовал обманом.

А жертвы лжи — вы все, со всем ахейским станом.

К л и т е м н е с т р а

Ахилл, лишь к вашим я могу припасть стопам.

А х и л л

(поднимая ее)

О, государыня!..

К л и т е м н е с т р а

Да, я зываю к вам.

Забудьте о моем высоком положении.

Несчастной матери пристало унижение,

И если скорбь моя вам тоже не чужда,

Пред вами я склонюсь без ложного стыда.

О, вы не только мне окажете услугу!

У вас хотят отнять любимую супругу.

Ведь я, не ведая задуманного зла,

Навстречу вам ее доверчиво везла.

Лишь вы, кто ни пред кем не испытал боязни,

Способны помешать бесчеловечной казни —

Никто другой на то решиться бы не мог.

Вы для невесты все: отец, защита, бог!

Негодование я вижу в вашем взоре

И дочь вручаю вам. Но возвращусь я вскоре.

Пойду к коварному супругу моему.

Своею яростью я пыл его уйму

И, может быть, внушу ему ту мысль благую,

Что жертву следует жрецу искать другую.

А не уступит он, как то бывало встарь,

Я вместо дочери возлягу на алтарь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ахилл, Ифигения.

Ахилл

Речь государыни меня ошеломила.
Когда б так говорил тот, кто не знал Ахилла!..
Как — даже ради вас! — могла царица-мать
Униженно мои колени обнимать
И умолять меня к ее слезам склониться?
Всем этим, право же, я мог бы оскорбиться.
Иль ей неведомо, что я безмерно рад,
Борясь за вашу жизнь, своей рискнуть стократ?
Я козни против вас, как вызов мне, встречаю:
За тех, кто дорог мне, я честью отвечаю.
Сейчас моей любви наносится урон.
Мне мало вас спасти: я слишком разъярен,
Чтоб заговорщикам не отомстить коварным,
Которые тайком готовили удар нам.

Ифигения

Ах, не спешите так! Послушайте, молю...

Ахилл

Нет, оскорблений я ничьих не потерплю.
Царь знает, кто за честь его семьи вступился,
Кто первый требовал и для него добился
Главенства среди царей, соперников его,
Кто подготовил здесь вот это торжество
И завершит его победой над спаленным,
Разрушенным дотла надменным Илионом,
Награды для себя не требуя иной,
Как чести вас назвать возлюбленной женой.
В ответ на искренность и дружбы проявленье
Я вижу злобу, ложь и клятвопреступленье,
Попытку заговор в туман речей облечь
И хитростью меня в свой замысел вовлечь,
Чтоб, к алтарю придя для бракосочетанья,
Я стал пособником свирепого закланья,
Как будто я взмахнул их жертвенным мечом
И не супругом был для вас, а палачом!
А если б я попал в Авлиду днем позднее,
Чем стал бы он для вас, тот праздник Гименея?
Доверие к своим гонителям храня,
Вы б к алтарю пошли, чтоб встретить там меня,
И, беззащитная, от ужаса стеная,

Погибли под ножом, Ахилла проклиная?
 Обманывать врага дозволено врагу,
 Но лжи союзникам простить я не могу.
 Я вправе у царя потребовать ответа:
 Предательством мое достоинство задето,
 И, если надо мной дерзнул глумиться он,
 Напомню я ему, что я еще силен.

И ф и г е н и я

Пусть даже вы в своем негодованье правы,
 Но, если любите по-прежнему меня вы,
 То можете сейчас мне это доказать:
 Царь, коего вы так хотите наказать
 И уличить во лжи, клеймя пред целым светом, —
 Отец мне. Да, Ахилл. Подумайте об этом!

А х и л л

Он ваш отец? Скорей на палача похож
 Отец, свое дитя толкающий под нож!

И ф и г е н и я

Я дочь его. И пусть он отягчен виною,
 Он — мой родной отец, всю жизнь любимый мною.
 Кто как не он растил и пестовал меня,
 Берег и опекал до вынешнего дня?
 С младенческих пелен пред ним благоговая,
 Поверить не могу о нем дурной молве я,
 И, как сегодня боль моя ни велика,
 От гнева на него я все же далека,
 А вы, ведя здесь речь рассерженную вашу,
 Мне горькую, Ахилл, испить даете чашу,
 И муку эту я безропотно терплю
 Лишь потому, что вас уже давно люблю.
 Ваш приговор отцу жесток и беспощаден.
 Не верю я, что он так зол и кровожаден,
 Чтобы на гибель дочь бестрепетно вести.
 Отец бы спас меня, когда бы мог спасти.
 Прибыв сюда, я бед еще не ожидала,
 Но на его глазах вдруг слезы увидала:
 Он глубоко страдал. И груз его скорбей
 Вы отягчаете враждебностью своей.

А х и л л

Так вот что вас теперь сильнее всего тревожит!
 Безжалостный отец ежеминутно может
 Ножом, что поднял жрец над вашей головой,

Вам нанести удар кровавый, роковой;
Я защитить хочу вас преданной рукою,
А вы заботитесь лишь о его покое!
Я груб, меня корят, мне закрывают рот,
А он — предмет любви, сочувствия, забот,
И, за него дрожа, еще меня боятся!
Нет, для такой любви не стоило стараться.

И ф и г е н и я

Я мало вас люблю? Несправедлив упрек!
Я, правда, чувство к вам скрывала долгий срок,
Но что теперь таить? Вы жизни мне дороже.
Вы сами видели, я встретила без дрожи
О скорой смерти весть. А вот зато, когда,
Чтоб с вами встретиться, я прибыла сюда
И слышу вдруг, что вы успели измениться
И, охладев ко мне, раздумали жениться, —
Мгновенно для меня затмился белый свет.
Зачем мне жить без вас? В том, право, смысла нет.
Любовью вашей я гордилась так безмерно,
Что этим небеса разгневала, наверно.

А х и л л

Живите для меня, коль вами я любим!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ахилл, Клитемнестра, Ифигения, Эгина

К л и т е м н е с т р а

Ахилл, не удалось мне повидаться с ним.
Мое отчаянье, мой гнев его пугает:
Со мною встречи он упорно избегает
И стражу всю вокруг успел предупредить,
Что доступ к алтарю мне нужно преградить.
Все кончено, увы! За дочь мне не вступиться.

А х и л л

Я сам к нему пойду и, верьте мне, царица,
Найду его. Я с ним еще не говорил.

И ф и г е н и я

О, боги! Матушка! Куда же вы, Ахилл?

А х и л л

К царю. Но удивлен я вашими словами.
Неужто спор опять начать придется с вами?

К л и т е м н е с т р а

Не медли, дочь моя! Что хочешь ты сказать?

И ф и г е н и я

Я умоляю вас Ахилла удержать.
Он возмущен отцом, хоть я с ним не согласна.
Встречаться им сейчас не нужно и опасно:
Отец в своих правах отцовских уязвлен,
Ахилл — волнением и гневом распален,
И если будет он, как здесь, нетерпеливым,
Их столкновение чревато страшным взрывом.
Не лучше ль подождать? Не бойтесь, я тверда.
Там не найдя меня, отец придет сюда,
А здесь увидит он страдальческие лица
Жены и дочери и, может быть, смягчится.
Он с казнью, может быть, еще повременит
И жизнь мою для вас обоих сохранит.

А х и л л

Пусть так. Предпримем же еще попытку эту.
Надеюсь, внимет царь разумному совету.
Тут надобно воззвать и к сердцу, и к уму
На пользу вам и мне и не во вред ему.
Не станем же вступать в пустые словопренья:
Нам нужно действовать, не тратя ни мгновенья.
Царица, полностью располагайте мной.
На время нужно вам уйти к себе в покой.
Не бойтесь ничего. Пока из рук Ахилла
Не выпал меч, пока в них не иссякла сила,
Царевна будет жить. И, заверяю вас,
Предсказываю я вернее, чем Калхас.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Э р и ф и л а, Д о р и д а.

Д о р и д а

Поверить не могу, хоть и была при этом!
Что может быть для вас в ней зависти предметом?

Царевна через час должна быть казнена.
В расцвете лет на смерть она обречена.
Чему завидовать? Теперь вам жить беспечно...

Э р и ф и л а

И все же я с тобой вполне чистосердечна.
Да, к Ифигении я зависти полна.
Ее судьба легка. Счастливица она!
Ты видела, как весть о жертве поразила
Неколебимого, бесстрашного Ахилла?
Всю жизнь он лишь другим внушал смертельный страх,
А тут я видела испуг в его очах.
Не ошибаюсь я. Увы, в том нет сомненья:
Он испытал и боль, и ужас, и смятенье.
Всю жизнь стремлением к победе одержим,
Не знавший жалости к стенаниям чужим,
Вспоенный матерью, — чтоб был других суровей, —
Не молоком ее, а лвиной алой кровью,³³
Ахилл вдруг зарыдал и стал стены белей.
И все из-за нее! Прощу ль я это ей?
Ее жалеть? За что? Тут жалости нет места.
Теперь ему стократ милей его невеста.
Я счастлива была б подобною ценой
Добиться от него слезинки хоть одной!
Она умрет? Не верь! Задетый за живое,
Ее возлюбленный отважней станет вдвое.
Он, кто всегда и всех умеет победить,
Сумеет и ее от смерти оградить.
Мне кажется, что смысл дурного предсказанья
Лишь в том, чтобы мои усилились терзанья,
А к ней его любовь и нежность возросли.
Ведь в жертву до сих пор ее не принесли:
Хоть жертвенный огонь у алтаря пылает,
Но имени пока никто не называет.
А если царь молчать уговорил жреца,
Он, значит, убежден еще не до конца,
Еще колеблется... А что он здесь застанет?
Мать в горе, дочь в слезах... Любое сердце рванят
Всеобщий стон и плач и громкие мольбы.
Да и с Ахиллом царь не выдержит борьбы.
Царевна не умрет. Все это страх напрасный.
Лишь я одна была и остаюсь несчастной.
Вот разве, если бы...

Д о р и д а

Что вам пришло на ум?

Эрифила

Не стану более я гнать ревнивых дум.
 Глухая ненависть в моей душе клокочет.
 Ослушаться богов царь Агамемнон хочет?
 Нет, о кощунстве я весь стан оповещу,
 Непослушания богам не допущу!

Дорида

Кровавый замысел!

Эрифила

Да, я жрецу открою
 Намеренья царя. Спасу я этим Трою.
 Подумай: если бы мне удалось одной
 Междоусобною их возмутить войной,
 Чтоб долг пред родиной в них злоба заглушила
 И Агамемнон стал противником Ахилла, —
 Я отомстила бы врагам моим сполна,
 И Троя гордая была бы спасена!

Дорида

Шаги! Сюда идут. Ах, то сама царица.
 Чтоб не встречаться с ней, вам нужно удалиться.

Эрифила

Уйдем. Обдумаем, какой мне сделать шаг,
 Чтоб грекам повредить, ее расстроив брак.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ ²⁴

Клитемнестра, Эгина.

Клитемнестра

Оставь меня одну. Я буду осторожна,
 При Ифигении же это невозможно.
 Она, не дрогнув, весть о жертве приняла
 И, более того, спокойна и светла,
 Решившись ради всех на смертное страданье,
 Для палача еще находит оправданье!
 А он сюда придет и будет, может быть,
 Попытаться предо мной свое коварство скрыть.
 О, вот он! Но теперь меня он не обманет.
 Посмотрим, как супруг оправдываться станет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агамемнон, Клитемнестра, Эгина.

Агамемнон

Царица, я вам рад. Но странно: вы одна?
А где же ваша дочь, и почему она
Так медлит выполнить отцовское веленье?
Ее там ждут. И жрец, и люди в нетерпенье.
Ужель до алтаря ей не дойти без вас?
Иль вам мои слова не передал Аркас?
Что вы мне скажете?

Клитемнестра

Что дочь вполне готова.
А вы? Последнее ли вы сказали слово?

Агамемнон

Кто? Я?

Клитемнестра

Все решено, и нет пути назад?

Агамемнон

Алтарь в цветах, и жрец готов свершить обряд,
Как боги требуют. И вы об этом знали.

Клитемнестра

Но вы, супруг мой, мне о жертве не сказали.

Агамемнон

О жертве? Как! Что вы имеете в виду?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агамемнон, Клитемнестра, Ифигения, Эгина.

Клитемнестра

Скорее, дочь моя, сюда! Тебя я жду.
Благодари отца за нежное участие.
Собственноручно он твое устроит счастье.

Агамемнон

Не понимаю! Как со мною говорят?
Царевна вся в слезах, потуплен грустно взгляд...
Что здесь произошло? Царица тоже плачет...
Аркас!.. Я предан...

И ф и г е н и я

Нет, все было здесь иначе.

Не огорчайтесь, вас никто не предавал.
Я знаю хорошо, кто жизнь мне даровал,
Я вам принадлежу и вашему приказу —
Любому! — подчинюсь без колебаний, сразу,
С такой же радостью и без душевных мук,
С какою принят был мне избранный супруг.
Коль нужно для отца, поверьте, я сумею
Под жертвенный клинок свою подставить шею
И кровь невинную безропотно отдам,
Считая, что лишь долг тем возвращаю вам.
Но если за мою покорность и почтенье
Сочтете вы меня достойной снисхожденья
И горю матери замыслите помочь,
Отважусь я сказать: я все же ваша дочь.
Жизнь улыбалась мне. Нет у меня причины
Во цвете юных лет желать себе кончины
И в час, когда ждала я брачного венца,
Класть голову самой под острый нож жреца.
Я старшая у вас.³⁵ Когда я называла
Вас словом сладостным «отец мой», вы, бывало,
Смеялись и меня ласкали больше всех.
Вас радовал мой вид, мой лепет, детский смех;
В ответ старалась я примерным поведением
Показывать, кому обязана рождением.
С великой гордостью я слушала всегда
О том, как покорял отец мой города,
И ныне, радуясь, что вы возьмете Трою,
Обдумывала, как вам празднество устрою.
В беспечности своей я не ждала никак,
Что кровь моя нужна, как первый к битве знак.
Но нет, не думайте, что ужас перед смертью
Толкнул меня воззвать к отцову милосердию.
Не дрогну я, от слов своих не отрекусь:
О вашей чести я достаточно пекусь.
Когда бы мне одной опасность угрожала,
Свои бы чувства я легко в узде держала.
Но связана с моей печальной судьбой
Судьба других людей, любимых нежно мной.
Жених мой, царь Ахилл, герой и храбрый воин,
Который славою и родом вас достоин,
Как счастья, ожидал торжественного дня,
Когда супругою он назовет меня.
Теперь он знает все, и страх его снедает.

Пред вами мать моя в отчаянье рыдает...
 Простите дерзость мне, но я не для себя
 О милости прошу, а только их любя.

Агамемнон

Мне горько, дочь моя! Я недоумеваю,
 Чем столь жестокий гнев Олимпа вызываю.
 Но имя названо в пророчестве не зря:
 Должна пролиться кровь — кровь дочери царя.
 Я слез твоих и просьб отнюдь не дожидался.
 Не стоит говорить, как я сопротивлялся,
 Как, не жалея сил, тебя я ограждал.
 Я отменил приказ, который раньше дал,
 Готовый твоему безоблачному счастью
 Сан в жертву принести и поступиться властью.
 К царице послан был с моим письмом Аркас,
 Но он, как ни спешил, в пути не встретил вас.
 Заставив поезд ваш во мгле свернуть с дороги,
 Мне вас предупредить не разрешили боги,
 И тем свой яростный они явили гнев,
 Усилия отца несчастного презрев.
 Пойми, что власть моя отнюдь не безгранична.
 Народ покорствуется и чтит царя обычно
 До той поры, пока царь не попал в беду;
 Тогда он восстает и рвет свою узду.
 Придется уступить — иного нет исхода:
 На ставке ныне честь прославленного рода.
 Но знай, мое дитя: час гибели твоей
 Для твоего отца — час тысячи смертей!
 Прощай и будь тверда. Тобою все гордятся.
 Жестокости своей пусть боги устыдятся,
 А жрец и те, кто ждет тебя у алтаря,
 Пусть, видя кровь твою, узнают кровь царя.

Клитемнестра

О, вы Атреева не посрамили рода³⁶ —
 Бесчеловечная сказалась в вас природа.
 Для дочери родной вы стали палачом.
 Теперь и мать ее пора пронзить мечом.
 Злодей! Так вот оно, то жертвоприношенье,
 К которому от вас мы ждали приглашенья.
 Да как, не онемев, могла рука у вас
 Подняться утвердить чудовищный приказ?
 И перед кем теперь с печалью лицемерной
 Вы тщитесь показать, что вы отец примерный?
 С кем воевали вы, спасая дочь свою?

Где кровь, что пролита из-за нее в бою?
Где те сражения, в которых на обломках
И на телах врагов, радея о потомках,
Вы доблести своей оставили печать?
Лишь это бы меня принудило молчать.
Оракул требует ее невинной крови?
Кто толковал его? Калхас? Да разве внове,
Что смысл пророчества бывает искажен?
Кто мне поручится, что верно понят он?
Коль Афродита к вам теперь неблагосклонна,
Есть у Елены дочь — царевна Гермiona.
Пусть платит Менелай кровавою ценой
За счастье свидеться с неверною женой.
Он слеп, он одержим безумною любовью,
А мы за то платить должны своею кровью? ³⁷
Иль вы надеялись, что согласится мать
Безропотно дитя заклятию предать?
Да стоит ли сама прекрасная Елена, —
Пусть красота ее, и правда, несравненна, —
Тех жертв, что за нее в боях принесены?
Ведь сами были вы не раз возмущены
Ее поступками до брака с Менелаем.
Известно всем, как скрыть мы это ни желаем,
Что у отца она похищена была
И целый год в связи с Тесеем прожила,
А маленькая дочь, плод этого союза,
Была покинута как лишняя обуза.
Но дело ведь не в ней и не об этом речь.
Не так уж важно вам и честь семьи сберечь.
Гордыня вас влечет: всех эллинов возглавить,
Из двадцати царей быть первым, всеми править,
Бразды правления держать в своих руках —
Вот что вам дорого! Вас вынуждает страх
Дочь в жертву принести, нарушить клятву другу.
Не это ли себе вы ставите в заслугу?
Да, зависти своих соперников боясь,
Идете вы на то, чтоб наша кровь лилась, —
Лишь пусть не думают короны домогаться!
И впрямь такой цены не трудно испугаться.
Какой отец ее платить бы захотел?
Но вы, вы превзошли жестокости предел.
Представьте: злобный жрец, клинком вооруженный,
Склонясь над девою, его рукой сраженной,
И грудь ей раскрыв, туда направит взгляд,
Дабы определить, что боги говорят,
А мать, покинувши безжизненное тело

Той, кто еще вчера жила, любила, пела,
Согбенная бедой, одна назад пойдет
По розам, что бросал пред дочерью народ?
Нет, не бывать тому! Вы нашу дочь спасете,
А нет — обеих нас тут в жертву принесете.
Ни грекам, ни жрецу, супруг мой, и ни вам
Я Ифигению на гибель не отдам.
Согласья моего не пробуйте добиться —
Я зубы в ход пушу и когти, словно львица.
Беги же, дочь моя! Ведь матери приказ
Последний, может быть, исполнишь ты сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Агамемнон.

Агамемнон

Царица в ярости: и вопли, и проклятья...
А впрочем, меньшего не мог и ожидать я.
Ах, если бы я знал, что дочери родной
Возможно жизнь спасти любой другой ценой!
Но боги требуют свершения их воли,
А я, ее отец, я изнемог от боли.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ахилл, Агамемнон.

Ахилл

Какой-то странный слух ушей моих достиг.
Я не могу ему поверить ни на миг
И даже повторить его решаюсь еле:
Вы, будто, умертвить родную дочь хотели,
И якобы принять готовится сейчас
Ее из ваших рук безжалостный Калхас.
Решили, говорят, вы действовать обманом:
Я поведу ее пред всем ахейским станом
К святому алтарю, чтоб наш союз скрепить,
А там ее должны предательски убить.
Я жду ответа, царь. Надеюсь, слух позорный —
Лишь чей-то вымысел, чудовищный и вздорный?

Агамемнон

Отчетом никаким я не обязан вам
И дочери судьбу решать намерен сам.
Ей сообщат в свой срок отцовское решение.

Откроется и вам оно из сообщенья,
Что войску сделают.

А х и л л

Но раньше я успел
Узнать, какой вы ей готовите удел.

А г а м е м н о н

Коль вам известно все, зачем вопросы ставить?

А х и л л

Зачем? О небеса! Кто б мог себе представить,
Что вам кромешное злодейство нипочем,
Что дочери своей вы стали палачом?
Иль полагали вы, во всем одобрю вас я
И умертвите дочь вы с моего согласия?
А честь, любовь и долг? Мне ими пренебречь?

А г а м е м н о н

Звучит воинственно и дерзко ваша речь.
С кем говорите вы? Допрос ваш непристоен.

А х и л л

С кем вы играете? Я тоже царь и воин.

А г а м е м н о н

Кто петься поручил вам о семье моей?
Я знаю сам, без вас, как поступать мне с ней.
Вы не приходите еще пока мне зятем.

А х и л л

Но в скором времени я должен буду стать им.
Нельзя обманывать посулами царя.
Что мне обещано, обещано не зря
И будет отдано — пусть не по доброй воле.
Дочь ваша, государь, вам не подвластна боле,
И за свои слова вам должно отвечать.
Не для того ль, чтоб здесь нас с нею обвенчать,
Вы Ифигению и вызвали в Авлиду?

А г а м е м н о н

Пеняйте на себя вы за свою обиду;
Вините эллинов, вините их вождей,
Но помните притом и о вине своей.

А х и л л

Я виноват?

А г а м е м н о н

Да, вы! Завоеваний жажда
С богами ссорила вас, воин, не однажды.
Мой страх разгневать их вас кровно оскорбил,
И ослепляет вас неудержимый пыл.
Могли бы сделать вы ее судьбу иною,
Но вас сильнее всего влечет в поход на Трою.
Я сделал все, что мог, чтоб вас назад вернуть;
Теперь вам смерть ее откроет к славе путь.

А х и л л

О небо! Как стерпеть такое оскорбленье?
С меня достаточно и клятвопреступленья.
Мне, значит, жизнь ее была не дорога?
Такой ценой хотел я покорить врага?
А что мне сделала, скажите, Троя эта?
Я не послушался отцовского совета
И просьбой матери бессмертной пренебрег.
А для чего? Зачем? Какой мне в этом прок?
Троянским племенем никак не оскорбленный,³⁸
Спешу приблизить я конец, мне предреченный.
Не объявляли ведь троянцы мне войны,
И у меня никто не похищал жены.
Так для кого же я иду на бой кровавый?
Вам это невдомек? — Для вас, для вашей славы!
Я не обязан вам решительно ничем,
Но греческим вождем вас сделал между тем
И добровольно сам под ваше стал начало.
Лесбийских воинов рука моя сражала
За вас, когда еще просили вы царей
Созвать и снарядить отряды поскорей.
А что собрало нас, всех греков, воедино?
Жену вернуть под власть супруга-господана —
Вот мы чего хотим. Что ж, только брат ваш прав,³⁹
Мстя за попрание своих законных прав,
А я свою любовь и защитить не смею?
И то, что учинить намерены вы с нею,
Безропотно снести мне предлагают? Нет!
Я ей и только ей дал верности обет
И не давал отнюдь обетов Менелаю.
О Трое больше я и слышать не желаю.
Пускай жену свою он вызволяет сам.
Без Ифигении я не помощник вам.

Агамемнон

Ну что ж, покиньте нас.⁴⁰ Я вам не помешаю.
 От вашей клятвы я вас ныне разрешаю.
 Достаточно других проявят должный пыл,
 Чтоб лавры, коими прославленный Ахилл
 Надменно пренебрег, украсили чело их.
 Кому в накладе быть, герой, из нас обоих?
 Ведь будет все равно разрушен Илион,
 Хоть вашей помощи бесценной я лишен.
 Судьей над греками себя вы возомнили;
 Послушать вас, вы им вождем бы лучшим были;
 Не в меру доблести раздулась ваша спесь:
 Пред вами этот мир склониться должен весь!
 Добро с упреками есть то же оскорбленье.
 Мне ваших доблестей нужней повиновенье.
 Прощайте. Нам ваш гнев не причинит вреда.
 Все связи с вами рву я ныне навсегда.

Ахилл

И все ж мы связаны одной, последней нитью.
 Она препятствует еще кровопролитью:
 Чту Ифигении родителя я в вас,
 Иначе б вас никто от гибели не спас, —
 Как всякого, кто мне посмел бы вызов бросить, —
 Хоть в ваших волосах и серебрится проседь.
 Но знайте: нужно вам мой труп перешагнуть,
 Чтобы кинжал пронзил моей невесте грудь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агамемнон.

Агамемнон

Теперь-то смерть ее и стала неизбежной.
 Ты погубил ее любовью слишком нежной,
 Которой устрашить пытался ты меня.
 Увы! Теперь она не проживет и дня.
 Довольно рассуждать. Докажем твердость нашу.
 Мое достоинство весов склонило чашу.
 Его угрозы мне решимость придают:
 Мне страх, коль сжалюсь я, людской припишет суд.
 Эй стража!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Агамемнон, Эврибат, стража.

Эврибат

Государь, мы здесь.

Агамемнон

О, что сказать им?

Ужель явить себя пред всеми гнусным татем,
Жизнь похищающим у дочери своей?
С кем я веду войну? Я царь или злодей?
Сейчас придется мне увидеть мать, которой
Супруг ее в беде не может быть опорой;
Он сам теперь палач, убийца, душегуб:
Ее не убедить, будь ласков я иль груб.
Дочь не отдаст она, и разве только силой
Ахейцы оторвут ее от девы милой.
Нет, дрогнут и они: как не уважить мать?
Однако власть свою царь должен утверждать.
Ахилл грозится нам, Ахилл нас презирает?
Пустое! Дочь царя без стога умирает,
Покорная отцу. Все убедятся в том...
Но что я говорю? О долге столь святом,
Как долг родителя, забыть тщеславья ради?
Мечтать о купленной такой ценой награде?
О лаврах, что всегда мне будут жечь чело?
О, боги, смилуйтесь! Свершить я должен зло,
Казнящее меня страшней, чем ваша кара.
Нет, я не допущу смертельного удара,
Что нанести хотят предательски ей в грудь.
Поддаться жалости не совестно ничуть...
Но так ведь выкажу я слабость, а не силу
И дам торжествовать надменному Ахиллу:
Решит он, что меня нетрудно утрашить.
Нет, нет, назло ему царевна будет жить —
Не для него! Зови ж царицу-мать с царевной
Ко мне, мой Эврибат.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Агамемнон, стража.

Агамемнон

О боги! Коль ваш гневный,
Суровый приговор не будет отменен,

То вашей воле нет на сей земле препон.
 Земные судьбы все решаются на небе.
 Надежда отягчит ее печальный жребий.
 Но жертва такова, что роковой приказ
 Услышать должен я еще хотя бы раз.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Агамемнов, Клитемнестра, Ифигения, Эрифила,
 Эврибат, Дорида, стража.

Агамемнов

Препоручаю дочь я вам, моя супруга.
 Не бойтесь ничего. Оправьтесь от испуга.
 Но вы должны отбыть из этих мест сейчас.
 Я страже охранять велю обеих вас,
 И воины мои вас не дадут в обиду.
 В строжайшей тайне вы покинете Авлиду,
 Пока еще Улисс, как и Калхас, молчит.
 Нельзя, чтоб ваш побег случайно был открыт
 До времени, когда вы будете далеко.
 Пусть думают, что я, покорный воле рока,
 Удерживаю дочь, а вас решил услать.
 Бегите ж! Пусть мне дочь не скоро увидать
 Дадут бессмертные! О том сейчас молю я.
 Да удовлетворит их то, что слезы лью я!
 С царией, воины, ступайте.

Клитемнестра

О, супруг!

Ифигения

Отец!

Агамемнов

Смотрите же, чтоб не проведаль вдруг
 Безжалостный Калхас о дерзком бегстве вашем,
 А я подумаю, что в лагере мы скажем,
 Чтоб подозрительность Калхаса обмануть
 И совершение обряда оттянуть.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Эрифила, Дорида.

Эрифила

Бежим, Дорида, прочь. Не по пути нам с ними.

Дориды

Куда же мы пойдем?

Эрифилы

Я помыслами злыми

Обуреваема... Погибнуть ли самой

Иль погубить ее? Да, ярость движет мной.

Ахилл взял верх. Нельзя терпеть ни дня, ни часу

Такой позор! Пойдем, откроем все Калхасу.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ифигения, Эгина.

Ифигения

Пусти меня! Пойду богов утишить гнев.

Мне жизнь хотят сберечь, их приговор презрев,

Но непокорство им лишь бедами чревато:

Ты видишь, что уже постигла нас расплата.

Вглянись на мать мою — какой ужасный вид!

Все греки против нас, к побегу путь закрыт.

Чтоб не покинули мы здешние пределы,

На нас со всех сторон направлены их стрелы.

Телохранителей моих прогнали прочь,

А мать лишилась чувств. Но мне она помочь

Не в силах все равно, и лучше я исчезну

Без ведома ее, как будто кану в бездну.

Да ведь и сам отец, — хоть сделал все, что мог,

Дабы спасти мне жизнь, — на смерть меня обрек.

Эгина

Отец ваш? Как же так? Он вдруг переменялся?

Ифигения

Отец горячностью Ахилла оскорбился,

И мне он ненависть велит к нему питать.

А сердце мучится: оно не хочет знать,

Что мне запрещено сказать ему хоть слово.

Эгина

О, госпожа моя!

И ф и г е н и я

Увы, судьба сурова!
 Безжалостней богов ко мне родной отец.
 Ну, что ж, я покорюсь. Уму. Всему конец.
 О, боги! Сам Ахилл!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А х и л л. И ф и г е н и я.

А х и л л

Идите вслед за мною.
 Не слушайте угроз. Явитесь пред толпою,
 Вкруг вашего шатра теснящейся сейчас.
 Не бойтесь. Верьте мне, она пропустит вас,
 Сама расступится, хоть меч мой в ножнах будет:
 Один мой вид ее немедленно остудит.
 Сюда спешит Патрокл, вступить готовый в бой.
 Сынов Фессалии ведет оп за собой,
 Отборных воинов, среди которых каждый
 Выказывал свою отвагу не однажды.
 Рать фессалийская вас в отдаленье ждет:
 Она сегодня ваш незыблемый оплот.
 Преследователям мы противопоставим
 Сплоченные ряды и твердо им объявим,
 Что доступ запрещен к Ахилловым патрам.
 Вы плачете? Моим не внемлете словам?
 Но ведь слезами вам не отвести угрозы.
 Родитель ваш жесток: презрел он ваши слезы.

И ф и г е н и я

Мне это ведомо, увy, и потому
 Удар смертельный я безропотно приму.

А х и л л

Хотите смерти вы? Оставьте речи эти!
 Иль о торжественном связавшем нас обете
 Успели вы забыть? И вам уж дела нет,
 Что станет пуст без вас, немил мне белый свет?

И ф и г е н и я

С велением богов нам спорить не по силам.
 Долг смертных — принимать, что властный рок судил им.
 Не будет без меня вам белый свет немил:
 Я умереть должна, чтоб счастлив был Ахилл.

Нельзя не думать вам о том, какую славу,
Троянцев одолев, пожнете вы по праву.
За это жизнь моя большая ли цена?
Отец хотел, чтоб я была пощажена,
Но слава не взойдет могучим урожаем,
Коль кровью жертв алтарь не будет орошаем.
Я лишь помеха вам. На благостных богов
Не сетуйте, Ахилл. Излейте на врагов
Ту горечь, что сейчас вам душу наполняет.
Приам уже дрожит, а Троию страх терзает:
За кровь из жил моих, за ваши слезы ей
Придется заплатить своею кровью всей
И морем вдовьих слез в опустошенном граде.
Спокойно встречу смерть я вашей славы ради,
Надеясь лишь на то, что тень моя порой
В воспоминаниях вам явится, герой,
Что смерть моя рассказ позволит величавый
Впоследствии сложить о днях побед и славы.
Прощайте ж навсегда, достойный сын богов!

А х и л л

Нет, не приемлю я прощальных этих слов.
Напрасно тщитесь вы внушить мне убежденье,
Что ваш родитель прав и что бесплодно рвенье
Того, кто отдал вам навек свою любовь.
Меня прельщаете вы славой вновь и вновь,
Для коей ваша смерть как будто бы условие.
Напрасно! Не предам, как трус, свою любовь я.
Смерть ваша на меня бесчестье навлечет,
Спасенье — принесет мне славу и почет.
Не умереть, а жить, уйти со мною вместе —
Вот требованье к вам моей любви и чести!

И ф и г е н и я

Ослушаться отца, чтобы остаться жить,
И навсегда позор тем самым заслужить?
Презреть дочерний долг, отцовские седины?

А х и л л

Я будущий ваш муж и господин единый.
Мне это званье дать отец ваш сам был рад,
Он у меня его не отберет назад.
И коль обязаны отцу вы послушаньем,
Считаться надо вам и с тем его желаньем,
Что было истинно родительским, а вас

Заботит не отца, а деспота приказ.
Но действовать пора. Боюсь, что промедленье...

И ф и г е н и я

Гнев ослепляет вас. Хотите принужденье
Вы применить, чтоб я пошла за вами вслед,
И тем к одной беде прибавить много бед?
Нет, нет, не растопчу святых отцовских прав я.
Погибели страшусь я меньше, чем бесславья.
Оставьте же меня одну с моей судьбой.
Настолько не смогла я властвовать собой,
Чтобы не слушать вас, хотя грешно и это.
Но отвратить меня от моего обета
Вам не удастся, нет! Я честь свою спасу,
Своей рукой себя я в жертву принесу.
Сумею не принять я помощи обидной,
Сулящей мне удел ничтожный и постыдный.

А х и л л

Ну что ж, покорствуйте решению отца,
Коль смерть вам кажется заманчивей венца.
Но о какой же вы толкуете обиде?
Так можно говорить, лишь страстно ненавидя
Того, кто сам готов на смерть для вас пойти.
Теперь уж ничего нет на моем пути,
И ярости моей ничто сдержать не может.
Спешите ж к алтарю, явлюсь туда я тоже.
Коль алчущим богам потребна кровь людей,
Еще их алтари так не купались в ней,
Как от моей руки то нынче совершится.
Но жизни вместо вас верховный жрец лишится.
Я размечу костер, и бревна поплывут
В крови, что палачи из жил своих прольют!
А если суждено средь общего смятенья
И вашему отцу пасть жертвою отмщенья,
То знайте: жизнь свою приносите вы в дар,
Чтоб на него навлечь губительный удар.

И ф и г е н и я

Послушайте меня!.. Ах, он ушел, жестокий!
Так исполняйте же свой замысел высокий,
О, боги! Пусть скорей я буду сражена,
Пусть утолю ваш гнев собою я одна!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клитемнестра, Ифигения, Эврибат, Эгина, стража.

Клитемнестра

За дочь готова я с несметной ратью биться,
А вами предана трусливо мать-царица.

Эврибат

О, государыня! Отдайте лишь приказ —
Мы в битву ринемся и все умрем за вас.
Но нам не справиться с неисчислимым войском,
Мы можем только пасть в сражении геройском.
С разрозненной толпой нетрудно воевать,
Но ослепленную и яростную рать
Не одолеть в борьбе — она жрецу подвластна,
А он безжалостен: его молить напрасно.
Бессилен перед ним сам царь. Что ж делать нам?
Как многочисленным не уступить врагам?
Ахиллу, самому отважному Ахиллу
Невмочь переломить могучую их силу.
Сразиться жаждет он за вас, но кто бы мог
Сдержать неистовый, стремительный поток?

Клитемнестра

Нет, страха не внушит мне нечестивый пыл их.
Дитя у матери никто отнять не в силах.
Вцеплюсь обеими в нее руками я,
И пальцы разомкнет мне только смерть моя.
Скорей моя душа отделится от тела,⁴¹
Чем я стерплю. . . О, дочь! Того ли я хотела?

Ифигения

Ах, матушка моя! В какой зловещий час,
Причина стольких слез, на свет я родилась!
Увы, не изменить вам наш удел постылый:
Земные против нас и неземные силы.
Ужель вы вступите с народом гневным в спор,
Когда он и отцу идет наперекор?
А если против них вы выступите даже,
То силой разлучат нас эллинские стражи.
Смиритесь же, молю! Мне легче умереть,
Чем надругательство над матерью узреть.
Да, выкуп должен быть Элладаю получен,
А вы бегите прочь! Ваш жребий злополучен,
Несчастье велико, и боль в душе остра.

Так пусть зловещий дым от моего костра
 Глазами вашими не будет созерцаем!
 Пусть с вами обе мы отца не порицаем
 За смерть мою...

К л и т е м н е с т р а

Но он Калхасу предал нас!

И ф и г е н н я

Ах, не его вина, что он меня не спас!

К л и т е м н е с т р а

Он обманул меня посулами пустыми!

И ф и г е н н я

Он лишь вернул богам дарованное ими.
 Союза вашего я — не единый плод:
 Умру я, но Орест меня переживет.
 Пусть матери он дочь заменит хоть отчасти,
 Но ей не принесет печали и несчастий,⁴²
 Как я, его сестра. Молю о том богов!
 Чу! Нарастает гул тревожных голосов...
 О, матушка! Меня еще раз обнимите!
 Готова к смерти я. Ну, Эврибат, — ведите!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клитемнестра, Эгина, стража.

К л и т е м н е с т р а

Пойду и я туда, и, как я ни слаба...
 Да что ж это? Кто я? Царица иль раба?
 Мне преграждают путь! Вам кровь пужна, злодеям?

Э г и н а

Куда стремитесь вы? Ведь мы о вас радеем.

К л и т е м н е с т р а

Ах, мне неведомо самой, что я творю.
 В пустом метании бесплодно я сгорю.
 О, сколько раз еще мне умирать до гроба?

Э г и н а

А знаете ли вы, чья предала вас злоба?
 Какую на груди пригрели вы змею,
 Из-за кого вы дочь теряете свою?

Была обласкана царевной Эрифилы.
За это ваш побег она жрецу открыла.

Клитемнестра

Исчадь адово! Мегеры гнусной дочи!
Страшней чудовища не изрыгала ночи!
И не умрет она? Наказана не будет?
Нет, смерть ее мой гнев безмерный не остудит!
О, море, поглоти несчетные суда!
Пусть войско эллинов исчезнет без следа!
О, ветры! Эллины на вашу лень роптали?
Угнав их корабли отсель в морские дали,
Обрушьте вашу мощь на весь проклятый флот.
Пусть по морским волнам одна щепка плывет!
О, солнце, видишь ты венчанного злодея?
Когда-то лить лучи на гнусный пир Атрея
Не пожелало ты и покатилося вспять,⁴³
Но сын — страшней отца: отпрянь назад опять!
О, небожители! О наша злая участь!
Дочь в жертвенном венце, тоской предсмертной мучась,
Лежит, покорная велению отца,
И ждет, когда ей грудь пронзит клинок жреца.
Быть может, он уже в ее крови ступает...
О, варвары! Калхас кровь бога проливает,
Кровь громовержца... Вот! Уже грохочет гром!..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клитемнестра, Аркас, Эгина, стража.

Аркас

Да, Зевс сейчас ведет за вас борьбу со злом.
Все то, о чем богам вы вознесли моление,
Бестрепетный Ахилл приводит в исполненье.
Прорвался к алтарю с людьми своими он,
И роковой обряд пока не совершен.
Вкруг Ифигении он выставил охрану:
Не подступиться к ней теперь жрецу-тирану.
Слышны удары, брань, мечи подняты ввысь...
В печали ваш супруг: его слова сбылись.
Чтоб схватки не видать с братьями-врагами
И слез не выдать, он закрыл лицо руками.
Коль царь безмолвствует, должна царицы речь
Там громко прозвучать. Пусть ляжет в ножны меч,
И пусть остынет гнев ахейцев разъяренных.
Ахилл, дабы из рук своих окровавленных

Дочь в руки вам отдать, желает видеть вас.
Не бойтесь ничего.

Клитемнестра

Бояться мне, Аркас?
Что устрашит меня? Пред чем я побледнею?
Куда не ринусь я за дочерью своею?
Но ах! Идет Улисс... Увы, мертва она!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Улисс, Клитемнестра, Аркас, Эгина.

Улисс

Нет, ваша дочь жива. Богам принесена
Положенная дань, а дочь возвращена вам.

Клитемнестра

Жива? Хвала богам! И о суде их правом
Приходит известить меня не кто иной,
Как сам Улисс?..

Улисс

Хотя и был поддержан мной
Супруг ваш против вас. Упорствовал я долго.
Страдая сам, я все ж был тверд из чувства долга.
Когда же гнев богов улегся, вам принести
Я первым поспешил столь радостную весть.

Клитемнестра

О, радость! Ах, Улисс! О, дочь моя родная!
О, чудо! За кого молить богов должна я?

Улисс

Я сам так потрясен и так безмерно рад,
Что после стольких бурь несу вам мир и лад.
Страшной для эллинов не помню я минуты:
Уж тягостный дурман междоусобной смуты
Им заволок глаза кровавой пеленой,
Уж пахло в воздухе раздором и войной;
Царевна, ваша дочь, от ужаса застыла,
Увидев, что весь стан готов смести Ахилла,
А сам Ахилл, ее единственный оплот,
На войско эллинов, поднявши меч, идет;
Со свистом к небесам уже взметнулись стрелы,

И заалела кровь, и небо потемнело, —
Как между нами вдруг явился жрец Калхас.
Подобен грому был его могучий глас,
Когда он возвестил, сверкая властным взором:
«Остановитесь все! Конец бесплодным спорам!
Мне знаменьем богов была объяснена
Причина гнева их и жертва назвала,
Которой суждено расстаться с жизнью брэнной:
То — Ифигения, рожденная Еленой.
Похитил некогда Тиндара дочь Тесей.
Елену он увез; и от союза с ней
Младенец родился; его от всех скрывали,
Но Ифигенией царевну ту назвали.
Уже тогда я знал, что дочь Елены ждет
Безрадостная жизнь и роковой исход.
Теперь, гонимая своей судьбою гневной,
Под именем чужим, рабыней, не царевной,
По магию небес она явилась к нам.
Вот — Ифигения, чья кровь нужна богам!»
Так говорил Калхас. Весь лагерь, потрясенный,
Следил за пленницей, Ахиллом привезенной.
Она была бледна, и только мрачный взор,
Казалось, торопил смертельный приговор.
Мгновение назад царевна Эрифилы
О вашем бегстве вслух ахейцам объявила.
Хоть многим было жаль ее коротких дней,
Но так как гнев богов был связан только с ней,
А к Трое путь один, то все ахейцы хором
Вскричали, что они согласны с приговором.
Но не сумел Калхас заклать Елены дочь.
Она вскричала: «Нет! Не приближайся! Прочь!»⁴⁴
Раз я рождением обязана герою,
Путь к сердцу для клинка я без тебя открою!».
Презренье полный взгляд успела нам метнуть
И, пож схватив, себе его вонзила в грудь.
Чуть показалась кровь и алтаря коснулась,
Над ним ударил гром, и почва содрогнулась,
И ветер загудел, как звонкая струна,
И в море поднялась высокая волна,
И пена завилась шумящими клубами,
И вспыхнуло само над жертвенником пламя,
Сверкнула молния с разверзшихся небес,
И, в довершение неслыханных чудес,
Ахейцы говорят,⁴⁵ что в облаке тумана
Спустилась к алтарю бессмертная Диана,
А с ней курений дым столбом поднялся ввысь —

Знак, что к богам мольбы ахейцев вознеслись.
Толпа рассеялась. По доброте душевной
Вадыхает ваша дочь над умершей царевной.
Все радуются: царь, народ и сам Калхас.
Ликующий Ахилл ждет с нетерпением вас.
Остались позади тревоги и страданья,
И больше нет преград для бракосочетанья.

К л и т е м н е с т р а

За верность, преданность, за благородный пыл,
Как мне вознаградить тебя, о мой Ахилл?

Ф Е Д Р А

(PHÈDRE)

Предисловие

Вот еще одна трагедия, сюжет которой заимствован у Еврипида. При том, что в развитии действия я следовал пути несколько иному, чем упомянутый автор, я позволил себе обогатить мою пьесу всем, что в его пьесе кажется мне наиболее ярким. Будь я ему обязан одной лишь общей идеей характера Федры, и то бы я мог сказать, что благодаря ему создано едва ли не самое значительное из написанного мною для театра. То, что этот характер имел столь выдающийся успех во времена Еврипида и что его столь же хорошо принимают в наше время, меня ничуть не удивляет, ибо ему присущи свойства, коих Аристотель требует от героев трагедии, дабы эти герои могли вызвать сострадание и ужас.¹

В самом деле, Федра ни вполне преступна, ни вполне невинна. Судьба и гнев богов возбудили в ней греховную страсть, которая ужасает прежде всего ее самое. Она прилагает все усилия, чтобы превозмочь эту страсть. Она предпочитает умереть, нежели открыть свою тайну. И когда она вынуждена открыться, она испытывает при этом замешательство, достаточно ясно показывающее, что ее грех есть скорее божественная кара, чем акт ее собственной воли.

Я даже позаботился о том, чтобы Федра менее вызывала неприязнь, чем в трагедиях древних авторов,² где она сама отваживается обвинить Ипполита. Я полагал, что в клевете есть нечто слишком низкое и слишком отвратительное, чтобы ее можно было вложить в уста царицы, чувства которой к тому же столь благородны и столь возвышенны. Мне казалось, что эта низость более в характере кормилицы, у которой скорее могли быть подлые наклонности³ и которая, впрочем, решилась на клевету лишь во имя спасения жизни и чести своей госпожи. Федра же оказывается замешанной в этом только по причине своего душевного смятения, в силу которого она не владеет собой. Вскоре она возвращается, чтобы оправдать невинного и объявить истину.

У Сенеки и у Еврипида Ипполит обвинен в том, что он якобы совершил насилие над мачехой: «*Vim corpus tuli*».* У меня же он обвиняется

* «Силой овладел телом» (лат.).

лишь в том, что намеревался это сделать. Я хотел избавить Тесея от заблуждения, которое могло бы уронить его в глазах зрителей.⁴

Что касается характера Ипполита, то, как я обнаружил, древние авторы упрекали Еврипида,⁵ что он изобразил своего героя неким философом, свободным от каких бы то ни было несовершенств. Поэтому смерть юного царевича вызывала скорее негодование, чем жалость. Я почел нужным наделить его хотя бы одной слабостью, которая сделала бы его отчасти виноватым перед отцом, несколько при том не умаляя величия души, с коим он падит честь Федры и, отказываясь ее обвинить, принимает незаслуженную кару. Под этой слабостью я понимаю любовь, которую он не в силах подавить, любовь к Арикии, дочери и сестре заклятых врагов его отца.

Это действующее лицо, Арикия, отнюдь не выдуманно мною. У Вергилия сказано, что Ипполит, будучи воскрешен Эскулапом, женился на ней и имел от нее сына.⁶ Я читал и у других авторов⁷ о том, что Ипполит отправился в Италию с женой, юной афиняжкой знатного происхождения по имени Арикия, и что по ее имени назван один итальянский городок.

Я ссылаюсь на источники, дабы показать, что я старался неукоснительно придерживаться мифа. Точно так же, повествуя о Тесее, я следовал за Плутархом.⁸ У него я вычитал, что событием, породившим предание, будто Тесей спустился в Аид, чтобы похитить Прозерпину, было странствие героя в Эпир, к истокам Ахерона,⁹ во владения царя, жену которого задумал похитить Пирифой;¹⁰ царь умертвил Пирифоя, а Тесея оставил у себя в плену. Так я старался сохранить историческое правдоподобие, не лишая миф украшений, столь плодотворных для поэзии. Слух же о смерти Тесея, основанный на этом сказочном путешествии, побуждает Федру открыться в своей любви, что становится затем главной причиной ее страданий и чего она, конечно, не сделала бы, если бы думала, что супруг ее жив.

Впрочем, я не буду настаивать на том, что эта пьеса в самом деле лучшая из моих трагедий. Я предоставлю читателям и времени определить ей истинную цену. Могу только утверждать, что ни в одной из моих трагедий добродетель не была выведена столь отчетливо, как в этой. Здесь малейшие ошибки караются со всей строгостью; один лишь преступный помысел ужасает столь же, сколь само преступление; слабость любящей души приравнивается к слабодушию; страсти изображаются с единственной целью показать, какое они порождают смятение, а порок рисуется красками, которые позволяют тотчас распознать и возненавидеть его уродство. Собственно, это и есть та цель, которую должен ставить перед собой каждый, кто творит для театра; цель, которую прежде всего имели в виду первые авторы поэтических трагедий. Их театр был школой, и добродетель преподавалась в нем с неменьшим успехом, чем в школах философов. Вот почему Аристотель пожелал установить правила для драматического сочинения, а Сократ, мудрейший из мыслите-

лей, не погнушался приложить руку к трагедиям Еврипида.¹¹ Следовало бы только пожелать, чтобы наши сочинения покоились на столь же твердых устоях и были столь же поучительны, как творения древних поэтов. Быть может, это послужило бы средством для того, чтобы примирить с трагедией многих прославленных своим благочестием и твердостью своих убеждений особ,¹² осуждающих трагедию в наши дни. Они, без сомнения, отнеслись бы к ней более благосклонно, если бы авторы заботились столько же о поучении своих зрителей, сколько об их развлечении, следуя в этом истинному назначению трагедии.¹³

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тесе́й, сын Эгея, царь афинский.

Федра, его жена, дочь Мίνоса¹⁴ и Пасифаи.¹⁵

Ипполи́т, сын Тесея и Антиопы, царицы амазонок.¹⁶

Арики́я, царевна из афинского царского рода.

Тераме́н, наставник Ипполита.

Энона, кормилица и наперсница Федры.

Исмeна, наперсница Арикии.

Панопа, прислужница Федры.

Стража.

Действие происходит в целопоинесском городе Трезене.¹⁷

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит, Терамен.

Ипполит

Решенье принято, мой добрый Терамен:
Покинуть должен я столь милый мне Трезен.
Могу ли примирить души моей тревогу
С постыдной праздностью? О нет, пора в дорогу!
Полгода уж прошло, как мой отец, Тесей,
Исчез и о себе не подает вестей.
Исчез! Как знать, где он? И след его потеряв.

Терамен

Царевич, где же ты искать его намерен?
Чтоб твой развеять страх, я, в поисках царя,
И вдоль и поперек избороздил моря,
Волнующиеся к закату и восходу¹⁸
От места, где стоит Коринф. Тебе в угоду
Был там, где Ахерон свой мрачный бег стремится
И пропадает вдруг, низвергнувшись в Аид;
В Элиде побывал; с волной и ветром споря,
Проник за Тенарон¹⁹ и обогнул то море,
Где смерть нашел Икар,²⁰ — Тесея нет нигде!
Где ж будешь ты искать — на суше, на воде?
Кто знает, где его скрывает мир бескрайний?
Что, если сам Тесей приют свой держит втайне?
Что, если в дни, когда мы за него дрожим,
Сей славный муж, опять любовью одержим,
Укрылся с новою подругою своею? ..

Ипполит

Молчи! Я требую почтения к Тесею!
Ты низменных причин тут не ищи. О нет,

Давно покончил он с грехами юных лет,
И Федре незачем соперниц опасаться.
Но здесь я долее не в силах оставаться.
Уйдя на поиски, свой долг исполню я
И этот край сменю на дальние края.

Т е р а м е н

Вот как! Ужель тебе земля постыла эта?
Земля, где ты провел младенческие лета!
Тот мирный уголок, который с давних пор
Ты полюбил, презрев Афины, шумный двор!
Я мнил, тебе Трезен вовеки не наскучит.
Открой, что здесь тебя пугает? Или мучит?

И п п о л и т

Дни счастья позади. Мир изменил свой лик,
Когда нежданный нас удар судьбы постиг
И воцарилась здесь, в родимом нашем крае,
Она — дочь Мinois, она — дочь Пасифаи.

Т е р а м е н

Да, злая мачеха, — лишь ты предстал пред ней, —
Добилась: из Афин тебя изгнал Тесей.
Но эта ненависть, могу ручаться смело,
Коль не прошла совсем — намного ослабела.
И чем тебе грозить могла бы Федра впредь?
Она полумертва и жаждет умереть.
Таинственный недуг, — назвать его не хочет
Царица никому, — грызет ее и точит.
Ей свет не мил. Не жди ты от нее вреда.

И п п о л и т

Мне не страшна ее напрасная вражда.
Для бегства моего причины есть другие...
Я вынужден бежать от юной Арикийи,
Последней в том роду, что враждовал с моим.²¹

Т е р а м е н

Ужели, Ипполит, ты так неумолим?
Сестрою приходится коварным Паллантидам,
Причастна ли она к давнишним тем обидам?
Возможно ль, чтобы к ней ты ненависть питал?

И п п о л и т

Ах, если б ненависть! Тогда б я не бежал.

Терамен

Осмелюсь ли понять? Ужели ты — надменный
Царевич Ипполит, один во всей вселенной
Отринувший любовь, которой твой отец
Служил столь ревностно? Ужели, наконец,
Киприде уступив, ты сердцем стал слабее
И ей в твоих глазах дал оправдать Тесея?
Ужель и ты, кто был так строг и так упрям,
Стал, как все смертные, курить ей фимиам?
Ужель ты полюбил?

Ипполит

К чему вопросы эти?

Мой верный друг! С тех пор, что я живу на свете,
Ты знал, как сердцем горд, суров был Ипполит,
И ждешь, что пред тобой я свой признаю стыд?
Сын амазонки я. И для тебя не новость,
Что с молоком всосал я гордость и суровость.
Когда ж я возмужал, то, сам себя узнав,
Одобрил я судьбой ниспосланный мне нрав.
Ты стал меня учить. О, как внимал тебе я,
Когда рассказывать ты начал жизнь Тесея!
Какой ты зажигал во мне душевный пыл,
Когда о подвигах отцовских говорил:
Как он явился в мир, чтоб замепить Геракла,²²
Напомнить, что средь нас геройство не иссякло;
Как истреблял он зло. С твоих ловил я уст
Рассказ, как смерть нашли Скирон, Синид, Прокруст,²³
Как великана он сразил близ Эпидавра²⁴
И как освободил он Крит от Минотавра.²⁵
Потом рассказывать ты начал, Терамен,
Про тьму иных побед, про множество измен:
Как в Саламине он покинул Перибею,²⁶
Как в Спарте соблазнил Елену²⁷ и как с нею
Бежал. . . Ах, сколько их — он сам бы счесть не мог —
Всех женщин, коих он к падению увлек,
Всех женщин, чья судьба была так безотрадн!
И слезы льющая на скалы Ариадн!²⁸
И Федра, из дому похищенная им! . .
Но тут я не хотел внимать речам твоим:
С прекрасным не хотел я смешивать дурное,
Позорные дела — с деяньями героя.
А вдруг и мне судьба такая же грозит?
Вдруг небо для меня готовит тот же стыд?
И моему стыду не будет оправданий:

Геройских, как отец, я не свершил деяний.
 Чудовищ не смирял десницей я своей, —
 Могу ли я грешить так, как грешил Тесея?
 А если б я отверг сомнения такие, —
 Не мог бы все равно мечтать об Арикии.
 Когда б в моей душе страсть подняла мятеж,
 Она бы встретила незыблемый рубеж:
 Запрет Тесея. Он, царевну замуж выдав,
 Всегда бы видел в ней мать новых Паллантидов.
 Дабы зловредный ствол побегов дать не мог,
 Сестру своих врагов на девство он обрек.
 До гроба жить должна она в доме Тесея,
 И не зажжет никто ей факел Гименея.
 Могу ли преступить отцовский я запрет
 И стать ослушником? Могу ли с юных лет
 Я на себя взвалить любовной страсти бремя?

Т е р а м е н

Царевич! Если уж твое настало время,
 Не надо умствовать. Родитель твой хотел
 Так сделать, чтобы ты ослеп, а ты — прозрел.
 Отец тебе любить не разрешил, но странно —
 От этого вдвойне любимая желанна.
 Нет, целомудренной не бойся ты любви.
 Ты хочешь гнать ее? Нет, ты ее зови!
 Любовь равняешь ты со слабостью, не так ли?
 Стыдишься ты ее? Но вспомни о Геракле.
 Все, кто на свет рожден, — все Афродиту чтут.
 Ты, взявший на себя неблагодарный труд
 Сопротивляться ей, — что бы с тобою было,
 Когда бы твоя мать отца не полюбила?
 Довольно громких слов, нам ни к чему они.
 Все изменяется. Ты — тоже. В эти дни
 Оставил, Ипполит, ты прежний свой обычай:
 Давно не мчался ты, блистательный возничий,
 На колеснице вдаль, суровый вид храня,
 Давно не объезжал строптивного коня,
 Давно не оглашал ты лес своей охотой.
 Твой взор потух. Какой ты удручен заботой?
 Сомнений нет: любовь! Ее тут волшебство.
 Скрывая свой недуг, ты гибнешь от него.
 Так — Арикия? В ней одна твоя отрада?

И п п о л и т

На поиски отца отправиться мне надо.

Т е р а м е н

Но прежде, чем уйти неведомо куда,
Не свидишься ли ты, царевич, с Федрой?

И п п о л и т

Да.

С ней нужно свидеться. Готов без промедленья.
Но вот Энона. О! В каком она смятенье!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И п п о л и т, Т е р а м е н, Э н о н а.

Э н о н а

О, горе! Близится ее последний час.
К цариче смерть идет. Я не смыкаю глаз,
Забочусь лишь о ней, стараний не жалея, —
Напрасно все. Она день ото дня слабее.
Упорно от меня скрывает, чем больна.
Таинственный недуг ее лишает сна,
Ей помрачая ум и душу ей тревожа.
Вот и сейчас — тоска ее сорвала с ложа:
Свет солнца нужен ей. И мне мой долг велит
Просить вас...

И п п о л и т

Ухожу. Противен ей мой вид.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ ²⁹

Ф е д р а, Э н о н а.

Ф е д р а

Я здесь остановлюсь, Энона, на пороге,
Я обессиленна. Меня не держат ноги.
И света яркого не вынести глазам.
Увы!..

Э н о н а

Бессмертные! Ужель к людским слезам
Вы равнодушны? Нет в вас жалости нимало?

Ф е д р а

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом

И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?
Здесь заговор! Меня решили извести!

Энона
(в сторону)

Мутится ум ее.

(Федре.)

Но, госпожа, прости,
Себя велела ты одеть и — через силу —
Пошла отдать привет небесному светилу.
Вот солнце! Вспомни же — стремилась ты к нему.
А увидав его, вновь прядешься во тьму?

Федра

О лучезарное, державное светило,
Чьей дочерью себя надменно объявила
Мать Федры! ³⁰ За меня краснеешь ты сейчас?
Увы, я на тебя гляжу в последний раз.

Энона

Как! Не оставила ты устремленья злого?
От жизни отворотись, все снова ты и снова
Пророчествуешь мне о гибели своей?

Федра

О, быть бы там, в лесу, следя из-за ветвей,
Как по ристалищу несется колесница,
Вздыхая легкий прах..

Энона

Что? Ты о чем, царица?

Федра

Безумная! О чем я говорю? Где я?
Где разум мой? Куда умчалась мысль моя?
Зачем, бессмертные, вы к Федре так жестоки?
Смотри, Энона, — стыд мой румянит щеки:
Тебе открылся мой мучительный позор,
И слезы целепой мне застилают взор.

Энона

Уж если от стыда краснеешь ты, царица, —
Лишь скрытности своей могла бы ты стыдиться.
Напрасны наши все заботы, все мольбы:
Отвергнув их, ты ждешь конца своей судьбы.

Но что тебе грозит? Хотела бы понять я,
 Что сушит жизнь твою? Отрава? Иль заклятье?
 Уж трижды небосвод во мгле вечерней гас,
 Но сон не освежал твоих усталых глаз;
 Уж трижды видел мир дня нового начало,
 Но с непреклонностью ты пищу отвергала.
 Ты жизни собственной прервать решила нить?
 Богов-зихдителей ты хочешь оскорбить?
 Предательски обет нарушить хочешь брачный?
 Подумай наконец о будущности мрачной
 Твоих детей. Кому доверишь ты сирот?
 Тому, кто случая давно такого ждет,
 Чтобы отнять права у твоего ребенка,
 Тому, кого тебе на горе Амазонка
 На свет произвела! И твой заклятый враг,
 Надменный Ипполит. . .

Федра

О боги!

Энона

Ах, вот как!

Задела я тебя упреками своими?

Федра

Несчастливая! Ты чье назвать посмела имя?

Энона

Я вижу, госпожа прогневалась? Ну что ж,
 Пусть имя недруга тебя бросает в дрожь.
 Быть может, этот гнев вернет царицу к жизни.
 Живи! Ты жить должна, чтоб трон в своей отчизне
 Наследовал твой сын. Ты жить должна! Живи
 Во славу прав своих, и долга, и любви!
 Живи, чтоб скифское отродье³¹ без пощады
 Не растоптало цвет и гордость всей Эллады!
 Но дорог каждый миг. Надеждой вдохновись!
 И тлеющий костер огнем взметнется ввысь!

Федра

Нет, жизнь греховная и так уж слишком длится.

Энона

Как! Угрызения томят тебя, царица?
 Какая же, скажи, гнетет тебя вина?
 Нет на твоих руках кровавого пятна.

Федра

Я преступлением не запятнала руки.
Но сердце... сердце... В нем причина этой муки!..

Энона

Какой же замысел вынашиваешь ты,
Что сердцу мочи нет от смертной маеты?

Федра

И так я многое сказала — через силу.
Я умереть должна, чтоб тайну взять в могилу.

Энона

Ну что же, умирай, молчание храня.
Но правду ты должна услышать от меня:
Тебе своей рукой глаза я не закрою.
Опередив тебя, поспешною стопою
Сойду я в мир теней, — ведь там не заперт вход,
И скорбь моя туда кратчайший путь найдет.
Иль ты боишься мне довериться? Ужели?
Подумай: я тебя качала в колыбели,
Отчизну кинула из-за тебя, детей —
И сомневаешься ты в верности моей?

Федра

Признание у меня ты вымогаешь страстно,
Но тайной овладеть страшись: она ужасна!

Энона

Пусть! Самый для меня невыносимый страх,
Что можешь умереть ты на моих глазах.

Федра

И даже уступив расспросам столь упорным,
Я все равно умру — умру с пятном позорным.

Энона

Как умолить тебя? Скажи мне, госпожа!
Ослепшая от слез, от ужаса дрожа,
Целую я твои ослабшие колени.
Избавь рассудок мой от тяжких подозрений!

Федра

Встань!

Энона

Не страшись! Ведь мы с тобой наедине.

Федра

Что ей скажу? С чего начну?

Энона

Доверься мне!

Федра

О, рок! О, ненависть жестокой Афродиты!..
Вовеки на земле не будут позабыты
Безумства, к коим страсть мою толкнула мать.

Энона

Царица, замолчи! Не будем вспоминать.

Федра

Обманута своей любовью безоглядной
Была моя сестра. Что случилось с Ариадной?..

Энона

О госпожа! Зачем ведешь ты скорбный счет?
Зачем ты принялась порочить весь твой род?

Федра

Несчастный этот род богиней проклят гневной.³²
Последняя в роду, судьбой своей плачевной
Всем показать должна я Афродиты власть.

Энона

Ты любишь?

Федра

Лютая меня терзает страсть!

Энона

К кому?

Федра

Узнаешь все. Дрожа и негодуя,
Услышишь ты... Люблю... Не вымолвить... Люблю я...

Энона

Кто он?

Федра

Он — тот, чей был так нестерпим мне вид, —
Сын Амазонки. . .

Энопа

Как!.. О боги! Ипполит?

Федра

Ты имя назвала.

Энопа

Ужель! О, стыд! О, горе!
О, род, погрязнувший в злосчастье и позоре!
Зачем, зачем мы здесь? Не надо было нам
И близко подплывать к зловещим берегам!

Федра

Давно уже больна ужасным я недугом.
Давно. . . Едва лишь стал Тесей моим супругом
И жизнь открылась мне, исполненная благ,
В Афинах предо мной предстал мой гордый враг.
Я, глядя на него, краснела и бледнела,
То пламень, то озноб мое терзали тело,
Покинули меня и зрение и слух,
В смятенье тягостном затрепетал мой дух.
Узнала тотчас я зловещий жар, разлитый
В моей крови, — огонь всевластной Афродиты.
Умилостивить я пыталась божество:
Я ей воздвигла храм, украсила его;
Куря ей фимиам, свершая жертв закланья,
Я мнила, что она смягчит мои страданья.
Но тщетно было все — и фимиам, и кровь:
Неисцелимая пришла ко мне любовь!
Я, вознося мольбы богине Афродите,
Была погружена в мечты об Ипполите.
И не ее — о нет! — его боготворя,
Несла свои дары к подножью алтаря.
Я стала избегать его. Но все едино:
В чертах отца — увя! — я находила сына!
Тогда решилась я восстать против себя,
И, страсть преступную насильственно губя,
Любимого врага преследовать я стала.
Роль злобной мачехи искусно разыграла:
Упреки, жалобы — им не было конца,
И вынужден был сын покинуть дом отца.

Уехал он, — и тут настало облегченье:
 Дни мирно потекли, ушло мое смятенье.
 От мужа утаив, что наш несчастлив брак,
 Усердно я блюла супружеский очаг,
 Воспитывала я детей своих прилежно. . .
 О, рок безжалостный! . . . Борьба с ним безнадежна!
 В Трезен, куда была мной сослана любовь,
 Привез меня мой муж. Открылась рана вновь.
 В крови пылал не жар, но пламень ядовитый, —
 Вся ярость впившейся в добычу Афродиты.
 Какой преступницей, каким исчадьем зла
 Я стала для себя самой! Я прокляла
 И страсть, и жизнь свою. Я знала: лишь могила
 Скрыть может мой позор; я умереть решила.
 Вняв просьбам и слезам твоим, тебе во всем
 Призналась я теперь. И я не каюсь в том.
 Но зная, что на смерть осуждена я роком,
 Ты не тревожь меня ни стоном, ни упреком.
 Не отговаривай, не вздумай помешать
 И гаснущий костер не тщишь раздуть опять.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федра, Энопа, Панопа.

Панопа

О госпожа, прости! Мне довелось явиться
 С известьем горестным к тебе. Узнай, царица,
 Что смертью взят наш царь и твой супруг, Тесей.
 Об этом ведомо уже Элладе всей.

Энопа

Как! Что ты говоришь, Панопа?

Панопа

Я сказала, —
 Пусть госпожа не ждет царя. Его не стало.
 Вошедшие сейчас к нам в гавань корабли
 Царевичу ту весть с собою привезли.

Федра

О, небо!

Панопа

И теперь в волнении Афины.
 О будущем царе сужденья не едины:

Те сына твоего хотят на трон возвесть,
 Иные, госпожа, забыв закон и честь,
 За сына пленницы стоят, за Ипполита.
 Есть даже дерзкие, что говорят открыто, —
 Пусть к власти будет род Палланта возвращен;
 И требуют они для Арикии трон.
 Мой долг был рассказать про эти все события.
 Назначил Ипполит час своего отплытья.
 Явившись в пору смут, быть может, увлечет
 Царевич за собой изменчивый народ?

Энона

Довольно. Ничего не надобно страшиться:
 Предупреждениям твоим вяла царица.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра, Энона.

Энона

Уже отчаявшись тебя отговорить,
 Я жизни собственной прервать хотела нить.
 Но изменилось все от новой злой напасти:
 Царь умер, — на тебя ложится бремя власти.
 Твой сын! Ты утвердить должна его права!
 Он — раб, коль ты мертва, он — царь, коль ты жива.
 Над ним нависшие кто отведет угрозы?
 Поддержит кто? И кто ему осушит слезы?
 Он будет звать тебя, но тщетным будет зов, —
 И на тебя падет проклятие богов. . .
 Живи! И прочь гони былые угрызенья:
 Ведь страсть твоя теперь — лишь страсть, не преступленья.
 Смерть мужа твоего ту разорвала связь,
 Из-за которой ты, себя самой стыдясь,
 Хотела умереть. Разрушена преграда,
 Тебе с царевичем встреч избегать не надо.
 Боясь твоей вражды, быть может, госпожа,
 Он стал бы в эти дни главою мятежа.
 Ты разуверь его и путь закрой к измене.
 Пусть он останется властителем в Трезене,
 Но ведомо ему, что лишь твой старший сын
 По праву может стать властителем Афин.³³
 От общих недругов оплот мы с ним построим:
 Ведь Арикия — враг, опасный вам обоим.

Федра

Ну что ж, послушаюсь тебя. Останусь жить,
Коль к жизни плоть мою не поздно возвратить.
Пусть мысль, что сыну я нужна, вернет мне силы
И ответит меня от рубежа могилы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арикья, Исмена.

Арикья

Что говоришь ты мне? Что хочет Ипполит
Со мной увидеться? Проститься он спешит?
Ошиблась, верно, ты. Не может быть, Исмена!

Исмена

Поверь, царевна. В нем свершилась перемена,
Когда услышал он о гибели отца.
Тесея нет, — и ты влечешь к себе сердца.
Не Арикья ль здесь законная царица?
Знай, скоро вся к тебе Эллада устремится!

Арикья

Так это, стало быть, не ложь, не звук пустой?
Я больше не раба, и сгинул недруг мой?

Исмена

За братьев за твоих отмстили олимпийцы,
И ныне тени жертв встречают тень убийцы.

Арикья

Не слышала ли, как свои он кончил дни?

Исмена

Есть слухи разные. Так, говорят одни,
Что, где-то новую найдя себе подругу,
Бежал он с ней и что неверному супругу
Могилой стало дно морское. Слух другой —
Что будто бы вдвоем Тесей и Пирифой,
Дабы увидеть то, что от живых сокрыто,
Проникли в мир теней, на берега Коцита,

Вернуться ж не смогли опять на белый свет:
Кто раз туда сошел, тому возврата нет.

А р и к и я

Ужели на земле есть человек, способный
До смерти, заживо, проникнуть в мир загробный?
И чем Тесея мог тот страшный мир привлечь?

И с м е н а

Царевна, мертв Тесей, — сейчас об этом речь.
Вся знать афинская известием убита.
Трезен уже избрал на царство Ипполита,
А Федра от своих испуганных друзей
Советов мудрых ждет: ей страшно за детей.

А р и к и я

Не думаешь ли ты, что повелитель новый
Добрее, чем Тесей? Что он мои оковы
Захочет облегчить?

И с м е н а

Конечно, облегчит.

А р и к и я

Ты знаешь ли, каков бездушный Ипполит?
Откуда у тебя взялась мечта пустая,
Что он, весь женский пол надменно презирая,
Окажет милость мне? Ты видела не раз,
Как уходил он прочь, едва заметив нас.

И с м е н а

Что он суров и горд, я знала по рассказам.
Вот почему за ним слежу я зорким глазом
И утверждать берусь, что не совсем права
О неприступности царевича молва.
Впервые увидав его с тобою рядом,
Я вмиг заметила, как под твоим он взглядом
Смутился, и скажу ему я не в укор,
Что не суровым был в тебя вперенный взор.
Да не обидится царевич непреклонный:
Хоть о любви молчал, глядел он, как влюбленный.

А р и к и я

Пусть оснований нет таким словам твоим,
Я жадно, сердцем всем, прислушиваюсь к ним.
Воображала ль ты, меня так долго згая,

Что скорбная душа, душа моя больная,
Которую избрал своей игрушкой рок,
Не избежит любви и всех ее тревог?
Меня, последнюю в роду, что вел начало
От матери-земли,³⁴ — меня лишь не пожрала
Кровавая война: погибли в ней мои
Шесть братьев-юношей,³⁵ цвет царственной семьи.
Коса скосила всех. С великой скорбью Гея
В себя впитала кровь потомков Эрехтея.
Строжайший объявил указ Тесей, наш враг, —
Чтоб не мечтал никто вступить со мною в брак:
Роди я сыновей, дрожал бы он от страха,
Что наш мятежный род воспрянет вновь из праха.
Ты знаешь, встретила с презреньем я каким
Указ, объявленный гонителем моим:
Я, незнакомая тогда еще с любовью,
Обрадовалась лишь Тесееву условию,
Почтя, что чистоту оно мне сохранит.
И вот передо мной явился Ипполит.
Нет, не сверкающей пленилась я приманкой,
Не красотой его, не царственной осанкой, —
Природы щедрыми дарами наделен,
Тех преимуществ сам в себе не ценит он, —
Меня душевное пленило благородство.
С прославленным отцом храня в высоком сходство,
Не унаследовал он низких черт отца.
Тем больше этого люблю я гордеца,
Что он не знал любви. Я б не могла, как Федра,
Тесеем чваниться, — любимым, что так щедро
Свою привязанность всем встречным раздает.
Войти в то сердце, где для всех не заперт вход!
Завидной не могу почесть такую долю.
Вот если бы согнуть негнущуюся волю!
Неуязвимый дух пронзить стрелой скорбей!
Навек сковать того, что не знавал цепей! ..
Победа над каким героем знаменитым
Сравнится с торжеством любви над Ипполитом?
И чем труднее путь к такому торжеству,
Тем мне ценней оно. В мечтах о нем живу!
Имена, милая! Увы, моя отвага,
Я знаю и сама, не принесет мне блага, —
Для торжества над ним моих не хватит сил.
От гордости его, которой он мне мил,
Замучусь я. Увы! Моя судьба плачевна.
Ведь так?

Исмена

А вот он сам идет к тебе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арикия, Исмена, Ипполит.

Ипполит

Царевна!

Перед отплытием явился я к тебе, —
 О будущей твоей уведомить судьбе.
 Отец мой мертв. В душе об этом знал давно я:
 Исчезновению бесстрашного героя,
 Что подвигами всю потряс земную твердь,
 Могла причина быть единственная — смерть.
 Собрату, спутнику, преемнику Алкида³⁶
 Пришлось, покинув мир, сойти во мрак Аида.
 Должна признать за ним все эти имена
 И ты, хотя была при нем угнетена.
 Сильна моя печаль, ей не пройти вовеки.
 Одно отрадно: ты свободна от опеки.
 Я отменил указ. Будь полной госпожой
 Над сердцем ты своим и над самой собой.
 В Трезене, где на власть я все права имею,
 Где предку своему наследую, Питфёю,
 Где избран я в цари и где мне все — друзья,
 Свободной будешь ты — свободнее, чем я.

Арикия

О государы! Боюсь, что к пленнице опальной
 Ты слишком милосерд. Ты жребий мой печальный
 Так изменить спешишь, что мне милее плен,
 Чем ожидание грядущих перемен.

Ипполит

Афинам нужен царь. Кипят умы в столице.
 Кто ж назван ими? Ты, я сам и сын царицы.

Арикия

Я?

Ипполит

Ведомо тебе, что древний есть закон,
 По коему, раз я не эллинкой рожден,
 Мне возбраняется владеть афинским троном?
 Будь мне соперником лишь брат мой, — я б законом

Мог пренебречь, его забвению предав
 Во имя истинных моих, всем ясных прав.
 Однако твоему я уступаю праву:
 Я должен передать афинскую державу
 Тебе, наследнице династии былой,
 Тебе, чей предок был рожден самой землей.
 Мой дед, Эгей, царю был лишь приемным сыном.³⁷
 Тесей принес почет, могущество Афинам,
 За что его царем провозгласил народ.
 Отвергнут и забыт был твой злосчастный род.
 Теперь там ждут тебя. Владей своей державой!
 Афины распрею утомлены кровавой,
 Да и сама земля устала вновь и вновь
 Пить собственных детей дымящуюся кровь.
 Трезен останется под властью Ипполита,
 Сын Федры — в будущем он повелитель Крита,³⁸
 Но Аттика — твоя. Туда я должен плыть,
 Дабы все помыслы к тебе лишь обратить.

А р и к и я

Я так поражена, что не найду ответа.
 Уж не во сне ли мне пригрезилось все это?
 Сплю? Бодрствую? Понять не в силах ничего.
 Скажи мне, государь, какое божество
 Твой замысел тебе внушило? Ведь по праву
 Стяжал ты громкую себе повсюду славу.
 И трон — мне отдаешь? Как рада б я была
 Знать лишь о том, что ты не замыслиаешь зла,
 Что не намерен ты безжалостно и гневно
 Меня преследовать. . .

И п п о л и т

Преследовать, царевна?
 Зло причинить тебе? Иль, чудеса творя,
 Ты не смягчила бы и сердце дикаря?
 Сколь ни хулит молва мое высокомерье, —
 Я женщиной рожден, не чудище, не зверь я.
 О, я противился, но красота твоя. . .

А р и к и я

Как, государь? . .

И п п о л и т

Себя невольно выдал я.
 Увы, рассудок мой был побежден порывом.
 Но, с ожиданием покончив терпеливым,

Со строгих уст сорвав безмолвия печать
 И сердце обнажив, я должен продолжать.
 Перед тобой — гордец, наказанный примерно.
 Я, тот, кто отклонял любовь высокомерно,
 Не признавал ее началом всех начал,
 Я, кто ее рабов надменно презирал,
 Кто с жалостью глядел на тонущие души
 В час бури, думая, что сам стоит на суше, —
 Был сломлен, подчинен всеобщей был судьбе.
 В смятенье изменил я самому себе.
 Час пробил — и мой дух, свободный и суровый,
 Смирился и надел любовные оковы.
 О, сколько в прошлом мук и сколько впереди!
 Полгода как живу я со стрелой в груди,
 Напрасно от нее избавиться мечтаю.
 Ты здесь — бегу я прочь; коль нет — ищу тебя я.
 Куда б я ни пошел, ты следуешь за мной:
 Твой образ в заросли мне видится лесной;
 Меня при свете дня, меня во мраке ночи
 Запретная мечта терзает все жесточе. . .
 Стараюсь избегать я сердца госпожу,
 И что же — сам себя в себе не нахожу:
 Душа завятыми былыми тяготится, —
 Забыты скакуны, забыта колесница,
 Не мчусь за зверем я с копьём наперевес,
 И только вздохами я оглашаю лес. . .
 Я напугал тебя признаньем неумелым?
 Иль ты пристыжена тобой свершенным делом?
 Поймала ты в свою пленительную сеть
 Добычу странную. Есть от чего краснеть.
 Да, страсть моя дика, слова просты. Что нужды!
 Ты вспомни, что язык любви — язык мне чуждый.
 Не смейся надо мной. Моя бессвязна речь,
 Но знай, — лишь ты могла любовь во мне зажечь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аркия, Исмена, Ипполит, Терамен.

Терамен

Царевич, следует сюда за мной царица.
 Ей нужен ты.

Ипполит

Я?

Т е р а м е н

Что в ее уме таится,
Не знаю. Про отъезд прослышав близкий твой,
Желает перед тем поговорить с тобой.

И п п о л и т

Что Федре я скажу? К чему ее мне видеть?

Т е р а м е н

Отказом можешь ли сейчас ее обидеть?
Пусть много претерпел ты от ее вражды,
Но кашлю жалости яви к ней в час беды.

И п п о л и т

(Аркии)

Перед отплытием с тобой не жду я встречи.
Какой мне дашь ответ на пламенные речи?
Захочешь ли принять дар сердца и души?

А р и к и я

Плыви, мой господин. Что обещал — сверши:
Признать владычество мое склони Афины.
Отвергнуть этот дар нет у меня причины.
Но знай, вновь возводя меня на трон отцов:
Трон — не щедрейший дар из всех твоих даров.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ипполит, Терамен.

И п п о л и т

Все ли готово, друг? Сейчас придет царица.
Ступай же на корабль, вели поторопиться.
Распоряжения отдай и приходи, —
От этой тяготы меня освободи.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра, Ипполит, Энона.

Федра

(Эноне)

Вот он! . . . Вся кровь на миг остановилась в жилах —
И к сердцу хлынула. . . И вспомнить я не в силах
Ни слова из того, что нужно мне сказать.

Энона

Но ты должна спасти свое дитя, — ты мать!

Федра

(Ипполиту)

Ты покидаешь нас? Не сетуй на доuku,
 Но я к твоим скорбям свою прибавлю муку:
 За сына я боюсь! Лишился он отца.
 Увы, недолго ждать и моего конца.
 Вокруг него — врагов завистливая свора,
 И только ты ему защита и опора.
 Но мысль ужасная мой угнетает дух:
 Что к жалобам его останешься ты глух,
 Что, ненавидя мать, — а есть тому причина, —
 Свой справедливый гнев обрушишь ты на сына.

Ипполит

Так низко поступить, царица, я б не мог.

Федра

О, ненависть тебе не ставлю я в упрек:
 Ты от меня терпел обиды и гоненья.
 Но сердца моего ты знал ли побужденья?
 С тобою рядом жить была не в силах я,
 И ты отправлен был в далекие края;
 Я говорила всем и тайно, и открыто:
 Пусть отделят моря меня от Ипполита.
 На самом имени твоём лежал запрет —
 И все из-за меня. Изведав столько бед,
 Отмщенье мог бы ты с обидой соразмерить
 И злом воздать за зло. Но можешь мне поверить,
 Что, пораженная несчастьем, я скорей
 Достойна жалости, а не вражды твоей.

Ипполит

Я знаю: матери живут всегда в тревоге
 За собственных детей; и если на дороге
 У сына — пасынок, то мачехе он враг.
 Как правило, чреват сомненьем новый брак.
 Другая женщина была б на этом месте, —
 Как знать, не больше б я терпел от женской мести?

Федра

По милости небес всеобщий сей закон
Не властен надо мной. Увы, мой дух смущен
Другой тревогою. И от нее не скрыться...

Ипполит

Ты раньше времени тревожишься, царица.
Быть может, твой супруг, по счастью, жив и здоров,
И боги нам его, молениям нашим вняв,
Вернут? Достаточно у Посейдона власти —
Любимца своего спасет он от напасти.

Федра

Двукратно не войти в обитель мертвецов.
Коль там Тесей — не жди пощады от богов.
Ты думаешь, Аид нарушит свой обычай
И алчный Ахерон расстанется с добычей?
Но что я говорю! Тесей не умер! Он —
Со мною рядом... Здесь!.. В тебе он воплощен...
Его я вижу, с ним я говорю... Мне больно!
Свое безумие я выдала невольно.

Ипполит

Поистине, любовь есть чудо из чудес!
Тесея видишь ты, тогда как он исчез.
Как любишь ты!

Федра

Ты прав! Я, страстью пламенея,
Томясь тоской, стремлюсь в объятия Тесея.
Но Федрою любим не нынешний Тесей,
Усталый ветреник, раб собственных страстей,
Спустившийся в Аид, чтоб осквернить там ложе
Подземного царя! Нет, мой Тесей моложе!
Немного нелюдим, он полон чистоты,
Он горд, прекрасен, смел... как юный бог!.. Как ты!
Таким приплыл на Крит Тесей, герой Эллады:
Румянец девственный, осанка, речи, взгляды, —
Всем на тебя похож. И дочери царя
Героя встретили, любовь ему даря.
Но где был ты? Зачем не взял он Ипполита,
Когда на корабле плыл к побережью Крита?
Ты слишком юным был тогда — и оттого
Не мог войти в число соратников его.
А ведь тогда бы ты покончил с Минотавром
И был за подвиг свой венчан победным лавром!

Моя сестра тебе дала бы свой клубок,
 Чтоб в Лабиринте ты запутаться не мог...
 Но нет! Тогда бы я ее опередила!
 Любовь бы сразу же мне эту мысль внушила,
 И я сама, чтоб жизнь героя сохранить,
 Вручила бы тебе спасительную нить!..
 Нет, что я! Головой твоею благородной
 Безмерно дорожа, я нити путеводной
 Не стала б доверять. Пошла бы я с тобой,
 Чтобы твоя судьба моей была судьбой!
 Сказала б я тебе: «За мной, любимый, следуй,
 Чтоб умереть вдвоем или прийти с победой!»

И п о л и т

Опомнись! У тебя душа помрачена:
 Ведь я Тесею — сын, а ты ему — жена!

Ф е д р а

Опомниться? Ты мнишь — мне память изменила?
 Свое достоинство я разве уронила?

И п о л и т

Тебя не понял я. Меня терзает стыд.
 Но верю, что вину царица мне простит,
 Хоть я и заслужил суровые упреки.
 Я ухожу...

Ф е д р а

О нет! Все понял ты, жестокий!
 Что ж, если хочешь ты, чтоб скорбь свою и боль
 Я излила до дна перед тобой, — изволь.
 Да, я тебя люблю. Но ты считать не вправе,
 Что я сама влеклась к пленительной отраве,
 Что безрассудную оправдываю страсть.
 Нет, над собой, увы, утратила я власть.
 Я, жертва жалкая небесного отмщенья,
 Тебя — гневлю, себе — внушаю отвращенье.
 То боги!.. Послана богами мне любовь!..
 Мой одурманен мозг, воспламенилась кровь...
 Но тщетно к небесам я постираю руки,
 Ваирают холодно они на эти муки.
 Чтоб не встречать тебя, был способ лишь один,
 И я тебя тогда изгнала из Афин.
 Ждала я, что в тебе укоренится злоба
 К твоей обидчице — и мы спасемся оба.
 Да, ненависть твоя росла, но вместе с ней

Росла моя любовь. К тебе еще сильнее
Влекли меня твои безвинные мученья;
Меня сушила страсть, томили сновиденья.
Взгляни — и ты поймешь, что мой правдив рассказ.
Но нет, ты на меня поднять не хочешь глаз.
Кто б из живых существ мой жребий счел завидным?
Не думай, что с моим признанием постыдным
Я шла сюда к тебе. О нет, просить я шла
За сына, чтоб ему не причинял ты зла.
А говорю с тобой лишь о тебе. . . О, горе!
Тобой я вся полна, и с сердцем ум в раздоре.
Что ж, покарай меня за мой преступный пыл.
Немало твой отец чудовищ истребил;
И ты с лица земли сурово и жестоко
Сотри чудовище, исчадие порока,
Тесееву вдову, томимую — о, стыд! —
Любовью к пасынку! О, пусть твой меч пронзит
Ей сердце грешное, что жаждет искупленья
И рвется из груди к мечу, орудью мщенья!
Рази! . . Иль облегчить моих не хочешь мук?
Иль кровью мерзкою не хочешь пачкать рук?
Что ж, если твоего удара я не стою,
И не согласен ты покончить сам со мною, —
Дай меч свой! . .

Энона

Госпожа! Что делаешь? Постой! . .
Сюда идут. Ужель позор откроешь свой
Ты при свидетелях? Бежим! Бежим скорее! . .

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ипполит, Терамен.

Терамен

Кто это так спешит уйти? Вдова Тесея!
И, ей сопутствуя, верней, ее влача,
Энона? Что с тобой? Как бледен! Без меча!

Ипполит

Бежим, мой Терамен! Ужасное открытье!
Я страшен сам себе. Как мог предположить я,
Что Федра. . . Но мой долг — забыть. . . О боги! . . Нет, —
Пусть тайна мрачная не выползет на свет.

Т е р а м е н

Коль хочешь плыть, — корабль готов надуть ветрила.
 Но знай, что выбор свой столица объявила:
 Старейшины Афин согласны все в одном, —
 Что должен в Аттике сын Федры стать царем.

И п п о л и т

Сын Федры?

Т е р а м е н

Посланный явился из столицы,
 Дабы державные бразды вручить царице.

И п п о л и т

О боги! Ведомо вам все. Так что ж, она
 За добродетели свои награждена?

Т е р а м е н

Меж тем неясный слух опять блуждает в мире:
 Что будто жив Тесей, что будто он в Эпире.
 Но я его искал. Пустая это речь.

И п п о л и т

И все ж мы слухами не смеем пренебречь.
 До их источника, коль будет то возможно,
 Добраться мы должны. Когда ж известье ложно,
 То в путь, дабы мое усердье помогло
 Короной увенчать достойное чело!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федра, Энона.

Федра

Зачем мне почести? Тщеславию чужда я.
 Зачем, опять о них твердя, надоедая,
 Неволишь ты меня? Хочу я одного:
 Не говорить ни с кем, не видеть никого.
 От слов, мной сказанных, я корчусь, как от боли.
 Мой ужас выпущен наружу. Он на воле!
 А как, как слушал он, жестокий Ипполит!
 Как ускользнуть хотел! Как долго делал вид,
 Что не понять ему. . . Понять же удостоив,
 Как густо покраснел, мой этим стыд удвоив!

Зачем к небытию ты мне закрыла путь?
Когда себе вонзить хотела меч я в грудь,
Он разве побледнел? Он вырвал ли оружие
Из рук моих? Бровей бесстрастных полукружья
Не дрогнули. И меч назад он взять не смог:
Моим касанием был осквернен клинок.

Энона

Ты упиваешься тоской, тебя гнетущей,
Не гасишь ты огонь, но раздуваешь пуще.
Но вспомни, что в тебе кровь Мίνоса течет.
Ты обретишь покой среди иных забот.
Неблагодарный! Пусть он прочь бежит бесславно.
Ты царствуй! Управляй страной самодержавно.

Федра

Увы! Мне — царствовать? Мне — управлять страной?
Когда мой слабый ум не управляет мной!
Когда над чувствами своими я не властна!
Когда едва дышу! Когда желаю страстно
Лишь смерти!

Энона

Уезжай!

Федра

Нет сил расстаться с ним.

Энона

Однажды изгнан был указом он твоим.

Федра

То время позади. Оно не возвратится.
Стыдливой гордости перейдена граница:
Уже про свой позор сказала я ему,
Надежды слабый луч уже прорезал тьму.
Когда уж был готов мой дух расстаться с телом,
Ты — льстивой хитростью, ты — настоящим смелым,
Во мне желанье жить ты пробудила вновь,
Взманила ты меня надеждой на любовь.

Энона

Несчастиям твоим я иль не я виною, —
Мне только бы тебя спасти, любой ценою.
Но как беспамятны влюбленные сердца!
Ужель забыла ты презренье гордеца?

И взгляд, где не было сочувствия ни тени,
Хоть ты пред ним едва не пала на колени?
Все эти мелочи забыты, прощены?
Когда б ты поглядеть могла со стороны! . .

Ф е д р а

Ты за бесчувственность судить его не вправе:
Он переменится. Воспитанный в дубраве,
Он дик, как дикий лес. Кто говорил в глуши
Ему о нежности? Касался струн души?
Быть может, Ипполит молчал от удивленья?
Ведь слышал в первый раз он страстные моления. .

Э н о н а

По матери он — скиф; дикарство тут в крови.

Ф е д р а

Пусть скифянкой рожден, он все же — плод любви!

Э н о н а

Отверг он женский пол, не хочет с ним и знаться.

Ф е д р а

Ну что ж, не нужно мне соперниц опасаться.
Молчи! Не отвратишь любовную напасть:
Мой ум безмолвствует, повелевает — страсть.
В неуязвимую для стрел любви твердыню
Поискем путь иной. . . Задеть его гордыню?
Да! . . Нет сомнения, что он честолюбив.
Намерений своих ни от кого не скрыв,
Он снарядил ладьи и плыть готов к Афинам.
Что ж, коль я захочу, — он станет властелином.
Ступай, — сверканием державного венца
Прельсти и зачаруй младого гордеца.
Пусть на его челе красуется корона.
А мне не почести, мне нужен он, Энона!
Ненужную мне власть я передам ему.
Заменил пусть отца он сыну моему,
Научит властвовать. Скажи ему открыто:
Отныне сын и мать во власти Ипполита.
Испробуй все. Ищи, где послабей броня.
Скорей послушает тебя он, чем меня.
Все обещай — все мной одобрено заглазно.
Проси! Настаивай! Раскинь силки соблазна!
Пусти рыданья в ход, и вопли, и мольбы!
Ступай! Я буду ждать решения судьбы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Федра.

Федра

Как я унижена! Каким стыдом покрыта!
Что ж, празднуй надо мной победу, Афродита.
Попали стрелы в цель — они в моей груди.
Так сжался надо мной! Довольно! Пощади!
Иль новых жаждешь ты триумфов, Афродита?
Тогда всю мощь свою обрушь на Ипполита:
Вот кто твой лютей враг, вот кто неуязвим
Досель для стрел любви; пред алтарем твоим
Кошунственных колен не преклонив донине,
Не хочет он и знать о сладостной богине.
Отмсти ему за нас с тобой. Пусть он, любя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федра. Эвона.

Федра

Как! Ты вернулась? Он. — не выслушал тебя?

Эвона

Ты страсть греховную должна забыть, царица.
Пусть в сердце чистота былая возродится.
Тесей, которого оплакивали, — жив.
Он скоро будет здесь. Дворец твой окружив
Народ приветствует прибытие владыки.
Я шла к царевичу. Вдруг радостные клики

Федра

Супруг мой жив. . . Молчи! Напрасных слов не трать.
Любовь, которую должна была скрывать,
Открыла я. Он жив. Ты все уже сказала.

Эвона

Но, госпожа. . .

Федра

Тебе я с самого начала
Предсказывала все. Ты спорила со мной.
За слабость заплачу я дорогой ценой:
Когда б не поддавалась твоим я уговорам,
Я с честью б умерла, — теперь умру с позором.

Энона

Умрешь?

Федра

О, небеса! .. Сейчас придет сюда
 Мой муж, с ним — сын его. И моего стыда,
 Паденья моего ужасного свидетель
 Увидит, как жена, живая добродетель,
 На мужа изольет тот нежных чувств поток,
 Которым пасынок надменно пренебрег!
 Ты думаешь, что из сыновнего почтенья
 Не скажет он отцу об этом преступленьи?
 Что даст он мачехе бесчестить царский трон?
 Что скрыть, как я ему мерзка, сумеет он?
 Да если бы и так! Ведь мне самой известно
 Мое предательство. Нет, я не так бесчестна,
 Как те искусницы, что, ловко скрыв свой грех,
 Глядят с невинностью бестрепетной на всех.³⁹
 Позор моей любви, позор моей измены
 Меня преследует. Мне мнится, эти стены
 Должны заговорить, когда войдет Тесей,
 И остеречь его: «Не верь жене своей!»
 Смерть! Вот прибежище от всех моих несчастий.
 И страшно ль умереть, когда душа во власти
 Таких ужасных мук? Нет, смерть мне не страшна. . .
 Не запятнала б лишь мне имени она. . .
 О, сыновья мои! Ужель я ваше детство
 Сгублю, свой черный стыд оставив вам в наследство? ..
 Кровь Зевса в них течет. Ужели суждено,
 Чтоб материнский грех, как грязное пятно,
 Отметил их навек? Ужель они однажды
 Услышат, от какой неутолимой жажды
 Погибла я? И грех, что совершила мать,
 Детей заставит взор стыдливо потуплять? ..

Энона

Все так и сбудется. И сетованья эти
 Оправданы: за грех стыдом заплатят дети.
 Зачем же, госпожа, зачем, детей губя,
 Решила донести ты на саму себя?
 Пойдет молва, — молве доступна разве жалость? —
 Что Федра грешница, что мужа убоялась. . .
 И знай: кто будет рад, так это Ипполит, —
 Смерть Федры все его рассказы подтвердит.
 Как обвинения его смогу отвесить я?
 Как защитить твою мне память от бесчестья?

Коль всем и каждому, повсюду и везде
 Начнет рассказывать он о твоём стыде,
 Мне что ж. — ему внимать с тоскою бессловесной?
 Нет, лучше пусть меня гром поразит небесный!
 Признайся мне — твой жар ужели не угас?
 Ужели дорог он тебе и посейчас?

Федра

Нет, он чудовище! Мне вид его ужасен!

Энона

Ты знаешь — он твой враг. И этот враг опасен.
 Зачем же ты врагу уступишь торжество?
 Нет, первой напади и обвини его
 В своём же собственном, столь тяжком прегрешенье.
 Всё, всё против него. Всё: и твоё смятенье.
 И меч, по счастью им оставленный тебе,
 И то, что некогда царь, по твоей мольбе,
 Изгнал его.

Федра

О нет, я клеветать не стану!

Энона

Я все скажу сама, а ты молчи. К обману
 Прибегну, совести наперекор своей.
 О, встретить легче бы мне тысячу смертей!
 Но как тебя спасти? Нет способа другого!
 Энона для тебя на все, на все готова.
 Я все скажу царю. Я верю, что Тесей
 Отмстит обидчику за честь жены своей,
 Но лишь изгнанием: он, свое карая чадом,
 Останется отцом. Тревожиться не надо.
 Но если даже кровь прольется. Что ж, тогда
 Обезопасим честь свою мы навсегда.
 О, честь! Нет ничего дороже во вселенной!
 Иди на все, дабы сберечь сей дар бесценный.
 Чтоб честь была твоя без пятнышка для всех,
 И добродетелью пожертвовать не грех.
 Чу! Кто сюда идет? Тесей!

Федра

Он с Иполитом.

Погибла я! С каким презреньем неприкрытым
 Враг на меня глядит. Вверяюсь я тебе.
 Я позаботиться не в силах о себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федра, Энона, Тесей, Ипполит, Терамен.

Тесей

Итак, настал конец гоненьям рока злого.
Я вновь могу обнять. . .

Федра

Молчи, Тесей! Ни слова!
Нет, слышать не могу я ласковых речей.
Не стою я любви и нежности твоей.
Ты оскорблен. К тебе я подойти не смею.
В твоё отсутствие нанести удар Тесею
Через его жену рок злобный захотел.
Скрываться ото всех — вот мой теперь удел.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тесей, Ипполит, Терамен.

Тесей

Не странную ль жена мне оказала встречу,
Мой сын?

Ипполит

Отец, тебе на это не отвечу.
Откроет тайну пусть сама твоя жена.
Но просьба, государь, есть у меня одна:
От твоего двора позволь мне удалиться,
Дабы со мною впредь не виделась царица.

Тесей

Ты нас покинешь, сын?

Ипполит

С ней встреч я не искал.
Когда причалил встарь ты у Трезенских скал
И, перед тем как вновь уйти на зов стихий,
Мне о своей жене и с ней об Арикии
Заботы передал, я стал защитник им.
Но при дворе ужель я так необходим?
Отец! Чем юность я свою ознаменую?
Не все же тепиться, гоняя дичь лесную;
Ужели не найду достойней цели я
Для острых стрел своих, для своего копья?

В мои лета уж ты одерживал победы:
Уже чудовища, злодеи, людоеды
Тесеевой руки почувствовали мощь.
Уже с прибрежных скал, из придорожных роц
Всю нечисть вымел ты, — и путник безопасно
Шел там, где раньше смерть грозила ежечасно;
Геракл, узнав о том, что совершил Тесей,
Смог отдых наконец дать палице своей.
А я, твой сын, когда сравняюсь в славе звонкой
Хотя бы с матерью моею, с Амазонкой?
Дозволь и мне, отец, пуститься в славный путь!
И коль чудовище найдется где-нибудь,
Не истребленное в былые дни Тесеем,
Тогда вернусь к тебе с почетным я трофеем —
Со шкурой чудовища. А коль паду в бою, —
Пусть в Ипполите мир признает кровь твою.

Тесей

Что слышу? В дом войдя, здесь, на его пороге,
Я застаю родных в смятенье и тревоге.
Все разбегаются. Коль я так страшен всем,
Зачем вы, небеса, спасли меня? Зачем?
Испытанный мой друг, мой друг единый в мире,
В жену властителя, что царствовал в Эпире,
Влюбившись пламенно, решил ее украсть.
Хоть безрассудную не одобрял я страсть,
Мне помогать ему велел союз наш дружный.
Судьба нас предала. И в путях, безоружный,
Я видел, как погиб несчастный Пирифой.
Я слышу до сих пор чудовищ лютых вой —
Им друга моего царь отдал на съеденье.⁴⁰
Меня же изверг тот обрек на заточенье.
Томился в темной я щели, в краю теней,
Полгода. Небеса во благости своей
Мне дали ускользнуть от бдительности стражей
Тотчас же на дворец обрушился я вражий.
Чудовищ накормил я мясом их царя
И поспешил домой, богов благодаря.
Но мог ли встречу я предполагать такую?
Я к сердцу всех прижать хочу, душой ликую. . .
Увы, рассыпались мои надежды в прах.
Все в ужасе! И сам я ощущаю страх,
Увидев бледные, испуганные лица.
Мой дом страшней, чем та, эфирская темница.
От Федры узнаю, что оскорблен. Но кем?
И за меня никто не отомстил? Ты нем!

Ответа у чужих мне домогаться надо?
 Ужель так мало мне обязана Эллада,
 Что в ней нашел приют мой враг? А сын — молчит!
 Не заодно ли уж с врагом мой Ипполит?
 Что ж медлю я? Войду — и все мои сомненья
 Пусть Федра разрешит: какое оскорбленье
 Тесею нанесли и кто его ванес?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ипполит, Терамен.

Ипполит

О, ужас!.. Что она ответит на вопрос?
 Ужель признается в своей постыдной страсти?
 На самое себя обрушит все напасти?
 О, небеса! Как царь поступит? Что нас ждет?
 Ужель любовный яд погубит весь наш род?
 Я сам — каким я был и стал каким теперь я?
 И я не оправдал отцовского доверья:
 Люблю я ту, кого любить запрещено.
 Что будет? Странно мне: ужель любить грешно?..
 Но надобно спешить. Найдя удобный случай,
 Отцу откроюсь. Царь, суровый и могучий,
 Какую б ни имел над подданными власть,
 Не властен погасить в моем он сердце страсть.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тесей. Энона.

Тесей

Позор!.. Предательство!.. О, страшное известье!
 Мне, своему отцу, готовил он бесчестье!
 Меня преследует неумолимый рок.
 Что делать мне?.. Как быть?.. Я духом изнемог...
 Вот благодарность мне за нежные заботы!
 Постыдный замысел! Презренные расчеты!..
 И чтобы гнусную свою насытить страсть,
 С оружием в руках осмелился напасть!
 Я этот меч узнал. Он был подарен мною,
 Но разве для того, чтобы служить разбою?
 Как надругался он, бессовестный злодей,

Над узами родства! И в доброте своей,
Щадя насильника, мне Федра не сказала.

Энона

Царь, Федра не его — тебя оберегала.
Царица, видя страсть, пылающую в нем,
Объята ужасом, раздавлена стыдом, —
Узнай, о государь, — уже была готова
По воле собственной сойти в Аид, без зова,
И смертоносное блеснуло лезвеё.
Но все ж успела меч я вырвать у нее.
Когда в тревоге царь, в отчаянье царица, —
Пусть и во вред себе, — могла ль я не открыться?

Тесей

Теперь я понял все. Злодей! . . . Недаром он
При нашей встрече был так бледен, так смущен.
Нет, не заметил в нем я радостного пыла,
И холодность его меня расхолодила.
Но страсть преступная давно ли в нем кипит?
Давно ли мачехе признался Ипполит?
Еще в Афинах?

Энона

Царь, ты знаешь, как царице
Хотелось, чтобы он уехал из столицы.

Тесей

И здесь он за свое вновь принялся, как встарь?

Энона

Тебе сказала я всю правду, государь.
Прости, но долее я быть с тобой не смею:
Царица в злой тоске, мне место рядом с нею.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тесей, Ипполит.

Тесей

О боги! Вот и он! . . . Кто догадаться б мог
По виду, что давно сроднился с ним порок?
Растленная душа! . . . Меж тем в его обличье
Видны достоинство, суровое величье. . .
Как узнавать людей? Ах, если б длань судьбы
Печати ставила предателям на лбы!

И п п о л и т

Осмелюсь ли спросить, о государь могучий,
 Что на твоём челе стусило эти тучи?
 И на кого должна обрушиться гроза?

Т е с е й

Злодей! Ты мне посмел попасться на глаза?
 Неслыханно! Ты — ты, змееныш ядовитый,
 Ты, гнусный выродок, последний недобитый
 Чудовищ, некогда искорененных мной,
 Ты, мнивший овладеть отцовскою женой,
 Осмеливаешься приблизиться к Тесею?
 Не лучше ль было бы коварному злодею
 Бежать отсюда прочь, за тридевять земель,
 Где обо мне никто не слыхивал досель?
 Беги, предатель! Прочь! . . . И счет веди мгновеньям.
 Не злоупотребляй моим долготерпеньем.
 Знай, сдерживаю гнев я свой не без труда.
 На мне уже и так лежит пятно стыда —
 Мной порожден злодей. Свершив над ним расправу,
 Свою посмертную я запятнал бы славу.
 Беги! И чтоб собой не умножать числа
 Мной уничтоженных исчадий тьмы и зла,
 Остерегайся впредь, на миг хотя бы краткий,
 Здесь появиться вновь. Беги! И без оглядки.
 Чтоб не было твоей ноги в моей стране!
 Исчезни навсегда! Ты ненавистен мне! . . .
 О Посейдон! Я встарь прибрежную Элладу
 Избавил от убийц и чудищ. Мне в награду
 Ты волю первую мою пообещал
 Исполнить, как свою. Среди эпирских скал
 Томился долго я в суровом заточенье,
 Однако не просил тебя о вызволеньи,
 Хранил заветное желанье про запас,
 Как скряга — золото; все ждал — настанет час. . .
 И этот час настал! Прошу о правой мести!
 Отмсти изменнику, врагу отцовской земли!
 Кровавой карою за грех воздай ему —
 И твой свирепый гнев как милость я приму.

И п п о л и т

Твоя жена винит меня в преступной страсти?
 Душа раздавлена лавиною несчастий.
 Столь неожиданный удар меня постиг,
 Что не найти мне слов, окостенел язык.

Тесе́й

А! Ты надеялся, что Федра от смущенья
Смолчит о дерзости, о скотском вожделенье
И не отважится супруга остеречь?
Зачем же, убежав, ты ей оставил меч?
Иных не надобно наглядных доказательств.
Умней бы завершил ты цепь своих предательств,
Убив ее — она умолкла б навсегда.

Ипполи́т

Чужой внимая лжи, горю я от стыда.
И все же истины открыть тебе не смею
Из уважения к отцу, к царю Тесею.
Увы, понятны мне печаль и боль твоя.
Но вспомни жизнь мою. И рассуди — кто я?
Проступок должен быть предтечей преступления:
Кто может правило нарушить без зазренья,
Нарушит и закон, когда придет пора.
Свои ступени есть у зла, как у добра.
Кто с отроческих лет известен нравом скромным,
Погрызнет ли он вдруг в разврате неумном?
Кто целомудрен, тот не может сразу стать
Кровосмесителем. Мою припомни мать.
Рожден и выкормлен воительницей чистой,
Горжусь я тем, что я ее наследник истый.
Когда же с матерью расстался я своей,
Наставником моим мудрейший стал Питфей.
Достоинствами мне хвалиться не пристало,
Но если есть во мне и добрые начала,
Я первым среди них презренье помяну
К тому, что мне теперь вменяется в вину.
О строгости моей наслышана Эллада,
И в добром имени мне высшая награда.
Мой дух суров и горд. А сердце у меня
Едва ли в ясности уступит свету дня.
Чтоб гордый Ипполит в горячке сладострастной...

Тесе́й

Гордыня-то тебя и выдает, несчастный!
Твоей холодности причина мне ясна:
Лишь Федра горячит тебя, она одна!
Затем на прочих ты и смотришь равнодушно.
Невинная любовь — ведь это пресно, скучно.

И п п о л и т

О нет!.. и мне пора сказать тебе, отец,
 Что чистую любовь узнал я наконец.
 И тут бы ты был прав, призвав меня к ответу —
 За то, что полюбил я вопреки запрету,
 За то, что царский твой нарушил я закон:
 Я, сын твой, дочью Палланта побежден.
 Винюсь. И мне чужды желанья другие,
 Все помыслы мои — о юной Арикии.

Т е с е й

О, ложь! Ты грубую уловку применил:
 Чтоб оправдать себя, себя ты обвинил.

И п п о л и т

Полгода уж, любя, с ней избегаю встреч я.
 Я думал, что отца мое чистосердечье
 Разубедит. Но нет, — и тут ты видишь ложь.
 Быть может, от меня ты клятв ужасных ждешь?
 Пусть небо и земля, пусть вечные стихии...

Т е с е й

Злодеев знаю я. Что клятвы их пустые?
 Довольно! Времени напрасно не теряй,
 Мне лженевинностью своей не докучай.

И п п о л и т

Отец, меня лжецом назвал ты многократно.
 И Федра обо мне не судит столь превратно
 В душе своей, как ты!

Т е с е й

В нем вовсе нет стыда!

И п п о л и т

Куда отправиться я должен и когда?

Т е с е й

Хоть за Геракловы столпы! — все ж слишком близко
 Я буду от того, кем предан был так низко.

И п п о л и т

Безвинно вызвавший отцовскую вражду,
 В чьем сердце, в чьей душе участие я найду?

Т е с е й

Найдешь у тех, кого приводят в восхищенье
Предательство, обман, разврат, кровосмешенье...
Возьми себе в друзья последних из людей, —
Им, верно, будет мил такой прелюбодей.

И п п о л и т

В кровосмешении винишь, в прелюбодействе!
Ну что же, я смолчу. Но вспомни о семействе,
К которому твоя жена принадлежит:
В ее, а не в моем роду был этот стыд.

Т е с е й

Ты забываешься! Ты отпустил поводья
У ярости своей. О злобное отроде!
Беги! Не искушай отцовской доброты.
Беги! Иль будешь мной с позором изгнан ты.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е с е й.

Т е с е й

Преступный сын! Бежишь ты к смерти неминучей.
Сам повелитель бурь, сам Посейдон могучий
Мне обещанье дал и выполнит его.
Беги! — казнящее настигнет божество!
Да, я тебя любил. Обиженный жестоко,
Я все же о тебе скорблю, скорблю глубоко.
Но мог ли я простить предателя, лжеца?
Так ни единый сын не оскорблял отца.
О боги! Вам видны страдания Тесея.
Как мог я породить подобного злодея?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ф е д р а, Т е с е й.

Ф е д р а

О царь! Я в ужасе стою перед тобой.
Достиг моих ушей твой голос громовой.
Пришла я у тебя вымалывать пощаду:
Сдержись, не причиняй вреда родному чаду,
Не выполняй угроз ужасных. Коль прольешь
Сыновнюю ты кровь, меня ты обречешь

На неизбывную сжигающую муку
За то, что я твою не удержала руку.

Т е с е й

Не бойся: крови я сыновней не пролью.
Но сила высшая отмстит за честь твою.
Услышит Посейдон, морских глубин властитель,
Мою мольбу, — и твой погибнет оскорбитель.

Ф е д р а

Что, что? Твою мольбу услышит Посейдон?

Т е с е й

Ты опасешься, что не услышит он?
Так присоедини к моим свои моления,
Подробней опиши мне злое преступление
И гнев мой чересчур холодный подогрей.
Еще не знаешь ты, что мерзостный злодей
Усугубил свой грех: не совестясь нимало,
Он объявил, что ты его оклеветала,
Что страстью одержим он не к моей жене,
Но к Арикии.

Ф е д р а

Что?

Т е с е й

Так объявил он мне.
Но мог ли веру дать я отговоркам лживым?
Настигнут будет он возмездьем справедливым.
Не медли, Посейдон! Я поспешу во храм,
И покровитель мой не будет глух к мольбам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ф е д р а.

Ф е д р а

Ушел... Но страшное услышала я слово.
Едва потушенный, пожар пылает снова.
О!.. Роковая весть обрушилась, как гром!
Я бросилась его спасать. О нем одном
Я помнила в тот миг, я о себе забыла...
Энона в ужасе рыдала и молила, —
Напрасно. Совести суровой уступив,
Я шла сюда. К чему привел бы мой порыв?

Быть может, — хоть о том, помыслив, цепенею, —
Быть может, истину открыла б я Тесею?
И вот я узнаю, что любит Ипполит,
Что любит — не меня! Что он принадлежит
И сердцем, и душой не мне, но Арикии!
О боги вечные! О боги всеблагие! . . .
Гордец отверг меня. И думала я так:
Он враг всем женщинам, самой любви он враг.
Но нет, есть женщина (как я узнала ныне),
Что одержала верх над этою гордыней.
Так, значит, нежное тепло и страстный зной
Ему не чужды? Он жесток ко мне одной?
А я, безумная, спасать его бежала. . .

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Федра, Энона.

Федра

Энона! Знаешь ли, что я здесь услышала?

Энона

Не знаю, но страшусь, меня колотит дрожь.
Ужели до конца ты вправду доведешь
Свое намеренье? В смертельной я тревоге.

Федра

Знай: у меня была соперница.

Энона

О, боги!

Федра

Да, любит Ипполит! О, нет сомнений в том!
Надменный враг любви, гордец суровый, в ком,
Казалось, пробудить немислимо участие,
Глухой к мольбам, к слезам, живой пример бесстрастья,
Жестокосердый тигр, — осилен, приручен.
Узнай: хранил себя для Арикии он!

Энона

Для Арикии?

Федра

О! . . . Иль вынесла я мало?
Но муки самой злой еще не испытала.

Все, что меня снести заставил Ипполит,
 Все — страсть палящая и нестерпимый стыд,
 Терзанья совести и жгучий страх разлуки, —
 Все было слабым лишь предвестьем этой муки...
 Меж них — любви! А я — не знаю ни о чем!
 Иль отвели глаза они мне волшебством?
 Где это началось? Когда было начало?
 Ты знала? Отвечай! Зачем мне не сказала?
 Встречали их вдвоем? Где виделись они?
 Должно быть, прятались в густой лесной тени!
 Но что я? Вместе быть не всюду ль им доступно?
 Иль совесть их корит? Иль чувство их преступно?
 Их страсть взаимная чиста, и перед ней —
 Бескрайняя череда незамутненных дней.
 А я, как дети тьмы, отверженцы природы,
 Я прятаться должна под каменные своды,
 Мне избавленье даст лишь смерть, — вот мой оплот.
 А в ожидании, пока она придет,
 Питаюсь желчью я, слезами умываюсь.
 Но на виду живу, — и вот я притворяюсь,
 Я сладость горести вкушаю лишь тайком.
 С отчаяньем в душе, но с поднятым челом
 Величественные я принимаю позы,
 Лишенная всех прав и даже прав на слезы.

Э н о а

Их счастьем, госпожа, не растравляй себя:
 Жить будут врозь они.

Ф е д р а

Но будут жить — любя!
 Ведь даже в этот миг — мне сознавать ужасно! —
 Их забавляет гнев ревнивицы несчастной.
 Разлука им грозит, уже близка беда,
 Но все же связаны их судьбы навсегда...
 О нет! И мысль одну о счастье их любовном
 Встречаю с яростью, со скрежетом зубным!
 Смерть Арикии!.. Смерть! Я мужу напечу, —
 Сестру своих врагов отдаст он палачу.
 Еще опаснее сестра, чем были братья!
 Палима ревностью, сумею настоять я...
 Постой!.. Что говорю? Лишилась я ума?
 Ревную! И хочу признаться в том сама?
 Тесею? Расскажу, как при живом я муже
 Горю неистойвой любовью... И к кому же?
 О!.. Дыбом волосы встают от этих слов.

Нет, переполнилось вместилище грехов!
Я в любострастии повинна неумном,
В кровосмешении, в обмане вероломном,
И льщу заранее я мстительность свою
Надеждою, что кровь безвинную пролью.
О!.. И земля еще меня не поглотила?
И смотрит на меня прекрасное светило,
Светило, от кого произошел мой род!
И синий на меня взирает небосвод,
Откуда предкам всем божественным видна я!
Где спрятаться? Пусть твердь раскроется земная!..
Да, да, — бежать в Аид! Лишь там укроюсь я...
Но что я? Мой отец — ведь он там судия!
И с дрожью ужаса услышит он, как Федра,
Сошедшая с земли в ее глухие недра,
Ему поведаст свой беспредельный стыд,
Злодейства, о каких не знал досель Аид.
Отец! Ты в ужасе от дочери отпрянешь
И по грехам моим искать мне кару станешь,
Какой не ведали еще в краю теней, —
Сам будешь палачом для дочери своей.
Прости! Но лютый гнев безжалостной богини
Сгубил твою семью. И сгину я в пучине
Неискупимого, ужасного стыда.
Нет, преступленье мне не принесло плода.
Был рок враждебен мне вплоть до могилы хладной,
И в муках расстаюсь я с жизнью безотрадной.

Энона

Царица, ложный страх ты от себя отбрось.
Все ошибаются, так в мире повелось.
Напрасно на себя ты призываешь кары.
Ты любишь. Что ж, судьба! Любви всевластны чары.
Иль не слыхала ты о волшебстве любви?
Ты разве первая? Бессмертных не гнечи.
Судили, видимо, так силы всеблагие:
Мы — люди, свойственны нам слабости людские.
Зачем под тяжестью любовного ярма
Так убиваешься? Ведь знаешь ты сама,
Что боги, за грехи суля нам наказание,
Шли, как и мы, порой на прелюбодеянье.

Федра

Что слышу? О каких мне гнусностях твердят?
Ты долго ли в меня вливать свой будешь яд?
Несчастливая! Меня ты искушаешь снова?

Уже была уйти из жизни я готова, —
 Ты помешала мне. Сказала я прости
 Своей любви, но ты пыталась нас свести.
 Зачем вмешалась ты? Как смела Ипполита
 Чернить перед отцом бесстыдно, ядовито?
 Быть может, он умрет! Быть может, божество,
 Мольбам Тесея вняв, уж обрекло его?
 Уйди, чудовище! Мне мерзко быть с тобою.
 Оставь наедине меня с моей судьбою.
 Пусть небеса отмстят злодейке поделом!
 Да будет казнь твоя вовеки образцом:
 Да видит все, что ждет низкопоклонных тварей.
 Потворствующих всем порокам государей,
 Готовых слабости господ своих раздуть,
 Готовых выровнять им к злодеянию путь!
 Во гневе на дурных владык, — теперь я знаю, —
 Им дарят небеса льстецов бесчестных стаю.

Э н о н а
 (одна)

Чтоб госпожу свою избавить от беды,
 Я шла на все. И вот — награда за труды!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит, Арикия, Исмена.

А р и к и я

Как! Стало быть, отец остался в заблужденье?
 Ты промолчал? С себя не снял ты подозренье
 Перед лицом его неистовых угроз?
 Жестокий! Если уж потоки этих слез
 Тебе — ничто, и ты решил меня оставить, —
 Ступай! Но хоть не дай себя ты обесславить,
 Сначала защити и жизнь свою и честь —
 Пусть отвратит отец божественную месть
 От головы твоей. Дай отповедь царице.
 Ужель ты без борьбы уступишь клеветнице?
 Открой Тесею все.

И п п о л и т

Ах! Иль не знаешь ты,
 Как я оборонял себя от клеветы?

Но честь отцовская мне правоты дороже.
Не мог я запятнать родительское ложе,
Сказав всю истину. Чтоб мой отец краснел
Пред сыном? Лишь тебе я все сказать посмел —
Нет от любимой тайн. Ты знаешь все события,
И те, что от себя предпочитал бы скрыть я.
Но не забудь, что ты мне поклялась молчать.
На милые уста я наложил печать, —
Чтоб до скончания веков они не смели
И слова проронить об этом страшном деле.
Нам надлежит вручить судьбу свою богам.
Я твердо верю в их благоволенье к нам.
И рано ль, поздно ли, но Федре нечестивой
Они свой приговор объявят справедливый.
Итак, ты поклялась, — ни слова никому.
Во всем же остальном я гневу своему
Дам волю. Вынужден бежать я из Трезена.
Беги со мной! Беги из тягостного плена, —
Здесь власть безжалостна и к истине глуха,
Здесь воздух напоен миазмами греха.
Не сразу хватятся тебя: моя опала
Все заняла умы, все души взволновала.
Не бойся! На меня ты положишься вполне:
Ведь стража все еще подчинена лишь мне.
Получишь от меня друзей надежных в дар ты:
На помощь Аргоса и на поддержку Спарты
Мы можем уповать. Поведаем друзьям
О множестве обид, здесь учиненных нам.
Ужель позволим мы, чтоб Федра с юным сыном,
Дорогу преградив обоим нам к Афинам,
Присвоила права на наш наследный трон?
Вот — случай! Поспешим, — не повторится он.
Но ты колеблешься? Ужель моя отвага
Тебя страшит? Хочу я твоего лишь блага.
Я пламенем горю, ты ж холодна как лед!
Да, на тернистый путь беглец тебя зовет!

А р и к и я

Нет, что ты! Быть с тобой! — мне счастье только в этом,
Пусть будем изгнаны и всем забыты светом!
Но как же я могу бежать с тобой сейчас,
Коль узы брачные не связывают нас?
Я знаю — без вреда для чести, не краснея,
Могу свершить побег я из дворца Тесея:
Не в доме я родном, но у врага в плену, —

Кто бегство из тюрьмы поставит мне в вину?
Но если я решусь бежать с любимым вместе...

И п о л и т

Нет, нет, ничем твоей я не затрону чести.
Узнай же до конца о замыслах моих:
Не связаны ничем в несчастиях своих,
Отныне связаны да будем мы друг с другом:
Спасаясь от врага, последуй за супругом.
Союзы брачные свершаются порой
Без свадебных пиров. За городской стеной,
Где родичей моих священные могилы,
Есть капище. Его хранят благие силы.
Произнесенный там, ненарушим обет —
Клятвопреступнику помилованья нет.
И кара за обман, известная заране, —
Крепчайшая узда для лживых обещаний.
Коль ты согласие дашь, сегодня в храме том
Торжественно свои мы судьбы сопряжем.
И бог, которому приносят жертвы в храме,
Да будет нам отцом и да пребудет с нами.
Обеты брачные произнесем свои
Пред Герой, что хранит покой и честь семьи,
Пред целомудренной, суровой Артемидой.
Да защитит нас Зевс божественной эгидой!

А р и к и я

Но вот сам царь! Беги! Скорей покинь дворец!
Чтоб наших замыслов не понял твой отец,
Я задержусь на миг. Не ожидай меня ты,
Пусть только будет мне надежный провожатый.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тесей, Арикья, Исмена.

Тесей

О боги! Я сюда за истиной иду.
Ужели же и здесь ее я не найду?

А р и к и я (Исмене)

Все к бегству приготовь. Нам дороги мгновенья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тесей, Арикия.

Тесей

Царевна! Как твое истолковать смущенье?
Что привести могло царевича сюда?

Арикия

Он, государь, со мной простился навсегда.

Тесей

Во взгляде этом есть неведомая сила:
Его надменную строптивость ты смирила.

Арикия

Ну что же, истины я, царь, не утаю:
Не унаследовал он ненависть твою.
Царевич притеснять не станет невиновных.

Тесей

Не расточал ли он тебе речей любовных?
Его слова — обман, обеты — звук пустой.
Знай: о любви твердил он не тебе одной.

Арикия

Он, государь?

Тесей

А ты поверила? Напрасно.
Иль ты его любовь делить с другой согласна?

Арикия

И ты позволил, царь, чтоб злая клевета
Чернила эту жизнь, что так ясна, чиста?
Ужель, в тенетах лжи запутавшись жестоко,
Не отличаешь ты невинность от порока?
Ведь чистота его, как солнце, всем видна,
И скрыта тучами лишь от тебя она.
Не перестану, царь, рыдать и заклинять я:
Не верь клеветникам! Сними с него проклятье!
Страшись, чтоб небеса, враждебные тебе,
Не вняли тотчас же безжалостной мольбе,
Чтоб жертвой ты не стал своей же злобы ярой:
Нередко дар богов бывает божьей карой.

Тесе́й

Я убеждаюсь в том, как ловок Ипполит.
 Ты мнишь спасти лжеца? Любовь тебя слепит,
 Не различаешь ты порок и добродетель.
 Есть доказательства, есть не один свидетель.
 Я видел — видел сам! — потоки горьких слез.

Аркиа

Ах!.. Многим тварям злым, царь, головы ты снес,
 Но все ж судьба спасла от грозного Тесея
 Одно чудовище... Сказать тебе яснее
 Я не вольна: твой сын решил падить отца,
 Я предала б его, сказав все до конца.
 Напрасны были бы твои все настоянья:
 Беря с него пример, я сохраню молчанье.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тесе́й.

Тесе́й

Что б это значило? Загадочная речь!
 Задумала меня на ложный след увлечь?
 Ужель они меня обманывают оба?..
 Но гаснет гнев во мне, и остывает злоба,
 И жалость робкая свой голос подает.
 Да!.. Все ли я узнал? И все ли взял в расчет?
 Сомнения меня волнуют непривычно...
 Энону надобно мне допросить вторично,
 Узнать в подробностях, что совершилось тут.
 Эй, стража!.. Пусть ко мне Энону приведут.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тесе́й, Панопа.

Панопа

О царь! Не знаю, что задумала царица,
 Но будь настороже: боюсь, беда случится.
 В неопишемом отчаянье она.
 Черты искажены, как смерть она бледна.
 Энону прогнала. Та вне себя от горя
 Погибель обрела в насытой бездне моря,
 Быть может, поплатясь за некую вину.
 Но тайна канула в морскую глубину.

Тесей

Что слышу?

Паноп

Эта смерть не принесла царице
Успокоения. Ее душа томится.
То прижимает вдруг она к груди своей,
Слезами исходя, малюток сыновей,
То в иступлении, с безмерною тоскою
Отталкивает их дрожащею рукою.
Не ведает, куда свой направляет шаг.
В невидящих ее глазах — могильный мрак.
Три раза написать послание пыталась,
Но лишь начав, рвала... О царь! Яви к ней жалость!
Иди к ней! Гибельный уж недалек исход!

Тесей

Энона умерла, и Федра смерти ждет.
Что думать должен я теперь об Ипполите?
Эй!.. Сына моего скорее позовите!
Пусть оправдается. Я выслушать готов.

Тесей
(один)

О Посейдон! Молю, на мой откликнись зов!
Свое жестокое свершить благодеянье
Не торопись! Забудь о злом моем желанье!
Я легковерен был, спешил... И в страхе жду...
Не сам ли на себя накликал я беду?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тесей, Терамен.

Тесей

А, Терамен! Но где мой сын? Ты, верно, прячешь
Питомца своего? Но что это, — ты плачешь?
Где сын?..

Терамен

Любовь к нему слышна в словах твоих.
Но слишком поздно, царь. Знай, — нет его в живых!

Тесей

О боги!..

Т е р а м е н

Пред тобой свидетель безутешный.
Погиб прекраснейший! Окончил жизнь безгрешный!

Т е с е й

Погиб... Уже к нему объятья я простер.
Но суд небесный был безжалостен и скор...
Скажи, какой удар обрушили стихии?

Т е р а м е н

Оставив позади ворота городские,
Он колесницею в молчанье управлял,
И те немногие, кого с собой он взял,
Беря с него пример, безмолвствовали строго.
Была им избрана микенская дорога.
Он вожжи выпустил. Лихие скакуны,
Что были вскормлены, что были вспоены
Царевичем, его без слова понимали, —
Брели понурые, деля его печали.
Вдруг вопль чудовищный средь мрачной тишины
Раздался — из морской возник он глубины.
И только этот вопль потряс морское лоно,
Послышалось из недр земли подобье стона.
От страха в жилах кровь застыла у людей,
И грива вздыбилась на шеех у коней.
А море между тем пузырилось, вскипая,
И вдруг на нем гора возникла водяная.
На берег ринувшись, разбился пенный вал,
И перед нами зверь невиданный предстал:
Зверь с мордою быка, лобастой и рогатой,
И с телом, чешуей покрытым желтоватой.
Неукротимый бык! Неистовый дракон!
Сверкая чешуей, свивался в кольца он
И берег огласил свирепым долгим ревом.
Застыли небеса в презрении суровом,
Твердь вздрогнула, вокруг распространился смрад,
И, ужаснувшись, вновь отпрянула назад
Волна, что вынесла чудовище из моря.
С неодолимою опасностью не споря,
Ко храму ближнему все кинулись толпой.
Но он, героя сын, сам истинный герой,
Остановил коней и твердою рукою
Метнул свое копьё, да с силою такую,
Что не могла спасти дракона чешуя.

Из раны хлынула кровавая струя,
Зверь с воплем ярости, для слуха нестерпимым,
Пал под ноги коням, дохнув огнем и дымом.
Страх сверхъестественный тут обуял коней.
Они, не слушаясь ни слова, ни вожжей,
Рвались из упряжи. Царевич своевластно
Пытался их смирить, но все было напрасно, —
Лишь пена падала кровавая с удил
(Есть слух, что некий бог копьём их горячил).
И, удивляя всех галопом небывалым,
Помчались скакуны по рытвинам и скалам. . .
Держался Ипполит, но вдруг — сломалась ось! . .
О, горе! О, зачем узреть мне довелось
Тот ужас, что теперь мне вечно будет сниться!
Разбилась вдребезги о камни колесница.
Запутался в вожжах несчастный Ипполит.
Упряжка мчится вдаль и за собой влечит
Возничего. Коней сдержать он хочет криком,
Они еще быстрее несутся в страхе диком.
И скоро юноша стал раною сплошной.
Наш вопль потряс холмы! . . И бег свой роковой
Смирят скакуны, теряющие силы,
У храма древнего, где царские могилы.
Бегу, хотя нет сил, хотя дыханья нет. . .
За мною — свита. Нас ведет кровавый след:
Кровь пятна яркие оставила на скалах,
Колчюие кусты — в соцветьях капель алых.
Бегу к нему, зову — и слышу слабый стон.
Открыв на миг глаза, мне руку подал он.
«Богам, — он шепнул, — наказан без вины я.
Друг, пусть в тебе найдет опору Арикия.
Когда опомнится разгневанный отец,
Когда с раскаяньем увидит наконец,
Что на меня возвел напрасно обвиненье,
То пусть, дабы мой дух нашел успокоенье,
Вернет он пленнице. . .» Смолк. С помертвелых губ
Слетел последний вздох: в моих руках был труп,
Труп, столь истерзанный, — ужасная картина! —
Что в нем и сам отец не распознал бы сына!

Т е с е й

Мой сын! Преемник мой! Он сгублен мной самим!
Как страшен гнев богов, как неисповедим! . .
Увы, какая скорбь, терзания какие
Мне суждены! . .

Т е р а м е н

И тут явилась Арикия.
 Бежала от тебя она за ним вослед,
 Их должен был связать супружеский обет.
 Она спешит к нему, гонимая любовью,
 И вдруг — на залитой дымящеюся кровью
 Траве (о, зрелище!) — простертый Ипполит!
 Несчастливая на труп испуганно глядит...
 Возлюбленного в нем не распознав, не веря,
 Что невозвратная понесена потеря,
 Она его зовет... Увы, напрасен зов!
 И, побелев как мел и упрекнув богов
 Исполненным тоски невыразимой взглядом,
 Царевна падает без чувств с любимым рядом...
 Имена, вся в слезах, осталась с нею там,
 Чтоб к жизни возвратить ее, — верней, к скорбям.
 А я, проклявший жизнь и солнце золотое,
 Пришел оповестить о гибели героя
 И рассказать тебе, могучий властелин,
 О чем в последний миг тебя просил твой сын...
 А вот и враг его безжалостный — царица!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тесей, Федра, Терамен, Панопа, стража.

Т е с е й

А!.. Торжеством своим желаешь ты упиться!
 Погиб мой первенец! Погиб в тот самый миг,
 Когда я пожалел... Когда в душе возник,
 Увы, бесплодный страх, что суд мой был поспешным.
 Ликуй же! Умер он. Виновным иль безгрешным?
 Не знаю, да и знать теперь мне ни к чему.
 Я обвинил его по слову твоему.
 Довольно, что о нем всю жизнь скорбеть я буду,
 А разбирательство послужит только к худу:
 Я сына не верну — лишь горше будет мне,
 Когда всплывет наверх сокрытое на дне.
 Прочь от тебя, от стен, причастных к преступленью!
 От стен, где будет он витать кровавой тенью!
 Бежать!.. Но эта тень последует за мной!
 О, если бы скорей покинуть мир земной!
 Я сына осудил поспешно и неправо.
 Все тяготит меня, все мучит — даже слава!
 Будь неизвестен я, я спрятаться бы мог.

Божественный Олимп! Как ты ко мне жесток!
 Суля мне милости, привел ты к краю бездны.
 Зачем взывать к богам? Моления бесполезны.
 Осыпь они меня хоть тысячами благ,
 Того, что отняли, не возместят никак.

Федра

Тесей, преступное молчанье я нарушу.
 Неправда мне давно обременяет душу.
 Невинен был твой сын.

Тесей

О, горе! Горе мне!
 Но сына проклял я, доверившись жене!
 Убийца!.. Или мнишь ты получить прощенье?

Федра

О, выслушай, Тесей! Мне дороги мгновенья.
 Твой сын был чист душой. На мне лежит вина.
 По воле высших сил была я зажжена
 Кровосмесительной неодолимой страстью.
 Энона гнусная вмешалась тут, к несчастью.
 Боясь, что страсть мою отвергший Ипполит
 О тайне, что ему открылась, не смолчит,
 Она отважилась (уговорив умело
 Меня ей не мешать) на ложь. И преуспела.
 Когда же я ее коварство прокляла, —
 Смерть — слишком легкую — в волнах она нашла.
 Могла б я оборвать клинком свои мученья,
 Но снять с невинного должна я подозренье.
 Чтоб имя доброе погибшему вернуть,
 Я к смерти избрала не столь короткий путь.
 И все ж кончается счет дням моим унылым:
 Струится по моим воспламененным жилам
 Медеей некогда нам привезенный яд.⁴¹
 Уж к сердцу подступил ему столь чуждый хлад,
 Уж небо и супруг, что так поруган мною,
 От глаз туманною закрыты пеленою, —
 То смерть торопится во мрак увлечь меня,
 Дабы не осквернял мой взор сиянья дня...

(Падает.)

Паноппа

Мертва!..

Т е с е й

Но не умрет, увы, воспоминанье
О совершившемся чернейшем злодеянье.
О, мой несчастный сын! Злой рок его унес.
Пойдем! Кровавый труп омою ливнем слез
И жертву моего злосчастного проклятья
С раскаяньем приму в отцовские объятия...
Он будет погребен, по праву, как герой,
А я, чтоб дух его себе нашел покой,
Ко всей ее семье забыв вражду былую,
Его избранницу почту за дочь родную.

ГОФОЛИЯ

(ATHALIE)

Предисловие

Общезвестно, что царство Иудейское сложилось из двух колен — Иудина и Вениаминова, тогда так десять остальных, восстав против Ровоама, образовали царство Израильское.¹ А поскольку цари иудейские были из дома Давидова и по разделу им достался город Иерусалим с храмом, все священники и левиты² примкнули к ним и неразрывно связали себя с ними, что вполне понятно: после постройки храма Соломоном совершать жертвоприношения в других местах было запрещено, и все прочие алтари, воздвигавшиеся на горах, а потому именуемые в Писании «высотами», считались неугодными господу. Таким образом, богослужение могло отправляться по закону только на земле колена Иудина. Области же десяти колен были, за редкими исключениями, населены либо язычниками, либо схизматиками.

Вышепомянутые священники и левиты сами составляли целое колено, притом многочисленное.³ Они разделялись на разряды, которые поочередно служили в храме от одной субботы до другой. Священники происходили из рода Ааронова:⁴ только отпрыскам его дозволялось совершать жертвоприношения. Им подчинялись левиты, выполнявшие различные обязанности, включая приготовление жертв, пение в храме и охрану его. Иногда, впрочем, левитами называли всех без различия представителей этого колена. Первосвященник, равно как те, кто имел право держать недельные чéреды, жили в притворе и дворах, примыкавших к храму и составлявших часть его. Все здание в целом именовалось святилищем, но обычно под этим словом разумелась внутренность храма, где стояли золотые светильники, жертвенник для курений, стол для хлебов предложения;⁵ однако и в этом помещении было еще одно, называвшееся святой святых, где хранился ковчег и куда входил лишь первосвященник, да и то раз в год. По довольно прочно установившейся традиции холм, на котором высился храм, считался той самой горой, где Авраам вознамерился некогда принести в жертву сына своего Исаака.

Я почел долгом объяснить эти подробности, чтобы те, кто недостаточно тверд в библейской истории, не слишком затруднялись при чтении трагедии. Сюжетом я избрал узвание и возведение на престол Иоаса, так что в соответствии с правилами мне следовало бы назвать пьесу «Иоас», но свет, в большинстве случаев, был наслышан о ней как о «Го-

фолии», и такое название показалось мне самым естественным, тем более что Гофолии отведена в трагедии весьма значительная роль — смертью названного действующего лица завершается представление. Вот некоторые важнейшие происшествия, предварившие это великое событие.

Иорам, сын Иосафата, седьмой царь иудейский из династии Давида, вступил в брак с Гофолией, дочерью Ахава и Иезавели,⁶ правивших царством Израильским и стяжавших себе, особенно Иезавель, печальную известность кровавыми гонениями на пророков. Гофолия, такая же нечестивица, как ее мать, скоро склонила своего царственного супруга к идолопоклонству и даже вынудила его воздвигнуть в Иерусалиме капище Ваала, божества страны Тирской и Сидонской, откуда была родом Иезавель. Царевичи, дети Иорама, за исключением Охозии, погибли от рук арабов и филистимлян на глазах отца, а сам он скончался от мучительной болезни, медленно пожравшей его внутренности. Страшная смерть отца не остановила Охозию: как родители его Иорам и Гофолия, он пошел путем нечестия. Однако государь этот процарствовал лишь год: отправившись навестить царя израильского, брата Гофолии, он погиб вместе с домом Ахава — его убили по приказу Ииуя, которого бог через пророков своих избрал царем израильским и орудием небесного возмездия. Ииуй истребил все семья Ахавово, а Иезавель повелел выбросить из окна, и труп ее, как предсказал Илия,⁷ был растерзан псами на винограднике того самого Навуфея,⁸ которого она когда-то обрекла на смерть, чтобы завладеть его достоянием. Узнав у себя в Иерусалиме обо всех этих убийствах, Гофолия в свой черед замыслила известить царский дом Давида и предала палачам всех до одного детей Охозии, своих внуков. К счастью, Иосавеф, сестра Охозии и дочь Иорама от другой жены, не Гофолии, подоспев как раз в ту минуту, когда царевичей убивали, сумела вытащить из груди мертвецов Иоаса, тогда еще грудного младенца, и вверила его вместе с кормилицей попечением мужа своего первосвященника, а тот укрыл обоих в храме, где ребенок тайно воспитывался до провозглашения его царем иудейским. Книга Царств утверждает, что произошло это спустя семь лет,⁹ однако греческий текст Паралипомена,¹⁰ которому следует Сульпиций Север,¹¹ приводит иную цифру — восемь, что и дало мне основание изобразить царевича мальчиком лет девяти—десяти: в такие годы дети уже в состоянии отвечать на поставленные им вопросы.¹²

Как мне кажется, я не вложил в уста Иоасу ничего, что превосходило бы разумение ребенка его возраста, сообразительного и с хорошей памятью. Но если даже я зашел слишком далеко, следует принять во внимание, что ребенок перед нами необыкновенный: он взращен в храме первосвященником, который, видя в нем последнюю надежду своего народа, рано наставил его в обязанностях, налагаемых верой и царским венцом. С детьми иудеев дело вообще обстоит не так, как с нашими: обучать священному Писанию их начинали не после того, как они войдут в разум, а, по выражению апостола Павла,¹³ издетства. Каждому иудею полагалось раз в жизни собственноручно переписать весь Завет, царям —

даже дважды; сверх того, они должны были постоянно иметь его перед глазами. Могу добавить еще одно: отпрыск королевского рода, достигший ныне восьми с половиной лет и составляющий величайшую отряду Франции, являет собой блистательный пример того, на что способно дитя, чьи счастливые задатки сочетаются с превосходным воспитанием.¹⁴ И если бы я наделил маленького Иоаса той живостью и остротой ума, какими блещут ответы нашего юного принца, меня справедливо упрекнули бы в прегрешении против правил правдоподобия.

Так как возраст Захарии, сына первосвященника, нигде не указан, можно при желании допустить, что он старше Иоаса на два-три года.

Я придерживался точки зрения многих ученых комментаторов, утверждающих на основании самого библейского текста, что воины, которых Иодай, или Иегуда, как именуется он у Иосифа Флавия,¹⁵ призвал взяться за оружие, посвященное богу Давидом, были до одного священниками и левитами, равно как пять сотников, их предводителей. Действительно, — заявляют толкователи, — в таком священном деле все должно было быть священным: в нем не мог участвовать ни один мирянин. Речь шла ведь не только о том, чтобы сохранить власть за домом Давида: надо было еще не дать пресечься потомству великого царя, призванному произвести на свет Мессию. «Этот Мессия, столько раз возвещенный как сын Авраама, должен был также оказаться сыном Давида и всех царей иудейских». Вот почему знаменитый и высокоученый прелат, чьи слова я привел,¹⁶ именует Иоаса бесценным остатком рода Давидова. Иосиф говорит о нем в тех же выражениях,¹⁷ а Писание недвусмысленно указывает, что бог не истребил семейство Иорама до последнего человека, дабы сохранить ради Давида светильник, обещанный ему.¹⁸ А что такое этот светильник, как не свет, которому предстояло в свой час возгореться перед народами?

История не уточняет день венчания Иоаса на царство. Кое-кто из комментаторов настаивает на том, что день этот был праздничным. Я выбрал один из трех великих еврейских праздников — пятидесятницу, когда чествовалась память возглашения Завета на горе Синайской и в жертву богу приносились первые плоды нового урожая, отчего этот день именовался также праздником первин. Я рассчитывал, что названное обстоятельство позволит мне придать известное разнообразие песням хора.

Последний представлен у меня девушками из колена Левиева, и возглавляет его та, которую я делаю сестрой Захарии. Именно она приводит хор к своей матери, поет вместе с ним, говорит от его имени, словом, выполняет обязанности того участника хора у древних, которого они называли корифеем. Я попытался также подражать им в непрерывности действия, позволявшей не оставлять сцену пустой.¹⁹ промежутки между актами отмечались у них лишь гимнами да поучениями хора, имевшими прямое касательство к изображаемым событиям.

Меня, вероятно, упрекнут в излишней смелости за то, что я дерзнул вывести на сцену пророка, который по наитию божью предсказывает

будущее. Тем не менее я проявил достаточную осторожность, приписав ему лишь такие выражения, какие встречаются у самих пророков. Хотя в Ветхом завете и не говорится прямо, что Иегуда обладал пророческим даром, как это сказано о его сыне, он все же предстает там человеком боговдохновенным. И, кроме того, разве не вытекает из Евангелия, что он мог пророчествовать уже в силу своего первосвященства?²⁰ Я предполагаю поэтому, что он прозревает роковую перемену в Иоасе, который тридцать лет царствовал богобоязненно, а потом поддался дурным советам льстецов и осквернил себя убийством Захарии,²¹ сына и преемника первосвященника. Это кровопролитие, совершенное в храме, послужило одной из главных причин, навлекших на евреев гнев божий и все их дальнейшие несчастья. Считается даже, что именно с этого дня окончательно смолкли ответы господни в святая святых. Вот почему я решился произнести устами Иодая последующее пророчество о разрушении храма и гибели Иерусалима. Но поскольку пророки обычно перемежают угрозы словами утешения, а речь тут к тому же идет о возведении на трон одного из предков Мессии, я воспользовался случаем, чтобы предвозвестить пришествие утешителя, по которому тосковали все древние праведники. Эта сцена — до известной степени вставная — позволяет вполне естественно ввести музыку: при звуках инструментов многие пророки впадали в священное иступление, свидетельство чему — толпа пророков, которые вышли навстречу Саулу²² и перед которыми несли псалтири и гусли, равно как Елисей, который на вопрос царя иудейского и царя израильского о будущем, отозвался почти так же, как Иодай у меня:²³ «Adducite mihi psaltem».*

Мне остается лишь добавить, что пророчество это усугубляет напряженность пьесы, привнося в нее ужас и другие душевные движения, вызываемые им у хора и главных действующих лиц.

---

* «Теперь приведите мне гуслиста» (лат.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иоас, царь иудейский, сын Охозийи.

Гофолія, вдова Иорама, бабка Иоаса.

Иодай, или **Иегуда**, первосвященник.

Иосавеф, тетка Иоаса, жена первосвященника.

Захария, сын Иодая и Иосавеф.

Суламита, сестра Захарии.

Авенир, один из главных военачальников царей иудейских.

Матфан, священник-вероотступник, жрец Ваала.

Азария, **Исмаил** и трое других начальников над священниками и левитами.

Навал,²⁴ наперсник Матфана.

Агарь, женщина из свиты Гофолии.

Священники и левиты.

Свита Гофолии.

Кормилица Иоаса.

Хор девушек из колена Левиева.

Действие происходит в храме Иерусалимском, в преддверии покоев первосвященника.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иодай, Авенир.

Авенир

Да, храм я посетил, чтоб заодно с тобой
Хвалу предвечному воздал и голос мой
В день, что Израиль чтит с тех пор, как в оны лета
С Синая возгласил господь слова завета.
Как изменился век! Бывало, чуть восход,
На зов священных труб²⁵ сюда спешил народ,
И, чая празднества, вливался он волнами
В притвор, украшенный душистыми цветами;
И, в жертву принося зиждигителю земли
Первину от плодов, что на полях выросли,
Чредой пред алтарем евреи представляли;
Священники обряд свершать не успевали.
Но из-за женщины, чьи мерзостны дела,
Дни счастья светлого затмились ночью зла.
Лишь горсть приверженцев учения благого
Дерзнула в храм прийти и вызвать тень былого,
А прочими забыт бог, сотворивший их,
Иль — что еще страшней! — у алтарей чужих
Они пред идолом Ваала преклонились,
Кощунствуя над тем, кому отцы молились.
Поверь мне, я боюсь, что Гофолия месть
Обрушить на тебя способна даже здесь,
Почтения к тебе сорвав с себя личину,
Что тут, в святилище, и примешь ты кончину.

Иодай

Но есть ли у тебя причины думать так?

А в е н и р

Кто праведно живет, тот нечестивцу враг.
 Давно уж, Иодай, царицы ранят гордость
 Твой сан и, главное, незыблемая твердость.
 Давно за преданность обычаям отцов
 Ты ею отнесен к числу бунтовщиков.
 Но больше, чем к тебе, в чужачке лицемерной
 Вражды к Иосавеф, твоей супруге верной:
 Первосвященник ты, как Аарон был встарь,
 А брат твоей жены — наш предыдущий царь.
 К тому же состоит всегда при Гофолии
 Вероотступник, в ней будящий мысли злые,
 Толкающий ее на низость и обман.
 Враг добродетели, бывший левит Матфан²⁶
 В повязке жреческой Ваалу служит рьяно,
 Но мало быть ему слугою истукана:
 Разрушить и снести мечтает он тайком
 Им подло брошенный святой господень дом.
 Он погубить тебя стремится всем, чем можно:
 То о тебе скорбит, то льстит тебе безбожно;
 То, притворясь, что он — добрейший из людей
 И пряча ненависть на дне души своей,
 Тобою запугать пытается царицу;
 То, ведая, какой в ней алчный дух таятся,
 Нашептывает ей, что не сдаешь в казну
 Ты клад, накопленный Давидом в старину.
 И вот уж третий день спесивица скрывает,
 Что гнев неистовый ее обуревает.
 Вчера, когда на храм она метнула взгляд,
 Я видел: яростью глаза ее горят,
 Как если бы приют в обширном этом зданье
 Был дан тому, кто ей готовит воздаянье.
 Чем больше думаю, тем тверже верю я,
 Что под угрозою отныне жизнь твоя,
 Что и в святилище, где бог живет всеправый,
 Иезавели дочь проложит путь кровавый.

И о д а й

Кто властен море вспять десницей обратить,²⁷
 Тот и преступников сумеет укротить.
 Доколе буду я его покорен воле,
 Мне, кроме господя, никто не страшен боле.
 Но все ж твои слова я оценил вполне:
 На вражки умыслы глаза раскрыл ты мне.
 Я вижу, Авенир, ты возмущен нечестьем.

Израильтянин ты и остаешься днесь им.
 Хвала творцу! Но гнев, который мы таим,
 Но рвенье на словах — цена какая им?
 Без дела веры нет: оно ее мерило.
 Уж восемь лет как трон Давида захватила
 Язычница, и хоть ручьями льет она
 Царей законных²⁸ кровь, немотствует страна.
 Всех внуков палачам предав на казнь и муку,
 Тиранка на творца теперь заносит руку.
 А ты, отчизны щит,²⁹ кого бойцом взрастил
 Иосафат,³⁰ наш царь, который бога чтит;
 Ты, кем спасен не раз был Иорам в сраженье,
 Кто в наших городах один унял смятенье,
 Когда так потрясла смерть Охозии рать,
 Что Ииуя вид заставил нас бежать,
 Ты молвишь богу: «Я закон твой соблюдаю»,
 Но отвечает он устами Иодая:
 «Не похваляйся тем, что не презрел завет:
 Заслуги предо мной в молитвах праздных нет.
 Напрасно жертвы ты приносишь в честь господню:
 Кровь козлиц и телиц без нужды мне сегодня,
 Когда о мщении зовет кровь царей.
 Порви с нечестием, за веру встань скорей,
 От лжи языческой очисти иудеев
 И на закланье вели отдать злодеев».

А в е н и р

Что я могу один в стране, где каждый — раб?
 Иуда духом пал, Вениамин ослаб.³¹
 Когда весь царский род погибнул смертью злою,
 Свободолюбие угасло в нас былое.
 В народе говорят, что даже сам господь,
 Евреям всех врагов помогший побороть,
 Лик отвратил от нас³² в годину униженья —
 Так истожили мы его долготерпенье.
 Десницей грозною с заоблачных высот
 Он смертным знамений уже не подает.
 Ковчег молчит: ³³ над ним не слышен голос бога.

И о д а й

И все ж не видел мир досель чудес так много!
 Когда нам мощь свою ясней являл творец?
 Зачем глаза он дал тебе, народ-слепец?
 Зачем, забывчивый, погрязший в равнодушье,
 Не внемлешь сердцем ты тому, что слышат уши? ³⁴
 Ужели, Авенир, не понял ты чудес,

Которыми наш век отметил царь небес:
 Как он израильским царям грозил; как скоро
 Легла на них печать несчастий и позора;
 Как кровью изошел на той земле Ахав,
 Которую отторг, невинного поправ;³⁵
 Как под ноги коням была на том же месте
 Иезавель в окно низринута из мести,
 И кровь лизали псы, и рвали на куски³⁶
 Труп, втоптаный во прах, их жадные клыки;
 Как лжепророков сонм вотще молил Ваала,³⁷
 А пламя с неба вдруг на жертвенник виспало;
 Как слово обращал к стихиям Илия,³⁸
 И наступала сушь, и люди и земля
 В течение трех лет от жажды изнывали;
 Как Елисей взывал — и мертвые вставали?³⁹
 Верь этим знаменьям и помни, Авенир:
 Не ослабела длань того, кто создал мир.
 Он избранный народ вовеки не оставит
 И в должный час ему свое всесилье явит.

А в е н и р

Но где ж величие, которое предрек
 Давиду, а затем и Соломону бог?
 Увы, как ждали мы, что будет бесконечно
 Потомков их на трон взводить творец предвечный,
 Что под руку свою возьмет один из них
 Роды и племена всех областей земных,
 Что смута и война везде искореяются
 И что к его стопам цари во прах склоняются!

И о д а й

Как! Ты не веришь в то, что сказано творцом?

А в е н и р

Где мы царя от чресл Давидовых найдем?
 Не оживит и бог, простерший длань над нами,
 Сухое дерево, что вырвано с корнями.
 Младенца нет: убит он Гофолией был.
 Через восемь лет не встать усопшим из могил.
 Вот если бы господь, злодейке месть готова,
 От истребленья спас хоть каплю царской крови...

И о д а й

Как поступил бы ты?

А в е н и р

Творца благодаря,
 Признал бы тотчас я законного царя,
 И по моим следам весь наш народ несчастный...
 Но для чего смущать себя мечтой напрасной?
 Последним отпрыском владык родной страны
 Царь Охозия был и с ним — его сыны.
 Отцу при мне стрелой навывлет грудь пробило;
 Детей же мать его, как помнишь, истребила.

И о д а й

Я больше не скажу ни слова до того,
 Как солнце совершит треть круга своего
 И в третий утра час⁴⁰ начнется служба снова.
 Тогда опять явись в обитель всеблагого,
 И ты поймешь, узрев, как милостив он к нам,
 Что никогда не лжет господь своим сынам.
 Ступай же! К торжеству готовить храм пора нам:
 Уж кровлю золотит заря лучом багряным.

А в е н и р

Неясно мне, что нас за милость нынче ждет,
 Но вижу я: к тебе Иосавеф идет.
 Прощай! Я вскорости вернусь с толпой густою,
 Спешащею сюда на празднество святое.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И о д а й, И о с а в е ф.

И о д а й

Час пробил. Время нам возвысить голос свой.
 Пора назвать того, кто здесь сокрыт тобой.
 Молчанье господа дает предлог удобный
 Хулителям его твердить в гордыне злобной,
 Что обещаньями лишь обманул он всех.
 Но мало этого: их окрылил успех,
 И мачеха твоя⁴¹ преступно возмечтала
 Заставить жечь и нас куренья в честь Ваала.
 Так явим же царя, который в храме сем,
 Тобой спасенный, рос под божьим крылом.
 В нем живо мужество царей его народа,
 А разум далеко опережает годы.
 Сначала отрока творцу я посвящу
 И жребий будущий ему предвозвещу,

А уж затем его провозгласят открыто
Наследником царей священство и левиты.

И о с а в е ф

Он знает, кем рожден и как его зовут?

И о д а й

Нет. Мнит Элиаким ⁴² — так он зовется тут —
Себя подкидышем и верит, что с рожденья
Отца я заменил ему из сожаленья.

И о с а в е ф

Увы! Ужель спасен он мною для того,
Чтоб через восемь лет настигла смерть его?

И о д а й

Как! Ты в словах творца дерзаешь сомневаться?

И о с а в е ф

Привыкла я тебе во всем повиноваться.
С тех пор как от убийц младенец утаен,
На попечение твое был отдан он,
И я, хотя его люблю, как мать родная,
С ним видеться себе нередко возбраняю,
Дабы случайное волненье иль слеза
На тайну не могли открыть ему глаза.
Три ночи и три дня в тревоге неизбывной
Я богу за дитя молилась непрерывно
И все-таки спрошу: кто с нами в этот час?
Поднимет Авенир иль нет свой меч за нас?
Поклялся ли тебе он, воин знаменитый,
Законному царю надежной быть защитой?

И о д а й

Чист Авенир душой, и вера в нем крепка,
Но что у нас есть царь — не знает он пока.

И о с а в е ф

Кто ж Иоасу друг? С кем снищет он победу?
Не вверился ли ты Амону иль Оведу?
Обоих мой отец вознес в былые дни.

И о д а й

Нет, Гофолиею развращены они.

И о с а в е ф

Кому ж тягаться с ней тогда в бою открытом?

И о д а й

Ты слышала уже: священству и левитам.

И о с а в е ф

Я знаю, божьих слуг тайком созвал ты в храм
 И против прежнего их вдвое больше там.
 На Гофолию все они восстать готовы,
 И преданы тебе и твердо дали слово
 Признать царя, что ты явить им посулил.
 Но как бы ни кипел в них благородный пыл,
 Сумеют ли они без помощи сторонней
 Царя оборонить и утвердить на троне?
 Едва известие царице принесут,
 Что Охозии сын нашел у нас приют,
 Своих наемников на храм тиранка двинет
 И силою в него ворваться не преминет.
 Как сладить с ними тем, кому в новинку бой,
 Кто, руки воздевать привыкнув лишь с мольбой,
 Не кровью недругов их обагрят в сраженьях,
 Но — агниц и телиц на жертвоприношеньях?
 Вдруг Иоасу в грудь кощунственный клинок...

И о д а й

Но разве от врагов не защитит нас бог,
 Который сироту в беде не оставляет
 И через слабого нам мощь свою являет;
 Который обещал, воззрясь на Изреель,⁴³
 Ахава поразить и с ним Иезавель;
 Которым за грехи наказаны ужасно
 И зять их Иорам, и сын его злосчастный;
 Бог, длань которого, хоть не спешит она,
 Над всем потомством их давно занесена?

И о с а в е ф

Вот почему меня страшит возмездье божье.
 Вдруг сына братнина оно постигнет тоже?
 Что если он и сам с рожденья осужден
 За преступленья тех, кем был на свет рожден?
 Простятся ль хоть ему, безвинному, обиды,
 Что претерпел творец от семени Давида?
 Увы! Не в силах я забыть тот страшный час,
 Когда был небом мне ниспослан Иоас.

Мои племянники метались по покою
Пред Гофолиею, сжимавшей нож рукою
И воинов своих, наемных дикарей,
Натравливавшею на отпрысков царей.
Был Иоас без чувств, но ранен не смертельно.
Его кормилице, пытавшейся бесцельно
Убийц разжалобить и умиротворить,
От глаз их удалось дитя на миг сокрыть.
Я унесла его, слезами оросила,
И в Иоасе жизнь тепло их воскресило,
И то ль им двигал страх, то ль ласки он просил,
Но обвлял шею мне младенец что есть сил.
Сгубить его не дай, благой творец вселенной!
В роду Давида он — последнее колено,
Взращен в любви к тебе, живет в доме твоём
И лишь тебя привык считать своим отцом.
И пусть мне твердости и веры недостало
Пред низложением поклонницы Ваала,
И пусть я не могу в себе перебороть
Тревоги за того, кто кровь моя и плоть, —
Исполни данное ребенку обещанье,
За слабость лишь меня подвергнув наказанью.

И о д а й

Не чужд, Иосавеф, твой страх мне самому,
Но требует господь, чтоб верили ему.
Он — праведный судья, а не тиран бесчинный:
У бога за отца не платит сын невинный.
Сегодня те из нас, в ком чувство веры есть,
Сойдутся в храм, чтоб вновь творцу обет принести.
Насколько ими чтим Давидов род доселе,
Настолько же мерзка им дочь Иезавели.
Взволнует Иоас их чистотой своей —
Ручательством за то, что царских он кровей,
И голос господя им станет внятн боле,
Устами отрока собранию глаголя.
От двух царей терпел глумление творец.
Теперь пришла пора тому надеть венец,
Кто будет знать, что власть над отчею державой
Руками слуг своих вернул ему всеправый
И что, подняв его из тьмы могильной, бог
Давидов меркнущий светильник ⁴⁴ вновь зажжет.
О боже, если ты проврал, что нам на горе
И он путем греха пойдет, свой род позоря,
Пусть будет сорван он, как незрелый плод,
Иль, как цветок, жарой иссушенный, умрет.

Но если он твои надежды не обманет
 И исполнителем твоих велений станет,
 Наследника царей на отчий трон венчай
 И недругов его мне, слабому, предай;
 Рассудок отумань царице жаждой мести
 И преврати ее с Матфаном подлым вместе
 В игралище слепых, разнузданных страстей,
 Предвозвестительниц падения царей!
 Простимся. Вон наш сын с сестрой и дочерьми
 Благочестивейших служителей при храме.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Иосавеф, Захария, Суламита, хор.

Иосавеф

Спешу вослед отцу, Захария, мой сын:
 Первосвященник в храм не шествует один.
 — О девы юные левиева колена,
 Поющие того, кто вывел нас из плена,
 Делившие со мной отчаянье не раз,
 Единая моя утеха в скорбный час,
 В руках у вас цветы, себе венки вы свили,
 Но встарь на празднествах они уместны были,
 А в унижении, в годину бед и гроз
 Нет жертвы, господу угодней наших слез!
 Но чу! Священных труб слышала я зовы,
 Дверь храма отперта, и к службе все готово.
 Я скоро возвращусь, чтоб вас в притвор ввести,
 А вам творцу хвалу пристало вознести.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Хор.

Весь хор

(поет)

Его величие разлито во вселенной.
 Да любит и да чтит всяк сущий в нем отца!
 Его могущество и воля довременны.
 Восславим милости творца!

Один голос

Нет, не замкнуть уста изменой
 Его сынам, о нем поющим вдохновенно:

Не будет их хвалам конца.
Являет каждый день нам блеск его нетленный.
Его величие разлито во вселенной.
Восславим милости творца!

Весь хор
(повторяет)

Его величие разлито во вселенной.
Восславим милости творца!

Один голос

Цветов полны луга ему в угоду,
В садах им каждый плод взращен,
Ниспосылает с небосвода
И зной полуденный, и свежесть ночи он,
Чтоб дружно на полях зазеленели всходы.

Другой голос

Он солнцу повелел теплом живить природу,
Его рукой над бездной свет зажжен,
Но лучшее, что дал он своему народу, —
Его завет, святой закон.

Третий голос

Гора Синайская, живи воспоминаньем
О том торжественном, неповторимом дне,
Когда была ты вся в огне,
И неся трубный звук из тучи в вышине,
И смертным бог глаза слепил своим сияньем.
Скажи, зачем ему необходим
Был молний яркий сноп, иль непроглядный дым,
Иль в облаках раскат громовый?
Порядок ли стихий решил он возмутить,
Иль землю вдруг переместить,
Поколебав ее основы?

Четвертый голос

Нет, стан израильский с твоих, Синай, высот
Учением своим он озарил в пустыне
Затем, чтоб избранный народ
Любовью вечно пылал к нему отныне.

Весь хор

О мудрость! О закон святой!
 О справедливость без предела!
 Что радостней в юдоли сей земной,
 Чем вере и творцу отдать себя всецело?

Один голос

Спас наших предков от ярма господь,
 Помог им манной голод побороть.
 Он просветил наш дух, питает наше тело,
 Но хочет, чтоб любовь к нему не охладела.

Хор

О справедливость без предела!

Тот же голос

Для них раздвинул хлябь морскую бог,
 Для них из недр скалы извел поток.
 Он просветил наш дух, питает наше тело,
 Но хочет, чтоб к нему любовь не охладела.

Хор

О мудрость! О закон святой!
 Что радостней в юдоли сей земной,
 Чем вере и творцу отдать себя всецело?

Другой голос

Ужель позорный страх, в котором возросли вы,
 Неблагодарными вас сделал до того,
 Что чужд вам стал господь столь долготерпеливый
 И разлюбили вы его?
 Рабы должны пред деспотом склоняться,
 Отца же дети чтят, а не боятся.
 Щедрот от неба ждать возможно ль без конца
 И не любить творца?

Весь хор

О мудрость! О закон святой!
 О справедливость без предела!
 Что радостней в юдоли сей земной,
 Чем вере и творцу отдать себя всецело?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иосавеф, Суламита, хор.

Иосавеф

О дочери мои, умолкните покуда.
Народ стекается к святыне отовсюду.
С толпой молящихся войдем и мы в притвор —
Там наши голоса вольются в общий хор.

ЯВЛЕНИЕ ВТРОЕ

Иосавеф, Захария, Суламита, хор.

Иосавеф

Что вижу я? Мой сын, ты снова здесь? В чем дело?
И почему лицом ты стал белее мела?

Захария

Мать...

Иосавеф

Отвечай же мне!

Захария

Храм осквернен навек...

Иосавеф

Как! Кем?

Захария

И царь небес кощунство не пресек.

Иосавеф

Я вся дрожу... Но кто виновен в оскверненье?

Захария

Уже родитель мой, взяв хлебы предложенья,
Плод жатвы, что господь опять нам подарил,
Вознес их на алтарь и руки обагрил
Невинных мирных жертв дымящею кровью
И внутренности их воздел горé с любовью,
А ваш Элиаким, весь в белом полотне,⁴⁵
Прислуживал ему, со мною наравне.
И вот уж кровью жертв священники кропили
Алтарь предвечного и всех, кто в храме были,

Как вдруг послышался в притворе смутный гул
 И сразу же к дверям все взоры притянул.
 Стоит в них. . . Смею ли, смогу ль произвести я?
 Стоит в них женщина, и это — Гофолия.

И о с а в е ф

О небо!

З а х а р и я

Голову подняв, она идет
 Туда, куда закон закрыл для женщин вход,
 И направляется с отвагою безбожной
 К святылицу, где быть одним левитам можно.
 Народ, теснясь, бежит — смятеньем он объят.
 Отец же мой. . . О, сколь его был грозен взгляд!
 Таким лишь Моисей взирал на фараона.
 «Царица, — молвил он, — не нарушай закона.
 Жене и грешнице нет доступа сюда.
 Уйди, иль проклята ты богом навсегда!»
 Свирепо на него царица поглядела
 И злобную хулу изречь в ответ хотела,
 Но тут, я думаю, господень херувим
 Предстал пред ней с мечом сверкающим своим,⁴⁶
 Затем что немота язык ее сковала,
 И прежней дерзости как сроду не бывало,
 И взор оцепенел — читался в нем испуг:
 Она увидела Элиакима вдруг.

И о с а в е ф

Ужель приметить ей Элиакима дали?

З а х а р и я

За ней, жестокою, мы оба наблюдали,
 И пригнетал к земле нас ужас ледяной.
 Но тут священники, пред нами встав стеной,
 Велели нам уйти. Вот все, что мне известно
 О том, как осквернен наш праздник благочестный.

И о с а в е ф

Ах! Мальчика отнять задумали у нас.
 Затем лишь и пришла сюда она сейчас.
 Я слезы лью, а он, быть может, о пощаде. . .
 Его, о господи, спаси Давида ради!

С у л а м и т а

О ком ты плачешь, мать, с прискорбием таким?

Захария

Ужель в опасности дитя Элиаким?

Суламита

Быть может, чем-то он царице неугоден?

Захария

Кому опасен тот, кто беден и безроден?

Иосавеф

Вот и она. Уйдем. Не след встречаться с ней.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гофолия, Авенир, Агарь, свита Гофолии.

Агарь

Отбудем, госпожа, отсюда поскорей.

Тут все тебя гневит, твою гордыню рая.

Пусть населяют храм священники, как ране,

А ты вернись назад в свой царственный чертог,

Где сердцем отдохнешь от шума и тревог.

Гофолия

Как видишь, не могу: душа моя мятется.

Но где Матфан? Тебе позвать его придется,

И попытаюсь я найти в беседе с ним

Мир, что так нужен мне и так недостижим.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гофолия, Авенир, свита Гофолии.

Авенир

Прости, что за него отважусь я вступиться.

На Иодаев пыл тебе не след гневиться.

Закон нам свыше дан — бог заповедал сам,

Как надлежит блюсти его алтарь и храм,

Где править чин должны лишь Аарона чада,

Левиты ж — помогать в свершении обряда,

И — тут особенно завет творца суров —

Вовек запрещено им чтить других богов.

Мать и жена царей, что управляли нами,

Ужель неведомы тебе порядки в храме

И знаешь ты закон так плохо, что сейчас...

Но вот и твой Матфан. Я оставляю вас.

Гофолия

Тебя не отпущу отсюда никуда я.
 Забудем временно и дерзость Иодая,
 И суеверие, которое велит,
 Чтоб иноземцу вход был в этот храм закрыт.⁴⁷
 Тревогою иной удручена я боле.
 Я знаю, Авенир, ты вырос в ратном поле
 И служишь преданно, душой неколебим,
 Как богу своему, так и царям своим.
 Останься.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гофолия, Авенир, Матфан, свита Гофолии.

Матфан

Место ль тут царице всемогущей?
 Что так тебя томит? Забота? Страх гнетущий?
 Чего тебе искать среди врагов своих?
 Как очутилась ты в нечистом храме их?
 Ужель угас тот гнев, что за непослушанье...

Гофолия

Матфан и Авенир, внимлите мне в молчанье.
 Я не намерена о прошлом говорить
 Иль объяснять, зачем пришлось мне кровь пролить.
 Свершила я лишь то, что долгом почитала,
 И как бы злобно чернь сегодня ни роптала,
 Не ей, мятежнице, судить мои дела,
 Коль небо говорит, что я права была.
 Одерживаю верх я в каждом бранном споре.
 Власть Гофолии чтут от моря и до моря.⁴⁸
 Мир в Иерусалим был мною принесен
 И путь на Иордан арабам прегражден.
 Я филистимлян к нам ни разу не впустила
 И дань, как прежние цари, им не платила.
 Владыка Сирии меня сестрой зовет,
 А тот, кем истреблен мой венценосный род,
 Кто и меня сгубить едва не ухитрился,
 Надменный Ииуй в Самáрии укрылся:
 Убийце этому везде грозит войной
 Сосед, что на него искусно поднят мной,⁴⁹
 И он за благо счел со мною не тягаться.
 Своей победою могла б я наслаждаться,
 Но смутная боязнь, предвестница беды,

Мне отравила вдруг моих удач плоды.
 Увидела я сон (хоть снов ли мне страшиться!),
 И с этих пор душа тоскует и крушится,
 И позабыть его ей ни на миг невмочь.
 Так вот, передо мной в одну глухую ночь
 Предстала мать моя Иезавель неслышно.
 Она, как в смертный час, была одета пышно.
 Гордыню не сломил в ней даже натиск бед,
 И на ее лице еще виднелся след
 Румян,⁵⁰ которыми прикрыла в день кончины
 Она прочерченные временем морщины.
 И я услышала: «Суров еврейский бог.
 Вострепещи: на смерть он и тебя обрек.
 О дочь достойная, испытываю жалость
 Я к участи твоей». И тут мне показалось,
 Что, смолкнув, надо мной чело склонила мать.
 Простерла руки я, спеша ее обнять,
 Но с трепетом узрел мой взор, к ней устремленный,
 Лишь ноги, кисти рук и череп оголенный
 В пыли, впитавшей кровь и вязкой, словно слизь,
 Да псов, которые из-за костей дрались.

А в е н и р

О, боже праведный!

Г о ф о л и я

Но тут мне, оробелой,
 Явилось вдруг дитя в одежде снежно-белой,
 Что на священниках еврейских видим мы,
 И свет моим глазам опять блеснул из тьмы.
 Однако чуть во мне волненье усмирилось
 И с умилением я в отрока вперилась,
 Как сердце у меня от боли вновь зашлось —
 Изменник сталью мне пронзил его насквозь.
 Такой испуг, в меня вселенный сновиденьем,
 Сочтете, может быть, вы просто наважденьем.
 Я со стыдом себе твердила и сама,
 Что страх мой — лишь игра усталого ума.
 Но нет! Будь я права, все кончилось бы разом,
 А этот сон смущал мне дважды дух и разум,
 И дважды отрок тот мне, спящей, представал,
 Готовясь в грудь мою вонзить стальной кинжал.
 Я так измучилась и так затосковала,
 Что пала наконец пред алтарем Ваала
 В надежде, что покой сумею обрести.
 Со страху человек на все готов пойти!

Вот почему меня направила тревога
 И в храм еврейского безжалостного бога.
 Я думала: как он ни гневен, ни суров,
 Все ж не смягчить его не может вид даров.
 Прости, Ваалов жрец, мне это прегрешенье.
 Вхожу. Народ бежит. Умолкли песнопенья.
 Первосвященник мне грозит жезлом своим.
 Он говорит, и тут — о ужас! — рядом с ним
 Я вижу отрока коварного воочью
 Таким, каким во сне он мне явился ночью.⁵¹
 Нет, не ошиблась я! Все тот же лик и взгляд,
 Все тот же белизной сверкающий наряд...
 Да, это он стоял вблизи от Иодая,
 Но был отослан прочь, чуть подошла туда я.
 Вот почему к себе я во дворец нейду
 И, задержавшись тут, от вас совета жду.
 Скажи, Матфан, что мне все это предвещает?

М а т ф а н

И сон меня страшит, и явь меня смущает.

Г о ф о л и я

Видал ли, Авенир, ты отрока того?
 Кем он рожден на свет, и как зовут его?

А в е н и р

С первосвященником два мальчика стояли.
 Один был сын его, коль мне глаза не лгали.
 С другим я незнаком.

М а т ф а н

Царица, слов не трать.

Обоих следует тебе к рукам прибрать.
 Ты знаешь, Иодай ценим высоко мною,
 А я за зло чинить не склонен зло двойное
 И справедливости одной ищущ во всем,
 Но будь сам Иодай преступнику отцом,
 Он разве б не казнил его без колебанья?

А в е н и р

Как может мальчик быть виновен в злодеянье?

М а т ф а н

Во сне держал он нож, а сон — небесный знак,
 В ошибку ж небеса не могут впасть никак.
 Чего еще искать?

А в е н и р

Но разве сон — улики?
Младенца кровь пролив, свершим мы грех великий.
Узнаем хоть сперва, кто он и кем рожден.

М а т ф а н

Нет. Он опасен нам, а, значит, уличен.
Ведь если у него родня и предки знатны,
Он должен тем скорей исчезнуть безвозвратно;
А если, к счастью, он — людей безвестных сын,
Что за беда, коль жизнь отдаст простолудин?
Обязан государь быть на расправу скорым:
Порой спасают трон лишь быстрым приговором.
Не след царей смущать сомненьем никогда.
Кто заподозрен, тот виновен до суда.⁵²

А в е н и р

В устах жреца звучат такие речи странно.
Я с детских лет мужал на поле славы бранной,
Орудьем мщенья царям служа в бою,
Но за безвинного свой голос подаю.
А ты, Матфан, кто быть отцом обязан сырым
И умягчать сердца в годину гнева миром,
За рвенье выдаешь свой мстительный расчет
И требуешь: пусть кровь обильнее течет.
Быть искренним ты мне, царица, разрешила,
И я дерзну спросить: что страх тебе внушило?
Сон? Слабое дитя? Но отрок мог вполне
Быть и не тем, кого ты видела во сне.

Г о ф о л и я

Не спорю, Авенир, ошиблась я, наверно,
И сон пустой меня разволновал чрезмерно,
Но чтоб сомнения нас не терзали впредь,
На отрока вблизи должна я посмотреть.
Вели детей сюда доставить неотложно.

А в е н и р

Боюсь...

Г о ф о л и я

Иль отказать мне в послушанье можно?
И как я твоей отказ должна истолковать?
Он подозрения в меня вселит опять.
Пусть Иодай ко мне детей ведет живее.
Я тоже иногда повелевать умею.

Добра — порукою тому мои дела —
 К священству вашему я, Авенир, была.
 Хоть на меня оно, как всем давно известно,
 Возводит клевету бесстыдно и бесчестно,
 Никто не пострадал, и цел доныне храм.
 Но искупать себя я более не дам.
 Пусть помнит Иодай, чья дерзость безгранична,
 Что оскорбления я не стерплю вторично.
 Ступай!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гофолия, Матфеан, свита Гофолии.

Матфеан

Теперь, когда не надо мне хитрить,
 На правду я могу глаза тебе раскрыть.
 Чудовище растит первосвященник в храме.
 Опереди грозу, нависшую над нами.
 Храм нынче Авенир с рассветом посетил.
 Ты знаешь, он всегда царей законных чтит,
 А Иодай друзей, быть может, наущает
 Ввести на трон дитя, что сны твои смущает,
 Будь это сын его иль кто другой. . .

Гофолия

Ты прав:

Не лгали небеса, мне вещей знак подав.
 Но это я должна в последний раз проверить.
 Ребенок лет таких не в силах лицемерить,
 А слово лишнее — к секрету ключ порой.
 Младенца расспросить придется мне самой,
 А ты тайком, чтоб шум не поднялся в столице,
 Дай ти́рянам моим приказ вооружиться.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Иоас, Гофолия, Иосавеф, Захария, Суламита, Авенир,
 двое левитов, хор, свита Гофолии.

Иосавеф

(*обоим левитам*)

Вверяю вам детей, всем нам столь дорогих.
 Служители творца, глаз не сводите с них.

А в е н и р
(к Иосавеф)

За безопасность их я сам тебе ручаюсь.

Г о ф о л и я
О небо! Чем в него я пристальней вперяюсь...
Да, это он! Опять мне страх стесняет грудь.
Скажи, тебе он сын?

И о с а в е ф
Кто? Этот?

Г о ф о л и я

Да.

И о с а в е ф

Отнюдь.

Вот сын, которого мне даровал зиждитель.

Г о ф о л и я
Коль это так, ответь, дитя, кто твой родитель.
Я жду.

И о с а в е ф
Но небеса поныне...

Г о ф о л и я

Почему
Со мною говорить мешаешь ты ему?
Пусть отвечает сам.

И о с а в е ф
Разумного ответа
Нельзя от мальчика желать в такие лета.

Г о ф о л и я
В такие лета лгать ребенок не привык
И кривдой не сквернит невинный свой язык.
Оставь его — он мне и сам ответить может.

И о с а в е ф
(в сторону)
Пусть бог ему в уста свою премудрость вложит!

Гофолия

Как звать тебя?

Иоас

Меня Элиаким зовут.

Гофолия

А твоего отца?

Иоас

Мне говорили тут,
Что с детства обо мне печется царь небесный,
А сам я сирота, безродный и безвестный.

Гофолия

Где ж твой отец и мать?

Иоас

Я брошен ими был.

Гофолия

Давно ль?

Иоас

С тех самых пор, как в этот мир вступил.

Гофолия

Известно ли хотя б, из края ты какого?

Иоас

Храм — вот мой край родной. Не знаю я другого.⁵³

Гофолия

Не ведомо ль тебе, где был ты найден?

Иоас

Там,

Где на съедение достался бы волкам.

Гофолия

Кем в храм ты принесен?

Иоас

Женой, не пожелавшей
Назвать себя и с глаз немедленно пропавшей.

Гофолия

И кто ж растил тебя с младенческих годов?

Иоас

Покинет ли в беде господь своих сынов?
Он пропитание птенцам ниспосылает
И от щедрот своих всем тварям уделяет.⁵⁴
Взываю я к нему, и пищу он дает
Мне, сирому, от жертв, что в храм несет народ.⁵⁵

Гофолия

Вновь начала терять я самообладанье.
Его беспомощность, правдивость, обаянье
Так тронули меня, что ненависть моя...
О чудо! Жалости доступна даже я.

Авенир

Вот враг, которого так сильно ты боялась!
Обманчив был твой сон, хотя, быть может, жалость,
Сумевшая тебя, о госпожа, смягчить,
И есть удар, что ты страшилась получить.

Гофолия

(к Иоасу и к Иосавеф)

Куда вы?

Иосавеф

Нечего сказать ребенку больше,
И докучать тебе мы с ним не смеем дольше.

Гофолия

Нет, не спешите так. Чем день заполнен твой?

Иоас

Молюсь я господу, учу закон святой,
Теперь уже читать умею слово божье
И переписывать его пытаюсь тоже.

Гофолия

Что ж говорит закон?

Иоас

Что бог быть должен чтим,
Что он жестоко мстит хулителем своим,
Не терпит тех, кому сирот тиранить любе,
Спесивца долу гнет, карает душегуба.

Гофолия

Понятно... А скажи, как те проводят дни,
Кто здесь живет?

Иоас

Творцу хвалу поют они.

Гофолия

Ужель ваш бог хвалой так любит упиваться?

Иоас

Мирским занятиям нельзя тут предаваться.

Гофолия

Чем развлекаешься ты, мальчик?

Иоас

Иногда

С первосвященником я прихожу сюда,
И поручает он мне в час богослуженья
Соль подносить ему и подавать куренья.

Гофолия

И больше ты отрад не знаешь никаких?
Мне жаль, что столь суров твой жребий с лет таких.
А жить в моем дворце нет у тебя охоты?

Иоас

Могу ли я забыть господние щедроты?

Гофолия

Не нужно это мне. Верь в бога своего.

Иоас

Но он не чтит тобой.

Гофолия

Ты можешь чтить его.

Иоас

Но служат божеству в твоём дворце чужому.

Гофолия

Что ж! У тебя свой бог, а я молюсь другому.
Они равны.

И о а с

Один есть царь на небесах,
И этот царь — мой бог, а твой — лишь тлен и прах.

Гофолия

Все радости тебе я дам своею властью.

И о а с

Иссохнет, как поток, неправедного счастье.⁵⁶

Гофолия

О ком ты?

Иосавеф

Не гневись. Он ведь так мал сейчас...

Гофолия

(к Иосавеф)

Я поняла, чему он учится у вас.
Но мне, Элиаким, внушил ты восхищенье.
Никто из сверстников с тобой нейдет в сравненье,
А царство некому наследовать мое.
Брось свой унылый храм, скинь жалкое тряпье.
С тобой богатствами я рада поделиться,
И в этом нынче же ты можешь убедиться,
Коль во дворце моем согласен жить со мной.
Ты будешь для меня во всем как сын родной.

И о а с

Как сын?

Гофолия

О, да.

И о а с

Отца, которого люблю я,
Менять мне...

Гофолия

На кого?

И о а с

На мать — и мать такую?

Гофолия

(к Иосавеф)

Он памятью не слаб: во всех речах его
Я узнаю тебя и мужа твоего.

Хотя я вас всегда щадила, иноверцы,
 Вы яд вливаете невинным детям в сердце,
 Им так меня черня и понося тайком,
 Что их бросает в дрожь при имени моем.

Иосавеф

Как повесть наших бед от них держать в секрете,
 Коль ставишь ты себе в заслугу беды эти?

Гофолия

Да, полнят гордостью меня мои дела.
 За кровь отцов я кровь потомков пролила,
 Но ведь родитель мой и брат при мне убиты,⁵⁷
 Мать брошена в окно под конские копыта;
 При мне — взирал ли кто на зрелище страшной? —
 Погибло семьдесят царевых сыновей⁵⁸
 За наказание каких-то там пророков,⁵⁹
 Прозвавших мать мою вместилищем пороков.
 Царица я и дочь. Так мне ли, став рабой
 Трусливой жалости, забыть тот гнев слепой,
 Который гибели обрек мое семейство?
 Нет, за удар — удар, злодейство — за злодейство!
 Как был с лица земли сметен Ахавов род,
 Так мной Давидов дом погублен в свой черед.
 Что стало бы со мной, когда б, собрав все силы,
 Я материнских чувств в себе не подавила
 И крови собственной не пролила ручьи,
 Чтоб страхом укротить вас, недруги мои?
 Не я — расторг ваш бог, безжалостный во мщенье,
 Двух царственных домов бывшее единенье.
 К сынам Давидовым враждой пылаю я.
 Они чужие мне, хотя в них кровь моя.

Иосавеф

Да, преуспела ты. Но пусть нас бог рассудит.

Гофолия

Нет, пусть ваш бог верней своим обетам будет.
 Где тот Давидов сын, царь всех земных племен,
 Который вам давно с небес предвозвещен
 И о котором вы мечтаете крамольно?
 Прощай! Но встретимся мы снова. Я довольна:
 Хотела видеть я — и видела.

Авенир
(к Иосавеф)

Назад
Прими того, кто мной был под охрану взят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Иоас, Иодай, Иосавеф, Захария, Суламита,
Авенир, левиты, хор.

Иосавеф
(Иодаю)

Ты слышал ли наш спор с царицей, полной мести,
Супруг мой?

Иодай

Слышал все, с тобой страдая вместе,
И был с левитами готов спешить к тебе,
Чтоб отстоять тебя иль умереть в борьбе.

(Иоасу, обнимая его.)

Дитя, да сохранит тебя господь, чье имя
Прославил нынче ты ответами своими! —
Ты, честный Авенир, в обиду не дал нас.
Так помни: жду тебя я здесь в урочный час.
А мы, священники, чей взор и песнопенья
Убийцы мерзостной смутило появление,
Во славу Божию заколем жертву вновь —
Пусть грешные следы с камней смывает кровь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Хор.

Одна из дев хора

Какое нам светило ныне,
Опять взойдя, слепит глаза огнем лучей?
Чем станет дивный отрок сей,
Которого прельстить гордыня
Не может пышностью своей?

Другая

Пока к стопам Ваала злого
Народ покорно припадал,
Ребенок гневно и сурово,
Хотя еще он слаб и мал,

Перед Иезавелью новой,
Как новый Илия, предстал.⁶⁰

Третья

Кто он? И от кого узнать мы это сможем?
Твой не был ли отец, дитя, пророком божьим?

Четвертая

Не так ли Самуил,⁶¹ от детских лет
Простой, безвестный служка в храме,
Надеждой и щитом народа стал с годами?
Ах, если б ты, как он, Израиль спас от бед!

Пятая

О, счастлив без конца
Младенец, господом избранный
И голосу небесного отца
Внимать наученный им рано!
С рожденья взысканный всем множеством щедрот,
К мирским тревогам непричастный,
Средь зла и скверны чистым он растет:
Они сгубить его не властны.

Весь хор

Сужден удел прекрасный
Тому, о ком с пелен печется бог всевластный!

Тот же голос

(один)

Так, в доле, за холмом
Укрыт от непогоды,
Над светлоструйным родником
Цветет прелестный крин, краса природы.
С рожденья взысканный всем множеством щедрот,
К мирским тревогам непричастный,
Средь зла и скверны чистым он растет.
Они сгубить его не властны.

Весь хор

О, счастлив без конца
Ребенок, что блюдет святой завет творца!

Один голос

Как непосильны те дороги,
Что к добродетели невинного ведут!
Какие перед ним, взалкавшим мира в боге,

Преграды грозные встают!
 Как недруги его тиранят!
 Где праведным найти приют,
 Коль грешникам числа нет?

Другой голос

О, город, некогда Давиду дорогой,
 Гора, где обитал создатель всеблагой,
 Сион,⁶² как страждешь ты, пред господом виновный!
 Сколь страшный гнев небес тебя, Сион, постиг,
 Коль иноземкою греховой
 Захвачен трон твоих владык!

Весь хор

Сколь страшный гнев небес тебя, Сион, постиг,
 Коль иноземкою греховой
 Захвачен трон твоих владык!

Тот же голос

(продолжает)

Народ израильский забыл
 Псалмы, в которых встарь воспет Давидом был
 Небесный наш отец и судия верховный.
 Сколь страшный гнев небес тебя, Сион, постиг,
 Коль вслед за иноземкою греховой
 Презрел и ты того, кто пас твоих владык!

Один голос

Доколе, господи, ты будешь равнодушно
 На злодеяния насильников взирать?
 Они твой храм уже дерзают попирать,
 Зовут безумцами тех, кто тебе послушны.
 Доколе, господи, ты будешь равнодушно
 На злодеяния насильников взирать?

Другой

Зачем, кричат они, пред богом вы дрожите?
 Зачем, блюдя его закон,
 От стольких радостей бежите?
 Помочь вам неспособен он.

Третий

Внушает сонм их грешный: жизнь — живущим.
 Так пусть цветут цветы и плещет смех.
 Запретных нет утех.
 Безумство — думать о грядущем.

Уж раз недолго нам идти земным путем,
 Без дум и без забот уьемся днем бегущим.
 Как знать, не завтра ль мы умрем?

Весь хор

Пусть слезы льют с отчаяньем во взорах
 Они, злосчастные, не озарит которых
 Сиянием своим твой вечный град,
 А мы, кого сквозь тьму ведет твой свет нетленный
 По сей юдоли брэнной,
 Твое величие да воспоем стократ.

Один голос

Опьянены они, слепые, суётою,
 Но хмель ее — как сон: пройдет он с быстротою,
 И воздаянья грубный глас
 Пробудит гневно их (о, страшный час!).
 Тогда вкусит бедняк счастливый
 Мир за твоим столом, творец чадолюбивый,
 Но в ярости своей, безмерно справедливой,
 Ты чашу горькую испить на этот раз
 Заставишь род их нечестивый.

Весь хор

О, пробужденья час!
 О, сон пустой и лживый!
 О, мщенья грубный глас!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матфан, Навал, хор.

Матфан

Прошу вас, девушки, Иосавеф позвать.
 Скажите, хочет с ней Матфан потолковать.

Одна из дев хора

Матфан!.. Да поразит его десница бога!

Навал

Как! Все бегут? А кто ж покажет нам дорогу?

Матфан

Найду и сам. Идем!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Захария, Матфан, Навал.

Захария

Куда ты, дерзкий? Стой!
Не смей переступить за сей порог святой.
Имеют право быть здесь только слуги божьи,
Миряне же сюда, — гласит закон, — не вхожи.
К кому ты? Мой отец на празднике таком
Не снизойдет до встреч с языческим жрецом;
А мать, простершись ниц, смиренно бога молит,
И отвлекать ее пришельцу не позволят.

Матфан

Мы подождем, мой сын, а ты свой гнев умерь.
Я к матери твоей не зря пришел, поверь —
Приказ владычицы мне передать ей надо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Матфан, Навал.

Навал

Спесь от родителей перенимают чада.
Но прислан ты зачем царицею сюда?
Ей нерешительность досель была чужда.
Зловещее дитя во сне ее смутило,
Речь Иодая в гнев смятенье превратила,
И дерзкого она решила усмирить,
А в здешний храм тебя с Ваалом водворить.
Уже про это мне поведал ты, счастливый,
И я надеялся на долю от поживы,
Но Гофолия вновь заколебалась вдруг.

Матфан

Я третий день ее не узнаю, мой друг.
Она теперь не та владычица бывая,
Что, слабость женскую рассудком подавляя,
Умела в нужный час опередить врага
И знала, как в борьбе минута дорога.
Сломали волю в ней пустые угрызенья.
Решимость прежнюю свели на нет сомненья,
И — снова женщина — она лишилась сил.
Однако горечи я в сердце ей подлил.
И, рвению моему доверившись всецело,

Мне воинов ее поднять она велела.
 Но то ли сирота, что к ней был приведен,
 Хотя, как говорят, подкидыш он с целен,
 Рассеял ужас, сном навеянный царице;
 То ль ухитрился к ней он ловко подольститься, —
 Не знаю. Ясно лишь, что гнев ее угас
 И мщенье отложить угодно ей сейчас.
 Она сама с собой в противоречье впала.
 Я к ней: «Род отрока, как мне известно стало,
 Возводит Иодай к низвергнутым царям.
 Дитя он лицезреть дает идущим в храм
 И силится вторым представить Моисеем,
 Внушая помыслы мятежные евреям».
 Покрылся краской лик от этих слов у ней.
 Вовек ничей обман не действовал быстрей.
 «Мне ль неизвестностью, — рекла она, — терзаться?
 Сомненья слабостью рискуют показаться.
 Ступай к Иосавеф, скажи ей вот о чем:
 Огнем спалю я храм и сокрушу мечом,
 О нем сегодня же бунтовщики восплачут,
 Коль мне в заложники ребенка не назначат».

Н а в а л

Ну, что ж! Не думаю, что ради сироты,
 Который в храме был взращен из доброты,
 Мятежники дадут снести свою святыню.

М а т ф а н

Нет, Иодаевой не знаешь ты гордыни.
 Уж если богу им подкидыш посвящен,
 Сто раз в мучениях умрет скорее он,
 Чем выдаст мне дитя, с которым — это ясно! —
 К тому же носятся тут все подобострастно.
 О нем, коль верно я в слова царицы вник,
 Все знает Иодай, хоть сдержан на язык.
 Но отрок принесет им лишь беду большую:
 Его не выдадут, и дело довершу я,
 И храм их, ненависть вселяющий в меня,
 Огонь и меч сметут до окончанья дня.

Н а в а л

Что ненависть в тебе такую воспитало?
 Ужель столь ревностно ты веруешь в Ваала?
 А вот, к примеру, мне, чей пращур — Измаил,⁶³
 Не ближе твой Ваал, чем бог евреев был.

М а т ф а н

Приписываешь, друг, ты слепоту Матфану,
Коль мнишь, что искренне служу я истукану,
Колоде, исподволь источенной червем⁶⁴
И мной от тления спасаемой с трудом.
Слугою господу родившись в храме этом,
Не изменил бы я досель своим обетам,
Когда бы с их ярмом сумел согласовать
Стремленье к почестям и страсть повелевать.
Воспоминаньями тебя не утруждая,
Я умолчу, Навал, как мнил у Иодай
Отнять кадилницу, первосвященства знак,
Как бился, как хитрил, отчаивался как,
Но, побежденный им, избрал стезю другую,
Решив, что преуспеть лишь при дворе могу я.
Прельстил я слух царей угодливой хвалой,
И вещим начал им казаться голос мой.
У них в сердцах страстей подогревая пламя,
Край бездны устилал пред ними я цветами.
Я, кроме воли их, иных святынь не знал
И мнения свои в угоду им менял.
Насколько оскорблял их слух, легко ранимый,
Суровый Иодай, к пороку нетерпимый,
Настолько ж я всегда умел их чаровать,
На правду им глаза мешая открывать,
В наряд законности бесчинство облекая⁶⁵
И кровь невинных лить усердно помогая.
Когда был новый бог дан Гофолией нам
И возвела она ему во славу храм,
А Иерусалим стenanья оглашали,
И небо с воплями левиты вопрошали,
Ужели вновь смолчит предвечный судия,
Примером послужил евреям робким я,
Отрекшись веры их, и наименовала
Царица тотчас же меня жрецом Ваала.
Опасность Иодай почувствовал во мне:
Надев повязку, я стою с ним наравне.
Однако не забыт и на вершине славы
Мной бог, которому я изменил лукаво,
И мысль о нем селит боязнь в душе моей,
А из-за этого я злобствую сильней.
Нет, счастье полное вкушу я лишь сегодня,
Когда всем докажу бессилие господне
И угрызения свои похороню
Здесь, в храме, преданном позору и огню.
Но вот Иосавеф.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иосавеф, Матфан, Навал.

Матфан

Царица хочет, чтобы
 Восстановился мир и присмирела злоба.
 К тебе же послан я был ею потому,
 Что всех ты выше тут по сердцу и уму.
 Есть слух, — я верю, он не может подтвердиться,
 Хоть как назло совпал с тревожным сном царицы, —
 Что заговор твой муж составил, осмелев,
 И Гофолиею владеет страшный гнев.
 Стыжусь услугами кичиться я тщеславно.
 Пусть Иодай ко мне несправедлив был явно,
 Но так как надлежит за зло платить добром...
 Короче, с миром я пришел, а не с мечом.
 За право веровать и жить как в дни былые
 В залог вы лишь одно дадите Гофолии
 (Хоть из-за этого я с нею в спор вступил) —
 Подкидыша, что здесь замечен ею был.

Иосавеф

Элиакима?

Матфан

Сам я за нее краснею.
 Как мог быть сон пустой на веру принят ею?
 Но если тотчас мне дитя не отдадут,
 Она сочтет, что ей вы все враждебны тут.
 С ответом медлить вам царица запрещает.

Иосавеф

Вот, значит, что за мир Матфан нам возвещает!

Матфан

Как! Ты колеблешься? Но чем ты смущена?
 Уступка в пустяке — невелика цена.

Иосавеф

Я просто думаю, с чего бы так неожиданно
 Переменился нрав лукавого Матфана

И вправду ль сотворить хоть раз добро готов
Он, корень стольких зол, строитель стольких ков.

М а т ф а н

Печалиться тебе не след, как мне сдается.
Твой сын Захария с тобою остается.
Но почему же так найденыш дорог вам?
Вот тут впадаю я в растерянность и сам.
Кто этот отрок? Клад, священством утаенный?
Освободитель, вам всевышним возвещенный?
Обдумай все и знай: отказ лишь подтвердит
Слух, что по городу о вас уже летит.

И о с а в е ф

Слух?

М а т ф а н

Да, что из семьи ребенок родовитой
И что твой муж растит его для цели скрытой.

И о с а в е ф

Чем снова и разжег Матфан в царице гнев?

М а т ф а н

Мои сомнения рассей, Иосавеф.
Я знаю, так тебе противна ложь любая,
Что жизнь — и ту отдаст супруга Иодая,
Коль ей, дабы себя от смерти сохранить,
Уста хоть словом лжи придется осквернить.
Итак, ребенок к вам сюда попал случайно,
Происхождение его — поныне тайна,
И вы не знаете, ни как он наречен,
Ни даже кем он был когда-то вам вручен?
Ответь. Твоим словам охотно я поверю:
Кто бога чтит, как ты, тот чужд и лицемерью.

И о с а в е ф

К лицу ль тебе, злодей, упоминать о том,
Чье имя ты хулишь бесстыдным языком?
Как проповедовать дерзаешь правду божью
Ты, отравляющий, как ядом, души ложью,
Которою в тебе полно все естество,
Предатель, господу забывший своего?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Иодай, Иосавеф, Матфан, Навал.

Иодай

Не лгут ли мне глаза? Здесь, в храме, жрец Ваала?
 И ты, Давида дочь, речам его внимала?
 Как! Ты беседуешь с изменником таким
 Без страха, что земля развернется под ним
 И на обоих вас из бездны прынет пламя,
 И стены упадут, и вас убьет камнями?
 Какое дело к нам у нечестивца есть,
 Что воздух заражать решается он здесь?

Матфан

Как Иодай гневлив — из этой речи ясно,
 Но пусть помыслит он, что и ему опасно
 Царьцу оскорблять, гонца ее браня.
 Вам повеленье шлет она через меня.

Иодай

Какие ж бедствия нам возвещает снова
 Такой приказ из уст посланника такого?

Матфан

Твоей жене уже он ведом, Иодай.

Иодай

Тогда, чудовище, отсюда вон ступай
 И мерзости свои умножь злодейством лишним.
 Клятвопреступник ты и осужден всевышним.
 Не лучший у него познаешь ты удел,
 Чем Авирон, Дафан, Доик, Ахитофел: ⁶⁶
 Псы, что Иезавель на части растерзали,
 Ждут у твоих дверей, клыки свирепо скаля.

Матфан

(смутясь)

Увидим, кто из нас... до темноты ночной...
 Возьмет... Идем, Навал!

Навал

Куда ты? Что с тобой?

Зачем безумные вокруг ты мечешь взоры?
 Вот дверь. За мной!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Иодай, Иосавеф.

Иосавеф

Гроза над нами грянет скоро.

Приказ ребенка взять царица отдала.
 Вкруг отрока уже редеет тайны мгла.
 Матфан вот-вот поймет, кто был его родитель
 И что задумал ты, мой муж и повелитель.

Иодай

Кем кознодею был наш замысел открыт?
 Не выдал ли тебя твой потрясенный вид?

Иосавеф

Владела я собой, насколько сил хватало.
 Но верь: опасное мгновение настало.
 Наш долг — до лучших дней ребенка побережь.
 Покуда меж собой ведут злодеи речь
 И в храм не ворвалась царица самолично,
 Мне спрятать отрока позволь, супруг, вторично.
 Еще открыты нам ворота и пути.
 Не следует ли мне в пустыню с ним уйти?
 На все отважусь я. Мне тайный выход ведом.
 Там не увяжется никто за нами следом.
 Пересечем Кедрон⁶⁷ мы с мальчиком вдвоем
 И, злополучные, приют себе найдем
 В суровом том краю, безводном и пустынном,
 Куда был встарь Давид восставшим загнан сыном.
 Гораздо меньше я страшусь волков и львов...
 Но Ииуй помочь, быть может, нам готов?
 Обдумай мой совет — он нам сулит спасенье.
 Пусть Ииуй возьмет наш клад на сохраненье.
 Нас с отроком к нему сегодня ж отошли —
 До Ииуевой недалеко земли,
 А сам он не жесток, не глух к мольбам и пеням
 И полон к имени Давида уваженьем.
 Да и видал ли мир с тех пор, как сотворен,
 Владыку, — коль не сын Иезавели он, —
 Который бы отверг просителя такого?
 Долг каждого царя — вступаться за другого.

Иодай

Боязнь постыдная! Нелепые мечты!
 Ужель поддержки ждешь от Ииуя ты?

Иосавеф

Предусмотрительность — не грех пред ликом бога,
 Самонадеянность карающего строго,
 И разве с умыслом, что непостижен нам,
 Длань Ииуя он вооружил не сам? ⁶⁸

Иодай

На Ииуя, встарь избранника господня,
 Безумьем было бы надеяться сегодня —
 Неблагодарностью за милость он воздал:
 На мервостную дочь Ахава не восстал,
 Путем израильских царей идет упрямо,
 Щадит египетского идолища храмы ⁶⁹
 И на высотах жечь дерзает, наконец,
 Курения, хотя не терпит их творец.
 Не станет Ииуй орудьем мщенья божья —
 Нечисты у него душа и руки тоже.
 Нет, лишь на господя должны мы уювать.
 Элиакима нам не следует скрывать —
 Пусть явится в венце и царственном уборе,
 Я ж час назначенный немедленно ускорю,
 Дабы опередить врага по мере сил.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Иодай, Иосавеф, Азария в сопровождении хора
 и множества левитов.

Иодай

Скажи, Азария, ты входы в храм закрыл?

Азария

При мне их заперли на прочные засовы.

Иодай

Одни левиты здесь и никого чужого?

Азария

Я дважды обошел притворы — никого.
 Толпа молящихся из храма своего,
 Как стадо, ужасом гонимое, бежала,
 И лишь господних слуг в нем совесть удержала.
 Народ наш не был так напуган с тех времен,
 Когда спешил за ним в погоню фараон. ⁷⁰

И о да й

Народ, перечаший лишь повеленьям божьим,
Достоин рабства ты!.. Но медлить мы не можем.
Однако почему здесь девы в миг такой?

О д н а и з д е в х о р а

Не разлучимся мы, наш господин, с тобой.
Иль в храме божьем считают нас чужими?
Тут наши родичи. Мы остаемся с ними.

Д р у г а я

Хоть робки мы, увы, хоть не под силу нам
Колом, как Иаиль, пронзить висок врагам *
И вольность возратить поруганной отчизне,
Мы в жертву принести ей можем наши жизни.
Когда за храм мечи поднять придет вам срок,
К молениям нашим слух, быть может, склонит бог.

И о да й

Так вот кто, господи, твое орудье мщенья!
Священников, детей и дев ты плешь в сраженье.
Но если с ними ты, никто не сломит их.
Ты властен мертвеца вернуть в число живых.
Ты ранишь и целишь, казнишь и воскрешаешь.⁷²
Ты нам уверенность в самих себе внушаешь.
Не в доблестях своих мы черпаем ее —
Нам силы придают всеведенье твое
И мысль, что этот храм, творца приют нетленный,
Пребудет навсегда, как солнце над вселенной.
Но что за трепет мной внезапно овладел?
Ужели на меня дух божий низлетел?
Да, это он речет, и взор мой обострился,
И мрак грядущего передо мной раскрылся.
Левиты, вторьте мне! Пусть ваши гусли в лад
С глаголом уст моих рокочут и звенят.

Х о р

(поет в сопровождении всех инструментов)

Да прозвучит господень голос в храме
И нас надеждой новой вдохновит,
Как вешними утрами
Роса траву поникшую живит.

* Кн. Судей, глава IV.⁷¹

И о да й

Внемлите мне, земля с небесной твердью вместе.
Ты мнишь, Иаков, бог уснул, прощая нечестье?
Нет, он восстал! И вы, кто грешен, ждите мести.
Музыка возобновляется. И о да й тотчас же продолжает.

Как золото могло стать изменным свинцом? *
Первосвященник кем зарезан в храме сем? **
Плачь, Иерусалим, о город злоковарный,
Пророков божиих палач неблагодарный! ⁷⁴
Создатель отказал тебе в любви былой,
И фимиама ему стал ненавистен твой.

Куда детей и жен в оковах гонят? ***
Царь городов земных повержен и снесен.
Священники в плену, во прахе царский трон.
Храм рухнул — господом навек покинут он,
И кедр его столбов в огне пожара тонет.

О Иерусалим, печаль моя, ⁷⁵
Кем ты лишен красоты и свергнут в униженье?
Где взять довольно слез, чтоб о твоём паденьи
Ручьями лил их я?

А за рия

О храм!

И о с а в е ф

Давид!

Х о р

Пусть вновь, Сион, творца твердыня,
Он даст тебе припасть к реке его щедрот.
На минуту снова музыка, затем И о да й прерывает ее.

И о да й

Но что это? В песках пустыни,
Не град Давидов ли из праха восстает, **** ⁷⁶
Животворящая, нетленная святыня?
Ликуй, людской счастливый род!
К Сиону, ставшему еще прекрасней ныне,
Не только избранный народ —
Все племена земли стремятся в свой черед. *****
Встань, Иерусалим, с челом, горé воздетым,

* Иоас.

** Захария. ⁷⁸

*** Вавилонское пленение.

**** Церковь.

***** Язычники.

И, славой вечною венчанный, посмотри,
 Как распростерлись ниц перед тобой цари,
     Как все, кто страждет в мире этом,
 Привлечены к тебе твоим целящим светом.
 Блаженны те, кому войти в Сион дано!
     Да оросится с небосклона
     Иссохшее земное лоно,
 И нам родит спасителя оно!

Иосавеф

Увы! Спасителя нам неоткуда ждать,
 Коль царский род, что жизнь ему был должен дать...

Иодай

Ступай, Иосавеф, готовь венец богатый,
 Который на челе Давид носил когда-то.

(Левитам.)

А вы последуйте за мною сей же час
 Туда, где мы храним вдали от чуждых глаз
 Те копья и мечи, которые, бывало,
 Кровь филистимская в сраженьях омывала:
 Немало их принес Давид на склоне лет
 В дар присносущему подателю побед.
 Достойней применить оружие вряд ли можно.
 Идем. Раздать его хочу я неотложно.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Суламита, хор.

Суламита

О сестры, как томлюсь я страхом и тоской!
 Такие ль, бог всеильный, бог единый,
 Куренья, жертвы и первины
 На алтарях твоих уместны в день такой?

Одна из дев хора

Как нестерпим нам, робким женам,
 Губительных доспехов вид!
 И кто поверил бы, что сталь жестоким звоном
 Обитель мира огласит?

Вторая

Но почему, к творцу и вере безучастный,
 Молчит по-прежнему весь Иерусалим?

Сам Авенир, что за отвагу чтим, —
И тот к нам не спешит на помощь в миг опасный.

Сула мита

Откуда при дворе, где произвол — закон,
Где нужно к сильному ласкаться,
Где награжден и вознесен
Льстец за умение бесстыдно пресмыкаться,
Защитник может отыскаться
Тем, кто безвинно притеснен?

Третья

Но для кого же в миг столь тревоженный
Приготавлиют здесь царей венец священный?

Сула мита

Свой приговор господь изрек,
Но внять ему один первосвященник смог.
А мы опять в недоуменье:
То ль даст нам избавленье,
То ль горше нас накажет бог?

Весь хор

(поет)

Угроза и обет! О тайна без предела!
Как много бед и благ нам предвозвещено?
Лишь ты, предвечная премудрость, слить сумела
Любовь и гнев в одно.

Один голос

Сион падет во прах: пожары и осада
Его разрушат до конца.

Второй

Нет, устоит Сион: святой глагол творца
Ему навек ограда.

Первый

Я вижу: дивный блеск его красоты исчез.

Второй

Я вижу: озарил всю землю свет Сиона.

Первый

Он тонет в пропасти, и пропасть та бездонна.

Второй

Вознес чело он до небес.

Первый

О мрак падения!

Второй

О вечный поддень славы!

Первый

О скорбный стон!

Второй

О гимн победы величавый!

Третий

Проникнем — будет день — мы в тайну, а сейчас
Нам не к лицу тревога.

Все три

Смиримся же пред гневом бога
В надежде, что он любит нас.

Четвертый

Всю, без раздела
Отдав творцу любовь свою,
С соблазнами мы в бой вступаем смело
И верх берем в бою.
Нет счастья во вселенной целой
Превыше, чем творцу отдать любовь свою
Всю, без раздела.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иоас, Иосавеф, Захария, Суламита, левит, хор.

Суламита

Как наш Элиаким ступает величаво!
С ним слева мать моя и брат мой юный — справа.

Что оба отрока несут, прижав к груди?
Зачем левит с мечом шагает впереди?

И о с а в е ф
(Зahariи)

Сюда, на аналой, все так же полон тщанья,
Ты водрузишь, мой сын, священное писанье;
Благоговейно ты положишь рядом с ним
Давидов царственный венец, Элиаким;
А ты, левит, приказ исполнив Иодая,
Придвинешь царский меч к венцу с другого края.

И о а с

Поведай, госпожа, что происходит тут?
Зачем на аналой венец и меч кладут?
Обряда этого не видел я доселе,
Хоть в храме и живу почти что с колыбели.

И о с а в е ф

Все скоро объяснят тебе, мое дитя.

И о а с

Зачем венец на лоб кладешь ты мне, шутя?
Его достоинству не причиняй урона —
Ведь он Давидом был носим во время оно.
К лицу ль подкидышу, что пищей для зверья...

И о с а в е ф

(примеряя на него венец)

Молчи! Таков приказ, что получила я.

И о а с

Как! Зарыдала ты? Но почему, царевна?
О ком ты слезы льешь? Чья участь так плачевна?
Уж не моя ль? А вдруг до истечения дня,
Как Иевфая дочь,⁷⁷ заколют и меня,
Чтоб этой жертвою смягчился вседержитель?
Что ж! Вправе жизнь назад у сына взять родитель.

И о с а в е ф

Вот тот, кто возвестит о жребии твоём.
Не бойся ничего. А мы пока уйдем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иоас, Иодай.

Иоас

(бросаясь в объятия первосвященника)

Отец мой!

Иодай

Да, мой сын?

Иоас

Скажи, что здесь творится?

Иодай

Не вправе от тебя я долее гайтсья,
И раньше всех тебе пристало знать, что ждет
По воле божией тебя и твой народ.
Проникнись мужеством, и в вере черпай силы,
И докажи, что полн ты рвення и пыла,
Которые в тебе старался я взрастить.
Пора! Свой долг творцу не медли заплатить.
Скажи мне: у тебя такое есть желанье?

Иоас

Я жизнь за господа отдам без колебанья.

Иодай

Деяния царей читали мы тебе.
Ты помнишь ли, чего не позволять себе
Обязан тот, в ком чтут помазанника божья?

Иоас

Владыке мудрому, речет господь, негоже
Своей опорюю сокровища считать
И соплеменников без нужды угнетать.
Бояться должен он всеправедного бога
И соблюдать святой завет господень строго.*

Иодай

И на кого ж из тех, кто занимал престол,
Ты б походить во всем, мой мальчик, предпочел?

---

* Второзаконие, глава XVII.

И о а с

Давид, что господа любил любовью сына, —
Вот для меня пример царя и властелина.

И о да й

И ввек не станешь ты к нечестию терпим,
Как Охозия встарь, как Иорам пред ним?

И о а с

Отец мой!..

И о да й

Нет, ответь: ты склонен подражать им?

И о а с

Пусть тем, кто с ними схож, воздаст господь проклятьем!

И о да й простирается у его ног.

Как! Ты у ног моих? Я от стыда горю.

И о да й

Честь, Иоас, воздал я своему царю.
Достоин предка будь, Давида отпрыск юный.

И о а с

Я — Иоас?

И о да й

Творец, создавший мир подлунный,
Детоубийцы гнев помог нам обмануть,
И хоть кинжал тебе уже поранил грудь,
Избранник господа, смогли тебя спасти мы.
Но Гофолии месть вовек неукротима:
Не менее дерзка, властолюбива, зла,
Чем в день, когда на казнь потомков обречла,
Теперь свести с тобой парица хочет счеты —
Под именем чужим ей страшен все равно ты.
Но я сумел собрать под стяг твой, Иоас,
Людей, что за тебя отмстят на этот раз.
Пускай сюда войдут семей духовных главы,
Что в храме чéреды держать имеют право.⁷⁸

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Иоас, Иодай, Авария, Исмаил и трое других
начальников над левитами

Иодай

(продолжает)

Царь, вот кем от врага ты будешь защищен!
Священники, вот царь, что вам предвозвещен!

Авария

Как! Наш Элнаким?

Исмаил

Как! Этот отрок чистый.

Иодай

Законный государь, царей наследник истый.
Он — Охозии сын, из всех детей меньшей,
И звался Иоас, что помнит здесь любой.
Как цвет, до времени растоптанный злодейски,
Его уже народ оплакал иудейский,
Сочтя, что с братьями он жертвой бабки стал.
Но грудь царевича хоть и задел кинжал,
Не допустил господь исхода рокового,
В ребенке раненом вздул пламя жизни снова
И зорких палачей помог нам обвести:
Иосавеф дитя успела унести,
Его с кормилицей здесь, в храме, приютила.
И в тайну лишь меня как мужа посвятила.

Иоас

Отец мой, чем могу я за любовь воздать
Тебе и той, кто мне теперь родней, чем мать?

Иодай

О благодарности отложим разговоры.
Вот царь ваш. Он для вас надежда и опора.
Я уберег его, служители творца.
Осталось довести вам дело до конца.
Едва узнает та, в ком кровь Иезавели,
Что юный Иоас жив и здоров доселе,
Вновь подойдет она к ребенку палачей —
Еще неведомый, уже он страшен ей.
Должны опередить мы ярость Гофолии,
Чтоб иго рабства снять у иудеев с выи,

Отмстить за царский дом, восстановить закон
 И двум коленам дать царя взвести на трон.
 Да, бой с царицею нам предстоит неравный —
 В распоряжении ее, самодержавной,
 И рать немалая наемных удалцов,
 И все, кто изменил обычаям отцов.
 Но бог, наш вождь и щит, не даст нас уничтожить.
 Им послан Иоас Израиль обнадежить,
 Он страхом помутил тиранке ум и взор,
 И вас сюда собрал я ей наперекор.
 Мы в храме, мнит она, бессильны, безоружны.
 Поэтому венчать нам Иоаса нужно,
 Воззвать о помощи к подателю побед,
 За молодым царем направиться вослед
 И, в робких мужество вселяя по дороге,
 Нагрянуть тотчас же к язычнице в чертоги.
 Кто, даже между тех, в чьих душах вера спит,
 Так низок, чтобы в нем не пробудился стыд
 И чтоб не ринулся он в битву вместе с нами,
 Узрев царя, что был воспитан богом в храме,
 Первосвященника, чей предок — Аарон,
 И сонм левиевых сынов с всех сторон,
 А в их руках мечи и копыя боевые,
 Что посвятил творцу Давид в года былые?
 Бог ужасом сразит сердца, что впали в грех.
 Еврей или тирянин пред вами — бейте всех!
 Да не смущает вас число врагов убитых.
 Не внуки ли вы тех левитов знаменитых,
 Которые в тот день, когда на зло творцу
 Израиль ветреный молиться стал тельцу,⁷⁹
 Кровопролитие благое совершили —
 Греховную родню оружием сокрушили
 И этим подвигом всем вам, потомкам их,
 Стяжали честь служить у алтарей святых?
 Я вижу: вам начать не терпится восстанье.
 Так поклянитесь же на божьем писанье
 Законному царю народа своего
 Жить, драться и пойти на гибель за него.

А з а р и я

Я клятву приношу за все свое колено,
 Что Иоас на трон воссядет непременно
 И мы не оторвем ладони от кланков,
 Пока не превратим во прах его врагов.
 А если кто из нас не соблюдет обета,
 Пусть на него падет господня месть за это,

Пусть ни ему, ни тем, кого он породит,
И после смерти бог измены не простит!

И о дай

А ты клянешься, царь, отныне до кончины
Святой завет творца не преступать бесчинно?

И о а с

Вовеки не свершу я нечестивый шаг.

И о дай

Мой сын, — тебя еще я звать дерзаю так, —
Не зря тебе вопрос мной задан был сквозь слезы:
Отнюдь не мнимая их вызвала угроза.
Ты, в храме выросший безвестным бедняком,
С соблазнами двора покуда не знаком,
Не пробовал хмельной отравы самовластья,
Не видел ни льстецов, ни их подобострастья.
Они тебе внушат, что соблюдать закон —
Долг черни, а не тех, кто властвовать рожден;
Что прихоть царская и есть источник права;
Что волен государь всем жертвовать для славы;
Что труд и нищета — удел людей простых;
Что надлежит пасти жезлом железным их;
Что, не гнетя народ, познаешь гнет народа.
Так, становясь во лжи бесстыдней год от года,
Твой нрав, что прежде был столь чист, они растлят
И к истине в тебя презрение вселят —
Мол, прав лишь ты один всегда в большом и в малом.
Мудрейший из владык — и тот, увы, внимал им.⁸⁰
Клянись же пред людьми и мной на книге сей,
Что верность сохранишь и впредь царю царей,
Что добрых пощадишь, а злым воздашь с лихвою,
Что будет бог судьей меж нищим и тобою,
Зане смиренную одежду из холста
Носил ты в детстве сам, бедняк и сирота.

И о а с

Клянусь во всем блюсти заветы всеблагого!
Срази меня, творец, коль я нарушу слово!

И о дай

Ступай за мной: тебе помазанье я дам.
Иосавеф, войди и ты с другими в храм.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иоас, Иодай, Иосавеф, Захария, Суламита, Авария, Исмаил,
трое других начальников над левитами, хор.

Иосавеф
(обнимая Иоаса)

Мой царь! Давидов сын!

Иоас

О мать моя родная!
Захария, в тебе я брата обнимаю.

Иосавеф
(Захарии)

Он — царь твой. Перед ним колена преклони.

Иодай

(глядя, как они обнимаются)

В таком согласии дай бог вам кончить дни.

Иосавеф
(Иоасу)

Узнал ты, кто тебя родил на свет когда-то?

Иоас

Я знаю, от кого меня уберегла ты.

Иосавеф

Звать Иоасом я тебя могу теперь.

Иоас

Да, но, как прежде, я люблю всех вас, поверь.

Хор

Как! Это...

Иосавеф

Иоас.

Иодай

Левит сюда стремится.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Иоас, Иодай, Иосавеф, Захария, Суламита, Азария, Исмаил,
трое других начальников над левитами, левит, хор.

Левит

Не знаю, что опять замыслила царица,
Но звонких медных труб везде звучит призыв,
И факелы зажглись, знамена озарив.
Рать Гофолия шлет, как видно, в наступленье,
А нам рассчитывать нельзя на подкрепленье —
К холму, на коем храм творцу сооружен,
Стянулись тиряне. Он ими окружен,
И нам один из них с издевкой крикнул даже,
Что беззащитны мы — наш Авенир под стражей.

Иосавеф

(Иоасу)

Мой мальчик, лишь на миг ты возвращен мне был,
Хоть, чтоб тебя спасти, я не щадила сил.
Увы! Забыл творец о семени Давида.

Иодай

(к Иосавефу)

Знай: маловерие — создателю обиды.
Страпись же на царя навлечь господень гнев.
Но если даже бог, твои мольбы презрев,
Сгубить Давидов дом захочет непременно,
Подумай, разве ты не на горе священной,
Где древле пращур наш,* покорен небесам,
Безропотную длань простер над сыном сам
И на костер возвел возлюбленное чадо,
Своих преклонных лет единую отраду,
Хоть ясно сознавал, что в жертву принесет
Не только первенца, но с ним и весь свой род?
Друзья, разделимся. Со стороны восточной
Прикроешь, Исмаил, ты нас; а ты — с полночной;
Ты — с западной; а ты — с полдневной стороны.
Но, как вы мужеством ни одушевлены,
Идти на вылазку я запрещаю строго,
Чтоб этим не раскрыть наш замысел до срока;
Однако пусть любой священник иль левит
Где мной поставлен был, там насмерть и стоит.
Враги, воззрясь на храм слепым от злобы взглядом,

* Авраам.

Уже считают нас под нож гонимым стадом,
 Которому принять мешает робость бой.
 Азария, везде с царем бок о бок стой.

(Иоасу.)

Идем, последний сын прославленного дома!
 Вдохни отвагу в тех, что мной на брань ведомы,
 И на чело прими наследственный венец,
 И кончи жизнь царем, коль ждет тебя конец.
 Ступай за ним.

(Одному из левитов.)

Поддай доспехи мне живее.

(Хору.)

Смягчите, девушки, творца слезой своею!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Суламита, хор.

Весь хор

(поет)

Пусть вам, чей прадед — Аарон,
 Поможет небо биться смело.
 Нет более святого дела
 Для вас, чей прадед — Аарон:
 За бога, за царя клинок ваш обнажен.

Один голос

Где гром твой, вседержитель?
 Ужель злодеи не падут
 И твой суровый суд
 Не страшен им, о вышний мститель?

Второй

Где, бог Иакова, твоя любовь к сынам?
 Ужель для нас надежды не осталось
 И так виновны мы, что ты не внемлешь нам,
 Что наша скорбь в тебе не будит жалость?

Весь хор

Где, бог Иакова, твоя любовь к сынам?

Один голос

Ведь это в твой престол нетленный
 Направлен грешными полет их дерзких стрел,

Чтоб положить предел
 Господней власти над вселенной;
 Чтоб снять твою узду с насельников земных,
 Разрушить алтари и растерзать святых;
 Чтоб позабылось имя бога
 И к людям не нашел дорогу
 Его помазанник, которого так ждут.⁸¹

Весь хор

Где гром твой, вседержитель?
 Ужель злодеи не падут
 И твой суровый суд
 Не страшен им, о вышний мститель?

Один голос

Ужель, наш юный царь,
 Последний ты побег иссушенного дерева?
 Ужель на этот раз ты не избежешь гнева
 Убийцы, что тебя сразить хотела встарь?
 Скажи, не ангел ли, что бог к тебе послал,
 Укрыл тебя тогда от палачей царицы,
 Иль из могилы, где ты спал,
 Творец тебе к живым дозволил возвратиться?

Второй

О господи, царя не предавай врагам:
 Он деда и отца не подражал грехам —
 Всегда нечестия душа его чуждалась.

Хор

Где, бог Иакова, твоя любовь к сынам?
 Ужель их скорбь в тебе не будит жалость?

Одна из дев хора (говорит)

Чу, сестры! Вот уж, медью труб звеня,
 Кольцо наемников вокруг нас заколыхалось.

Суламита

Их поступь слышу я, их рев, и у меня
 От страха сердце сжалось.
 Войдемте в храм. За мной! Скорей!
 Бежим искать спасенья
 Под грозною священной сенью.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Захария, Суламита, хор.

Суламита

Ну что, Захария? Мы ждем, мой брат, вестей.⁸²

Захария

Пускай весь пыл души в молитву каждый вложит:
Последний миг уже настал для нас, быть может.
К жестокой битве дан, сестра моя, сигнал.

Суламита

Что делает наш царь?

Захария

Венец он восприял.
Помазал мой отец ему чело елеем.
Как было радостно увидеть нам, евреям,
Царя, воскресшего из мертвых наконец!
Остался от ножа на нем еще рубец.
Кормилица его с ним вместе появилась,
Та самая, что здесь тайком изноровилась
Дитя бесценное взрастить и воспитать,
В чем помогали ей лишь бог да наша мать.
Левиты плакали, но в громкие рыданья
Вплетали возгласы хвалы и ликованья,
А он, все так же прост и добр, как до сих пор,
Жал руку одному, бросал другому взор,
То братом, то отцом их называл при этом
И клялся следовать их дружеским советам.

Суламита

Достигла ль города о происшедшем весть?

Захария

Нет. Знают всё пока лишь те, кто собран здесь.
Левитов у ворот расставлены отряды.
Им нужен только знак, чтоб выйти из ограды
И на врага бегом ударить сей же час,
Крича: «Да здравствует наш царь, наш Иоас!»
Царю родитель мой велел уйти оттуда
И от Азарии не отходить покуда.
Царица же на храм, сжимая нож, глядит,

И грешнице смешон ворот закрытых вид:
 К ним скоро подвезут осадные машины,
 И тут останутся лишь трупы да руины.
 Когда священники, в чье сердце вкрался страх,
 Отца молили скрыть в старинных тайниках
 От недругов хотя б святой ковчег завета,
 «Собратья, — молвил он, — к лицу ль вам трусость эта?
 Твердыни повергать нам помогал ковчег,⁸³
 Заставил Иордан он вспять направить бег.⁸⁴
 С ним стольких недругов сломили иудеи.
 Ужель пред женщиной мы дрогнем, им владея?».
 В тревоге наша мать то смотрит на алтарь,
 То взор отчаянный стремится туда, где царь.
 Молчание она храпит, но так крушится,
 Что, глядя на нее, злодей — и тот смягчится.
 Порой подходит царь и гладит ей рукой
 Лоб, щеки, волосы. . . О сестры, все за мной!
 Уж если суждено, чтоб смерть царя скосила,
 С ним заодно и нас поглотит пусть могила.

Сула м и т а

Чья дерзкая рука стучится шумно в храм?
 Зачем бегут толпой левиты к воротам,
 Оружие прикрыв одеждой осторожно?
 Сюда ворвался враг?

За х а р и я

Твоя тревога ложна:
 Бог Авенира к нам привел.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иодай, Иосавеф, Захария, Суламита, Авенир,
 Исмаил, два левита, хор.

И о д а й

Глаза мне лгут
 Иль Авенира я и вправду вижу тут?
 Как ты сумел пройти сквозь толщу вражьей?
 К тому ж, мы слышали, что ты, увы, под стражей
 И держит, друг, в цепях тебя Ахава дочь
 Из страха, как бы нам ты не дерзнул помочь.

А в е н и р

Да, я опасен ей отвагою своею.
 Но что мне смерть? Поверь, пред ней я не сробею.
 Иная мысль в тюрьме внушала ужас мне —

Что в час, когда навек погибнет храм в огне,
 Резней не утолит царица жажду мщенья
 И не дарует мне от жизни избавленья,
 Поняв, как страстно я мечтаю умереть,
 Чтоб о своих царях не сокрушаться впредь.

И о да й

Каким же чудом ты исторгнут из темницы?

А в е н и р

Лишь богу ведомо, что в сердце у царицы.
 Она, когда меня к ней привели назад,
 С тоской промолвила: «Ваш храм в осаду взят,
 И гибель предстоит ему в огне пожара —
 Господь ваш моего не отразит удара.
 И все ж священство мной, — но пусть спешит оно! —
 На двух условиях быть может прощено:
 Элиакима мне в залог пускай представят
 И, сверх того, в казну сегодня ж переправят
 Тот клад, который был Давидом вашим дан
 Первосвященникам когда-то под сохран.
 Лишь так мы можем спор путем уладить мирным».

И о да й

Какое же принять решение, Авенир, нам?

А в е н и р

И то сокровище, что в храме скрыл Давид,
 Коль вправду до сих пор оно у вас лежит,
 И утварь редкую, и ценные сосуды,
 От сребролюбивцы спасенные покуда, —
 Отдайте все. Ужель нечистым дикарям
 Позволишь осквернить ты жертвенник и храм,
 И херувимов сжечь,⁸⁵ и на ковчег священный
 Кошунственно швырнуть твой труп окровавленный?

И о да й

Но подобает ли тому, чей дух высок,
 Несчастное дитя, что нам доверил бог,
 Расчетливо предать на казнь и поруганье
 И жизнь себе купить ценой его страданья?

А в е н и р

Дай бог, — и знает он, что мой язык не лжет, —
 Чтоб Гофалией был забыт ребенок тот
 И казнь, что принята не им, но Авениром,
 Могла ей наконец исполнить душу миром!

Что пользы отроку, коль вы дадите бой?
 Спасете ль вы дитя, пожертвовав собой?
 Неисполнимого не требует зиждитель.
 Когда-то, как велел безжалостный правитель,
 В Нил брошен Моисей⁸⁶ был тою, кем рожден,
 И во младенчестве расстался б с жизнью он,
 Но не дал царь небес ему погибнуть рано,
 И кров дитя нашло у самого тирана.
 Откуда знать тебе, не сходный ли удел
 Элиакиму бог назначить захотел
 И не вселил ли он уже к ребенку жалость
 В грудь той, что извести царей не побоялась?
 Ведь я же видел сам, — и ты, Иосавеф, —
 Что встреча с отроком в ней укротила гнев
 И привела ее в немалое волнение.
 Царевна, ты молчишь в столь грозное мгновение?
 Ужель, чтоб сироту безродного спасти,
 Позволит Иодай с лица земли смести
 Свою семью, народ и храм, хотя заветом
 Разрешено творцу служить лишь в здане этом?
 Родись Элиаким, чтоб тронем обладать, —
 И то он ббльших жертв от вас не мог бы ждать.

И о с а в е ф
 (тихо Иодаю)

Ты слышал сам: он чтит царей законных семя.
 Откройся же ему во всем.

И о д а й

Еще не время.

А в е н и р

Нет, время. Поспеши предотвратить беду.
 Покуда я с тобой беседу здесь веду,
 Матфан старается, от злобы багровея,
 Чтоб знак к резне дала царица поживее.
 Я заклинаю, ниц повергшись, господин,
 Тебя святилищем, куда ты вхож один
 И где витает дух владыки всеблагого,
 Который испытать нас пожелал сурово:
 Удар уступками попробуй оттянуть,
 А мне лишь до утра дозволю передохнуть,
 Нет, до ночи, и я принять сумею меры,
 Чтоб не страдали впредь ни храм, ни наша вера.
 Но вижу я, увы, тщету своих речей:
 Им не поколебать решимости твоей —

Лишь добродетели ты внемлешь неизменно.
 Так дайте же, сыны Левиева колена,
 И Авениру меч, чтоб встретить смерть свою
 По крайней мере мог он с недругом в бою.

И о да й

Сдаюсь. Ответить грех на твой совет отказом:
 Он нас от многих бед избавить может разом.
 Да, в храме сбережен Давидов древний клад.
 Его мне вверили немало лет назад,
 И скрыть старались мы от всех, что им владеем:
 Он был последнею опорой иудеям.
 Но раз сокровища от нас царица ждет,
 Я прикажу, чтоб ей открыла стража вход.
 Пусть вместе с ней войдут знатнейшие вельможи,
 А ты уговори ее в жилище божье
 Своих наемников свирепых не вводить —
 От разоренья храм должны мы оградить.
 Не страшны, думаю, ей дети и левиты?
 Вы с ней условитесь о численности свиты,
 А в деле с мальчиком, внушившим ей испуг,
 Решение за тобой: ты справедлив, мой друг,
 При ней открою я, какого отрок рода,
 И скажешь ты, лишит иль нет его свободы.
 Меж ним и ей тебя поставлю я судьей.

А в е н и р

Не бойся: взят уже он под защиту мной.
 Я возвращаюсь к той, чье передал посланье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

И о да й, Иосавеф, Захария, Суламита, Исмаил,
 два левита, хор.

И о да й

Вот жертву и ведут, о боже, на закланье.
 Послушай, Исмаил...

(Шепчет ему на ухо.)

И о с а в е ф

Творец, создавший нас,
 Взор нечестивицы затми и в этот раз,
 Как в страшный день, когда, дитя спасти желая,
 Его от палачей в объятых унесла я!

И о да й

Мой мудрый Исмаил, не медли — час приспел.
Все сделай в точности, как я тебе велел,
И, главное, смотри, чтоб страх неосторожно
Никто не пробудил до срока в ней, безбожной.
Вы ж Иоасу трон поставьте, дети, здесь,
Чтоб царь пред воинством мог на него воссесть
В присутствии своей кормилицы достойной.
А ты, Иосавеф, не плачь и будь спокойной.

(Одному из левитов.)

Едва в дариде спесь все чувства заглушит
И за святой порог шагнуть она решит,
Велишь ты, чтоб назад отрезать ей дорогу,
Закреть ворота вновь и протрубить тревогу,
Что вражескую рать в смятенье приведет.
А мы на выручку царю созовем народ
И постараемся, чтоб стало всем известно,
Как Иоас спасен от смерти был чудесно.
Но вот и государь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иоас, Иодай, Иосавеф, Захария, Суламита, Авария,
множество священников и левитов, хор.

И о да й

(продолжает)

Служители творца,
Расположитесь вокруг носителя венца,
Но скрытно, так, чтоб вас не видела царица,
Пока я вам пред ней не прикажу явиться.

Все священники и левиты скрываются

Царь, внемли мне и верь: угодно небесам,
Чтоб ты узрел, как враг падет к твоим стопам.
Ту, кем ты был уже чуть не убит однажды,
Вновь направляют к нам корысть и мести жажда.
Но не страшись, мой царь, минуты роковой:
Сам ангел мщенья бдит над нами и тобой.
Взойди на трон и... Чу! Ворота отомкнулись.
Дозволь, чтоб пред тобой завесы запахнулись.

(Задерживает завесы.)

Царевна, ты в лице меняешься?

Иосавеф

О да!

Ведь целая толпа убийц идет сюда.
Ужель не видишь ты, как тирские наймиты...

Иодай

Я вижу лишь одно: ворота вновь закрыты.
Мы в безопасности.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Иоас, Гофолия, Иодай, Иосавеф, Авенир, свита Гофолии.
(Иоас скрыт завесами).

Гофолия

(Иодаю)

Вот где ты, бунтовщик,
Ты, поджигатель смут, бесстыдный клеветник,
Разнуздывающий везде дурные страсти,
Безумной черни вождь и враг верховной власти!
Ты мнил, что будет вам оградой ваш бог.
Ну, видишь ты теперь, как он тебе помог?
Все у меня в руках — и ты, и это зданье,
И я на алтаре, где ты свершал закланья,
Могла бы и тебя... Но слову я верна,
Коль скоро выкуп мне уплатишь ты сполна.
Где отрок? Где ваш клад? Я ждать не стану доле.
Они нужны мне.

Иодай

Я твою исполню волю
И покажу тебе одновременно их.
Завесы раздергиваются.

Предстань, Давида внук, дитя царей былых!
Ты узнаешь ли в нем кровь тех, кто нами правил,
Царица? Этот шрам не твой ли нож оставил?
Вот Иоас, твой царь и Охозии сын.
Евреи, Авенир, вот кто ваш властелин.

Авенир

О, небо!

Гофолия

(Иодаю)

Кознодей!

И о да й

А кто жена вон эта?
 Не та ль, кем вскормлен царь в младенческие лета?
 Моей супругою сокрыт он в храме был
 И сохранен для нас вождем небесных сил.
 Вот он, мне вверенный Давидов клад бесценный!

Гофолия

Дитя на гибель ты обрек своей изменой.
 От призрака меня избавьте, храбрецы!

И о да й

Восстаньте за царя, господние бойцы!

Сцена открывается на всю глубину, показывая зрителям
 внутренние помещения храма. Со всех сторон на сцену устремляются
 вооруженные левиты.

Гофолия

Где я? Подстроена была ловушка в храме.
 Предательство! Я здесь окружена врагами.

И о да й

Напрасно мечется по сторонам твой взгляд —
 Отрезал сам творец тебе пути назад.
 Он предал нам тебя и требует расплаты
 За кровь, которую потоками лила ты.

Гофолия

Как! Воинов моих постыдный страх сковал?
 Ты, подлый Авенир, в капкан меня зазвал!

А венир

Свидетель бог...

Гофолия

Оставь ты бога, лжец двуликий,
 И за меня отмсти.

А венир

(бросаясь к ногам Иоаса)

Я? Своему владыке?

Гофолия

Вы мните, Иоас — ваш царь, бунтовщики?
 Но держат храм еще в кольце мои полки.

Они идут сюда. Я слышу клич их бранный.
Дрожите! Ждет всех вас возмездие, смутьяны.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Иоас, Гофолия, Иодай, Исмаил и все действующие лица
предыдущего явления.

Исмаил

(Иодаю)

Свободен храм, и враг отогнан от ворот.
Наемники бегут, покорствует народ.
Как вихрь уносит дым, что над землей клубится,
Так голос господя рассеял рать царицы.
Левиты с паперти евреям дали знать,
Что Охозии сын явился трон занять,
Что он младенцем был спасен от вражьей стали
И что Ахава дочь в ловушку мы поймали.
Внезапно крикам их завторил трубный зов,
И бог вселил в сердца царицыных бойцов
Тот леденящий страх, что войску Гедеона⁸⁷
Маданитян смять помог во время оно.
У тирян выпало оружие из рук,
И первыми они пустились в бегство вдруг.
Часть иудеев вслед за ними поспешила,
Но большинство, узрев, что божья длань свершила,
Власть Иоасову признали над собой.
Весь город запружен ликующей толпой.
Все обнимаются, царя благословляют
И присносущего за милость прославляют.
Все счастливы, что сын Давида воскрешен.
Всем сделался Ваал и мерзок, и смешон.
Повергнут он во прах. Матфан, его служитель,
Убит.

Гофолия

Еврейский бог, ты снова победитель!
Да, это Иоас. Я узнаю его
По следу явному удара моего.
Черты, осанка, взгляд — мне все в нем так знакомо,
На всем лежит печать враждебного мне дома.
Вновь посрамлен Ахав, и верх Давидом взят.
Лишь ты, жестокий бог, ты в этом виноват.
Ты соблазнил меня надеждою на мщенье,

Но вынуждал менять сто раз на дню решенье,
То жалость к мальчику будя в груди моей,
То взоры мне слепя сокровищем царей,
Чтоб не разграбили твой храм и достоянье.
Что ж! Пусть теперь царит твой сын, твое создание,
И пусть с того начнет свое правленье он,
Что в грудь праматери им будет нож вонзен!
Но вот что я ему желаю, умирая. . .
Желаю? Нет, вот в чем его я заверяю:
В свой час закон творца сочтет и он ярмом —
Ахава и моя проснется кровь и в нем.⁸⁸
Тогда опять венца Давидова владетель,
Как дед и как отец, забудет добродетель,
И богу отомстит, алтарь его скверня,
За нас — Иезавель, Ахава и меня.

И о да й

Пусть уведут ее, зане свершенье мести
Кошунством было бы в таком священном месте,
И пусть за кровь царей, что к небу вопиет,
Кровь нечестивицы прольется в свой черед;
А если кто дерзнет спасти ее от кары,
Пусть не уйдет и он от меткого удара.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Иоас, Иодай, Иосавеф, Авенир и все действующие лица
предыдущего явления.

Иоас

О боже, видящий смятение мое,
Да не сразит меня проклятие ее,
И участь, ею мне предсказанная, минет!
Пусть Иоас умрет, коль он тебя отринет!

И о да й

(*левитам*)

Зовите в храм народ, чтоб царь предстал ему
И присягнули все владыке своему.
Народ, левиты, царь, в смирении сердечном
Скрепим опять союз Иакова с предвечным,
Покаемся в грехах и принесем обет
Чтить бога и блюсти его святой завет.
Вновь, Авенир, вождем будь воинства царева.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

И о а с, И о д а й, л е в и т и все действующие лица
предыдущего явления.

И о д а й

Ну что? Наказана ль преступница сурово?

Л е в и т

За нечестивость ей, злодейке, меч воздал.
Весь Иерусалим, что столько лет страдал
Под игом грешницы жестокой и лукавой,
Взирает с радостью на труп ее кровавый.

И о д а й

Свидетель правого господнего суда,
О иудеев царь, запомни навсегда,
Что в небесах есть бог, за беззащитных мститель,
Судья земным царям и сиротам родитель.

ДОПОЛНЕНИЯ

РАССКАЗ ТЕРАМЕНА¹
(Перевод Г. Р. Державина)

Едва мы за собой оставили Трезен,
На колеснице он, быв стражей окруженный,
Стопами тихими уныло провожденный,
Задумчиво сидя, к Мецене путь склонял
И пущенных из рук возжей не напрягал.
Прекрасные кони, быв прежде горделивы,
По голосу его и кротки и ретивы,
Шли преклонив главы и туском их очей
Казались сходны с ним печалию своей.
Тут вдруг ужасный шум сквозь моря влагу бурну
Восстал и возмутил всю тишину лазурну,
Стон, гулами из недр подземных отразясь,
Вкруг глухо отвечал на волн ревущих глас;
Проник нам мраз сердца, застыла кровь сим дивом,
У сметливых коней востали гривы дыбом;
Из черных бездн тогда средь бледна лона волн,
Поднявшись, восстал огромный водный холм,
Пред ним бегущий вал скача, плеща стремился
И в пенистых клубах в нем чудный зверь явился:
Широкое чело, рогастое грозит,
Как медна, чешуя блестя на нем горит, —
Подводный был то вол, или дракон ужасный, —
Крутя, горбя хребет и ошиб вьющий страшный
Завыл, — и со берегов вдруг огласился вой;
Померкли небеса его зря под собой,
Земля содрогнулась, весь воздух заразился,
Привнесший вал его вспять с ревом откатился;
Бежало в страхе всё, не смея против стать,
И всяк искал себя в ближайшем храме спасть;
Но только Ипполит, достойный сын героя,
Коней остановя, как бы среди покоя,
Берет свое копьё, к чудовищу летит
И в чреве язву им широкую творит,

Страшилище с копыя вспрыгнув остервенело;
Но падши под коней трепещущи ревело,
Каталось по песку зев рьяный разверзав,
Рыгало кровь и дым и пламенем дыхав,
Коней страшило, жгло. — Тут кони обуяли
И в первый раз еще внимать его престали,
Не слушают, летят, сталь в зубы закуся,
Кровь с пеной с бразд ликот чрез все его неся,
И даже говорят, что в страшном сем рассказе
Бог некий их чрева бодал во пыльном мраке,
С размаху врынулась упряжка между скал,
Ось хряснула сломясь, — и твой бесстрашный пал
Со колесницы сын, ее зря раздробленной,
Помчался вслед коней возжами заплетенной.
Прости мне, государь, мой плач! — Сей страшный вид
По гроб мой жалости слез токи источит!
Сам видел, государь, — иначе б не поверил —
Твой влекся сын коньми, которых он лелеил;
Хотел остановить; но гласом их пужал,
Поколь сам кровью весь облившись трупом стал.
Стенаньями нашими окрестность оглашалась;
Но ярость конская отнюдь не уменьшалась. —
Остановилися уж сами близ гробниц,
Где древних прах царей почитет и цариц —
Бегу туда, воплю, — и стража вся за мною,
Истекша кровь струей вела нас за собою,
Покрыты камни ей, обвит власами терн,
По коему он был порывисто влечен. —
Пришед его зову. — Он длань простря мне бледну
Открыл полмертвый взор и ниспустил дух в бездну,
Сказав: «Безвинно рок мой отъемлет дни. —
Арисию по мне, любезный друг, храни. —
И выдет мой отец когда из заблужденья,
К сыновней злой судьбе окажет сожаленья,
Проси печальну тень покоил чтоб мою,
Ко пленнице явил щедроту бы свою
И ей бы возвратил . . . » При сих словах мгновенно
Оставил нам герой лишь тело обагренно, —
Печальнейший предмет свирепости богов, —
Кого бы не познал и самый взор отцов.

СОН ГОФОЛНИ²

(Перевод П. А. Катенина)

Глухая ночь меня ужасной крыла тьмой;
Се мать, Иезавель, предстала мне в виденье,
В богатом, как была в день смерти, облаченье;
Над бедством гордостью души вознесена;
Румянцем, белизной подложными красна,
Случалось коими ей старостью тягчимою
Изглаживать годов позор неизгладимой.
«Вострепещи», рекла, «достойная мне дщерь;
Злый Бог Еврей твою готовит казнь теперь.
Жалею, зря тебя в руках его несчастну,
О, дочь моя!» едва скончала речь ужасну,
И наклонилась тень на одр к главе моей;
А я объятия уж простирала к ней;
Но безобразну смесь лишь обрела со страхом
И плоти и костей, покрытых гнусным прахом,
В крови отрывки жил и кожи и волосов,
И спорилась о них несытых стая псов.

ИЗ „ФЕДРЫ“ РАСИНА ³

(Перевод Ф. И. Тютчева)

Когда мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумии бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалось, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил вокруг воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли ответствует стенаьем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, —
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,
Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный вол, неистовый дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Все скрылося, ища спасенья в бегстве, —
Лишь Ипполит, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копые
И, меткою направив сталь рукою,

Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копыта почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней — они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, —
Напрасно с ними борется возница,
Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, —
Прости слезам моим!.. сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик —
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, —
Кровь свежая стезю нам указывает.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почитет древних!..
Я прибежал, зову... с усилием тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Аридии моей!
Когда ж настанет день, что мой родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

НАЧАЛО „ФЕДРЫ“¹

(Перевод О. Э. Мандельштама)

«Решенье принято, час перемены пробил,
Узор Трезенских стен всегда меня коробил,
В смертельной праздности, на медленном огне,
Я до корней волос красею в тишине, —
Шесть месяцев терплю отцовское безвестье,
И дальше для меня тревога и бесчестье —
Не знать урочища, где он окончил путь».

— «Куда же, государь, намерены взглянуть?
Я первый поспешил унять ваш страх законный
И переплыл залив, Коринфом рассеченный.
Тезея требовал у жителей холмов,
Где гложет Ахерон в жилище мертвецов.
Эвлиду посетил, не мешкал на Тенаре,
Мне рассказала зыбь о рухнувшем Икаре.
Надежды ль новой луч укажет вам тропы
В блаженный край, куда направил он стопы?
Быть может, государь свое решенье взвесил
И с умыслом уход свой тайной занавесил,
И между тем как мы следим его побег,
Сей хладнокровный муж, искатель новых нег,
Ждет лишь любовницы, что, тая и робея. . .»

— «Довольно, Терамен, не оскорбляй Тезея. . .»

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТРАГЕДИИ РАСИНА

1

Творчество Расина падает на эпоху формирования французской классической национальной культуры, ознаменованную появлением ряда выдающихся прозаиков и поэтов — Мольера, Паскаля, Лафонтена, Буало, Лабрюйера. Его вступление в литературу совпадает с четко обозначенным рубежом в политической истории Франции XVII в. Укрепление централизованной королевской власти, опирающейся на разветвленный административно-чиновничий аппарат, было в основном завершено кардиналом Ришелье, всесильным министром при слабом короле (с 1624 по 1642 г.). После смерти Ришелье и Людовика XIII наступает временное ослабление абсолютной монархии. Оппозиционно настроенная знать пытается вернуть свою былую политическую независимость, городская буржуазия — оказать сопротивление растущему финансовому давлению нового министра, кардинала Мазарини; волна массовых крестьянских восстаний прокатывается по всей Франции.

Это сложное по своему социальному составу движение, именуемое Фрондой, на какой-то момент поколебало твердыню королевской власти, однако уже в начале 1650-х годов она одержала верх над своими противниками внутри страны, а несколькими годами позже и над внешним врагом — испанской монархией Габсбургов. Пиренейский мир (1659), заключенный Мазарини, совпал с совершеннолетием короля, который сразу же после смерти министра взял в свои руки управление государством.

Политический курс Людовика XIV заключался в дальнейшей абсолютизации королевской власти, объявившей себя единственным и исключительным авторитетом во всех областях общественной, духовной и даже частной жизни. Пышность, репрезентативность, тщательно разработанный и обязательный этикет становятся характерными внешними признаками французской культуры второй половины XVII в. Но за этой блестящей внешней стороной скрываются глубокие и трагические противоречия социального и нравственного порядка, определившие содержание французской духовной жизни и литературы второй половины XVII в. Острота политических проблем, выдвинутых эпохой Ришелье, утрачивает

свою актуальность, они уступают место проблемам философским и этическим.

Если для литературы 1620—1630-х годов существенную роль играли идеи неостоицизма в их светском и религиозно-аскетическом вариантах, идея свободы воли и торжество разума, то в середине века им на смену приходят более сложное понимание человеческой души, получившее свое выражение в учении янсенистов и в связанной с ним философии Паскаля. Эти идеи сыграли важную роль в формировании духовного мира Расина.

Янсенизм (названный так по имени его основоположника, голландского богослова Корнелия Янсения) представлял собой религиозное течение в рамках католической церкви, выступавшее, однако, критически по отношению к некоторым ее догмам. Философским стержнем янсенизма была идея предопределения, «благодати», от которой зависит в конечном счете спасение души. Изначальная греховность человека, слабость его натуры может быть преодолена лишь при поддержке свыше, но непременным условием спасения является внутреннее осознание этой слабости и греховности, постоянное стремление к нравственной чистоте и добродетели. Таким образом, в учении янсенистов противоречиво сочетаются смирение перед неисповедимым промыслом господним и пафос внутренней нравственной борьбы с грехом и пороками, направляемый анализирующей силой разума. Будучи по природе своей течением религиозным, янсенизм вместе с тем был детищем рационалистического XVII века — об этом ясно свидетельствует то место, которое отведено в его учении самоанализу и роли разума, а также вся та система построений и аргументации, которая обосновывает это учение в целом и отдельные его положения.

Однако роль и значение янсенизма в общественной и духовной жизни Франции не исчерпываются этой религиозно-философской стороной. Решительное и мужественное осуждение развращенных нравов общества, в том числе сильных и сильнейших мира сего, в особенности же борьба против растлевающей морали иезуитов, определяют место янсенизма в идеологической атмосфере эпохи. Они же и стали главной причиной тех преследований, которым подвергся янсенизм начиная с 1650-х годов и которые завершились полным и жестоким его разгромом.

Центром янсенистской общины был женский монастырь Пор-Рояль в Париже. Ее идейными вождями были люди светских профессий: филологи, юристы, философы — Антуан Арно, Пьер Николь, Жансело, Амон, Леметр. Все они так или иначе сыграли роль в формировании личности Расина и в его судьбе.

Если обратиться от этих философских предпосылок творчества Расина к литературно-эстетическим, то нужно иметь в виду прежде всего ту в целом сложившуюся художественную систему, которую мы именуем классицизмом, но которая на протяжении XVII века эволюционирует и получает свое наиболее полное воплощение именно в творчестве Расина.

Формирование классической доктрины падает в основном на 1620—1630-е годы, когда постепенно в ходе критических дискуссий и выступле-

ний вырабатывается система правил, регламентирующая разные жанры литературы. Эта строго нормативная система опиралась на принципы и методы рационалистической философии, прежде всего на универсальные, «общечеловеческие» законы разума, и выдвигала в качестве основополагающих требований ясность мысли и ее словесного выражения, гармоническую строгость построения, логическое правдоподобие (которое в сочинениях второстепенных теоретиков отождествлялось с «общепринятым мнением»).

Для эстетической системы классицизма характерно тяготение к абстрактно-обобщенному типизированному воплощению человеческих страстей и характеров, перенесение интереса с внешних событий на внутренний мир человека и связанное с этим углубление психологического анализа. Рационалистические основы эстетики классицизма определили и ее объективный характер, исключавший произвол авторской фантазии и сводивший к минимуму личный элемент в поэтическом произведении. Этим отчасти объясняется преимущественное развитие «объективных» — драматических жанров, характерное для французского классицизма. Другой причиной следует считать «объективную» общественно значимую проблематику, которая составляла содержание французской литературы XVII в. и требовала соответствующих жанровых форм художественного воплощения.

Эти очень суммарно обозначенные черты французского классицизма, разумеется, не исчерпывают и не вмещают в себя всего многообразия литературной жизни Франции. За их пределами остались внеклассические направления, с которыми, однако, творчество Расина почти не соприкасалось и не перекрецивалось, — такие как бурлескная литература, бытовой роман, прециозная лирика.

Сложнее решается вопрос о взаимоотношении творчества Расина с литературой и в особенности с драматургией барокко, которая в начале века предстает в резко обособленном виде, эстетически и идейно противопоставляет складывающейся классицистической литературе, а затем, в 30-е и 40-е годы, проявляется в виде структурных и идейных компонентов, содержащихся в произведениях, классических по своей внешней форме.¹ Это касается прежде всего непосредственных предшественников Расина — трагических поэтов Пьера Корнеля (1606—1684) и Жана Ротру (1609—1650), бесспорно имевших немалое значение для формирования его творческого лица.

Корнель по праву считается отцом французской классической трагедии. Он создал ее наиболее общий тип, однако в своем обширном и сложном эволюционировавшем творчестве дал множество вариантов и отклонений от этого типа, в особенности же — от формальной доктрины классицизма, с которой он неоднократно полемизировал. Тенденции ба-

¹ Подробнее см.: Сигал Н. А. Тенденции барокко во французской драматургии 30—40-х гг. XVII века. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 239—269.

роcco, проявившиеся в тяге к исключительному, неправдоподобному, к усложненности действия и драматических коллизий, особенно заметно выступают в позднем творчестве Корнеля, которое по времени частично совпадает с приходом в литературу Расина. Они и служат предметом теоретической полемики, о которой подробнее будет сказано ниже.

Однако между обоими поэтами пролегла — хронологически и эстетически — своего рода «ничейная земля»: драматургия 1650-х — начала 1660-х годов, отошедшая от большой философской и гражданской проблематики трагедий Корнеля и не сумевшая подняться до философско-этической — будущих трагедий Расина. Она трактовала в основном любовную тему в условно-галантном и слащавом духе. Главная фигура этого периода — Филипп Кино (1635—1688) в дальнейшем перешел к сочинению оперных либретто и длительно сотрудничал с композитором Ж.-Б. Люлли. Пьесы Кино вполне соответствовали вкусам придворных кругов в период, последовавший за поражением Фронды, они отражали модные веяния этого переходного времени, но не проникали в глубь тех проблем, которые выдвигала новая эпоха. Ответить на эти проблемы стало делом Расина.

2

Жан Расин родился в середине декабря 1639 г. (дата крещения — 22 декабря) в небольшом провинциальном городке Ферте-Милон. Семья его принадлежала к чиновничьей буржуазии, занимавшей на протяжении нескольких поколений административные должности. Такая социальная стабильность в условиях замкнутого провинциального уклада жизни сулила в будущем солидное общественное положение и известный материальный достаток. Но ранняя смерть родителей, не оставивших никакого наследства, круто изменила судьбу Расина. В трехлетнем возрасте он остался на попечение бабушки, Мари Демулен, также весьма ограниченной в средствах. Однако давние и прочные связи семьи с янсенистской общиной обеспечили мальчику возможность бесплатно получить превосходное образование.

С 1649 по 1653 г. он был воспитанником школы при монастыре Пор-Рояль, затем обучался в коллеже в Бове, потом снова в Париже, все время под эгидой янсенистов. Преподавание в этих учебных заведениях велось на новых для того времени началах. Кроме латыни оно включало греческий язык и литературу — впоследствии это ощутимо отразилось на творчестве Расина. Основательно изучались риторика, всеобщая грамматика, философия, логика, а также основы поэтики. Режим занятий для младших учеников был строгим и напряженным. Большое внимание уделялось формированию нравственных и религиозных взглядов воспитанников.

Духовная атмосфера, в которой прошли детские и отроческие годы Расина, была, таким образом, благоприятной для развития его интеллекта. Но, по-видимому, он рано начал тяготиться той опекой и аскетич-

ческой строгостью, которая окружала его в янсенистской школе. Были и другие моменты, оказавшие в разном смысле влияние на становление личности будущего писателя и на его дальнейшую судьбу. Силой обстоятельств он оказался в центре напряженной идейной борьбы, сыгравшей большую роль в жизни французского общества XVII в.

Уже в предшествующие десятилетия янсенисты не раз подвергались гонениям со стороны официальной церкви. Атмосфера накалилась еще более после выхода «Писем к провинциалу» Паскаля (1656), которые были открытым обвинением иезуитов. Родственник Расина Никола́ Витар, принимавший близкое участие в его судьбе, имел прямое отношение к изданию и распространению «Писем». Сочинение Паскаля читалось и изучалось в стенах Пор-Рояля. Оно стало для Расина школой полемического искусства, которое он вскоре обратил против учителей своей юности и в дальнейшем широко использовал в своей литературной борьбе.

Годы учения имели для Расина еще одно — практическое значение. Янсенисты числили среди своих питомцев немало людей, принадлежавших к высшему аристократическому кругу. Расин рано соприкоснулся с этой средой, так непохожей на его семейное окружение, приобрел светский лоск и непринужденность в обращении, завязал дружеские связи, впоследствии сыгравшие немаловажную роль в его карьере. Несколько лет он провел в доме близкого янсенистам вельможи — герцога де Люинь, куда его ввел Витар, состоявший управляющим у герцога. С этой семьей вскоре породнился Кольбер, будущий министр Людовика XIV, в дальнейшем оказывавший неизменное покровительство Расину.

Однако по окончании коллежа жизненные планы двадцатилетнего Расина оставались крайне неопределенными. Положение «бедного родственника» делало сомнительной даже скромную карьеру провинциального чиновника, на которую он мог бы претендовать по своим семейным связям. Более всего его привлекала литература — еще в школьные годы он начал писать латинские и французские стихи, обратившие на себя внимание товарищей и учителей. Это увлечение Расина, поощряемое его новыми светскими друзьями, встретило резко неодобрительное отношение со стороны его духовных руководителей. По словам Расина, ему «слали письмо за письмом, анафему за анафемой». Однако в эту пору доверие и почтение Расина к его воспитателям были заметно поколеблены новыми отношениями и интересами, в особенности же удачным литературным дебютом: в 1660 г. он написал оду «Нимфа Сены» по случаю бракосочетания короля, она была одобрена официальными авторитетами в вопросах поэзии и напечатана. Тем не менее Расин, подчиняясь настояниям родственников, покинул столицу и отправился в городок Юзес на юге Франции в надежде получить там с помощью дяди-каноника какую-нибудь ни к чему не обязывающую церковную должность. Однако хлопоты дяди натолкнулись на сопротивление местного духовенства, и Расин, проведя два года в провинциальной глуши, без особых сожалений покинул Юзес и вернулся в 1663 г. в Париж.

Момент оказался как нельзя более благоприятным для его истинных устремлений: одним из аспектов новой политики, проводимой Кольбером, было официальное (в том числе и финансовое) поощрение наук и искусств, которые должны были прославить молодого короля и придать невиданный до тех пор блеск его царствованию. Старый поэт Шаплен, который еще при кардинале Ришелье считался арбитром в вопросах литературы и был секретарем основанной в 1634 г. Французской Академии, был уполномочен составить список кандидатов на получение королевских пенсий. Он вспомнил об авторе оды «Нимфа Сены», за которой к этому времени последовали и некоторые другие стихотворения в таком же духе, и включил Расина в список наряду с людьми, гораздо раньше зарекомендовавшими себя в области поэзии. Возможно, что помогли и давние связи Расина с окружением Кольбера. Во всяком случае он получил скромную, но почетную пенсию в 600 ливров.

Тогда же была написана первая дошедшая до нас трагедия Расина «Фиваида, или Враждующие братья», представленная труппой Мольера летом 1664 г. Сам Расин в предисловии к изданию 1676 г. называет в качестве основного источника «Финикиянок» Еврипида, но его пьеса гораздо большим обязана трагедиям Сенеки и Ротру и, отчасти, Корнелия. Это говорит о том, что вкусы и творческое лицо начинающего драматурга еще не определились, и он в значительной мере тяготел к напряженным коллизиям в духе поэтики барокко. Вместе с тем уже в этой подражательной вещи проступают некоторые черты, которые будут характерны для зрелых произведений Расина — лаконизм в построении сюжета, соблюдение трех единств, внимание к психологическому анализу.

Заметно расширяется круг литературных связей Расина. Еще до отъезда в Юзес он был знаком с Лафонтеном. Постановка «Фиваиды» сближает его, правда на короткое время, с Мольером. Тогда же он знакомится с Буало, который в дальнейшем становится его ближайшим другом и единомышленником.

В 1665 г. Расин пишет свою вторую трагедию «Александр Великий», которая в начале декабря была с успехом сыграна труппой Мольера. Однако меньше чем через две недели она появилась на сцене Бургундского отеля, признанного первого театра Парижа — факт неслыханный и неприличный по понятиям того времени. Пьеса, переданная драматургом театральной труппе, считалась на какое-то время ее исключительной собственностью — конкурирующая постановка могла ощутимо отразиться на сборах. Поэтому повяты возмущение Мольера и его труппы, поддержанное и общественным мнением. Впоследствии недоброжелатели Расина не раз напоминали о его некорректном поведении, стремясь дискредитировать его в моральном отношении. Обычно, вслед за первым биографом Расина — его сыном Луи, этот поступок начинающего автора объясняют соображениями чисто художественного порядка — чересчур «реалистическим» исполнением трагедии в театре Мольера, ставившем преимущественно комедии, тогда как Расин более склонялся к условному приподнято-декламационному стилю. Эта манера исполнения высо-

кой трагедии, незадолго до того высмеянная Мольером в его пьесе «Версальский экспромт», культивировалась в Бургундском отеле. Возможно, однако, что известную роль сыграли более практические мотивы — официальная репутация первого театра столицы импонировала и авторам, и актерам, при первой возможности покидавшим более скромную труппу ради более блестящей. Так поступила, в частности, под влиянием Расина лучшая актриса мольеровской труппы Тереза Дю Парк, прославившаяся через два года исполнением роли Андромахи. Отныне Расин прочно связал свою театральную судьбу с Бургундским отелем, ставившим все его пьесы вплоть до «Федры». Разумеется, отношения его с Мольером приняли враждебный характер, и впоследствии не раз на сцене мольеровского театра появлялись пьесы, конкурировавшие с трагедиями Расина или направленные против него.

«Александр Великий», вызвавший этот скандал в театральной жизни Парижа, был, несмотря на формально исторический сюжет, очень далек от существовавшего тогда типа исторической трагедии. Обычно его толкуют как попытку Расина вступить в состязание с общепризнанным мастером этого жанра — Корнелем. На самом деле это было не состязание, а полемика, которая получила продолжение и развитие в следующих пьесах Расина. Это была проба пера молодого автора, еще не нашедшего своих прочных художественных позиций, но уже явно критичного по отношению к знаменитому предшественнику. Уже современники обратили внимание на то, что политическая тема совершенно отсутствует в «Александрe», а герой — не столько завоеватель и глава мировой империи, сколько образцовый любовник, трактуемый в духе рыцарских романов об Александре и галантных романов XVII в. В «Александрe Великом» отчетливо проступают вкусы и установки новой эпохи, для которой драматургия Корнеля с ее пафосом политических идей представляла уже вчерашний день. Вместе с тем та перестройка проблематики высокой трагедии, которая станет очевидной начиная со следующей трагедии Расина — «Андромахи», еще не обрела полноценного художественного воплощения. Это было сразу же замечено критиками, в особенности старшего поколения, воспитанными в школе Корнеля. Они увидели в пьесе Расина утрату прежних завоеваний, а не обретение нового качества. Известный знаток литературы, опальный аристократ Сен-Эвремон, находившийся в эмиграции в Англии и весьма критически настроенный к новым веяниям в политике и культурной жизни Франции, писал: «Меня удивляет, что у этой пьесы столько поклонников и критиков, — я не вижу в ней ничего, что могло бы внушить восторг или зависть». Вместе с тем пьеса получила достаточно широкий резонанс даже за пределами Франции. Расин явно начинал выходить в первый ряд театральных авторов. События последующих лет еще более привлекли к нему общественное внимание.

Окрыленный своими литературными успехами, Расин включается в острую дискуссию, развернувшуюся между его вчерашними учителями — янсенистами и их идейными противниками из официальных цер-

ковных кругов. Исходным толчком послужили «Письма о мнимой ереси» (1664—1665) одного из идейных вождей янсенизма Николя. Они были направлены против поэта и драматурга Демаре де Сен-Сорлена, выступившего от лица официальной церковной верхушки с нападками на янсенистов. Ответ Демаре вызвал новую серию открытых писем Николя, на этот раз озаглавленных «Духовидцы». «Письма» Николя по стилю полемики (и общему числу — 18) явно подражали «Письмам к провинциалу» Паскаля, но уступали им по таланту и остроте мысли. В первом «Письме о духовидцах» Николь с пренебрежением отзывался о прежней литературной деятельности Демаре, называя ее «малопочтенным занятием в глазах порядочных людей и мерзким с точки зрения христианской религии и евангельского учения». «Сочинитель романов и театральных пьес, — писал Николь, — публичный отравитель не тел, а душ верующих, и его должно считать виновником бесчисленного множества духовных убийств».

Это осуждение театра, последовательно проводившееся янсенистами и в их писаниях, и в их педагогической деятельности, в «Письмах» Николя было лишь попутным полемическим приемом, желанием морально дискредитировать противника. Но Расин воспринял его как выпад против всех театральных поэтов и лично против него самого. Давно уже наступившее отчуждение между ним и его наставниками перерастает в открытую вражду. В январе 1666 г. выходит (анонимно) его брошюра «Письмо автору Мнимых ересей и Духовидцев», в которой он, беря под защиту театральных авторов, осыпает насмешками своих недавних учителей. При этом религиозный аспект полемики, занимавший главное место в выступлении Николя и ответе Демаре, мало интересует Расина — он отстаивает прежде всего общественный авторитет и моральную репутацию драматурга: «Удовольствуйтесь тем, чтобы раздавать чины на том свете, не занимаясь воздаяниями на этом», — пишет он, обращаясь в лице Николя к янсенистам вообще.

Письмо Расина, написанное в остроумной и изящной форме, выгодно отличалось от тяжеловесного и педантичного стиля Николя. Оно получило сразу же широкий резонанс и вызвало ответную реакцию двух анонимных авторов из янсенистского лагеря. Расин написал второе письмо, еще более резкое, но по совету друзей воздержался от его опубликования.

Сыновья Расина впоследствии ссылались на вмешательство Буало, который напомнил Расину, что он выступает против «честнейших людей в мире», к тому же подвергавшихся в ту пору жестоким гонениям сверху. По-видимому, сыграли роль и другие причины — было достаточно широко известно, сколь многим обязан Расин янсенистам, и это выставляло его поведение в неблагоприятном свете. Кроме того, в частном письме к одному из деятелей Пор-Рояля он решительно отрицал авторство своего первого «Письма», и эта двойная игра легко могла всплыть наружу. Ходили слухи, будто парижский архиепископ, очень довольный выступлением Расина, предложил ему выгодную церковную синекуру в награду за второе письмо, — а это и вовсе могло скомпрометировать

нравственный облик писателя. Как бы там ни было, Расин воздержался от продолжения полемики. Его отношения с янсенистами прервались надолго — на целое десятилетие. Но основы его философского мировоззрения, его понимания нравственной природы человека, заложенные в ранней юности янсенистским воспитанием, не раз проявлялись в трагедиях этого десятилетия и, прежде всего, в «Андромахе», знаменующей наступление его творческой зрелости.

3

Второе обращение Расина к древнегреческому мифологическому сюжету отличается от «Фиваиды» прежде всего масштабом нравственной проблемы, органической спаянностью различных элементов идейной и художественной структуры произведения. Основная драматическая ситуация «Андромахи» почерпнута Расином из античных источников — Еврипида, Сенеки, Вергилия (см. примечания). Но она же возвращает нас к типовой сюжетной схеме пасторальных романов, казалось бы, бесконечно далеких по своим художественным принципам от строгой классической трагедии: пастушок А любит пастушку В, которая любит пастушка С, который любит пастушку D, и т. д. Но эта схема, которая в галантном романе была источником неограниченного разбухания сюжета за счет множества попутно возникающих эпизодов, эта разомкнутая цепь, которую можно было произвольно наращивать или сокращать, не имела никакого цементирующего идейного ядра. В «Андромахе» таким ядром выступает столкновение разумного и нравственного начала в человеке со стихийной страстью, влекущей его к преступлению и гибели.

Наследие янсенистской концепции человека в форме, чрезвычайно близкой к идеям Паскаля, отчетливо выступает в расстановке четырех персонажей трагедии. Трое — Пирр, Гермiona и Орест — становятся жертвой своей страсти, которую они осознают как недолжную, противоречащую нравственному закону, но неподвластную их воле. Четвертая — Андромаха — как нравственная личность стоит вне страстей и над страстями, но как побежденная царица, пленница, она оказывается помимо своей воли вовлеченной в водоворот чужих страстей, играющих ее судьбой и судьбой ее сына. Исконный конфликт, на котором выросла французская классическая трагедия, прежде всего трагедия Корнеля, — конфликт между разумом и страстью, чувством и долгом — полностью переосмысливается в этой трагедии Расина, и в этом впервые проявляется его внутреннее высвобождение из пут традиции и образцов. Свобода выбора, которой обладали герои Корнеля, иначе — свобода разумной воли принимать решение и осуществлять его хотя бы ценою жизни, недоступна героям Расина: первым трем из-за их внутреннего бессилия, обреченности перед лицом собственной страсти; Андромахе — из-за ее внешнего бесправия и обреченности перед чужой безжалостной и деспотической волей.

Альтернатива, стоящая перед Андромахой, — изменить памяти мужа, став женой убийцы всей ее семьи, или принести в жертву единственного сына — не имеет разумного и нравственного решения.² И когда Андромаха такое решение находит — в самоубийстве у брачного алтаря, то это не просто героический отказ от жизни во имя высокого долга (в духе корнелевских героев). Это моральный компромисс, построенный на двойном смысле ее брачного обета, — ведь супружество, которым будет куплена жизнь ее сына, фактически не совершится. Антагонисты Андромахи, Пирр и Гермiona, казалось бы, внешне свободные в решении своей и ее судьбы, связаны и порабощены своей страстью не меньше, чем Андромаха своим положением пленницы. И еще меньше волен распорядиться собой Орест. Возникает парадоксальная ситуация: все колебания и повороты в их судьбе, иными словами, все развитие действия трагедии определяется тем, какое решение примет Андромаха, а она в состоянии принять лишь мнимое решение. И такую же цепочку мнимых решений представляет удивительная по напряженности событий развязка: убийство Пирра приприсит Оресту вместо желанной награды — безумие, Гермione вместо удовлетворения ее оскорбленной гордости — безысходное отчаяние и добровольную гибель. Таким образом, если герои Корнеля (пусть в итоге внутренней борьбы и колебаний) знали, на что они идут, чем и во имя чего жертвуют, то герои Расина иступленно сражаются с собой и друг с другом во имя мнимостей, обнажающих свой истинный смысл слишком поздно. И даже благополучная для главной героини развязка — спасение сына и провозглашение ее царицей Эпира — несет на себе печать мнимости: так и не став супругой Пирра, она тем не менее принимает в наследство, вместе с его престолом, обязательство отомстить за того, кто должен был занять место Гектора.

Новизна и даже известная парадоксальность художественного построения «Андромахи» не только в этом несоответствии поступков героев и их результатов. Такое же несоответствие существует и между поступками и внешним положением героев. Сознание зрителей XVII в. было воспитано на устойчивых стереотипах поведения, закрепленных этикетом и отождествляемых с универсальными законами разума. Герои «Андромахи» на каждом шагу нарушают эти стереотипы, и в этом также проявляется сила охватившей их страсти. Пирр не просто охладевает к Гермione, но ведет с ней недостойную игру, рассчитанную на то, чтобы сломить сопротивление Андромахи. Гермiona, вместо того чтобы с презрением отвергнуть Пирра и тем самым соблюсти свое достоинство и честь (*gloire*, о которой так много говорят героини трагедий Корнеля), готова принять его, даже зная о его любви к троянке. Орест, вместо того чтобы честно выполнить свою миссию посла, делает все, чтобы она не увенчалась успехом.³

² См. об этом: Goldmann L. Structure de la tragédie racinienne. — In: Le théâtre tragique. Paris, 1962, p. 255.

³ См.: Butler Ph. Classicisme et baroque dans l'oeuvre de Racine. Paris, 1959, p. 148.

Какая же роль отводится в этой трагедии разуму? И нет ли здесь оснований говорить о торжестве иррационального миропонимания, характерного для литературы барокко? Разум присутствует в трагедии как способность героев осознавать и анализировать свои чувства и поступки и в конечном счете выносить самим себе приговор, иначе, говоря словами Паскаля, как осознание своей слабости. Герои «Андромахи» отступают от нравственной нормы не потому, что не сознают ее, а потому, что не в силах подняться до этой нормы, поборов обуревающие их страсти.⁴ Отчетливее всего это звучит в словах Пирра:

Препятствовать страстям напрасно, как грозе...
 ... Рассудку вопреки я жажду, чтобы жрец
 Назвал моей женою ту, кем я ненавижу.
 Наперекор себе в священный храм мы введем.

Эта философско-этическая концепция человека, которую Расин пронесет сквозь все свое дальнейшее творчество, и составляет принципиальное отличие «Андромахи» от первых трагедий Расина и от галантных слащавых пьес в духе Филиппа Кино. Когда критики упрекали Расина в том, что его Пирр чересчур смахивает на образцовых любовников галантных романов, они были глубоко неправы — могучая стихия страсти, которая не в силах ни покориться разуму, ни полностью пренебречь им, эта диалектика человеческой души, так тонко сформулированная Паскалем, была подлинным художественным открытием Расина. Она же определила и композиционную структуру трагедии — простоту развития действия, которое тем не менее движется к развязке с нарастающим драматическим напряжением. Расину не нужны внешние события, которыми насыщены трагедии Корнеля и которые неизбежно приходят в столкновение с правилом трех единств. События лежат за рамкой действия и исключаются из него, лишь пропущенные сквозь сознание героев, — вспомним исполненный драматизма монолог Андромахи о ночи, когда пала Троя, или рассказ Ореста о его скитаниях. В дальнейшем эти попутные, лежащие «за рамкой» мотивы и реминисценции будут нарастать, пронизывая всю художественную ткань трагедий Расина («Ифигения», «Федра», «Гофолия»). В «Андромахе» они даны лаконично и только как психологическая мотивировка поведения героев.

Впечатление, произведенное «Андромахой», было огромно. Об этом свидетельствует, в частности, обилие критических откликов, на которые Расин с большим полемическим искусством ответил — официально в предисловии к изданию пьесы, неофициально — в остроумных эпиграммах. Отражением недоброжелательной критики явилась комедия третьестепенного драматурга Сюблиньи «Безумный спор или критика „Андромахи“», поставленная весной 1668 г. в театре Мольера. По словам одного из персонажей, все вплоть до кучера и водоноса обсуждают новую трагедию Расина. Со времен «Урока женам» Мольера (1662) эта

⁴ Ср.: Goldmann L. Structure de la tragédie... , p. 257.

форма театральной критики и полемики вошла в моду и нередко только способствовала популярности разбираемой пьесы вместо того, чтобы дискредитировать ее в глазах публики. Все эти факты свидетельствуют о том, что «Андромаха» сразу выдвинула Расина на первое место среди французских драматургов. Последующие годы подтвердили и закрепили этот успех.

4

Вслед за «Андромахой» Расин в первый и единственный раз обратился к комедийному жанру — осенью 1668 г. он поставил комедию «Сутяги», написанную в духе Аристофана. В этой веселой изящной пьесе, пересыпанной озорными намеками и пародийными цитатами (из «Сида» Корнеля), Расин высмеивает архаические формы судопроизводства и манию сутяжничества. Тема была злободневной — незадолго до того был издан специальный королевский ордонанс, имевший целью упростить и модернизировать ведение судебных процессов. Примечательна разница между позицией Расина как комедиографа-сатирика и Мольера: комедии Мольера ставили глубокие и жгучие вопросы социальной жизни Франции — и в максимально острой форме. Расин высмеивает то, что уже официально осуждено верховной властью.

После «Сутяг» Расин обращается к политической трагедии на историческую тему, в которой открыто бросает вызов Корнелю — в конце 1669 г. французская публика увидела «Британика». Но именно внешнее сходство проблематики и исторического материала особенно ясно показало принципиальную разницу в их трактовке у обоих драматургов.

Классические трагедии Корнеля создавались в атмосфере напряженной политической борьбы между абсолютной монархией и феодальной аристократией старого типа, стремившейся сохранить свою независимость перед лицом крепнущей королевской власти. Конфликт между государством и личностью определял гражданский пафос этих трагедий, а идея государственного блага трактовалась как высшая сверхличная ценность. В «Британике» получила отражение новая политическая ситуация, сложившаяся во Франции после 1660 г. Окончательное торжество абсолютной монархии, утверждение ее престижа и авторитета двора выдвигают на первый план моральный аспект политической проблемы. Не формы правления — республика или монархия, не конфликт между личным чувством и государственным долгом, не борьба законного монарха с узурпатором, а нравственная личность монарха, формирующаяся в атмосфере неограниченной власти, стоит в центре трагедии Расина.

С этим связан и выбор исторического сюжета и источника. Политическая мысль второй половины XVII в. все чаще обращается к Тациту, ища у него ответа на актуальные вопросы, выдвигаемые современной действительностью. При этом восприятие Тацита накладывалось на теории Макьявелли, которые начиная с середины XVII в. получают широкое отражение в политических трактатах идеологов абсолютной мо-

нархии (заметим, что труды флорентийского политика имелись в библиотеке Расина).⁵

По сравнению с «Андромахой» в «Британике» бросается в глаза необыкновенно интенсивное использование источника, тем более примечательное, что речь идет о произведении совсем иного жанра. «Британик» буквально пестрит дословными реминисценциями из Тацита (см. примечания), однако их функция, место и структурная организация существенно иные, чем в тексте римского автора. Сопоставление исторической трагедии с историческим повествованием приводит нас к важному моменту художественной системы Расина — к вопросу о художественной функции категории времени. Мифологический сюжет «Андромахи» был в минимальной степени соотнесен с временным развитием, тем более что действие трагедии было крайне бедно событиями. Иное дело «Британик». Когда Расин в своем предисловии называет Нерона «чудовищем в зачатке», то этим самым он имплицитно вводит категорию времени как принципиально важную для построения драматического характера и для художественной структуры трагедии в целом. Взамен априорно заданного героя, который, согласно правилам классической поэтики, должен оставаться «самим собой», Расин выводит героя в решающий момент становления его личности. Ощущение перелома, в котором проявляется течение времени, не покидает нас с первой же сцены — с первых слов Агриппины, встревоженной переменой, происшедшей в ее сыне. Эта перемена и нарастающее ожидание того, во что она выльется, и определяют драматическое напряжение пьесы.

С временным потоком связаны и многочисленные упоминания прошедших событий, лежащих в разных временных планах, и предсказание будущих. Хронологическая цепь фактов, предстающая в труде Тацита в линейной последовательности, у Расина распадается на отдельные звенья, казалось бы, произвольно рассыпанные по ходу действия: события недавнего прошлого, необходимые для понимания исходной сюжетной ситуации, перемежаются с историческими экскурсами, характеристиками и оценками более отдаленных времен и персонажей — Августа и Ливии, Тиберия, Калигулы, Германика, предков Нерона с отцовской стороны. Различен и масштаб, «оптика»: события крупного плана — смены династий, убийства, насилие над законом чередуются с отдельными зарисовками, мизансценами повседневной жизни двора, такими, как тайное присутствие Агриппины за занавесом, как жест Нерона, отстраняющего ее от престола. Эта разновременность и разномасштабность материала, почерпнутого у Тацита, подчинена двум целям: раскрытию главных характеров — Нерона и Агриппины и той общей нравственной атмосферы, которая формирует и объясняет эти характеры. Максимального напряжения поток исторических реминисценций достигает в знаменитом монологе Агриппины (IV, 2). Этот необычно длинный монолог, несмотря на свой повествовательный характер, принципиально отлича-

⁵ См.: Butler Ph. *Classicisme et baroque...*, p. 177.

ется от аналогичных монологов в исторических трагедиях Корнеля (например, в «Цинне»). Там это необходимый способ объяснить иногда чересчур усложненную экспозицию пьесы, то есть фактически раздвинуть строгие рамки единства времени, углубив сюжетную перспективу. Здесь это прежде всего углубление перспективы внутренней, психологической. Все козни и преступления Агриппины, о которых она с такой настойчивостью напоминает Нерону, надеясь пробудить его благодарность и вернуть свое влияние, уже известны зрителю из отдельных, более ранних упоминаний. Но выстроенные в этой циничной исповеди в одну чудовищную цепь, они производят совсем иное впечатление и на зрителя — и на Нерона. Монолог Агриппины выполняет не риторическую и не «информативную» функцию, а создает потрясающую моральное чувство зрителя картину той исторической атмосферы, которая порождает будущее «чудовище». Логическим завершением этой картины служат пророческие слова Агриппины о ее собственном конце и конце Нерона.

В критике не раз отмечалось, что любовная линия трагедии носит явно подчиненный характер и никак не определяет внутреннего развития действия. В соперничестве Нерона и Британика, приводящем к убийству последнего, борьба за власть играет все же первенствующую роль. В этом существенное отличие «Британика» от других трагедий Расина, вплоть до «Федры». Но вместе с тем любовная тема не является здесь «инородным» привеском, как в некоторых поздних трагедиях Корнеля. Она органически связана с основной задачей и вносит дополнительные психологические оттенки в характеры главных персонажей — Нерона и Агриппины.

Значительно сложнее вопрос о том, как соотносится нравственная и политическая идея трагедии с современной общественной ситуацией. Не подлежит сомнению, что политическая линия, принятая Людовиком XIV и получившая свою кульминацию в девизе: «Государство — это я», давала повод для широких аналогий с императорским Римом. Однако официальным историческим прототипом «короля-солнца» был идеализированный образ Августа, а отнюдь не его сомнительных в моральном отношении преемников. Поэтому было бы бесполезно искать в «Британике» прямых сопоставлений или намеков на версальскую действительность. Такие попытки делались, но обнаружили свою несостоятельность. «Агриппина — не Анна Австрийская, так же как Британик — не Филипп Орлеанский, а Нерон — не Людовик XIV», — пишет современный исследователь творчества Расина.⁶ Переключка с современностью присутствует в трагедии в более общем аспекте: описание раблепного двора и его пороков, продажного сената, в особенности же фигура циничного фаворита Нарцисса с его макьявеллистическими сентенциями и проповедью политического аморализма явно были ориентированы на современные отношения и нравы французского двора. Несомненно одно: Расин был весьма далек от оптимистических иллюзий Корнеля, написавшего в раз-

⁶ Ibid., p. 190.

гар жестоких репрессий кардинала Ришелье свою трагедию «Цинна, или Милосердие Августа». Решительность, с которой молодой король взял бразды правления в свои руки и справился с всесильным суперинтендантом финансов Фуке, оставляла мало поводов для такого рода иллюзий. И когда Нерон с раздражением говорит Бурру:

Так что же, быть всегда в плену, в порабощенье
У плебса римского? Он утром любит нас,
А вечером, глядишь, его восторг угас. —

(IV, 3)

то это достаточно близко перекликается со словами Людовика XIV: «Я знаю, что меня не любят, но мне нет до этого дела — я хочу царствовать с помощью страха».⁷

«Британика» нельзя рассматривать ни как «урок царям», ни как прямое обличение реального монарха — в этом случае вряд ли он заслужил бы то высочайшее одобрение, которое решило дальнейшую судьбу пьесы. Но эта трагедия по-новому поставила политическую проблему и подготовила самого Расина к тем гораздо более радикальным ее решениям, которые он много лет спустя дал в своей последней трагедии «Гофолия».

5

Всего один год отделяет «Британика» от «Береники», написанной также на сюжет из истории императорского Рима, и всего 25 лет отделяют правление Тита от первого преступления Нерона. Однако эта новая трагедия Расина по своей центральной идее и художественной структуре контрастно противостоит предыдущей.

Необузданному в своих страстях и пороках тирану противопоставлен идеальный правитель, жертвующий своим личным счастьем и любовью — чистой, высокой, ничем не запятанной — во имя соблюдения правовой идеи, осознаваемой как непреложная нравственная норма. Препятствие, стоящее на пути союза Береники и Тита, реально только в сознании высоконравственного монарха. Для Тита морально невозможно нарушить закон, запрещающий римскому императору брак с иноземной царицей, хотя этот закон представляется ему неразумным. И так же невозможно для него своей властью или, вернее, произволом отменить негодный закон, признанный и чтимый народом, хотя так не раз поступали его предшественники — Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон. При этом не угроза народного возмущения удерживает Тита, не боязнь потерять престол, а страх и отвращение к тем нравственным компромиссам, которыми придется, быть может, со временем заплатить за нарушение закона:

Когда обычаев отповских оскорбленье,
Быть может, вызовет опасные волненья,

⁷ Ibid., p. 191.

Придется силой мне свой выбор утвердить,
 А за молчанье народное платить.
 Кто знает, что с меня потребуют за это?
 Какой ляхой пены?

(IV, 5)

Идея правовой нормы, общезначимой силы закона, которому равно подчиняются и монарх, и народ, может существовать только в своей абсолютной целостности и неприкосновенности. Всякое нарушение ее, пусть даже в отдельном единичном случае оправданное — Береника добродетельна, достойна всеобщей любви и уважения, — все равно повлечет за собой цепь других нарушений, более зловещих, и в конце концов рухнет само понятие права и закона. Какой разительный контраст с макьявеллистическими рассуждениями Нарцисса в «Британике»!

«Береника» — единственная трагедия Расина, в которой проблема чувства и долга решается героями так бесповоротно и однозначно, где страсть оказывается одолимой и управляемой с помощью разума. В этом смысле она более всех остальных отходит от янсенистской концепции слабости человека и отчасти сближается с нравственным строем классических трагедий Корнеля (парадоксальным образом она ближе к ним, чем собственная пьеса Корнеля на ту же тему, написанная одновременно с трагедией Расина, — см. примечания). Но при этом сходстве морального конфликта и его решения «Береника» полностью свободна от риторического пафоса и исключительности драматической ситуации, характерных для трагедий Корнеля. Не случайно именно в предисловии к «Беренике» Расин решительно выступает против эстетики Корнеля, выдвигая в противовес его требованию неправдоподобного сюжета свой тезис: «В трагедии волнует только правдоподобное». В этой самой лиричной из пьес Расина, которую Вольтер не напрасно называл «элегией в драматической форме», трагизм развязки измеряется не внешними событиями, а глубиной внутреннего переживания. Сам Расин подчеркивает это в предисловии. Это трагедия без «крови и мертвых тел», без измен, самоубийств, безумия, без того накала страстей, которые впервые предстали в «Андромахе», а потом не раз повторялись и в более поздних трагедиях Расина — «Баязете» и «Федре». Герои «Береники» приносят свою любовь в жертву нравственному закону, расстаются навек, но находят в себе силы и мужество жить: Тит — из сознания своего долга правителя; Береника — ради душевного спокойствия Тита.

Это новое для Расина толкование трагического конфликта и его разрешения определило и все звенья художественной структуры пьесы. По-иному использован исторический источник: на этот раз Расин заимствует у Светония лишь самые скупые данные, необходимые для исходной драматической ситуации. В трагедии минимально присутствует тот насыщенный историческими реминисценциями фон, который играл такую важную роль в «Британике». Из мира политики, густо населенного воспоминаниями, сопоставлениями, параллелями и примерами, мы попа-

даем в прозрачный мир интимных общечеловеческих чувств, разумеется сублимированных в соответствии с высоким положением героев.

По-иному трактуется и категория времени. По сути дела развязка трагедии предрешена с самого начала — развитие действия представляет лишь осознание этой необходимости. Поэтому мы не ощущаем здесь того реального течения времени, которое играло такую важную роль в структуре «Британика». Прошлое героев выступает не в форме событий, а все в той же лирической функции — как мера их любви. Знаменитые слова Тита, ставшие крылатой фразой:

Пять лет я каждый день в покой к ней вхожу
И словно в первый раз на милую гляжу

(II, 2)

подчеркивают эту неподвижность времени. Время в «Беренике» утрачивает свои три измерения, ибо для героев, вернее, для главного — для их любви — нет будущего. Время становится одномерным. И это получает свое отражение в той идеальной реализации классического правила единства времени, которое мы видим в «Беренике».

По гармоничной простоте и строгости композиции, лаконизму сюжета и прозрачной ясности языка «Береника» представляет наиболее полное и чистое воплощение принципов поэтики классицизма.

«Береника» окончательно закрепила главенствующее положение Расина на театральном горизонте Франции. Неудачное для Корнеля состязание только подчеркнуло и выявило историческую грань, которая пролегла между ними, отодвинув Корнеля в прошлое. Отныне даже самые верные поклонники старшего поэта вынуждены были признать достоинства младшего.

В этой атмосфере всеобщего признания появляются две следующие трагедии Расина — «Баязет» (1672) и «Митридат» (1673). «Баязет» занимает особое место в трагедии французского классицизма, ибо вместо традиционного античного материала Расин обращается к современному Востоку — к событиям, происшедшим в Турции в 1638 г. Он сам оговаривает это обстоятельство во втором предисловии (1676 г.), указывая, что «удаленность страны в какой-то мере возмещает слишком большую близость во времени». Иными словами, дистанция, необходимая для высокого трагического действия, не обязательно должна быть временной. В «Баязете» неистовая безудержность страсти, проявившаяся уже в «Андромахе», сочетается с атмосферой политических интриг и преступлений, знакомых нам по «Британику». И то, и другое здесь усилено специфическим колоритом восточного двора. И хотя недоброжелатели Расина во главе с Корнелем иронизировали над тем, что его герои — турки лишь по одежде, а по чувствам и словам — французы, следует признать, что Расину удалось придать своей трагедии «восточный колорит», разумеется, в том ограниченном и условном понимании, которое допускала абстрактно-обобщенная эстетика классицизма. Что касается основной драматической ситуации — преступной страсти султанши Рок-

саны к младшему брату ее мужа, то ее можно рассматривать в какой-то мере как прообраз будущей «Федры», но еще не осложненный той морально-этической проблематикой, которая будет присуща трагедии 1677 г.

Успех «Баязета», одной из самых сценичных трагедий Расина, был продолжительным. Пьеса прочно вошла в театральный репертуар.

В том же году Расин, едва достигший 33 лет, был избран членом Французской Академии. Эта необычно ранняя честь, означавшая высшее признание литературных заслуг, по-видимому, встретила сопротивление большинства членов Академии. Одни видели в Расине выскочку и карьериста, другие были раздражены неизменно агрессивным тоном его предисловий к пьесам. У тех, кто принадлежал к духовному званию (а таких в Академии было немало), не вызвала сочувствия его репутация театрального драматурга. Однако вопрос решило явное покровительство, оказываемое Расину Кольбером. Ситуация, возникшая в Академии, знаменательна для двойственного положения, в котором оказывается Расин в середине 1670-х годов. С одной стороны, он пользуется благосклонностью двора, с другой — его быстрая карьера, литературная слава и успех вызывают резко неприязненную реакцию не только в писательских кругах (этим можно было в конце концов пренебречь), но и в аристократических салонах, недовольных политикой двора и прежде всего покровительством, оказываемым литераторам из буржуазной среды. Нападки критики, которые несколькими годами раньше можно было объяснить просто профессиональной завистью или групповыми интересами, сейчас получают поддержку или даже инспирируются влиятельными лицами высшего света. Если одновременная постановка двух «Береник» еще могла выглядеть как непредвзятое состязание обоих поэтов, то в 1674—1675 гг. история двух «Ифигений» и в 1677 г. двух «Федр» уже не оставляет никаких сомнений в том, насколько активно и сплоченно действуют враги Расина.

В первом случае Расин без особых усилий вышел победителем из борьбы (см. примечания к «Ифигении»). Второй оказался поворотным пунктом в его судьбе.

6

Внешний успех «Ифигении» был настолько велик, что мог даже поспорить с успехом «Андромахи». Более того, огромное впечатление, произведенное в 1667 г. появлением нового выдающегося театрального поэта, сопровождалось придирчивой критикой; «Ифигения» же, поставленная, когда Расин находился в зените славы, почти не вызвала критических замечаний. Это отчетливо ощущается и в авторском предисловии к трагедии.

На первый взгляд, «Ифигения» знаменует возвращение Расина к истокам его творчества — после четырех трагедий на историческую тему он вновь обращается к греческому мифу, на этот раз целиком опираясь на

Еврипида. Но проблематика римских политических трагедий в своеобразно трансформированном виде присутствует в абстрактно-обобщенной оболочке мифологического сюжета, определяя тем самым двойственный характер трагедии.

Миф о заклании дочери Агамемнона служит поводом для нового драматического воплощения коллизии между долгом и чувством. Но дилемма, перед которой стоит Агамемнон, острее и мучительнее той, которую должен был решать Тит. Успех того дела, во главе которого стоит Агамемнон, — похода на Трою — может быть куплен только ценой тяжелой жертвы — жизнью его дочери Ифигении. Если император Тит, реальный глава реального государства, духовный наследник многовековой государственной мудрости и политического искусства, мог анализировать и оценивать закон, ставящий препятствия его личному счастью, то легендарный микенский царь, потомок богов и отпрыск проклятого рода, не может ни сомневаться в словах оракула, ни оспаривать их. Он может лишь уклоняться, оттягивать их исполнение, заведомо обрекая на крах свою высокую миссию. Но в том-то и состоит парадокс, что если для Тита, при всех его колебаниях и сомнениях, закон, установленный людьми, государством, обладает абсолютной нравственной силой и значимостью, то в гораздо более условном мире «Ифигении» моральная обязательность гибели героини оказывается не абсолютной, а относительной. Дело, которому должна быть принесена в жертву Ифигения, предстает в речах по крайней мере двух персонажей, Ахилла и Клитемнестры, как личная месть Менелая и честолюбивая авантюра Агамемнона. Кровь певичинской девушки должна помочь искуплению прелюбодеяния спартанской парицы и принести воинскую славу бессердечному отцу, а это — в высшей степени сомнительный моральный баланс.

Двойственная точка зрения на исходный конфликт трагедии создает ту психологическую глубину и «стереоскопичность» образов, которая составляет главное художественное достоинство «Ифигении».

Действительно, Агамемнон никак не укладывается в условную модель героического военачальника и монарха, жертвующего дочерью ради общего блага. Это благо для него самого не безусловно, он пытается уйти от тягостного решения, задержав прибытие жены и дочери в лагерь, и только искусно рассчитанная аргументация Улисса, строптивость Ахилла и, наконец, героическая самоотверженность Ифигении окончательно склоняют его подчиниться воле оракула. Эта усложненность главного драматического характера пьесы еще усиливается с помощью разного рода мифологических реминисценций, рассыпанных по всей пьесе, но тематически сосредоточенных вокруг фигуры Агамемнона. Это в особенности многочисленные упоминания о «пире Атрея» и о грядущей судьбе Агамемнона и Клитемнестры. По сравнению с относительно лаконичным использованием мифологических мотивов в «Андромахе» «Ифигения» поражает обилием этих «вторичных» деталей, несущих совсем иную художественную нагрузку: они переносят нас в трепетный, полный драматизма, плотно населенный мир древней Эллады, далеко вы-

ходящий за пределы лаконичной фабулы пьесы. Раздвигаются ее временные рамки, в них входит прошлое — преступление Атрея, сватовство женихов Елены, ее тайный брак с Тесеем и похищение Парисом, но входит также и будущее — глухое предчувствие убийства Клитемнестры сыном, звучащее в словах Ифигении, обращенных к матери. Раздвигаются и пространственные рамки — Аргос, Лесбос, Троя, Спарта присутствуют в трагедии не просто как декоративные имена, а ощущаются как центры больших и малых событий, из которых слагается действие. Да и сам исходный сюжетный момент связан с мотивом движения в реальном пространстве — с отплытием греческих кораблей из Авлиды. Расин, как никто из классических драматургов, умел естественно и непринужденно соблюдать правило трех единств. Вернее, оно было для него не правилом, а само собой разумеющейся формой художественного бытия его пьес. Но одновременно происходила и компенсация этих добровольных самоограничений — разумеется, в рамках эстетической системы классицизма. Пространство и время, исключенные из узкой сценической площадки «какого угодно дворца» (*palais à volonté*) и 24 часов, входили в ткань трагедии в идеальной форме — через сознание героев.

Иную функцию выполняет мифологическая реминисценция из «Илиады» — столкновение Ахилла и Агамемнона, которая образует структурный центр в развитии действия и одновременно вводит в трагедию политический мотив. Некоторые новейшие исследователи склонны видеть в этом отражение реальной политической ситуации середины 1670-х годов — крах политики Кольбера, несостоятельность военных авантур Людовика XIV, заставлявших его считаться со старой аристократией больше, чем ему того хотелось,⁸ однако попытки интерпретировать трагедию Расина в прямой связи со злободневными событиями и отношениями (в духе пресловутых «романов с ключом») обычно оказываются натянутыми и малоубедительными; явная идеализация Ахилла в противовес Агамемнону означала бы в этом случае симпатию Расина к аристократической оппозиции и критическое отношение к королю. Между тем мы знаем, что именно к этой аристократической среде сходились основные нити интриг, которые плелись против Расина, тогда как главную опору и покровительство он имел в лице короля и его ближайшего окружения. Если можно говорить о каком-то политическом подтексте «Ифигении», то он настолько переосмыслен и абстрагирован в трагедии, что сохраняет лишь самую общую связь с настроениями, проблемами и отношениями текущего момента.

Любовная тема, занимавшая центральное место во всех трагедиях Расина, кроме «Британика», отодвинута в «Ифигении» на второй план и связана не столько с отношениями Ифигении и Ахилла, сколько с соперничеством между Ифигенией и Эрифилой. Расин сохраняет здесь расстановку персонажей, ставшую типичной для его драматургической

⁸ Cp. Butler Ph. *Classicisme et baroque...*, p. 251—252.

техники и подсказанную в какой-то мере реальными условиями сценического воплощения тех или иных ролей актрисами Бургундского отеля. Благородной и чистой Ифигении противостоит страстная и мстительная Эрифила, подобно тому как в других трагедиях контрастно противопоставлены Андромаха и Гермiona, Роксана и Аталида, Федра и Арикия, и даже в известном смысле (хотя и в другом взаимоотношении) Агрипина и Юния.

Однако, по-видимому, сам Расин ощущал некоторую искусственность и нарочитость этого персонажа, ибо считал необходимым специально обосновать свое нововведение в предисловии. Эрифила была нужна ему не только для эффектного психологического контраста с Ифигенией, но и для благополучной развязки, не нарушающей правдоподобия в его современном понимании. Эта благополучная развязка представляет собой новый момент в драматической технике Расина и тесно связана с глубоким идейным смыслом трагедии. Еврипидовский вариант развязки при помощи *deus ex machina* был отвергнут Расином не только из соображений «неправдоподобия», но и по причинам морально-этическим: по сути дела этот вариант оставлял в силе волю оракула — принесение в жертву цевинной и благородной девушки. Спасение Ифигении не должно было, с точки зрения Расина, быть делом случая, актом высочайшего «помилования», то есть произвола. Расин вносит в развязку важную для его нравственного сознания идею возмездия. Эрифила наказана за свою попытку погубить соперницу, за страсть, которая толкает ее на преступление против нравственной нормы. Но косвенно в ее лице наказана и ее мать Елена, дважды преступившая эту нравственную норму. За частным возмездием — гибелью Эрифила, как его логическое завершение должно последовать возмездие более общего порядка — поход греческих воинов на Троию. Таким образом, нравственный баланс оказывается восстановленным, слова оракула обретают свой подлинный смысл в тем самым утверждаю идею высшего разума и гармоничной справедливости.

Как обычно у Расина, этический аспект той или иной трактовки сюжета тесно связан с эстетическим. Развязка «Ифигении» воплощает не только торжество нравственного пачала, но создает эффект неожиданности, подкрепленный в заключительном рассказе Улисса декоративным описанием событий, разыгравшихся у алтаря. Эта декоративность отчасти компенсирует тот спад драматического напряжения, который отличает «Ифигению» от других трагедий Расина. Некоторые исследователи объясняют такой финал трагедии (сочетание благополучной развязки с декоративностью) растущим влиянием оперы, которая после 1670 г. все более успешно конкурирует с высокой трагедией, отесняя ее прежде всего в сознании самых высокопоставленных зрителей — короля и двора. О том, что Расин болезненно относился к этой художественной моде, ясно свидетельствует предисловие к «Ифигении», его защита Еврипида от поклонников Филиппа Кино и Люлли (см. примечания). Возможно, однако, что кроме открытой полемики с противником Расин не пренебрег и заимствованием отдельных театральных форм,

присущих оперному жанру, но «очистил» их в духе эстетической системы высокой трагедии, передав зрелищный эффект словесно-поэтическими средствами.

7

Постановка «Федры» представляет одну из самых драматичных страниц в истории французского театра. Ее не без основания называют «моделью театральной интриги».

Литературная карьера Расина двигалась до сих пор неизменно по восходящей линии. Вместе с тем каждый его успех сопровождался ожесточенными нападками его противников и иногда излишне запальчивой и резкой полемикой самого Расина. С другой стороны, светская карьера писателя воспринималась в некоторых влиятельных аристократических кругах как посягательство на веками утвержденную социальную иерархию. В аристократических салонах, оппозиционных по отношению к двору, Расина и Буало рассматривали как буржуазных выскочек, как «людей Кольбера», то есть как зримое воплощение той политической линии, которая была им ненавистна. Главным центром этой вражды стал салон герцогини Бульонской, племянницы кардинала Мазарини, и ее брата Филиппа Манчини, герцога Неверского.

Когда в октябре 1676 г. стало известно, что Расин работает над «Федрой», второстепенный драматург Прадон, приписывавший Расину неудачу своей последней пьесы, поторопился в короткий срок написать трагедию на тот же сюжет, которую предложил театру Гевега (бывшей труппе Мольера). В XVIII в. биографы выдвинули версию о том, что эта трагедия будто бы была заказана Прадону герцогиней Бульонской через одну из постоянных посетительниц ее салона поэтессу Дезульер. Однако документальных подтверждений этому нет.⁹ Можно лишь предполагать, что, если Прадон действовал по собственной инициативе, он имел основание рассчитывать на авторитетную поддержку. Во всяком случае, изданию своей трагедии он предпослал благодарственное «Послание герцогине Бульонской», появившееся, впрочем, уже через два месяца после разыгравшегося скандала. Как бы то ни было, пьеса Прадона была использована врагами Расина для тщательно подготовленного провала «Федры».

Обе премьеры прошли с промежутком в два дня в двух конкурирующих театрах. В литературных и светских кругах было известно, что две лучшие актрисы театра Гевега — вдова Мольера и мадемуазель де Бри отказались играть главную роль в «Федре» Прадона. Тем не менее она имела неожиданно большой успех благодаря клане, посаженной в театр герцогиней Бульонской. Аналогичный маневр обеспечил сенсационный провал трагедии Расина в Бургундском отеле. Это соотношение сил сохранялось на протяжении нескольких спектаклей. Из высокопоставлен-

⁹ См.: Picard R. La carrière de Racine. Paris, 1959, p. 234.

ных лиц, с одобрением принявших «Федру» Расина, современники называют только принца Конде, давнего покровителя и доброжелателя Расина и Буало.

Литературный скандал имел свое продолжение: через несколько дней после первых спектаклей по рукам стал ходить довольно плоский сонет, в пародийной форме излагавший содержание «Федры». Сразу же в ответ появился другой, написанный на те же рифмы и содержавший оскорбительные намеки на личность герцога Неверского. Современники приписывали ему первый сонет, автором второго считали Расина и Буало. По-видимому, однако, на деле первый сонет принадлежал госпоже Дезульер, а второй — каким-то неизвестным нам друзьям Расина. Во всяком случае, и Расин и Буало официально отреклись от авторства. Первая реакция оскорбленного герцога и его окружения была чрезвычайно острой. Расину и Буало грозили физической расправой, и только решительное вмешательство принца Конде несколько охладило страсти. По прошествии нескольких месяцев оценка критики свидетельствовала уже о недвусмысленной победе Расина над Прадоном, а последовавшее осенью назначение его и Буало на должность королевских историографов укрепило их положение и авторитет.

Вместе с тем эта весьма почетная должность практически означала отказ от театральной деятельности — в иерархическом сознании того времени это были вещи социально несовместимые. Расин расстался с театром. Женитьба (летом 1677 г.) на Катерине Романé, девушке из солидной буржуазно-чиновничьей семьи, упрочила его материальное и общественное положение, но знаменовала сознательный и добровольный разрыв с прошлым — по свидетельству Луи Расина (в данном случае заслуживающему доверия), его мать никогда не читала и не видела на сцене ни одной пьесы своего мужа. Ее духовный мир, сформировавшийся в кругу религиозных и нравственных представлений, близких к янсенизму, исключал какой-либо интерес к светской литературе и тем более — к театру.

Уже несколько ранее происходит восстановление былых отношений Расина с янсенистами, свидетельствующее о том, что внешней перемене в его судьбе сопутствовал и внутренний кризис. Что было первичным — решить трудно или даже невозможно. Во всяком случае симптомы этого кризиса явственно обнаружались уже в «Федре». И не случайно идейный вождь янсенизма Антуан Арно сочувственно оценил эту трагедию Расина, которую Буало принес ему как залог примирения непокорного воспитанника с его бывшими наставниками. Формулировка Арно: «Федра — христианка, которую не осенила благодать», постоянно приводимая во всех трудах, посвященных Расину, свидетельствует о том, что идейное содержание трагедии связывалось в сознании современников с янсенистской концепцией человека.

«Федра», которая по праву считается лучшим творением Расина, вызывает и поныне самые горячие споры. Языческая или христианская трагедия, янсенистская или экзистенциалистская, классическая или бароч-

ная — таковы лишь самые общие противопоставления и толкования, которые возникают по ее поводу.

По своей нравственной проблематике «Федра» ближе всего к «Андромахе». Сила и слабость человека, преступная страсть, охватывающая душу, и твердое сознание той нравственной нормы, которую человек нарушает под влиянием этой страсти, приговор, выносимый им самому себе, — все это доведено в «Федре» до апогея. Если в «Андромахе» эта концепция присутствовала скорее имплицитно, была растворена в поступках персонажей больше, чем в их речах, то здесь она получает свое прямое и концентрированное выражение в монологах Федры. Тема суда над собой и высшего суда, творимого божеством, проходит через всю трагедию, облеченная в мифологические образы, которые порою тесно переплетаются с христианским учением в его яansenистском варианте.¹⁰

Преступная страсть Федры к пасынку с самого начала несет на себе печать обреченности: недаром первые слова Федры в момент ее появления на сцене — о смерти. Тема смерти пронизывает всю трагедию начиная с первой сцены — вести о мнимой смерти Тесея — и вплоть до трагической развязки. Смерть и царство мертвых входят в судьбу персонажей как составная часть их деяний, их семьи, их домашнего мира: Минос, отец Федры, судья в царстве мертвых; Тесей нисходит в Аид, чтобы помочь другу похитить жену Аидонея, владыки подземного царства, и т. д. В мифологическом мире «Федры» стирается та грань между земным и потусторонним, которая отчетливо ощущалась в «Ифигении» и определяла сам отбор мифологического материала. Равным образом и генеалогия героев, ведущих свой род от богов, осознается уже не как высокая честь, предмет гордости и тщеславия (см. реплику Аркаса, обращенную к Агамемнону в I д., 1 явл.), а как проклятие, обрекающее на гибель, как наследие страстей, вражды и мести выспих, сверхъестественных сил и как великое нравственное испытание, которое оказывается не по плечу слабому смертному. Мифологический репертуар «Федры» богаче, разнообразнее, насыщеннее, чем в «Ифигении», и выполняет иную функцию: он создает грандиозную космическую картину мира, в котором судьба людей и воля богов сплетаются в один трагический клубок.

Рационалистическое переосмысление еврипидовского сюжета, о котором неизменно упоминают, говоря о «Федре», касается лишь исходного момента — соперничества Афродиты и Артемиды, жертвами которого становятся Ипполит и Федра. Расин действительно переносит центр тяжести на внутреннюю психологическую сторону трагического конфликта, но и она в свою очередь оказывается обусловленной сплелением обстоятельств, лежащих за пределами человеческой воли. Яansenистская идея предопределения, «благодати», нисходящей на человека или минующей его, облекается в форму греческого мифа, но сущность ее сохраняется. Трагизм неразделенной любви, составляющий основу драматического

¹⁰ См.: Butler Ph. *Classicisme et baroque...*, p. 260.

конфликта «Андромахи», усугубляется здесь сознанием своей греховности, отверженности с точки зрения нравственной нормы. Эта главная особенность «Федры» была сразу же воспринята и оценена Буало в словах утешения, обращенных к его другу после провала трагедии (Послание VII):

Кто Федру зрел хоть раз, кто слышал стоны боли
Царяпы горестной, преступной поневоле...

С точки зрения Буало, «Федра» была идеальным воплощением основного принципа и цели трагедии — вызвать сострадание к герою, «преступному поневоле», представив его вину как проявление общечеловеческой слабости. Эта же концепция лежит в основе расиновского понимания трагедии. Для Расина неприемлем тезис Корнеля, выдвигающий наряду с аристотелевскими ужасом и состраданием третий аффект — восхищение величием души героя, даже если это величие проявляется в аморализме. Принцип этического оправдания героя, сформулированный еще в предисловии к «Андромахе» со ссылкой на Аристотеля, получает свое логическое завершение в «Федре». Страсть Федры и ее вина исключительны, но Расин фиксирует внимание не на этом исключительном, а на общечеловеческом в душевных страданиях и сомнениях героини. Морально-философская идея греховности человека вообще получает свое художественное воплощение на основе классицистического принципа типизации и правдоподобия. Этим же обусловлены и те частные отступления от Еврипида, которые предпринял Расин, как всегда скрупулезно оговорив их в предисловии. Особенно плодотворным оказалось введение нового персонажа — Арикии, давшее благодарный материал для более глубокого и динамичного раскрытия душевной борьбы Федры.

Существенно новые черты поэтического мастерства Расина проявляются и в тех частях трагедии, которые условно можно назвать «эпическими». «Федра» насыщена ретроспективными рассказами, начиная с первого монолога Ипполита о подвигах Тесея и кончая рассказом Терамена о гибели Ипполита. Этот знаменитый монолог, вошедший во все хрестоматии, отличается от аналогичных по функции рассказов в других трагедиях Расина живописными подробностями, не заслоняющими, а напротив, усиливающими динамизм повествования.

8

После «Федры» в драматическом творчестве Расина наступает длительный перерыв. Он усердно исполняет свои новые обязанности историографа, собирает материалы для истории царствования Людовика XIV, сопровождает короля в его военных кампаниях, нередко вызывая насмешки знати своим «буржуазным» видом, неумением ездить верхом и неискушенностью в военном деле. Как и в период его театральной карьеры, против Расина плетется сеть интриг с целью вытеснить его с высокого и почетного поста, который, по понятиям того времени, требовал дво-

рянского происхождения и воспитания. Тем не менее положение Расина при дворе оставалось прочным. Написанная им часть исторического труда осталась в рукописи и погибла при пожаре в начале XVIII в. Но дошли свидетельства современников о том, что король был вполне удовлетворен теми образчиками, которые читали ему Расин и Буало. Трагедии Расина продолжают ставиться на сцене, вызывая неизменное восхищение современников. Но возвращение к театральному творчеству происходит лишь в 1689 г., когда Расин пишет трагедию «Эсфирь» для закрытого женского пансиона Сен-Сир, основанного и руководимого госпожой де Ментенон, ставшей к этому времени морганатической женой Людовика XIV. Пьеса была исполнена воспитанницами пансиона и имела огромный успех у той сугубо избранной публики, которая допускалась на закрытые спектакли по спискам, составляемым госпожой де Ментенон. Представления следовали одно за другим при неизменном присутствии короля и его ближайшего окружения. Приглашение на спектакль рассматривалось как высочайшая милость и было предметом зависти и мечтаний в кругу людей, близких ко двору. Бесчисленные свидетельства тому мы находим в письмах и дневниках современников.¹¹

Вместе с тем в официальном разрешении на публикацию трагедии (так называемая «привилегия», без которой ни одна книга не могла быть издана) было специально оговорено, что она не может быть представлена на профессиональной сцене. Ханжество госпожи де Ментенон не могло примириться с тем, чтобы пьеса, предназначенная по ее желанию для воспитательных и благочестивых целей, подверглась профанации на открытых подмостках. Выбор библейского сюжета и отсутствие любовной интриги как нельзя более соответствовали этим целям (не случайно несколько ранее госпожа де Ментенон, упоминая об удачном исполнении воспитанницами «Андромахи», сказала: «Они так хорошо сыграли ее, что более не будут ее играть»). Но современники увидели в трагедии и нечто другое — «пьесу с ключом», настолько для них очевидным, что она дала повод для многих откровенных толкований в эпиграммах, письмах и даже газетных статьях.

Главные персонажи библейской истории были без труда соотнесены с самим королем, его прежней, ввавшей в немилость и отлученной от двора фавориткой госпожой де Монтеспан; Эсфирь была, разумеется, сама госпожа де Ментенон; а жестокого временщика Амана отождествляли с министром Лувуа. Основная тема трагедии — преследования евреев Аманом толковалась применительно к французским протестантам, оказавшимся вне закона после отмены Нантского эдикта (1685). Однако ни религиозные позиции Расина, ни дипломатический такт придворного, чутко угадывающего настроение двора, не дают основания для такой интерпретации. Значительно правдоподобнее выглядит другое истолкование, усматривающее в трагедии защиту янсенистов, также подвергавшихся жестоким гонениям, тем более что главный положительный

¹¹ См.: Picard R. La carrière..., p. 398—399.

персонаж пьесы — Мордухай легко может быть сопоставлен с Антуаном Арно. Примечательно, однако, что сам Арно, давший высокую оценку трагедии Расина, ни одним словом не обмолвился о таком ее понимании. И уж во всяком случае ни король, ни госпожа де Ментенон не восприняли ее как протест против официальной религиозной политики.

Успех «Эсфири», сделавший Расина своим человеком в интимном кружке, допущенном в личные апартаменты короля, побудил его написать еще одну трагедию для тех же целей и на аналогичном библийском материале. Но «Гофолия», которой суждено было стать последней трагедией Расина, имела совсем иную судьбу (см. примечания). Возможно, что известную роль в этом сыграла общая ситуация — усиление влияния иезуитов, их недовольство чересчур светскими развлечениями, каким представлялись им любительские спектакли воспитанниц Сен-Сира, и желание госпожи де Ментенон пресечь нежелательные толки об этом в церковных кругах. Но нельзя не принимать во внимание и особого содержания этой трагедии, резко отличающего ее от гармоничной и в целом оптимистической «Эсфири».

В «Гофолии» тесно сплетены политическая и религиозная темы. Жестокая царица, истребившая своих собственных потомков, предавшаяся языческим богам и преследующая приверженцев иудейского единобожия, выступает одновременно и как узурпатор законной власти. Это последнее обстоятельство дало повод связывать «Гофолию» с недавними событиями английской революции 1689 г. Не случайно современники специально подчеркивали присутствие на закрытом спектакле изгнанного английского короля Иакова II Стюарта, нашедшего убежище при дворе Людовика XIV. Вопрос о французском вмешательстве в английские дела с целью восстановить на престоле законного монарха или, во всяком случае, его наследника дебатировался в политических кругах.¹² Однако такая интерпретация сужает идейный смысл трагедии опять-таки до уровня «пьесы с ключом» и представляется малоубедительной. Помимо всего прочего, она не может объяснить официальный запрет, наложенный на исполнение «Гофолии» свыше.

Несомненно, что французские дела волновали Расина гораздо более проблематичных английских. Многие из старых друзей Расина — янсенистов, с которыми он вновь сблизился после ухода от театральной деятельности, находились в изгнании. Растущее влияние иезуитов также не могло не вызывать тревоги среди людей, так или иначе сочувствовавших янсенистам или просто свободомыслящих. Известно, что Расин предпринимал попытки склонить короля в пользу своих бывших учителей — попытки, кончившиеся неудачно. Если весь этот фон с известной долей вероятности соотносим с «Эсфирью», то для идейного замысла «Гофолии» он представляется гораздо более несомненным. Уже современники заходили так далеко, что видели в Матфане не просто иезуита вообще (см. д. III, явл. 3, и примеч. 65), но прямо духовника Людовика XIV,

¹² Ср.: Picard R. La carrière..., p. 417—418.

иезуита Лашеза. Многое в этой трагедии возвращает нас к атмосфере «Британика» — и мажявеллистические принципы деспотической власти, разбиваемые Матфаном, и обличение раболовного и развращенного двора с его растлевающим влиянием на юного монарха. Личные параллели в «Гофологии» не так ощутимы, как в «Эсфири», и вряд ли они входили в памерения Расина. Напротив, на первый план выступил обобщенный смысл трагедии — возмездие, которое обрушивается на жестокого и тираннического монарха бог, избравший своим орудием восставший народ.

Несмотря на резкое отличие проблематики, «Гофология» по некоторым особенностям своей художественной структуры может быть сопоставлена с «Федрой» — прежде всего по той роли, которую играют здесь многочисленные побочные реминисценции. Как в «Федре» античная мифология, так здесь ветхозаветные образы, мотивы, фразеология создают целый мир, суровый и иступленный, исполненный трепета перед грозным и карающим божеством. С этим миром, полным напряженного драматизма, контрастируют лирические хоры девушек — композиционный прием, впервые введенный еще в «Эсфири».

Важным структурным элементом пьесы является мотив пророчества. В качестве композиционного приема он встречается и в других трагедиях Расина — в более развернутой форме в прощальных словах Агриппины, в виде лаконичного намека в «Ифигении» (см. примечания). Раздвигая временные рамки действия, позволяя заглянуть в будущее (известное зрителю из истории и мифологии), пророчество продлевает линейное развитие действия и включает его тем самым в более широкую историческую перспективу. В «Гофологии» этот прием носит иной характер — пророчество органически связано с сюжетным материалом пьесы, фигура пророка является как бы ее символическим идейным центром, имена, деяния, судьбы библейских пророков, их речения, текстуально входящие в ткань трагедии, встречаются на каждом шагу. Пророческими являются вещей сон Гофологии, экстатическое видение Иодая об убийстве Захарии и грядущем отступничестве Иоаса, последние слова Гофологии о преступной крови Ахава и Иезавели, которая некогда проснется в жилах юного Иоаса.¹³ Эти настойчиво повторяющиеся предсказания создают впечатление циклической повторяемости событий и страстей. Библейский мир в отличие от древнегреческого оказывается замкнутым в себе, течение времени — остановленным, как солнце Иисусом Навином. Сегодняшний праведник придет к тому же, чем запятали себя его предки. Янсенистская идея предопределения получает гораздо более отчетливую и «глобальную» форму. Но она же с поразительной силой и драматизмом раскрывает ничтожество сильных мира сего, напоминает об их нравственной ответственности и неминуемом возмездии за насилие и преступление.

По своим идейным и художественным особенностям «Гофология» знаменует новую фазу французской классической трагедии — она уже стоит в преддверии просветительского классицизма, и ее первое публичное пред-

¹³ Ср.: Barthes, R. Sur Racine. Paris, 1963, p. 58.

ставление в 1716 г. можно рассматривать как поворотный пункт в развитии французского театра. Об этом свидетельствует, в частности, восторженный отзыв молодого Вольтера, для которого «Гофология» на всю жизнь осталась лучшей французской трагедией.

Последние годы жизни Расина отмечены все той же печатью двойственности, которая обнаруживается в период создания «Гофологии». С одной стороны, он признанный любимец двора, удостоенный чинов и почестей; с другой — единомышленник и заступник гонимых и преследуемых янсенистов; слава и гордость французского театра — и благочестивый автор «Краткой истории Пор-Рояля», отрекшийся от своей прежней деятельности, строго соблюдающий предписания религии. Эта двойственность обнаруживается и в частной жизни Расина: он хлопочет о придворной карьере для своего сына и одновременно пытается поместить свою дочь, пожелавшую стать монахиней, в монастырь Пор-Рояль, официально закрытый для приема новых послушниц и пахотящийся под угрозой полного запрещения.

По-видимому, растущее сближение Расина с янсенистами и шаги, предпринятые им в их защиту, вызвали в какой-то момент неудовольствие короля и госпожи де Ментенон. Однако вряд ли можно говорить, как это делается в ряде биографических очерков, о том, что он «впал в немилость». Постепенное отдаление от двора в последние полтора года его жизни произошло, видимо, по инициативе самого Расина как результат усилившихся религиозных настроений.

Расин умер 21 апреля 1699 г.

9

Судьба творческого наследия Расина отразила этапы, которыми отмечено литературное развитие последующих столетий.

На протяжении значительной части XVIII века Расин — общепризнанный классик, один из двух создателей высокой трагедии, которая становится своего рода эталоном классицизма в его разных национальных вариантах.

Эпоха сентиментализма приносит с собой критический пересмотр классической эстетики в целом и отрицательную оценку творчества Расина. Демократическое настроенная буржуазная критика конца XVIII в. (в особенности руссоистского направления) видит в нем по преимуществу придворного поэта, ограниченного условностями и этикетом своего времени и своей среды. Это неприятие в особенно резкой форме проявляется в Германии, где оно выражает одновременно демократический протест против придворного искусства и национальное самоутверждение в противовес влиянию иностранных образцов. В эпоху «бури и натиска» Гердер, Гёте, Ленц выдвигают в противовес французской классической трагедии, этому «манекену древних» (Гердер), драму Шекспира. Это противопоставление, которое мы бы сегодня назвали типологическим, осмысливается в эпоху ро-

мантизма как программа борьбы за новые принципы и идеалы литературы — достаточно назвать книгу Стендаля «Расин и Шекспир» (1823), ставшую манифестом романтического направления.

В середине XIX в. Расин переживает во Франции новое сценическое возрождение, связанное с именем замечательной французской актрисы Рашель, давшей новую интерпретацию образов Расина. Свидетельством этого второго рождения могут служить слова Герцена в «Письмах из Франции и Италии»: «Наконец я увидел Расина дома, увидел Расина с Рашелью — и научился понимать его. Это очень важно, более важно, нежели кажется с первого взгляда, — это оправдание двух веков, т. е. уразумение их вкуса. Расин встречается на каждом шагу, с 1665 года и до Реставрации; на нем были воспитаны все эти сильные люди XVIII века. Неужели же они ошибались, Франция ошибалась, мир ошибался?.. И действительно, есть нечто поразительно величавое в стройной, спокойно развивающейся речи расиновских героев; диалог часто убивает действие, но он изящен, он сам действие; чтобы это понять, надобно видеть Расина на сцене французского театра: там сохранились предания старого времени, — предания о том, как созданы такие-то роли Тальмой, другие Офреном, Жорж... Входя в театр смотреть Расина, вы должны знать, что с тем вместе вы входите в иной мир, имеющий свои пределы, свою ограниченность, но имеющий и свою силу, свою энергию и высокое изящество в своих пределах... Вы пришли смотреть Расина — отрешитесь же от фламандского элемента... берите его таким, чтоб он дал то, что он хочет дать, и он даст много прекрасного».¹⁴

Справедливость слов Герцена сохраняется и в наши дни — современные постановки Расина подтвердили непреходящую впечатляющую силу его искусства, главным орудием которого служит слово.

Язык Расина несомненно несет на себе печать условности, характерной для поэтики классицизма, в особенности — зрелого классицизма XVII в. Он оперирует тщательно отобранной лексикой, ограниченной преимущественно отвлеченными и общими понятиями, избегает конкретных слов и разговорных оборотов, неуместных в «высоком» жанре трагедии, но также и вычурной орнаментальности и риторических прикрас. Вместе с тем как в вопросах композиционной структуры, так и в языке правила классической поэтики нигде у Расина не ощущаются как насилие, навязанное поэту извне, они не сковывают и не подчиняют его себе — напротив, Расин с удивительной простотой и непринужденностью подчиняет эти условности своей главной художественной задаче: углубленному психологическому анализу душевного состояния героев. Так, многочисленные описательные перифразы, канонизированные поэтикой классицизма и ставшие в дальнейшем развитии французской трагедии пустыми штампами, помогают Расину создать ту особую дистанцированную перспективу, в которой страсти и характеры его героев предстают в типически обобщенном и облагороженном виде. По выражению одного

¹⁴ Герцев А. И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. V М., 1955, с. 50—52.

из самых тонких исследователей творчества Расина Карла Фосслера, язык героев Расина «это не столько спонтанное выражение, сколько за-веса, фильтр, скрывающий их душу».¹⁵

Острота психологического конфликта, изначально заданная драматической ситуацией и характерами героев, получает смягченное, «приглушенное» словесное выражение,¹⁶ создающее в конечном счете ту гармонию и равновесие, которые являются основным принципом классической эстетики.

Восприятие Расина в России — тема для самостоятельного изучения. Наметим здесь лишь основные его вехи.

В сознании русских писателей XVIII в. Расин несомненно был образцом классической трагедии.¹⁷ Но переводили его относительно мало. Зато в первые десятилетия XIX в. наблюдается резко возросший интерес переводчиков к его пьесам, в особенности к «Федре», которая стала одной из коронных ролей знаменитой актрисы Екатерины Семенович. Перевод М. Лобанова, исполненный в 1823 г. с ее участием, был одиннадцатым полным переводом трагедии, как об этом пишет в своей рецензии Орест Сомов.¹⁸ Все они были выдержаны в «архаической» стилиевой манере, встретившей довольно резкую оценку среди молодого поколения русских поэтов. Так, Пушкин писал в 1824 г. брату: «Кстати, о гадости — читал я „Федру“ Лобанова — хотел писать на нее критику, но ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют наши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина!».¹⁹

В «архаической» манере выполнены и три перевода рассказа Терамена — Г. Р. Державина, Ф. И. Тютчева и П. А. Катенина (см. Дополнения).²⁰

Этот взрыв переводческой активности объясняется, по-видимому, требованиями театрального репертуара, но в еще большей степени той литературной борьбой, которая развертывается в России в эти годы. Победа романтического направления и последующее развитие реалистической литературы неизбежно должны были привести к отрицанию Расина. Это особенно ясно выступает в критических высказываниях Белинского и является косвенным подтекстом той защиты Расина, которую предпринял Герцен в приведенном выше отзыве. Интерес к Расину в России затухает надолго, и единичные переводы его трагедий в конце XIX в. не вносят ничего нового в его интерпретацию. В XX в., уже после Ок-

¹⁵ Vossler K. Jean Racine. München, 1926, S. 171.

¹⁶ См. об этом: Spitzer L. Die klassische Dämpfung in Racine's Stil. — Archivum Romanum, 1928, Bd. XII, № 4.

¹⁷ Ср.: Gukovskij Gr. Racine en Russie. — Rev. des études slaves, 1927, t. VII, fasc. 1—2.

¹⁸ Сын отечества, 1823, ч. XXXIX, № 46, с. 250.

¹⁹ Пушкин в А. С. Поля. собр. соч в 10-ти т. Т. X. М.—Л., 1949, с. 80.

²⁰ См. об этом: Сигал Н. А. Из истории русских переводов «Федры» Расина. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексева. М.—Л., 1966, с. 454—462.

тябрьской революции, Валерий Брюсов предпринял новый перевод «Федры» (пятистопным ямбом) для Московского Камерного театра, где роль Федры сыграла Алиса Коонен. К этому же времени относится перевод начала трагедии, выполненный О. Э. Мандельштамом (см. Дополнения).

Научная реабилитация Расина, за которым со времен романтической критики закрепилась уничижительная характеристика «ложноклассического» поэта, началась в советском литературоведении только в 1930-е годы в трудах С. С. Мокульского.²¹ Тогда же вышел двухтомник избранных пьес, выполненный в духе советской переводческой традиции того времени.²²

Настоящее издание ставит своей целью предложить читателю новый перевод важнейших трагедий Расина, осуществленный с позиций современного переводческого искусства.

Н. А. Жирмунская

²¹ Мокульский С. Расин. Л., 1940.

²² Расин Ж. Соч. М.—Л., 1937.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке настоящей книги было использовано наиболее авторитетное в текстологическом и научном отношении издание сочинений Расина: *Oeuvres de Jean Racine. Ed. par P. Mesnard. Paris, 1865—1873. (Les grands écrivains de la France).*

Редакционные переводы иностранных слов и выражений даются в тексте под строкой с указанием в скобках языка, с которого производился перевод. Остальные подстрочные примечания принадлежат Расину.

АНДРОМАХА

Трагедия была впервые представлена труппой Бургундского отеля в покоях королевы 17 ноября 1667 г. Первое издание вышло в начале 1668 г. Огромный успех «Андромахи», ставшей наряду с «Федрой» одной из самых репертуарных пьес Расина, современники и позднейшая критика не без основания сравнивали с успехом «Сида» Корнеля, признавая тем самым эпохальное значение «Андромахи» в истории французского театра.

В России «Андромаха» была поставлена на петербургской сцене в русском переводе Д. И. Хвостова (по-видимому, отчасти переработанном Н. И. Гнедичем)* 16 сентября 1810 г. с Екатериной Семеновой в роли Гермiony. Одновременно в Петербурге «Андромаху» играла французская труппа; роль Гермiony исполняла знаменитая актриса мадемуазель Жорж. Мало удачный перевод Хвостова и несколько более поздний перевод третьего акта, выполненный П. А. Катениным, вызвал эпиграмму А. Е. Измайлова «Несчастья Андромахи»:

О, как несчастна Андромаха!
Пирр бедную вдову в отчаянье привел;
Парнасский же козел,
Рифмач, палач Хвостов-неряха
Расинов связл с нее наряд
Да в сарафан одел китайчатый — и рад.
Катения, наконец, с ней поступил тирански:
Заставил говорить без смысла по-славянски.

21 января 1825 г.**

Непосредственными источниками пьесы послужили трагедия римского философа и трагика Сенеки (I в. н. э.) «Троянки» и рассказ Энея из III кн. «Энеиды» Вер-

* См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова. М., 1964, с. 122.

** См.: Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975, с. 238—239.

гилия (см. Второе предисловие). Однако в тексте встречается также ряд реминисценций из трагедий Еврипида «Андромаха», «Троянки», «Финикиянки», «Гекуба», «Орест», «Ифигения Таврическая». Главнейшие из них помечены в примечаниях.

Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Театр французского классицизма. Пьер Корнель. Жан Расин. М., 1970. Печатается с небольшими редакционными изменениями.

Посвящение содержалось в отдельных изданиях трагедии 1668 и 1673 гг. В прижизненных собраниях пьес Расина отсутствует.

¹ *Герцогиня Орлеанская* — Генриетта-Анна Английская (1644—1670), дочь Карла I Стюарта и Марии Французской. В 1661 г. вышла замуж за брата Людовика XIV Филиппа Орлеанского. Была известна в придворных кругах своим литературным и художественным вкусом. Мольер посвятил ей комедию «Урок женам».

² [*Первое предисловие*]. — В издании 1668 г. оно начиналось с цитаты из Вергилия, перенесенной затем во Второе предисловие. Как и другие предисловия Расина, носит явно полемический характер и ставит своей целью отвести упреки критики.

³ *И все же нашли люди...* — Имеется в виду принц Конде (1621—1686), знаменитый полководец. Однако весь этот отрывок характерен для полемических приемов Расина, которыми он будет пользоваться и в дальнейшем. На самом деле критики ставили ему в вину чрезвычайное смягчение образа Пирра в духе галантных романов XVII в. Расин пытается парировать этот упрек ссылкой на прямо противоположное обвинение, с которым для виду спорит.

⁴ *Селадон* — герой пасторального романа Оноре д'Юрфе «Астрей» (1610—1619), образец идеального влюбленного, бескорыстного и смиренного.

⁵ *Гораций советует изображать Ахилла свирепым...* — В «Науке поэзии», ст. 120—121

⁶ *Аристотель... не были вполне добрыми или вполне злыми.* — Это положение Аристотеля («Поэтика», гл. XIII) вполне соответствует этической и эстетической концепции Расина.

⁷ [*Второе предисловие*]. — Впервые появилось в издании 1676 г.

⁸ *Ронсар сделал... «Франсиады».* — Пьер Ронсар (1524—1585) — крупнейший французский лирик эпохи Возрождения. В своей поэме «Франсиада», представляющей неудачную попытку создания национально-героической эпопеи в духе «Энеиды», он делает Астванакса, сына Гектора, легендарным родоначальником французских королей.

⁹ *...согласно нашим старинным хроникам...* — Имеется в виду «Французская хроника, или Хроника Сен-Дени от троянцев до смерти Карла VI» (1476).

¹⁰ *...прочсть у Геродота.* — Геродот — греческий историк (V в. до н. э.). Упомянутое место содержится в его «Истории», кн. II, гл. СХІІІ, СХІV, СХV.

¹¹ *...у Гомера рана наносится ему в плечо...* — Ср. «Илиада», кн. XXI, ст. 166

¹² *Иокаста умирает...* — В трагедии «Эдип-царь», ст. 1224 и сл.

¹³ *...Еврипид продлевает ей жизнь...* — В трагедии «Финикиянки», ст. 1456—1460.

¹⁴ *...один старинный комментатор...* — По-видимому, немецкий филолог XVI в. Иоахим Камерариус. Его комментарий был воспроизведен во французском издании Софокла 1603 г. Сохранился экземпляр этой книги с пометками Расина.

¹⁵ *Эпир* — область на северо-западе Греции.

¹⁶ *...что Пирру дочь суровым Менелаем...* — Ср. Еврипид. «Андромаха», ст. 948—968.

¹⁷ *У ног лаконянки...* — Лаконянка — жительница Лакедемона (Спарты), т. е. Германии.

¹⁸ *Как Гектор некогда, жечь наши корабли?* — Ср. «Илиада», кн. XV.

¹⁹ *...отпрыска великого Агриды...* — Отец Ореста Агамемнон был сыном Атрея.

²⁰ *Кассандру в Аргос взяв...* — Дочь троянского царя Приама пророчица Кассандра стала после падения Трои добычей Агамемнона, ее мать Гекуба досталась Одиссею — ср. Еврипид. «Троянки», ст. 239 и сл.

¹¹ *Ей удалось, введя подменой нас в обман...* — Традиционный сюжетный мотив спасения царского сына путем подмены детей заимствован Расином из «Энеиды», кн. III, ст. 489.

¹² *... Греция... благодарностью не раз ему платила...* — Агамемнон отказался отдать Ахиллу доставшуюся ему троянскую пленницу Брисейду. Их ссора из-за нее служит отправным сюжетным моментом «Илиады».

¹³ *Я знаю, вы в родстве.* — Орест и Гермiona — дети родных братьев, Агамемнона и Менелая.

¹⁴ *За ней отправился я к скифским племенам...* — Согласно мифу, Орест, преследуемый Эриниями после убийства своей матери Клитемнестры, повинувшись велению оракула, отправился в Тавриду, чтобы увезти из скифского храма и доставить в Дельфы статую Артемиды и тем умиротворить богов. Этот сюжет лег в основу «Ифигении Таврической» Еврипида и был впоследствии обработан Гёте в его драме «Ифигения в Тавриде». У Расина скитания Ореста истолкованы как следствие его беззащитной страсти к Гермione.

¹⁵ *Спасался от врагов в горящих кораблях...* — Ср. «Илиада», кн. XV.

¹⁶ *... и Гектор жизнь ей спас.* — Ср. «Илиада», кн. XXIV, ст. 768—772.

¹⁷ *О, как печально он прощался с сыном милым!* — Ср. «Илиада», кн. VI, ст. 466—481. Прощание Гектора с Андромахой было излюбленным сюжетом живописцев и поэтов XVII и XVIII вв.

¹⁸ *Явление третье.* — Уже Вольтер обратил внимание на сходство сюжета «Андромахи», и в особенности этой сцены, с сюжетом трагедии Корнеля «Пертарит» (1652).

¹⁹ *А Поликсену кто... постыдно удушил?* — Троянская царевна Поллксена, дочь Приама и Гекубы, была принесена Пирром в жертву над прахом Ахилла. Ср. Еврипид. «Гекуба», ст. 517 и сл.

²⁰ *Я устремился в храм.* — Рассказ Ореста о гибели Пирра близок к аналогичному эпизоду в «Андромахе» Еврипида.

²¹ *Я вижу клубы змей...* — Головы Эриний, преследовавших Ореста, были увиты змеями.

БРИТАНИК

Трагедия была впервые представлена 13 декабря 1669 г. труппой Бургундского отеля и вначале не произвела сколько-нибудь сильного впечатления. Современники отмечали только присутствие на спектакле многочисленных недоброжелателей Расина во главе с Корнелем. Пьеса вызвала множество критических замечаний, на которые Расин, по своему обыкновению, ответил в предисловии к первому изданию, вышедшему в начале 1670 г. Однако очень скоро судьбу трагедии решило одобрительное суждение короля. «Британик» прочно утвердился в театральном репертуаре.

Основным источником Расина послужили «Анналы» римского историка Корнелия Тацита (55—120), из которых он заимствовал не только факты, но и психологические характеристики персонажей и, текстуально, отдельные реплики и монологи. Важнейшие из этих совпадений отмечаются в следующей форме: «Анналы», римскими цифрами обозначена книга, арабскими — глава.

Посвящение содержалось в первом издании трагедии. В прижизненных собраниях пьесы Расина отсутствует.

¹ *Герцог де Шеврез* — Шарль-Оноре д'Альбер (1646—1712) принадлежал к одной из самых знатных семей Франции, тесно связанной с яansenистской общиной (см. статью). Расин познакомился с ним в 1655 г. в яansenистском коллеже.

² *... человеку, чья каждая минута драгоценна.* — Имеется в виду тесть герцога министр Кольбер.

³ *«... vitii mire congruebat».* — «Анналы», XIII, 1. Описание правления Нерона содержится в XIII и XIV книгах, однако факты предшествующего периода заимствованы Расином из других частей того же произведения.

⁴ *... человек... преаритить в двадцатилетнее...* — Корнель в трагедии «Иракий» (1647). В «Обращении к читателю» он сам оговаривает эту хронологическую полноту.

⁵ ... *Эмилия в «Цинне» и Сабина в «Горациях»?* — Персонажи трагедий Корнели на темы из римской истории.

⁶ ... *которому Клавдий обещал в жены Октавию.* — Октавия, дочь императора Клавдия, сестра Британика, выданная по настоянию Агриппины замуж за Нерона и впоследствии им умерщвленная.

⁷ *«festivissima omnium puellarum»* — Ср. Сенека. «Отыквление божественного Клавдия», VIII.

⁸ ... *повинны... лишь в некоторой неосмотрительности.* — Ср. «Анналы», XII, 4. Современники Расина оспаривали эту характеристику исторической Юнии, опираясь на тех же Сенеку и Тацита. Попытки Расина, нередко неудачные, «документально» обосновать характеры вымышленных персонажей идут в русле того пошпмания правдоподобия, которое господствовало в эпоху классицизма.

⁹ *им режут слух четыре строки* — Тем не менее Расин вял голосу критики и опустил в последующих изданиях короткую сцену между Нероном и Юнией, следовавшую за 5-м явлением V действия и прерываемую появлением Агриппины.

¹⁰ *передавать в рассказе лишь то, что не может быть показано.* — Правило это идет от Горация («Наука поэзии», ст 183—188) и было в дальнейшем повторено в «Поэтическом искусстве» Буало:

Но то, что стерпит слух, порой не стерпит глаз.

Поэтика классицизма избегала чересчур натуралистических зрелищных эффектов (убийств, кровопролитий), трактуя их как «низменные» и оскорбляющие нравственное и эстетическое чувство зрителя.

¹¹ *Софокл... столько же стихотворных строк...* — У Софокла — ст. 1184—1354, то есть 170 строк; у Расина, включая изъятую сцену первого издания, — 168.

¹² ... *удариться в неправдоподобное.* — Здесь и далее — прямая полемика с теоретическими высказываниями Корнелиа и с его композиционной техникой.

¹³ ... *старается вселить ненависть к себе...* — Намек на Аттилу в одноименной трагедии Корнелиа (1667), д. III, явл. 2.

¹⁴ ... *спартанца сделать болтуном...* — Подразумевается Агесилай в одноименной трагедии Корнелиа (1666).

¹⁵ ... *завоевателя разглагольствовать лишь о любви...* — Цезарь в трагедии Корнелиа «Помпей» (1642).

¹⁶ ... *женщину — давать... уроки непреклонной гордости.* — Корнелия в той же трагедии.

¹⁷ ... *один из этих древних авторов...* — Имеется в виду трактат «О возвышенном», вплоть до XIX в. приписывавшийся греческому философу Лонгину (III в. н. э.), но на самом деле написанный в I в. н. э. В 1674 г. Буало издал свой французский перевод этого трактата, сопроводив его комментариями.

¹⁸ ... *говорит Цицерон.* — В сочинении «О республике», кн. VI, гл. 16.

¹⁹ *Теренций* — Публий Теренций Аффер (II в. до н. э.), римский комедиограф.

^{19a} ... *старого злокозненного поэта...* — Лусция Ланувина, римского комедиографа (II в. до н. э.). Цитата взята из пролога к «Девушке с Андроса», ст. 6—7.

²⁰ ... *до самого начала представления его комедий.* — Намек на Корнелиа.

²¹ *Он закричал, и т. д.* — Цитата из пролога к комедии Теренция «Евнух», ст. 22—23.

²² *Авл Геллий* — римский писатель (II в. н. э.). Его труд «Аттические ночи» в 20 книгах представляет собой компиляцию выписок из греческих и римских авторов. Упомянутое сообщение содержится в кн. I, гл. 12.

²³ *Нет ничего несправедливее невежды.* — Цитата из комедии Теренция «Братья», ст. 99.

²⁴ [Второе предисловие]. — Появилось в издании 1676 г. По совету Буало Расин заменил им первое предисловие, слегка смягчив полемический тон.

²⁵ *«factus natura... blanditiis».* — Ср. «Анналы», XIV, 12, 56.

²⁶ *«Nactus Nero... quaesivit».* — Там же, XIII, 47.

²⁷ *«... с женщинами именовых родов».* — Там же, XIII, 12.

²⁸ *«... severitate morum...».* — Там же, XIII, 2.

²⁹ *«... свободной от подбострастия обходительностью».* — Там же.

³⁰ «*Civitati grande... virtutis*». — Там же, XIV, 51.

³¹ «... *in partibus Pallantem*». — Там же, XIII, 2. Паллант (во французской трагедии — Паллас) — вольноотпущенник Клавдия; согласно Тациту, был главной опорой Агриппины в ее политических интригах. Содействовал ее браку с Клавдием. Впоследствии был отравлен Нероном.

³² «... *ожидающей ее участи*». — Там же, XIII, 16.

³³ «... *на деле ее справедливость*». — Там же, XII, 26.

³⁴ «*Nam, ut proximus... provisum erat*». — Там же, XIII, 15.

³⁵ ... *до правления Веспасиана*. — Веспасиан вступил на престол в 69 г., через год после смерти Нерона.

³⁶ Британик — сын императора Клавдия от его третьей жены Мессалины, казненной Клавдием за распутство (см. д. IV, явл. 2). Расин избегает упоминать (как в перечне действующих лиц, так и в тексте) имя Мессалины, ставшее нарицательным обозначением разнузданного разврата, чтобы не бросить тень на благородного героя, каким выступает у него Британик. Однако в посмертных изданиях трагедии оно появилось рядом с именем Клавдия.

³⁷ Агриппина — была родной племянницей своего второго мужа Клавдия, дочерью его брата Германика.

³⁸ ... *сын Домиция*. — До того, как он был усыновлен Клавдием, Нерон также послал имя Домиция.

³⁹ *Три года властвует...* — Нерон взшел на престол в октябре 54 г. Убийство Британика последовало уже весной 55 г. Чтобы смягчить допущенный им хронологический сдвиг, Расин в позднейших изданиях трагедии изменил первоначальное «три года» на «два года», однако сохранил цифру «три» в двух других упоминаниях срока правления Нерона.

⁴⁰ *Подобен Августу на склоне поздних дней*. — Октавиан Август, первый римский император (с 30 г. до н. э. по 14 г. н. э.) начал свое правление с жестоких расправ со своими политическими противниками. В последние годы смягчился, что дало повод историкам и философам прославлять его милосердие по контрасту с жестокостью и произволом его преемников. Милосердие Августа сделал, в частности, темой своей трагедии «Цинна» (1640) Корнель. Сенека в трактате «О милосердии» превозносит кротость Нерона в первые годы его правления, ставя его в этом смысле даже выше Августа.

⁴¹ *Гордыни родовой лежит на нем печать...* — Римский историк Светоний (см. примеч. к «Беренике») в «Жизни двенадцати цезарей» подробно останавливается на роде Домициев, предков Нерона с отцовской стороны, отмечая их жестокость.

⁴² Гай — Гай Цезарь Каллигула, римский император в 37—41 гг., брат Агриппины, известный своей жестокостью и деспотизмом.

⁴³ Силан — Луций Силан (см. Предисловие) был помолвлен с дочерью Клавдия Октавией. Чтобы расстроить этот брак, Агриппина обвинила Силана в кровосмесительной связи с сестрой. В день бракосочетания Агриппины и Клавдия (а не Нерона и Октавии, как говорит Агриппина в д. IV, явл. 2) Силан покончил с собой. Ср. «Анналы», XII, 3, 4 и 8.

⁴⁴ ... *кровь Августа текла*. — Мать Силана была по материнской линии правнучкой Августа.

⁴⁵ *Что носят фасции и лавры пред тобой...* — «Сенат постановил дать ей двоих ликторов» («Анналы», XIII, 2).

⁴⁶ Ливия — третья жена Августа, пользовавшаяся его доверием и любовью. Идеализированный образ Ливии был хорошо знаком зрителям XVII в. по трагедии Корнелия «Цинна».

⁴⁷ ... *незримая...* — Агриппина, скрытая за занавесом, могла слышать все, что говорили сенаторы, приглашенные во дворец («Анналы», XIII, 5).

⁴⁸ *За плечи обнял и — от трона отстранил*. — Рассказ об этом эпизоде содержится в «Анналах» (XIII, 5). Там Нерон отстраняет мать по совету Сенеки.

⁴⁹ *Один из двух...* — Бурр или Сенека.

⁵⁰ ... *императоров жена, и дочь, и мать?* — Тацит называет Агриппину единственным доныне примером женщины, которая была дочерью, сестрой, супругой и

матерью принцев («Анналы», XII, 42). Эта же формула прозвучала за месяц до первого представления «Британика» в надгробной речи придворного проповедника Боскоз по случаю смерти английской королевы Генриетты, дочери Генриха IV, сестры Людовика XIII, жены Карла I Стюарта и матери Карла II.

⁵¹ ...найдет поводьяр меж пращуров своих... — Слова Агриппины заимствованы из «Анналов» (XIV, 52). Там они приписываются врагам Сенеки.

⁵² ...меж изгнанников... — Агриппина, стремясь создать себе популярность, добилась в 49 г. возвращения из изгнания Сенеки, сосланного по проискам Мессалины на Корсику.

⁵³ *Те трое...* — Тацит говорит о трех вольноотпущенниках Клавдия: Нарциссе, Палланте и Каллисте, сосредоточивших в руках реальную власть. В особенности influentialным был Паллант (см. примеч. 31), получивший в свое бесконтрольное распоряжение финансы государства.

⁵⁴ *Тразея доблестный... отважный Корбулон...* — Тразея занимал в сенате независимую позицию по отношению к актам жестокости и произвола, чинимым Нероном. Был осужден на смерть и вскрыл себе вены. Корбулон — военачальник при Клавдии и Нероне, командовал римскими легионами в Сирии, покорил Армению. Был умерщвлен по приказу Нерона.

⁵⁵ ...единого с ней рода. — Агриппина была правнучкой Августа, Юния — его праправнучкой.

⁵⁶ *И своенравие безмолвно ей спускаю...* — Почти дословная цитата из «Анналов» (XIV, 4).

⁵⁷ *И у державы нет наследника, Нарцисс.* — Под этим предлогом Нерон впоследствии изгнал Октавию, чтобы сочетаться браком со своей любовницей Пoppеей (ср. «Анналы», XIV, 60).

⁵⁸ ...потомок этих уз. — Август развелся со своей женой Скрибонией, от которой имел дочь Юлию; Лавия — со своим мужем, от которого имела двух сыновей, в дальнейшем усыновленных Августом. Младший из них, Друз Нерон, был отцом Германика, деда Нерона по матери.

⁵⁹ *Пред гением ее снижает гений мой.* — Этот психологический штрих подсказан Расину рассказом Плутарха об Антонии: когда, раздраженный постоянными победами Октавия (будущего императора Августа), он обратился за советом к египетскому прорицателю, тот ответил: «Твой гений боится его гения: гордый и отважный в одиночестве, он теряет величие и становится слабым и робким в присутствии цезаря». Эти же слова текстуально воспроизведены в «Антонии и Клеопатре» Шекспира (д. II, явл. 3).

⁶⁰ *И каждый римлянин ее отца в ней чтит.* — Германик, прославившийся победоносными походами, пользовался большой популярностью в Риме. Ср. Светоний. «Жизнь двенадцати цезарей» («Гай Калигула» гл. 3).

⁶¹ *Убийства, даже яд...* — Весь монолог Агриппины текстуально перекликается с 14-й главой XIII книги «Анналов».

⁶² ...брат с сестрою... — Британик и Октавия.

⁶³ *Плавт, Сулла и Пизон...* — Фавст Корнелий Сулла (потомок известного политического деятеля II—I вв. до н. э. Луция Корнелия Суллы) был зятем императора Клавдия. Согласно Тациту, Паллант и Бурр были обвинены Нероном в заговоре с целью возвести Суллу на престол. По приказу Нерона Сулла был убит. Тогда же был умерщвлен и Рубеллий Плавт, потомок Августа по женской линии, которого Агриппина после смерти Британика рассчитывала противопоставить Нерону. Гай Пизон возглавил заговор против Нерона в последние годы его правления. Все эти отдельные факты, сообщаемые Тацитом в разных книгах «Анналов», как бы предвосхищаются здесь перечислением этих трех имен.

⁶⁴ *Подкупленный сенат смягчил закон старинный...* — Чтобы сделать возможным свой брак с Агриппиной, Клавдий узаконил запрещенные до того браки между дядьями и племянницами. Однако этим разрешением воспользовался кроме него лишь один римский всадник, да и то, как говорили, из желания угодить этим Агриппине (ср. «Анналы», XII, 7).

⁶⁵ *И жертвенная кровь лилась на алтарях.* — Ср. «Анналы», XII, 68 и 69.

⁶⁶ *Отон* — Марк Сальвий Отон происходил из знатной семьи. Короткое время (с января по апрель 69 г.) был императором Рима.

⁶⁷ *Сенецион* — сын вольноотпущенника императора Клавдия. И отец, и сын были любимицами Нерона (ср. «Анналы», XIII, 12).

⁶⁸ *Локуста* — была известна в Риме как отравительница, владевшая секретом разнообразных ядов. Ее услугами нередко пользовались в политических целях. Согласно Тациту, она составила яд, которым был отравлен Клавдий. Светоний в жизнеописании Нерона говорит, что от нее был получен яд, которым отравили Британика.

⁶⁹ *Низкопоклонством из был утомлен Тиберий*. — Тацит приводит слова Тиберия, которые он произносил всякий раз, покидая курию: «О люди, созданные для рабства!», и добавляет: «Очевидно, даже ему, при всей его ненависти к гражданской свободе, внушало отвращение столь низменное раболепие» («Анналы», III, 65).

⁷⁰ *Что управляет он умело колесницей!* — Тацит упоминает о недовольстве, которое вызывали у Бурра и Сенеки увлечения Нерона недостойными цезаря занятиями — игрой на кифаре, лицедейством на сцене, участием в конных состязаниях: «В Ватиканской долине было огорожено для него ристалище, на котором он мог бы править конной упряжкой в присутствии небольшого числа избранных зрителей; но вскоре он сам стал созывать туда простой народ Рима, превозносивший его похвалами, ибо чернь, падкая до развлечений, радовалась, что принцепсу свойственны те же склонности, что и ей» («Анналы», XIV, 14). Некоторые современники Расина склонны были толковать это место как косвенный выпад против страсти Людовика XIV танцевать в балете. Однако король перестал принимать участие в публичных балетных представлениях за несколько месяцев до постановки «Британика».

⁷¹ *И посвящала в дела, где скрыт удел держав*. — Текстуально перекликается с местом из Тацита, предшествующим описанию гибели Агриппины («Анналы», XIV, 4).

⁷² *«... Британик... подвержен этой хвори*. — Ср. «Анналы», XIII, 16.

⁷³ *Наверное, за мною*. — Ср. «Анналы», XIII, 16.

⁷⁴ *Все голосом моим заговорит с тобою...* — Тацит («Анналы», XIV, 10) и Светоний рассказывают об угрызениях совести, мучивших Нерона после убийства матери.

⁷⁵ *Рукою собственной себя убьешь, Нерон...* — Пророчество о грядущем возмездии — традиционный прием драматургической и ораторской техники классической трагедии.

⁷⁶ *... удар, что мне давно предсказан*. — Согласно Тациту, халдеи на вопрос Агриппины о грядущей судьбе юного Нерона ответили, что он будет властвовать и умертвит мать. Она сказала: «Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал» («Анналы», XIV, 9).

БЕРЕНИКА

Пьеса была впервые представлена в Бургундском отеле 21 ноября 1670 г. Ровно через неделю труппа Мольера поставила «героическую комедию» Корнеля «Гит и Береника». Уже первые биографы обоих драматургов, Луи Расин и племянник Корнеля Бернар де Фонтенель, сообщают, что пьесы были заказаны авторам Генриеттой Английской, невесткой короля, пожелавшей отразить в этом сюжете историю своей неудачной любви к Людовику XIV, однако не успевшей увидеть их на сцене (Генриетта умерла летом 1670 г.). Позднейшая критика поставила под сомнение эту легенду, выдвинув иную, сходную версию: пролагали, что выбор сюжета мог быть подсказан историей юношеской любви короля к племяннице кардинала Мазарини Марии Манчини, с которой Генриетта Английская была дружна с детства. Комментаторы обычно опираются при этом на два стиха из трагедии (IV, 5 и V, 5), почти дословно совпадающие с прощальными словами Марии Манчини, вынужденной по приказу Мазарини покинуть двор (см. примеч. 29 и 33). Однако ни это текстуальное совпадение, ни сходство сюжетной ситуации (впрочем, достаточно типичной для

царствующих особ), ни одновременное обращение двух драматургов к одному сюжету не могут служить достоверным доказательством этой биографической легенды. Сюжеты из римской истории были чрезвычайно популярны у драматургов эпохи классицизма и по многу раз обрабатывались разными авторами. В творческой биографии Расина трижды имели место постановки конкурирующих с его трагедиями пьес на те же сюжеты (кроме «Береники», «Ифигения» и «Федра»). Независимо от фактической истории замысла и создания «Береники», которая остается поныне не проясненной до конца, для нас существенно прямое столкновение восходящего гения Расина с Корнелем — на этот раз на одном и том же сюжетном материале.

Хотя пьеса Расина имела несравненно больший успех, она не избежала критики (отчасти исходившей из лагеря сторонников Корнеля). На одно из таких критических выступлений — брошюру аббата де Виллара — Расин, по своему обыкновению, полемически откликнулся в предисловии.

Первое издание трагедии вышло в 1671 г.

Источником трагедии послужило жизнеописание императора Тита в книге римского историка Гая Светония Транквила «Жизнь двенадцати цезарей» (ок. 120 г. н. э.).

Посвящение содержалось в отдельном издании трагедии. В прижизненных собраниях пьес Расина отсутствует.

¹ *Кольбер*, Жан Батист (1619—1683) — крупнейший государственный деятель в эпоху царствования Людовика XIV. Осуществил ряд экономических реформ. Покровительствовал поэтам и художникам. Об отношении к Расину подробнее см. статью.

² ... ей посчастливилось... его величества... — Речь идет о представлении «Береники» в присутствии короля 14 декабря 1670 г. по случаю бракосочетания герцога Неверского.

³ *Тит, страстно влюбленный... прихода своего к власти*. — Цитата представляет собой монтаж двух фраз из книги Светония («Божественный Тит», гл. 7).

⁴ ... для целой песни героической поэмы... — Разлука Энея и Дидоны описана в IV кн. «Энеиды» Вергилия.

⁵ ... чтобы в трагедии были кровь и мертвые тела... — Эта декларация косвенно направлена против Корнеля, в особенности против его трагедий «второй манеры» (1640-х годов), изобилующих трагическими эффектами и кровавыми злодеяниями в духе драматургии барокко.

⁶ *Пусть в том, что вы творите... единство*. — Цитата из «Науки поэзии» Горация (ст. 23).

⁷ ... «Филоктетом»... Даже «Эдил»... — Речь идет о трагедиях Софокла.

⁸ ... поклонники Теренция... — Теоретики классицизма (Буало) считали «серьезные» комедии Теренция образцом высокой комедии нравов в противовес более грубому и архаическому Плавту (III в. до н. э.). С этой архаичностью Плавта связана, вероятно, и та простота сюжетов, о которой говорит Расин.

⁹ *Менандр* — греческий драматург (343—292 гг. до н. э.), автор нравоописательных комедий.

¹⁰ ... двумя комедиями... чтобы создать одну свою! — Источниками комедии Теренция «Девушка с Андроса» послужили комедии Менандра «Перинфиянка» и «Евнух».

¹¹ *В трагедии волнуется только правдоподобное...* — Прямой полемический выпад против тезиса Корнеля: «Сюжет прекрасной трагедии должен не быть правдоподобным» (предисловие к «Ираклию», 1647).

¹² ... за один день происходит множество событий... — Намек на трагедии Корнеля, перегруженные внешними событиями. Ср. отзыв Пушкина: «Посмотрите, как Корнель ловко управился с Сидом. „А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте.“ — и нагромоздил событий на 4 месяца» (письмо к Н. Н. Раевскому от июля 1825 г.).

¹³ ... некий музыкант говорил македонскому царю Филиппу... — Анекдот заимствован из Плутарха.

¹⁴ ... *составленного против меня пасквиля...* — Имеется в виду брошюра аббата де Виллара «Критика „Береники“».

¹⁵ *Протасис* — другой термин для экспозиции.

¹⁶ *Тит* — римский император в 79—81 гг.

¹⁷ *Береника* — в Иудее было две царевны, носившие это имя. Одна — дочь царя Агриппы I, которой в 79 г. было 44 года; другая — дочь ее брата Агриппы.

¹⁸ *Комагена* — область на северо-востоке Сирии у Евфрата, была присоединена к Римской империи в 72 г. при императоре Веспасиане, отце Тита.

¹⁹ *Он плакал об отце...* — Веспасиан умер в 79 г. Согласно обычаю, траур по умершему императору длился семь дней.

²⁰ *Сам Юлий... своей женой назвать египтянку не смог...* — Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.), римский полководец и диктатор. В 48 г. до н. э., преследуя своего врага Помпея, предпринял поход в Египет и утвердил на престоле Клеопатру, сестру малолетнего египетского царя Птолемея XII. История любви Цезаря к красавице Клеопатре многократно использовалась в драматургии.

²¹ *Антонию она была милее жизни.* — Марк Антоний (83—30 гг. до н. э.), сторонник Цезаря, после его смерти — участник второго триумvirата. Короткое время делил власть с Октавианом, потом выступил против него в союзе с Клеопатрой, на которой в 37 г. до н. э. женился. С точки зрения римских законов, брак этот считался недействительным — отсюда толкование Расина. Потерпев поражение в битве при Акции (30 г. до н. э.), Антоний и Клеопатра покончили с собой.

²² *Калигула, Нерон* — римские императоры, известные своей жестокостью и провазомом (подробнее см. примечания к «Британику»).

²³ *Феликс... став мужем двух цариц...* — Светоний («Божественный Клавдий», гл. 28) упоминает о вольноотпущеннике Феликсе, назначенном прокуратором Иудеи, который был женат на трех иудейских царихах. Из них известны две: Друзилла, сестра Береники, и другая Друзилла, внучка Антония и Клеопатры.

²⁴ ... *поверженный во прах Иерусалим.* — Иерусалим был взят римскими войсками под командованием Тита в 70 г. н. э.

²⁵ *Неронов двор меня в те годы воспитал...* — Ср. у Светония («Божественный Тит», гл. 2).

²⁶ *Пять лет я каждый день...* — Современники Расина сообщают, что этими словами принц Конде выразил свое восхищение «Береникой» (в подлиннике: «пять лет я каждый день ее вижу»).

²⁷ *Владения твои умножит Киликия.* — Комагена с запада граничила с Киликией.

²⁸ *А я из дней... Быть может, лучшие потратил даром дни!* — Ср. у Светония («Божественный Тит», гл. 8): «А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: „Друзья мои, я потерял день!“».

²⁹ *Ты — цезарь, властелин, и плачешь ты, мой друг?* — Вольтер толковал эту строку как перифразу слов, сказанных Марией Манчини Людовику XIV: «Вы плачете, а между тем вы господин!».

³⁰ *На смерть вернулся в плен...* — Регул (III в. до н. э.), римский консул, добровольно сдался в плен карфагенянам, чтобы сдержать данное слово.

³¹ ... *кто приговор суровый вынес сыну...* — Тит Торкват Манлий (IV в. до н. э.), римский консул (ср. «Энеида», кн. VI, ст. 825—828). Следующие два стиха почти дословно заимствованы из «Энеиды» (кн. VI, ст. 823—824).

³² *Велел идти на казнь обоим сыновьям...* — Луций Юний Брут (VI в. до н. э.), легендарный основатель Римской республики (ср. «Энеида», кн. VI, ст. 821—822). Сюжеты, упоминаемые в примеч. 30—32, были чрезвычайно популярны во французской классической драматургии.

³³ *Однако еду я — и это твой приказ!* — См. примеч. 29.

³⁴ *Я также не смогу сказать тебе, что сброшу...* — Скрытая полемика с Корнелем, по-иному трактовавшим тот же сюжет и образ Тита.

ИФИГЕНИЯ

Трагедия была впервые представлена 18 августа 1674 г. в Версале на придворном празднестве по случаю завоевания Франш-Конте. Парижская публика увидела ее на сцене Бургундского отеля в конце декабря того же года. Пьеса имела огромный успех, свидетельствующий, в частности, об укрепившейся репутации Расина как первого драматурга Франции. Однако и на этот раз не было недостатка в критических выпадах. Первое издание вышло в начале 1675 г. Несколько месяцев спустя, в мае того же года, труппа Мольера поставила другую «Ифигению» — Леклерка и Корá. Расин, всегда ревниво относившийся ко всякого рода конкуренции, сумел добиться если не запрещения, то во всяком случае отсрочки этой постановки, которая, судя по свидетельствам современников, должна была состояться раньше: к маю его «Ифигения», многократно сыгранная труппой Бургундского отеля, уже не могла рассчитывать на постоянный приток публики. Не довольствуясь этим, Расин откликнулся на пьесу своих соперников язвительной эпиграммой:

Поэт Леклерк и друг его Кора
Писали сообща немало вздора,
Но «Ифигения», сойдя у них с пера,
Вдруг оказалась яблоком раздора:
«Она моя!» — твердит один. — «Ну, нет,
Тут автор — я!» — кричит другой натужно;
А только пьеса увидела свет —
Обоим стало авторство не нужно.

(Пер. Инны Шафаренко)

В России «Ифигения» была впервые представлена 6 мая 1815 г. в переводе М. Лобанова с Екатериной Семеновой в роли Клитемнестры.

Трагедия Расина обнаруживает большую текстуральную близость с «Ифигенией Авлидской» Еврипида, которая послужила ее основным источником (отдельные отступления в трактовке сюжета Расин оговаривает в предисловии). Наряду с этим встречаются отдельные реминисценции из «Илиады» и некоторых других античных произведений. Важнейшие из них отмечены в примечаниях. Из французских авторов наиболее значительным предшественником Расина в обработке этого сюжета был Жан Ротру («Ифигения в Авлиде», 1640).

¹ ... Эсхил в «Агамемноне»... — «Агамемнон» — первая часть трилогии Эсхила (525—465 гг. до н. э.) «Орестея». Имеются в виду ст. 194—235, в которых хор вспоминает о жертвоприношении Ифигении.

² ... Софокл в «Электре»... — В этой трагедии Софокла (496—406 гг. до н. э.) рассказывается о мести детей Агамемнона Электры и Ореста их матери Клитемнестре за убийство отца. В ст. 531—550 Клитемнестра пытается оправдать свое преступление тем, что Агамемнон принес в жертву их старшую дочь Ифигению.

³ Лукреций — Тит Лукреций Кар (ок. 98—55 гг. до н. э.), римский поэт и философ-материалист, автор философской поэмы «О природе вещей». Расин цитирует ниже ст. 85—87.

⁴ ... Гораций... настаивают... — В III Сатире второй книги, ст. 199—200.

⁵ ... Ифианассиной... — Форму Ифианасса (вместо Ифигения) Лукреций употребляет вслед за Гомером.

⁶ ... у Эсхила Клитемнестра говорит... — «Агамемнон», ст. 1527—1530.

⁷ ... Овидий... в свои «Метаморфозы»... — Овидий Назон (43 г. до н. э.—18 г. н. э.), римский поэт. В поэме «Метаморфозы» дает свод мифологических сюжетов, объединенных темой «превращений». Упоминаемое место содержится в кн. XII, ст. 29—34.

⁸ Стесихор — греческий поэт (VI в. до н. э.), уроженец Сицилии, автор полуэпических-полулирических произведений на мифологические темы. Расин опирается здесь не на первоисточник, а на свидетельство Павсания (см. примеч. 10).

⁹ ... в тайном браке с Тесеем. — Эту же версию приводит и Плутарх. Расин вновь упоминает об этом мотиве в «Федре» (I, 1).

¹⁰ *Павсаний* — греческий писатель (II в. н. э.), автор «Описания Эллады» в 10 книгах, содержащего множество сведений по географии, истории, археологии, искусству и мифологии. Упоминаемое место находится во II кн., гл. XXII. Расин в своем примечании указывает страницу по кн.: Πανσανίου ἱῆς Ἑλλάδος περιήγησις hoc est Pausaniae accurata Graeciae descriptio... Nanoviae, Apud haeredes C. Marnii, 1613.

¹¹ ... в девятой книге «Илиады»... — См. ст. 141—147.

¹² ... образом Эрифилы... — У Павсания Расин нашел упоминание о дочери Елены и Тесея, имя он выбрал произвольно из репертуара древнегреческих имен.

¹³ ... с помощью «богини из машины»... — Термин *deus ex machina* («бог из машины») обозначает в античной поэтике драмы неожиданную, не мотивированную сюжетным развитием развязку по воле внезапно спускающегося с неба божества. Во времена Расина подобные развязки, не соответствующие рационалистическому пониманию правдоподобия, считались принадлежностью «развлекательных» жанров — оперы и трагикомедии.

¹⁴ ... в наше время показалось бы совершенно бессмысленным и неправдоподобным. — Намек на предостережение Горация в «Науке поэзии», ст. 188, и характерная для поэтики французского классицизма попытка рационалистически переосмыслить античные сюжеты с точки зрения современных понятий о правдоподобии.

¹⁵ *Эвфорион Халкидский* — греческий поэт и ученый (III в. до н. э.).

¹⁶ *Парфений* — имеется в виду Парфений Никейский (I в. до н. э.), греческий поэт эллинистической эпохи, подражавший Эвфориону.

¹⁷ ... завоевание острова Лесбос... — Об этом упоминается в «Илиаде», кн. IX, ст. 271.

¹⁸ ... столь великому поэту по поводу его «Алкесты». — На сюжет трагедия Еврипида «Алкеста» была написана пользовавшаяся большим успехом опера Ж.-Б. Люлли (1674, текст Филиппа Кино). Весь этот отрывок направлен не только непосредственно против «конкурентов» — Люлли и Кино, но и против растущего в 60—70-е годы увлечения оперой, которую Расин считал «низшим», поверхностным и чисто развлекательным жанром. Знаменательно, что в отличие от прежних предисловий, в основном направленных на защиту своих пьес от критики, Расин здесь уделяет значительное место защите Еврипида и постановке более общего вопроса о приоритете древних.

¹⁹ ... с этими господами. — Имеется в виду Пьер Перро, старший брат знаменитого сказочника Шарля Перро, вышедший в 1675 г. «Критику оперы, или Анализ трагедии, озаглавленной „Алкеста“».

²⁰ «Следует быть... в них многое». — Расин цитирует трактат древнеримского теоретика ораторского искусства Марка Фабия Квинтилиана (35—96) «Об образовании оратора», кн. X, гл. 1, § 26.

²¹ *Течет в вас кровь богов...* — Прадед Агамемнона Тантал, согласно мифу, был сыном Зевса.

²² *С Олимпом вашу связь...* — Жена Агамемнона Клитемнестра также вела свой род от Зевса.

²³ *Калхас* — верховный жрец греков.

²⁴ *Фригия* — область в Малой Азии, где, по преданию, была расположена Троя.

²⁵ *Мне объяснила мать...* — богиня моря Фетида.

²⁶ *Парки* — богини судьбы, прядущие нить человеческой жизни и обрезающие ее в назначенный ими срок. Эти строки текстуально перекликаются с «Илиадой» (кн. IX, ст. 410—416).

²⁷ *Патрокл* — друг Ахилла. В «Илиаде» (кн. XVI, ст. 97—100) Ахилл говорит, что готов был вдвоем с Патроком разрушить Трою, если бы греки и троянцы «все истребили друг друга».

²⁸ *Что их священный долг — Елену охранять...* — У Еврипида об этом вспоминает сам Агамемнон.

²⁹ *А вы — счастливейший отец во всей вселенной.* — Текстуально близко к трагедии Еврипида (ст. 415—429), так же как и монолог Агамемнона в начале явл. 5.

³⁰ *Калласу смысла всего, что будет и что было.* — Ср. «Илиада», кн. I, ст. 70.

³¹ *Отец, вы от меня отводите глаза...* — Здесь и далее диалог Ифигении и Агамемнона текстуально перекликается с Еврипидом.

³² *Я только что ступил на эту землю сам.* — По поводу этой строки сохранилось неожиданное замечание Расина, вписанное его рукой на чистом листе в конце рукописи Пьера Перро (см. примеч. 19): «Прошло более шести месяцев с тех пор, как Ахилл захватил Лесбос. Это событие произошло до того, как греки собрались в Авлиде. Эрифила, введенная в заблуждение письмами Агамемнона, велевшего Клитемнестре привезти дочь в Авлиду для бракосочетания с Ахиллом, в самом деле думала, что это Ахилл торопит с заключением брака. Ахилл же отвечает ей, что никак не мог торопить с этим, ибо уже целый месяц находился вдали от войска. В первом действии говорится, что Ахилла призвал его отец Пелей, чтобы избавить его от врагов. Таким образом, Эрифила имеет основание упрекать Ахилла в том, что вот уже месяц, как он торопит Ифигению прибыть в Авлиду, а Ахилл с полным основанием отвечает Эрифиле, что его весь месяц не было в Авлиде».

³³ *Не молоком ее, а львиной алой кровью...* — В поэме римского поэта Стация (I в. н. э.) «Ахиллеида», кн. II, ст. 382—386, Ахилл сам говорит об этом.

³⁴ *Явление второе.* — После ухода Эрифилы и Дориды и перед появлением Клитемнестры и Эгины сцена на мгновение остается пустой — редкое у Расина нарушение одного из основных правил драматургической техники классицизма, предписывавшей «сцепление сцен» через присутствие хотя бы одного действующего лица (см. ниже предисловие к «Гофолни» и примечания).

³⁵ *Я старшая у вас.* — Текстуальное совпадение с Еврипидом (ст. 1209—1211).

³⁶ *О, вы Атрея не посрамили рода...* — Над родом Атрея тяготело проклятье богов, обреченное его членов на страшные и противоестественные преступления. Атрей, отец Агамемнона, убил детей своего брата Тiestа и дал ему вкусить их мяса на ппру (так называемый «пир Атрея»). Жергвоприношение Ифигении является одним из звеньев в этой цепи злодеяний, которая приведет к убийству Агамемнона Клитемнестрой и завершится ее собственной гибелью от руки ее сына Ореста, мстителя за отца.

³⁷ *А мы за то платить должны своей кровью?* — Эта часть монолог Клитемнестры близко соприкасается с текстом Еврипида (ст. 1190—1194).

³⁸ *Троянским племенем никак не оскорбленный...* — Монолог Ахилла подсказан Расину не Еврипидом, а Гомером — ср. «Илиада», кн. I, ст. 152—158.

³⁹ *Что ж, только брат ваш прав...* — Ср. «Илиада», кн. IX, ст. 340—341.

⁴⁰ *Ну что ж, покиньте нас.* — Ср. «Илиада», кн. I, ст. 173—175.

⁴¹ *Скорей моя душа отделится от тела...* — Диалог матери и дочери представляет реминисценцию из трагедии Еврипида «Гекуба» (ст. 389—398), где в центре стоит такая же драматическая ситуация — троянская царевну Поликсену греки приносят в жертву на глазах ее матери Гекубы (см. примеч. 29 к «Андромахе»).

⁴² *... Но ей не принесет печали и несчастий...* — Мотив бессознательного пророческого намека на грядущие события (здесь — на убийство Клитемнестры Орестом) не раз встречается в трагедиях Расина (ср. «Британик», д. V, явл. 6, «Гофолия», д. V, явл. 7). Подробнее об этом см. статью.

⁴³ *Когда-то лить лучи на гнусный пир Атрея... вспять...* — В трагедии Сенеки «Тiest» (д. IV) солнце, устранившись злодеяния Атрея, скрывается в полдень и погружает землю во мрак.

⁴⁴ *Нет! Не приближайся! Прочь!*... — Текстуальная переключка со словами Поликсены в трагедии «Гекуба», ст. 543—548 (см. примеч. 41).

⁴⁵ *Азейцы говорят...* — Чтобы смягчить неправдоподобие этого появления богини, которое Расин все же считал нужным сохранить, следуя своему источнику, Улисс сообщает об этом не как очевидец, а с чужих слов — своего рода дистанцирование рассказчика от сообщаемого факта. Этот момент был отмечен в примечаниях еще Луи Расином.

Ф Е Д Р А

Трагедия, первоначально носившая заглавие «Федра и Ипполит», была впервые представлена в Бургундском отеле 1 января 1677 г. С ее постановкой связана одна из самых громких в истории французской сцены интриг, затеянная врагами Расина (подробнее см. статью). В результате этой интриги первые спектакли не имели успеха. Но уже через два месяца шедевр Расина окончательно утвердил свои права на парижской сцене. Тогда же вышло и первое издание пьесы. Заглавие «Федра» появилось лишь в собрании трагедий Расина в 1687 г.

В России «Федра» была впервые сыграна на петербургской сцене в переводе М. Лобанова 9 ноября 1823 г. с Екатериной Семеновой в главной роли. Из последующих исполнителей следует назвать М. Н. Ермолову (1890) и Алису Коонен (1921).

Источниками Расина послужили «Ипполит» Еврипида и «Федра» Сенеки. Текстуальная близость к трагедии Еврипида очень велика, поэтому мы не сочли необходимым фиксировать ее во всех случаях в примечаниях. Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Театр французского классицизма. Пьер Корнель. Жан Расин. М., 1970. Печатается с небольшими редакционными изменениями.

¹ ... *Аристотель требует... сострадание и ужас.* — Ср. «Поэтика», гл. XIII.

² ... *в трагедиях древних авторов...* — Еврипида и Сенеки.

³ ... *могли быть подлые наклонности...* — Характерное для литературы классицизма проявление иерархического мышления, отмеченное с неодобрением уже романтической критикой (А. В. Шлегель).

⁴ ... *уронить его в глазах зрителей.* — Обманутый муж, «рогоносец», был чисто комедийной фигурой, несовместимой с достоинством высокого жанра — трагедии.

⁵ ... *древние авторы упрекали Еврипида...* — Этот упрек содержится в «Комментариях к Поэтике Аристотеля» П. Веттори (1573); на полях книги сохранились пометки Расина.

⁶ *У Вергилия сказано... и имел от нее сына.* — «Энеида», кн. VII, ст. 761—769.

⁷ ... *у других авторов...* — Скорее всего речь идет о «Картинах Филострата», выпущенных во французском переводе в 1615 г.

⁸ ... *за Плутархом.* — «Сравнительные жизнеописания» греческого писателя Плутарха (46—120 г. н. э.) открываются историей Тесея (далее: Плутарх и номер главы). Упомянутое место содержится в гл. XXXI. Оно же рассказано и у Павсания (см. примеч. 10 к «Ифигении»).

⁹ *Азерон* — река, протекающая на северо-западе Греции, в Эпире. Согласно преданию, отделяла землю от царства мертвых.

¹⁰ *Пирифой* — царь лапифов, друг Тесея. Согласно Плутарху, он хотел похитить дочь Аида (Плутона), властителя подземного царства; согласно Павсанию — жену. Следуя в целом Плутарху, Расин выбирает здесь второй вариант как более острый в драматургическом отношении.

¹¹ ... *приложить руку к трагедиям Еврипида.* — Сведения об этом имеются у греческого автора Диогена Лаэртского (III в. н. э.) в его «Жизнеописаниях и мнениях прославившихся в философии», кн. II.

¹² ... *прославленных... твердостью своих убеждений особ...* — Имеются в виду янсенисты, резко выступившие в конце 50-х годов против театра (подробнее см. в статье).

¹³ ... *следуя в этом истинному назначению трагедии.* — Двойное назначение поэзии сформулировано Горацием в «Науке поэзии» (ст. 333—334) и было подхвачено Буало.

¹⁴ *Минос* — у Расина легендарный царь Крита, после смерти — судья в подземном царстве (ср. монолог Федры — IV, 5). Согласно некоторым греческим источникам, это были разные лица, носившие одно имя. Отец Федры, царь Крита, приходился внуком судье подземного царства, сыну Зевса.

¹⁵ *Пасифая* — жена Миноса, восплаившая, согласно мифу, противоестественной страстью к быку. Плодом этой любви был получеловек—полубык, чудовищный Минотавр.

¹⁶ ... *Антиопы, царицы амазонок*. — Амазонки, в греческой мифологии, — воинствующие девы, населявшие берега Понта Эвксинского (Черного моря). Согласно Плутарху (XXVI), Тесей, по одним источникам, получил Антиопу в награду за храбрость от Геракла, по другим — захватил ее в плен или обманом заманил на свой корабль.

¹⁷ *Трезен* — город в Пелопоннесе, родина Тесея. Основан, согласно преданию, его дедом по матери Питфеем (Плутарх, III).

¹⁸ ... *моря, волнующиеся к закату и восходу*... — Ионийское и Эгейское моря.

¹⁹ *Тенарон* — мыс на юге Пелопоннеского полуострова.

²⁰ ... *то море, где смерть нашел Икар*. — Юго-восточная часть Эгейского моря. Согласно мифу, Икар взлетел на крыльях из воска, слепленных его отцом Дедалом. Когда он приблизился к солнцу, воск растаял и юноша упал в море, названное греками морем Икара.

²¹ ... *что враждовал с моим*. — Арикия — дочь Палланта, брата Эгея. Ее братья (паллантиды) претендовали на афинский престол, так как Эгей долгое время считался бездетным. Когда Тесей явился к отцу и был объявлен наследником престола, паллантиды подняли мятеж против него как чужестранца и незаконнорожденного. Тесей разгромил и уничтожил паллантидов (Плутарх, XIII).

²² ... *чтоб ваменить Геракла*... — Ср. Плутарх, VI: «Тесея уже давно тайно волновала слава Геракла».

²³ *Скирон, Синид, Прокруст* — разбойники, которых Тесей подвергнул такой же мучительной казни, на какую они обрекали несчастных путников, попадавших им в руки: Синид привязывал их к верхушкам двух согнутых сосов, которые разрывали их на части; Прокруст обрубал или вытягивал им ноги по длине ложа, на которое укладывал их; Скирон заставлял их мыть себе ноги и сбрасывал ударом ноги со скалы в море (Плутарх, VIII, IX, X).

²⁴ ... *великана он сразил блиа Эпидавра*... — Убив великана Перифета, Тесей завладел его палицей, с которой впредь не расставался (Плутарх, VIII).

²⁵ ... *освободил он Крит от Минотавра*. — Сидевший в подземном Лабиринте царя Миноса Минотавр (см. выше) пожирал юношей и девушек, которых Афины обязаны были посылать на Крит в качестве дани.

²⁶ *Как в Саламине он покинул Перибейю*... — Перибейя — мать греческого героя Аякса, жена саламинского царя Теламона. Плутарх упоминает о многочисленных любовных приключениях Тесея в гл. XXIX.

²⁷ *Как в Спарте соблазнил Елену*... — См. примеч. 8.

²⁸ *И слезы льющая на скалы Ариадна* — Дочь Миноса, сестра Федры Арнадна влюбилась в Тесея, когда он прибыл на Крит, чтобы сразиться с Минотавром, дала ему путеводную нить, чтобы он мог выбраться из Лабиринта, бежала с ним и была покинута им на острове Наксос (по другой версии — на Кипре). Этот сюжет неоднократно использовался художниками и поэтами.

²⁹ *Явление третье*. — Большая часть этого явления имеет текстуальные совпадения с «Ипполитом» Еврипида.

³⁰ *Чьей дочерью себя надменно объявила мать Федры!* — Пасифая — дочь бога солнца Гелиоса.

³¹ ... *скифское отродье*... — По преданию, амазонки принадлежали к скифскому племени.

³² ... *богиней проклят гневной*. — В трагедии Сенеки (I, ст. 129—135) Федра объясняет ненависть Афродиты ко всему ее роду тем, что Гелиос, отец Пасифаи, открыл любовную связь Арея (Марса) и Афродиты ее супругу Гефесту.

³³ *По праву может стать властителем Афин*. — Ипполит как сын скифской царицы не мог претендовать на афинский престол.

³⁴ ... *что вел начало от матери-земли*... — Отец Арикки Паллант был потомком Эрехтея, сына богини земли Геи.

³⁵ ... *шесть братьев-юношей*... — Плутарх говорит о пятидесяти паллантидах.

³⁶ *Алкид* — Геракл.

³⁷ *Мой дед, Эгей*... *приемным сыном*. — Плутарх (XIII) указывает, что, по некоторым версиям, Эгей был только усыновлен царем Пандионом, отцом Палланта.

³⁸ ...он повелитель Крита... — Сын Федры имел на это право как внук царя Миноса.

³⁹ Нет, я не так бесчестна... на всех. — Мемуарист XVII в., друг Буало, Бросетт рассказывает, что первая исполнительница роли Федры, знаменитая актриса Шанмеле решительно отказалась произнести эти строки на первом представлении трагедии, будто бы состоявшемся в Версале в присутствии короля и его фаворитки Монтеспан. Однако в другом месте тот же Бросетт называет местом первой постановки Бургундский отель. Рассказанный им анекдот свидетельствует скорее о том, как сама публика воспринимала некоторые места из трагедии Расина. Вряд ли возможно предположить здесь сознательный намек на отношения короля и Монтеспан, которая покровительствовала Расину и, в частности, содействовала его назначению придворным историографом в том же 1677 г.

⁴⁰ Им друга моего царь отдал на съеденье. — Согласно Плутарху (XXXI), Аид, властитель подземного царства, отдал Пирифоя на съедение чудовищному псу Церберу.

⁴¹ Медеей некогда нам привезенный яд. — Колхидская царевна Медея владела секретом волшебных зелий и ядов. Покинутая своим мужем Ясоном, она стала женой престарелого Эгея и пыталась заставить его поднести яд Тесею, когда тот впервые явился неизвестным к отцу.

ГОФОЛИЯ

Трагедия была впервые представлена 5 января 1691 г. в женском пансионе Сен-Сир силами воспитаниц (подробнее см. статью). Спектакль носил сугубо закрытый характер — на нем присутствовали только король, дофин и госпожа де Ментенон. Современники упорно именуют его «репетицией» и подчеркивают, что он исполнялся в обычных костюмах и без декораций, хотя с музыкальным сопровождением. То же самое относится и к двум следующим представлениям. На втором из них присутствовали также английская королевская чета — изгнанный из Англии революцией 1689 г. Иаков II с супругой и некоторые придворные из ближайшего окружения Людовика XIV. В отличие от предыдущей трагедии Расина «Эсфирь», написанной также на библейскую тему и для того же женского пансиона, «Гофолия» более не ставилась в Сен-Сире. Она появилась, правда, вскоре в печати (март 1691 г.), но особенно широкого резонанса не имела — по условиям театральной и литературной жизни того времени пьесе, не получившую сценического воплощения, читающая публика почти не замечала. Уже после смерти Расина, в 1702 г., трагедия была поставлена (опять же в форме закрытого спектакля) при дворе в Версале, причем исполнителями некоторых ролей были члены королевской семьи. И лишь в 1716 г., после смерти Людовика XIV, регент Филипп Орлеанский отменил официальный запрет, наложенный покойным королем на последнюю трагедию Расина. «Гофолия» была поставлена труппой Комеди Франсэз и имела огромный успех (подробнее см. статью).

В России «Гофолия» была поставлена на петербургской сцене в 1810 г. в переводе С. П. Потемкина и П. Ф. Шапошникова с Екатериной Семеновой в главной роли. В последующее десятилетие не раз ставилась на сцене. В кругах, близких к декабристскому движению, воспринималась как патриотическая и гражданственная пьеса. См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова. М., 1964, с. 143.

Источником трагедии послужила IV книга Царств, однако она насквозь пронизана смежными реминисценциями или прямыми цитатами из других мест Библии. Те из этих реминисценций или цитат, которые наиболее существенны для понимания смысла и стилистической структуры пьесы, указаны в примечаниях.

¹ ...против Роваома... царство Израильское. — Ср. III кн. Царств, XII, 20. Роваом — сын царя Соломона и внук Давида.

² левиты — потомки Левия, одного из сыновей Иакова, были наследственными священнослужителями.

⁸ ... колена, притом многочисленное. — При царе Давиде их насчитывалось, согласно Библии, 38 000.

⁴ ... из рода Ааронова... — Аарон — брат Моисея.

⁶ ... для хлебов предложения... — Священные хлебы, которые могли вкушать только священники.

⁶ Ахав и Иезавель... — Царь израильский, Ахав, предавшийся языческому богу Ваалу. Иезавель — жена Ахав, дочь Сидонского царя. История Ахав и Иезавель, неоднократно упоминаемая в тексте трагедии, рассказана в III и IV кн. Царств.

⁷ ... как предсказал Илия... — Пророк Илия; см. IV кн. Царств, IX, 36.

⁹ Навуфей — см. III кн. Царств, XXI.

⁵ ... произошло это спустя семь лет... — См. IV кн. Царств, XI, 4.

¹⁰ Паралипоменон — две книги летописей, помещенные в Ветхом Завете после книг Царств и в основном дублирующие их по содержанию. Упоминаемое место содержится во второй книге, XXIV, 1.

¹¹ Север Сульпиций — аквитанский священник (365—425; обычно цитируется как Сульпиций Север), автор «Священной истории», представляющей собой переработку Библии и истории христианства в Риме и Галлии. Сохранился экземпляр этой книги (1574), испещренный пометками Расина.

¹² ... отвечать на поставленные им вопросы. — Французская классическая трагедия исключала из состава действующих лиц малолетних детей как существа «неразумные», неспособные анализировать свои поступки и чувства и нести за них ответственность. «Гофолія» представлял единственное отступление от этого правила. Поэтому Расин считает нужным особо оговорить возраст Иоаса и, по возможности, увеличить его.

¹³ ... по выражению апостола Павла... — Ср. Второе послание к Тимофею, III, 15.

¹⁴ ... отпрыск... превосходным воспитанием. — Имеется в виду внук Людовика XIV, герцог Бургундский, родившийся в 1682 г. Одним из его наставников был выдающийся писатель-моралист Франсуа-Салиньяк де Фенелон. В придворных кругах на этого мальчика, будущего наследника престола, возлагали большие надежды по контрасту с его отцом, дофином, человеком ограниченным и не пользовавшимся авторитетом. Ни тот, ни другой не взошли на престол, так как умерли еще при жизни Людовика XIV.

¹⁵ Иосиф Флавий — еврейский историк (37—100), писал по-гречески. Упоминаемый труд — «Иудейские древности».

¹⁶ ... прелат, чьи слова я привел... — Епископ Ж.-Б. Боссюэ (1627—1704), придворный проповедник и воспитатель дофина. Цитируемые места взяты из его «Рассуждения о всеобщей истории» (1681).

¹⁷ Иосиф... в тех же выражениях... — Ср. «Иудейские древности» Иосифа Флавия, кн. IX, гл. VII.

¹⁸ ... светильник, обещанный ему. — Ср. IV кн. Царств, VIII, 19. Расин толкует этот светильник в следующей фразе символически — как христианство (см. также д. III, явл. 7 и примеч. 44).

¹⁹ ... не оставлять сцену пустой... — Об этом правиле драматургической техники классицизма см. примеч. 34 к «Ифигении». Однако классическое правило «сцепления сцен» действовало только в пределах каждого отдельного акта. Здесь Расин толкует его расширительно, распространяя на всю пьесу.

²⁰ ... пророчествовать уже в силу своего первосвященства? — Ср. Евангелие от Иоанна, XI, 51.

²¹ ... прозревает роковую перемену... убийством Захарии... — Ср. II кн. Паралипоменон, XXIV, 22. О композиционной и художественной роли мотива пророчества см. статью.

²² ... навстречу Саулу... — Ср. I кн. Царств, X, 5.

²³ ... как Иодай у меня... — Ср. IV кн. Царств, III, 15.

²⁴ Суламита... Авенир... Азария... Навал — вымышленные персонажи; имена Расин заимствовал из других мест Библии.

²⁵ *На зов священных труб...* — Ср. I кн. Паралипоменон, XV, 24 и др.

²⁶ *...былой леиат Матфан...* — В IV кн. Царств (XI, 18) Матфан именуется просто жрецом Ваала. Делая его вероотступником, Расин тем самым углубляет и драматизирует этот образ.

²⁷ *Кто властен море вспать десницей обратить...* — Когда Моисей выводил свой народ из Египта, воды Черного (Красного) моря расступились перед ним (Исход, XIV, 21—22).

²⁸ *Царей законных...* — Согласно Библии (Второзаконие, XVII, 15), чужестранец не мог быть законным царем иудейского народа. Гофолия является чужестранкой.

²⁹ *А ты, отчизны щит...* — Авенир упоминается в I кн. Царств, XIV, 50, как военачальник царя Саула, то есть в Библии он отделен от событий, изображаемых в трагедии, пятью поколениями.

³⁰ *Иосафат* — четвертый царь иудейский, правнук царя Давида, в качестве благочестивого правителя противопоставлен своему сыну Иораму, супругу Гофолии, отступившему от истинной веры.

³¹ *Иуда духом пал, Вениамин ослаб.* — Подразумеваются два колена, из которых образовалось Иудейское царство (см. Предисловие).

³² *Лик отвергла от нас...* — Это выражение неоднократно встречается в Библии.

³³ *Ковчег молчит...* — Ср.: «Когда Моисей входил в скинию собрания, чтобы говорить с господом, слышал голос, говорящий ему с крыши, которая над ковчегом откровения...» (Числа, VII, 89).

³⁴ *тому, что слышат уши?* — Ср. Кн. пророка Исайи, XLII, 20.

³⁵ *...невинного поправ...* — Ахав пожелал захватить виноградник Навуфея, и по приказу Иезавели Навуфея умертвили. Пророк Илия предсказал Ахаву, что на том самом месте, где псы лизали кровь Навуфея, они будут лизать кровь Ахаву (ср. III кн. Царств, XVI, 30 и XXI, 1—16 и 19).

³⁶ *...и рвали на куски...* — Это также произошло вблизи виноградника Навуфея (ср. IV кн. Царств, IX, 33).

³⁷ *...лжепророков сонм вотще молил Ваала...* — Пророк Илия собрал на горе Кармил 450 пророков Ваала и велел им возложить жертвенного телца на дрова, не разжигая огня, и молиться Ваалу, чтобы он зажег костер. Их молитвы, крики и призывы оказались тщетными. Когда же Илия сложил свой жертвенник и вознес молитву богу, огонь зажегся. После этого Илия велел схватить лжепророков и заколот их (ср. III кн. Царств, XVIII, 19—40).

³⁸ *Как слово обращал к стигиям Илия...* — Ср. III кн. Царств, XVII, 1.

³⁹ *Как Елисей взывал — и мертвые вставали?* — Пророк Елисей молитвой воскресил умершего младенца (ср. IV кн. Царств, IV, 20—36).

⁴⁰ *...в третий утра час...* — По счету времени древних иудеев — 9 часов утра (световой день в это время года равнялся 15 часам, солнце восходило в 4 ч. утра).

⁴¹ *...мачеха твоя...* — Иосавеф была дочерью царя Иорама от другой жены (см. Предисловие).

⁴² *Элиаким* — это имя неоднократно упоминается в IV кн. Царств, XVIII и XIX, однако без связи с Иоасом.

⁴³ *Израель* — город вблизи Самарии, где находился виноградник Навуфея.

⁴⁴ *Давидов меркнущий светильник...* — Ср. примеч. 18.

⁴⁵ *...весь в белом полотне...* — Левиты носили полотняную одежду

⁴⁶ *...с мечом сверкающим своим...* — Реминисценция из Кн. Чисел, XXII, 31.

⁴⁷ *Чтоб иноземцу вход был в этот храм закрыт.* — Ср. Кн. пророка Иезекииля, XLIV, 9.

⁴⁸ *...от моря и до моря.* — То есть от Красного до Средиземного моря.

⁴⁹ *Сосед, что на него искусно поднят мной...* — царь Сирии; ср. IV кн. Царств, X, 32.

⁵⁰ *...виднелся след румян...* — Описание внешнего вида Иезавели и страшных подробностей ее гибели почти дословно заимствовано из IV кн. Царств IX, 30 и 35—36.

⁵¹ *Таким, каким во сне он мне явился ночью.* — Луи Расин в своих примечаниях к «Гофолли» указывает на возможный источник этого места: в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (кн. XI, гл. VIII, 5) аналогичный эпизод рассказан об Александре Македонском, узнавшем в иудейском первосвященнике свое ночное видение.

⁵² *Кто заподозрен, тот виновен до суда.* — Рассуждение Матфана близко перекликается с политическим трактатом Гёза де Бальзака «Государь» (1631), излагающим государственные принципы абсолютной монархии в духе идей кардинала Ришелье: «По простому подозрению или даже сновидению монарху дозволено обезопасить себя от ненадежных подданных и успокоить свой дух».

⁵³ *Не знаю я другого.* — Диалог Гофолли и Иоаса перекликается с аналогичной ситуацией из трагедии Еврипида «Ион» (ст. 311—318).

⁵⁴ *Покинет ли в беде... и от щедрот своих всем тварям уделяет.* — Текстуально перекликается со 146-м псалмом.

⁵⁵ ... что в храм несет народ. — Ср. «Ион», ст. 325—326.

⁵⁶ *Иссознет, как поток, неправедного счастье.* — Дословная реминисценция из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, XL, 13.

⁵⁷ ... и брат при мне убиты... — Брат Гофолли Иорам был убит Ииуем, а тело его брошено на виноградник Навуфея.

⁵⁸ ... семьдесят царевых сыновей... — детей Ахав, убитых по приказу Ииуя (ср. IV кн. Царств, X, 1, 6 и 7). У Расина неточно названо 80.

⁵⁹ ... каких-то там пророков... — Иезавель истребила сто пятьдесят пророков (ср. III кн. Царств, XVIII, 4 и 13).

⁶⁰ *Как новый Илия, предстал.* — Пророк Илия не раз предсказывал Ахаву возмездие божие.

⁶¹ *Не так ли Самуил...* — История пророка Самуила, с детства посвященного родителям богу и выросшего в храме, рассказана в I кн. Царств.

⁶² *О, город, некогда Давиду дорогой... Сион...* — Ср. II кн. Царств, V, 9.

⁶³ *Измаил* — сын Авраама от служанки, египтянки Агари. Его потомки жили на границе Египта и Аравии и враждовали с народом израильским.

⁶⁴ *Колоде, исподволь источенной червем...* — Ср. Кн. пророка Исайи, XLIV, 19.

⁶⁵ *В наряд законности бесчинство облекая...* — Возможно, что под этими признаниями Матфана косвенно подразумеваются иезуиты.

⁶⁶ *Авирон, Дафан, Доик, Ахитофел.* — Авирон и Дафан восстали в пустыне против Моисея. В наказание земля разверзлась под ними и поглотила их (Кн. Чисел, XVI, 33). Доик — слуга царя Саула, донес на священника Ахимелеха, давшего Давиду меч поверженного им Голиафа, и по приказу Саула умертвил Ахимелеха (ср. I кн. Царств, XXI и XXII). За это Давид проклял его. Ахитофел — советник царя Давида, подстрекавший его сына Авессалома восстать против отца. Когда заговор их потерпел неудачу, Ахитофел удавился (ср. II кн. Царств, XV, XVI и XVII).

⁶⁷ *Кедрон* — поток к востоку от Иерусалима, впадающий в Мертвое море. За ним простирается пустыня, куда бежал Давид, спасаясь от восставшего на него Авессалома. Кедрон упоминается и в Евангелии от Иоанна (XVIII, 1).

⁶⁸ *Длань Ииуя он вооружил не сам?* — Ср. IV кн. Царств, IX, 4—7.

⁶⁹ *Щадит египетского идолища храмы...* — то есть золотых тельцов, которым поклонялись приверженцы Ваала (ср. IV кн. Царств, X, 29).

⁷⁰ *Когда спешил за ним в погону фараон.* — Имеется в виду исход евреев из египетского плена. Ср. Исход, XIV, 9.

⁷¹ *Кн. Судей, глава IV.* — Расин имеет в виду следующий эпизод. Сисара, военачальник царя Ханаанского, спасаясь от преследовавших его израильтян, скрылся в шатре у Иаилл. Она накрыла его ковром и, когда он заснул, довзвила ему в висок железный кол от шатра (Кн. Судей, IV, 21).

⁷² ... казнишь и воскрешаешь. — Формула, неоднократно встречающаяся в Библии.

⁷³ *Захария*. — В этом и предыдущем примечаниях Расина подразумевается грядущее отступничество Иоаса, который убьет Захария.

⁷⁴ *Пророков божиих палач неблагодарный!* — Ср. Евангелие от Матфея, XXIII, 37.

⁷⁵ *О, Иерусалим, печаль моя...* — Вся эта часть монолога Иодая содержит множество реминисценций из Книг пророков Исайи, Иеремии и Плача Иеремии.

⁷⁶ *Не град Давидов ли из праха восстает...* — Комментаторы отмечают сходство первых строк этой строфы с «Песнью Песней» (III, 1).

⁷⁷ *Как Иевфая дочь...* — Иевфай, моля бога даровать ему победу над врагом, дал обет принести в жертву первое существо, которое встретится ему по возвращении домой из похода. Этим существом оказалась его единственная дочь (ср. Кн. Судей, XI, 31 и 34).

⁷⁸ *Что в храме чéреды держать имеют право.* — Левиты совершали обряды, чередуясь по неделям. Во II кн. Паралипоменон, XXIII, 8 говорится, что Иодай не отпустил «сменившихся черед». Таким образом, в храме собралось двойное число левитов.

⁷⁹ *Израиль ветренный молиться стал тельцу...* — Во время исхода из Египта евреи в отсутствие Моисея просили его брата Аарона сделать им бога, который бы шел перед ними. Аарон велел им собрать золотые серьги и отлил из них золотого тельца, которому они приносили жертвы. Когда Моисей сошел к ним с горы и увидел это, он собрал сынов Левия (левитов) и велел им убить своих вправших в грех идолопоклонства братьев и друзей (Исход, XXXII).

⁸⁰ *Мудрейший из владык — и тот, увы, внимал им.* — Имеется в виду царь Соломон, который в старости, поддавшись влиянию своих семисот жен и трехсот наложниц-чужестранок, стал служить языческим богам (ср. III кн. Царств, XI). Вместе с тем эта строка, как и весь монолог Иодая, имеет отчетливо современный подтекст, ориентированный на нравы французского двора и личность Людовика XIV.

⁸¹ *Его помазаннык, которого так ждут.* — В оригинале — «Христос» (др.-греч. 'Помазаннык'), подчеркивающее двойной смысл этой строки: формально — Иоас, по сути дела Иисус Христос.

⁸² *Мы ждем, мой брат, вестей.* — Первый стих V действия рифмуется с третьим от конца стихом предшествующего явления. Этим приемом Расин осуществляет связь между действиями, о которой он упоминает в Предисловии, обосновывая роль хора (см. примеч. 19).

⁸³ *Твердыни повергать нам помогал ковчег...* — Для разрушения стен Иерихона бог повелел семь дней под звуки священных труб обносить вокруг городских стен ковчег завета. Когда по знаку Иисуса Навина народ возгласил громким голосом, городская стена рухнула (ср. Кн. Иисуса Навина, VI).

⁸⁴ *Заставил Иордан он вспять направить бег.* — Когда по приказу Иисуса Навина священники с ковчегом в руках вступили в воды Иордана, вода, текущая сверху, остановилась и стала стеной, а текущая в Соленое море ушла и иссыкла, и народ перешел через Иордан по суше (Кн. Иисуса Навина, III).

⁸⁵ *И херувимов сжечь...* — В храме Соломона в Иерусалиме были сделаны из масличного дерева два херувима вышиною в десять локтей (III кн. Царств, VI, 23).

⁸⁶ *В Нил брошен Моисей...* — По приказу египетского фараона повивальные бабки должны были истреблять при рождении всех еврейских младенцев мужского пола. Мать Моисея три месяца скрывала его, а потом положила в корзинку из тростянка и поставила у берега Нила. Там его нашла дочь фараона и воспитала как своего сына.

⁸⁷ *... что войску Гедсона...* — Небольшой отряд еврейского войска под водительством Гедсона обратил в бегство своих врагов звуками труб и разбиваемых кувшинов и громкими криками (Кн. Судей, VII, 16—22).

⁸⁸ *Азава и моя проснется кровь и в нем.* — Вторичное пророчество о грядущем отступничестве Иоаса. По ходу мысли близко напоминает заключительный монолог Клеопатры в трагедии Корнелия «Родогуна» (д. V, явл. 4).

ДОПОЛНЕНИЯ

¹ *Рассказ Терамена* — печатается по изданию: Чтение в Беседе любителей русского слова, 1811, кн. 3, с. 130—133. В собрания сочинений Державина не включался.

² *Сон Гофолли* — печатается по кн.: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. Ч. 1 и 2. СПб., 1832, ч. 2, с. 80. П. А. Катенин перевел три отрывка из «Гофолли»: 1 явление I действия целиком, монолог Гофолли из 4 явления II действия и хор девушек из 6 явления IV действия.

³ [*Из «Федры» Расина*] — печатается по изданию: Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер. Изд. 2-е). Перевод сделан, по-видимому, в 1820-х годах. Впервые опубликован в кн.: Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900.

⁴ *Начало «Федры»* — печатается по изданию: Мандельштам О. Э. Стихотворения. Л., 1973 (Библиотека поэта. Большая сер.). Впервые опубликовано в кн.: Мандельштам О. Э. Камень. Первая книга стихов. Изд. 3-е. М.—Пб., 1923.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОЛНЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИЙ РАСИНА,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ¹

- Андромаха. Пер. Д. И. Хвостова. СПб., 1791 (неоднократно переиздавался).
Андромаха. Пер. П. А. Катенина. СПб., 1827.
Ифигения. Пер. Ф. Карина. М., 1796.
Ифигения в Авлиде. Пер. М. Лобанова. СПб., 1815.
Федра. Пер. В. Анастасевича. СПб., 1805.
Федра. Пер. С. И. Тучкова. СПб., 1814.
Федра. Пер. М. Лобанова. СПб., 1823.
Федра. Пер. Г. Окулова. М., 1824.
Федра. Пер. И. Чеславского. СПб., 1827.
Федра. Пер. А. Элькана. СПб., 1860.
Федра. Пер. Л. В. Буланина. Самара, 1887.
Федра. Пер. М. П. Садовского. — Артист, 1890, № 5, 6, 7.
Федра. Пер. Л. Поливанова. М., 1895.
Федра. Пер. В. Брюсова [1921]. М., 1940.
Афалия. Пер. с франц. и ждвением Н. Новикова и Компании. М., 1784.
Афалия. [Переводчик неизвестен]. М., 1820.
Гофолия. Пер. Л. Поливанова. М., 1892.
Гофолия. Пер. Н. С. Одесса, 1893.
Аталиа. Пер. С. И. Аленде. СПб., 1896.
Гофолия. Пер. О. Н. Чюминой. СПб., 1900.
Гофолия. Пер. И. И. Медведева. М., 1901.
Андромаха. Пер. А. Оношкович-Яцыны. — В кн.: Расин Ж. Соч. в 2-х т. т. 1.
М.—Л., 1937.
Британник. Пер. А. Кочеткова. — Там же.
Ифигения в Авлиде. Пер. М. Тумповской. — Там же, т. 2.
Федра. Пер. С. Шервицкого. — Там же.
Аталиа. Пер. под ред. Е. Якобсон. — Там же

---

¹ Указываются переводы только тех трагедий, которые входят в настоящую книгу.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Жан Расин. Портрет работы неизвестного художника (Музей города Лангр). — С. 4—5.
- «Андромаха», д. III, явл. 6. Гравюра Алпана по рис. Жака де Сэв (изд. 1760 г., Париж). — С. 160
- «Британик», д. III, явл. 7. Гравюра Вьеля по рис. Шодэ (изд. 1801 г., Париж). — С. 161
- «Береника», д. V, явл. 7. Гравюра Ланперёра по рис. Жака де Сэв (изд. 1760 г., Париж). — С. 192
- Екатерина Семенова в роли Клитемнестры — «Ифигения», д. IV, явл. 4. Гравюра И. Ченского. 1800-е годы. — С. 193
- «Ифигения», д. V, явл. 6. Гравюра Флипара по рис. Жака де Сэв (изд. 1760 г., Париж). — С. 256.
- «Федра», д. V, явл. 6. Гравюра Флипара по рис. Жака де Сэв (изд. 1760 г., Париж). — С. 257.
- Алиса Коопен в роли Федры. Фотография 1921 г. — С. 272.
- «Гофолия», д. V, явл. 6. Гравюра Шевийе по рис. Жака де Сэв (изд. 1760 г., Париж). — С. 273.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАГЕДИИ

Андромаха (пер. <i>И. Я. Шафаренко</i> и <i>В. Е. Шора</i>)	5
Британик (пер. <i>Э. Л. Линецкой</i>)	64
Береника (пер. <i>Н. Я. Рыковой</i>)	128
Ифигения (пер. <i>И. Я. Шафаренко</i> и <i>В. Е. Шора</i>)	182
Федра (пер. <i>М. А. Донского</i>)	243
Гофолия (пер. <i>Ю. Б. Корнеева</i>)	299

ДОПОЛНЕНИЯ

Рассказ Терамена (пер. <i>Г. Р. Державина</i>)	369
Сон Гофолии (пер. <i>П. А. Катенина</i>)	371
[Из «Федры» Расина] (пер. <i>Ф. И. Тютчева</i>)	372
Начало «Федры» (пер. <i>О. Э. Мандельштама</i>)	374

ПРИЛОЖЕНИЯ

Трагедии Расина (<i>Н. А. Жирмунская</i>)	377
Примечания (сост. <i>Н. А. Жирмунская</i>)	409
Перечень полных русских переводов трагедий Расина, предшествующих настоящему изданию	429
Список иллюстраций	430

Жан Расин
ТРАГЕДИИ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники» АН СССР*

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *А. И. Кач, Э. Э. Коваленко*
и *К. С. Фридлян*

Сдано в набор 15/XI 1976 г. Подписано к печати 6/V 1977 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 27 + 5 вкл.
(¹/₈ печ. л.) = 32.31 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 24.43
Изд. № 6348. Тип. вак. № 1689. Тираж 25000
Цена 8 р. 45 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

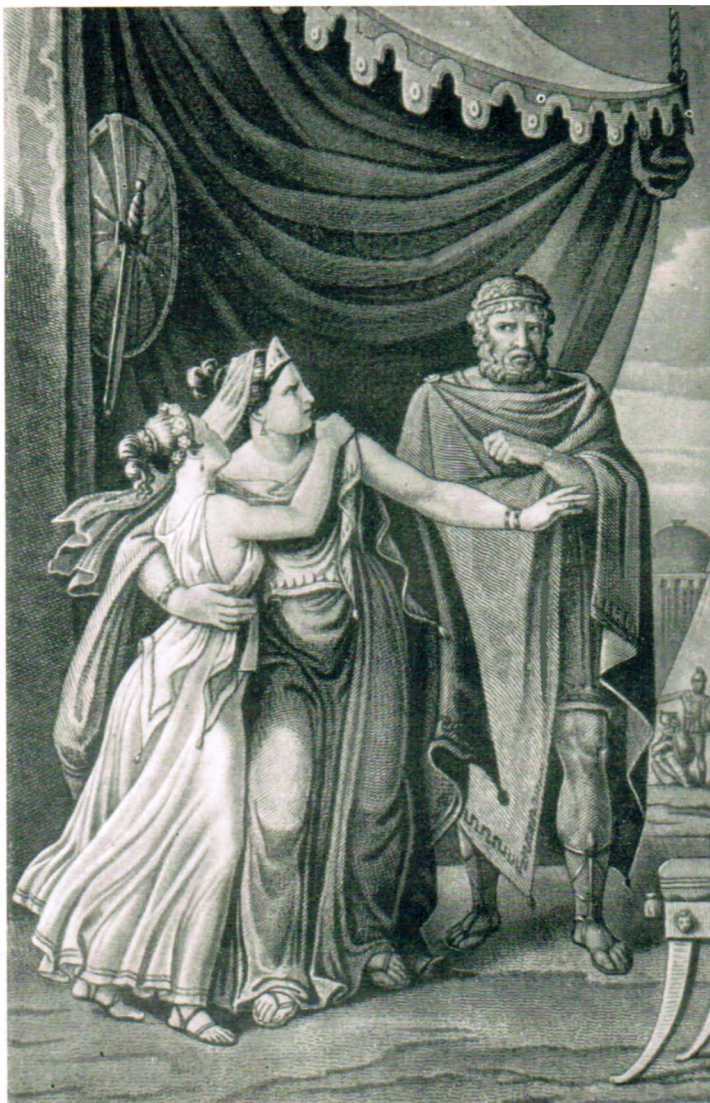
«Андромаха», д. III, явл. 6. Гравюра Алиане по рис. Жака де Сэв.

«Британик», д. III, явл. 7. Гравюра Вьеля по рис. Шоде.

«Береника», д. V, явл. 7. Гравюра Ланперёра по рис. Жака де Сэв.

Екатерина Семенова в роли Клитемнестры. Гравюра И. Ченского.
1800-е годы.

«Ифигения», д. V, явл. 6. Гравюра Флипара по рис. Жака де Сэв.

«Федра», д. V, явл. 6. Гравюра Флипара по рис. Жака де Сэв.

Алиса Коонен в роли Федры. 1921 г.

«Гофолія», д. V, явл. 6. Гравюра Шевіє по рис. Жака де Сэв.